Отд. 4^е Урожд. Изем.
№ 517.

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

DK37.8
.R6
A7

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00024462822

T'sarstvuiushchii
dom
Romanovykh
MC
DK37.8
.R6
A7
v.3-4

ЦАРСТВУЮЩІЙ

ДОМЪ РОМАНОВЫХЪ

ВЫПУСКЪ III

ПРЕЕМНИКИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО

Arseneva

С. Д. АРСЕНЬЕВОЙ

съ портретомъ Государыни Императрицы и съ 19-ю рисунками въ текстѣ

ИЗДАНІЕ УЧИЛИЩНАГО СОВѢТА ПРИ СВЯТѢЙШЕМЪ СУНОДѢ

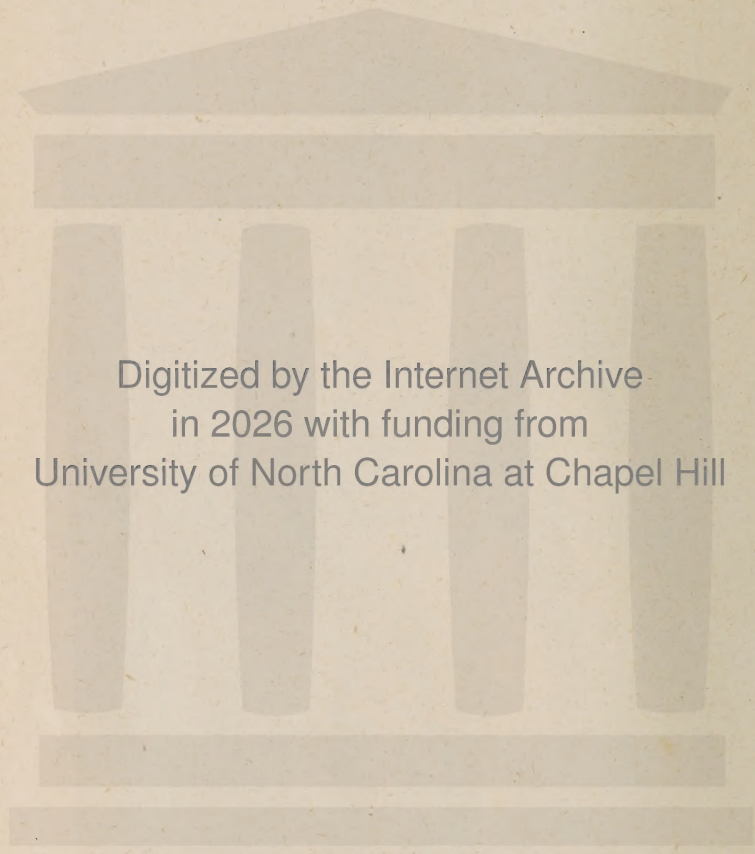
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СУНОДАЛЬНАЯ ТИПОГРАФІЯ
1904

THE LIBRARY
THE UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 12 Февраля 1904 года.

Ея Императорское Величество Государыня Императрица

МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА.


Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/tsarstvuiushchdo34arse

Ея Императорскому Величеству

Государынѣ Императрицѣ

Маріи Ѳеодоровнѣ

съ глубочайшимъ благоговѣніемъ

всепреданнѣйше посвящаетъ

авторъ.

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА I-Я.

(Къ стр. 1).

ПЕРВАЯ РУССКАЯ ИМПЕРАТРИЦА.

Царствовала съ 31-го января 1725 г. по 7-ое мая 1727 г.

МАЛЕНЬКАЯ лютеранская кирка вся утопала въ зелени тѣнистаго садика, разросшагося на берегу веселаго ручья. За колокольнею виднѣлся чистенькій домикъ пастора, а дальше небольшая латышская деревня Рингенъ, живописно раскинутая по косогору. Небольшой колоколъ преусердно призывалъ мирныхъ латышей посѣтить Божій храмъ въ ясное воскресное утро, лѣтомъ 1692-го года. Люди шли спѣшнѣе обыкновеннаго; какъ будто понаряднѣе были многочисленныя кучки; точно оживленнѣе и любопытнѣе лица поселянъ. Слухъ прошелъ, что воскресную проповѣдь скажетъ не старый, угрюмый, хотя и добрый ихъ пасторъ, а пріѣзжій, изъ сосѣдняго Маріенбурга. О немъ уже и прежде были добрыя вѣсти. Ласковый онъ и мудрый, хорошо говорилъ по-латышски и даже по-русски. Въ то время и въ той мѣстности говорить на языкѣ русскихъ поселянъ, отошедшихъ по Столбовскому

миру къ Швеціи, латышамъ казалось дѣломъ необычайнымъ.

И дѣйствительно, въ церкви, на каѳедрѣ они увидѣли новое лицо. Мощно, понятно, убѣдительно говорилъ пасторъ Глюкъ о братской любви къ ближнимъ, сосѣдямъ, иновѣрцамъ; о томъ, что всѣ должны заботиться о бѣдныхъ, обиженныхъ; училъ правосудію и милосердію тѣхъ, «иже во власти суть»; разъяснялъ обязанность повиновенія властямъ. Проповѣдь окончилась краснорѣчивымъ обращеніемъ ко всѣмъ подданнымъ умнаго и заботливаго короля шведскаго, Карла XI-го, чтобы они вознесли свои благодарныя молитвы къ Богу за его величество, такъ какъ онъ, въ заботахъ о своихъ новыхъ подданныхъ, всемилостивѣйше приказалъ заводить народныя школы при лютеранскихъ церквахъ въ русскихъ и ливонскихъ земляхъ, присоединенныхъ къ Шведской державѣ.

Мѣстный приходскій пасторъ, его жена и маленькая хорошенькая дѣвочка, сидя впереди, съ любовью слѣдили за краснорѣчивой и убѣдительной проповѣдью. Ребенокъ глазъ не спускалъ съ проповѣдника, точно понимая, цѣня, какъ хорошо онъ говоритъ о всепрощеніи, терпѣніи, молитвѣ, любви. Даже самъ ораторъ обратилъ вниманіе на оживленное личико ребенка и на умные черные глаза ея.

Послѣ службы оба пастора, поговоривъ съ вліятельными прихожанами о школьныхъ дѣлахъ, медленно, важно прошли по усыпаннымъ пескомъ дорожкамъ сада къ скромному пасторскому дому. Заботливо хлопотала гостепріимная пасторша, весело щебетала, увивавшаяся вокругъ нея, хорошенькая дѣвочка. Все было чисто, уютно, просто, можетъ, и бѣдно, но привѣтно въ незатѣйливомъ жилищѣ. Пасторы прочитали

молитву и, усѣвшись за столъ, принялись утолять свой утренній аппетитъ.

Радушные хозяева сгорали отъ нетерпѣнія побольше разузнать на счетъ послѣднихъ словъ рѣчи гостя. Наконецъ, пасторша не выдержала; какъ ни была она кротка и застѣнчива, все таки поставила вопросъ о томъ, какъ, въ какой формѣ выражена забота юнаго короля объ ихъ приходскихъ школахъ.

Закусивъ вплотную и передохнувъ, пасторъ Глюкъ съ большимъ достоинствомъ принялся повѣствовать.

— «Самъ я былъ у его величества въ Стокгольмѣ и докладывалъ ему о мѣстныхъ нуждахъ ввѣренныхъ мнѣ приходовъ,—о матеріальной и умственной бѣдности заброшеннаго края. Я здѣсь бывалъ уже прежде, ознакомился съ бытомъ бѣдной Ливоніи. Мнѣ хотѣлось помочь и тѣлу, а главное—душѣ этихъ бѣдняковъ, внести въ ихъ среду нѣмецкое образованіе, порядокъ, благосостояніе».—«Вы хорошо говорите полатышски», вставила пасторша.—«И по-русски. Я основательно изучилъ оба эти языка; съ нѣмецкаго перевожу на нихъ священныя и назидательныя книги, тружусь, молюсь, чтобы Господь благословилъ мой трудъ!»—«Какъ хорошо вы о бѣдныхъ говорили!» вырвалось у дѣвочки. Хозяева чуть ли не испугались этого вмѣшательства малютки въ рѣчь старшаго. Но гость погладилъ шустраго ребенка по головкѣ.—«Господь намъ приказалъ любить ихъ», наставительно заговорилъ онъ и спросилъ, чья эта живая дѣвочка.—«Сиротка», отвѣтила словоохотливая хозяйка, обрадовавшись, что можетъ тоже поговорить. «Ея родители», продолжала она, «должно быть, бѣжали изъ Литвы, скрывались у насъ, да оба и умерли здѣсь съ тоски по родинѣ. Вотъ мы и взяли Марточку къ себѣ. Она

такая веселая, услужливая»!—«И смышленая, способная», вставилъ вѣско мѣстный пасторъ. «Я очень, очень жалѣю, что при моихъ скудныхъ средствахъ не могу дать ей хорошаго образованія. А такъ бы хотѣлось дать пищу ея способностямъ»! добавилъ онъ. Задумался пріѣзжій ученый мужъ. Онъ былъ добрый и честный человѣкъ, готовый помочь ближнимъ. Но онъ никогда не предпринималъ какого-либо рѣшенія, не взвѣсивъ предварительно всѣхъ причинъ и послѣдствій задуманнаго дѣла. Наконецъ, онъ высказался: «я тоже бѣдный человѣкъ, и дѣтей у меня много; но пусть сиротка ѣдетъ со мной, пусть ростетъ, развивается вмѣстѣ съ ними. Господь не безъ милости, сироту не оставитъ!»

Горько плакала пасторша и чуть-чуть не обвиняла своего милаго старичка, зачѣмъ онъ обмолвился на счетъ способностей Марточки, но все же, въ концѣ концовъ, обласкавъ и расцѣловавъ малютку, отпустила ее, понимая, что у городского, да еще такого умнаго пастора ея любимицѣ жить будетъ хорошо.

И дѣйствительно, маленькой Мартѣ очень недурно жилось подъ ласковымъ кровомъ, конечно, бѣднаго, но благочестиваго, умнаго и добраго маріенбургскаго пастора. Семья у него была огромная, пришлой сироткѣ нельзя было быть прихотливой, и она занималась наравнѣ съ хозяйскими дѣтьми незатѣйливымъ домашнимъ хозяйствомъ. Съ ними посѣщала она и Божій храмъ, и школу, и бѣдныхъ. Пасторъ же Глюкъ относился одинаково ко всѣмъ своимъ домашнимъ,—предъ людьми и передъ Богомъ не дѣлалъ онъ различія между своими домашними и взятою сиротою. Какъ пасторъ, онъ съ неустанною энергіей преслѣдовалъ завѣтныя свои мечты: старался

всѣми мѣрами объединить въ нѣмецкомъ образованіи и благочиніи бѣдныхъ жителей заброшеннаго края.

Есть кое-какія данныя, по которымъ можно предполагать, что онъ очень самостоятельно боролся съ самоуправствомъ, необузданностью и несправедливостью въ отношеніи къ низшему сословію всегда кичливыхъ и жестокихъ бароновъ—землевладѣльцевъ. Продолжая свои научные труды, лютеранскій пасторъ отправился въ сосѣднюю Россію, въ пограничный православный Пичуговскій монастырь. Онъ выпросилъ у настоятеля въ сотрудники себѣ монаха, который, живя у него, помогалъ ему переводить священныя книги и молитвенники съ древне-славянскаго языка на латышскій и общедоступный русскій. По поводу своихъ русскихъ переводовъ, пасторъ Глюкъ велъ даже переписку съ Головинымъ, русскимъ посланникомъ въ Стокгольмѣ, въ 1690-мъ году.

Шли года за годами, и маленькіе обитатели пасторскаго дома въ Маріенбургѣ стали выростать, расцвѣтать. Съ дочерьми Глюка выростала и сиротка Марта. Ея плѣнительная красота развивалась на глазахъ сосѣдей. О ней стали говорить все чаще и чаще. Все больше и громче хвалили ея скромность, преданность и любовь къ строгой семьѣ, принявшей въ ней такое теплое участіе.

Маріенбургъ очень оживился за послѣднее время. Въ его стѣнахъ квартировалъ усиленный шведскій гарнизонъ, потому что времена были не покойныя. Русскій Царь двинулъ свои силы, чтобы отбросить шведовъ, отнять у нихъ русскій край—дѣдино добро, наслѣдіе отцовъ. Шереметевъ, во главѣ своихъ силъ, шелъ вслѣдъ за передовымъ войскомъ Болтина. Въ городокъ являлись бѣглецы-шведы изъ разбитаго на

голову отряда Шлиппенбаха. Говору, толковъ было много, и среди нихъ молодежь очень заинтересовалась слухомъ о сватовствѣ одного молодого шведа, красиваго драгуна Іоанна Рабе къ сироткѣ Мартѣ, которую онъ увидѣлъ въ киркѣ вмѣстѣ съ дочерьми Глюка. Знакомые Рабе передали просьбу его пастору. «Не ко времени эти рѣчи о свадьбѣ», подумалъ ученый мужъ; но онъ не хотѣлъ мѣшаться въ судьбу дѣвушки, тѣмъ болѣе, что начальство жениха отзывалось о немъ съ большою похвалою, ей же шелъ уже девятнадцатый годъ; надо было спросить самое Марту. Застѣнчивая, робкая Марта предоставила все на волю своего воспитателя, но не скрыла, что ей очень полюбился Рабе. Тогда пасторъ и командиръ позвали Рабе и объявили о согласіи на предполагаемый бракъ.

Женихъ очень торопилъ свадьбой. Приходилось готовиться къ оборонѣ города, и можно было опасаться, что войска шведскія будутъ отправлены впередъ, на встрѣчу рускихъ. Нельзя было не согласиться съ правильностью этихъ предположеній. И вотъ, въ лютеранской киркѣ Маріенбурга, пасторъ Глюкъ благословилъ бракъ воспитанной имъ сиротки Марты, литовской уроженки, съ бравымъ воиномъ шведской службы, Іоанномъ Рабе. Со стороны жениха на свадьбѣ присутствовалъ его начальникъ, маіоръ, и нѣсколько офицеровъ. Невѣсту, кромѣ семьи пастора, одѣвала къ вѣнцу и провожала въ церковь добрая, милая маіорша. Маріенбургская молодежь съ живымъ интересомъ присутствовала на этомъ скромномъ свадебномъ торжествѣ. Изъ кирки молодые и ихъ покровители отправились подъ гостепріимный кровъ Глюка. Не будь тревожныхъ слуховъ о приближеніи Шереметева, полное счастье, миръ и довольство царили

бы въ этой Богомъ благословенной семьѣ. Теперь же все мрачнѣе становился горизонтъ, носившіеся слухи не предвѣщали ничего хорошаго.

Была уже середина августа 1702-го года. Городъ стоялъ надъ широкимъ озеромъ, тянувшимся верстъ на восемнадцать въ окружности. Противъ города, изъ воды, мрачно возвышался старый, величественный замокъ, наслѣдіе рыцарскихъ вѣковъ, соединенный съ городомъ мостомъ. Онъ былъ выстроенъ въ 1340-мъ году и служилъ оплотомъ Ливонскому ордену противъ литовцевъ и русскихъ, издавна старавшихся вытѣснить ливонцевъ изъ прежнихъ своихъ вотчинъ. Такъ, напримѣръ, ловкій и храбрый литвинъ, неустрашимый князь Витовтъ, переодѣвшись рыцаремъ, пробрался въ вражье гнѣздо, отперъ ночью ворота и впустилъ въ замокъ свою вѣрную рать. Въ 1560-мъ году храбрыя дружины московскаго Царя Іоанна IV въ свою очередь также старались отнять у рыцарей ихъ твердыню, но успѣха не имѣли.

Теперь на нее направилъ свои силы главнокомандующій Петровскаго войска. Одряхлѣвшая крѣпость не въ силахъ была уже выдержать осаду, но она могла еще служить убѣжищемъ для осажденныхъ, пока не подойдутъ къ нимъ на выручку свѣжія войска. Въ ужасѣ маріенбургцы спѣшили укрыться за свои старыя стѣны. Гарнизонъ былъ слабъ, а страхъ при одномъ имени Шереметева приводилъ ихъ въ полное отчаяніе. Русскіе миролюбиво предложили имъ сдаться. Такъ нѣтъ же! Несмотря на тѣсноту, нужду, начинавшіяся болѣзни, осажденные выжидали подкрѣпленій. Десять дней терпѣливо стоялъ Шереметевъ на берегу озера; наконецъ приказалъ готовить плоты, посадилъ на нихъ три полка и собирался приступомъ

съ двухъ сторонъ овладѣть крѣпостью. Шведскіе драгуны не сразу уступили. Имъ храбро помогали отчаянные жители. Со стѣнъ, валовъ неслись премѣткіе выстрѣлы, и не мало изувѣчили и уложили они русскихъ молодцовъ. «Но Богъ и Пресвятая Богородица», доносилъ Шереметевъ Петру, «твоимъ высокимъ счастьемъ помиловали. Прилетѣли двѣ бомбы въ одно мѣсто, къ острову, въ палату, которая была придѣлана къ городской стѣнѣ, близъ новаго земляного больверка, гдѣ ихъ пущія пушки стояли, вырвало и обвалило городовой стѣны саженъ на пять. Осажденные забили въ барабаны, ударили отбой, прежде чѣмъ плоты могли пристать къ бреши. Парламентеръ явился съ письмомъ просить перемирія, но въ немъ просили не только прекратить военныя дѣйствія и жителямъ оставить жизнь и имущество, но и войско пусть выйдетъ съ оружіемъ и знаменемъ. Доведены осажденные до крайности, а туда же, разсуждаютъ». Шереметевъ вспылилъ и скомандовалъ своимъ: «Штурмовать замокъ!» Тогда раздался снова барабанный бой. Изъ крѣпости явился комендантъ Тильо-фонъ Тильсау со всѣми офицерами. Они отдали фельдмаршалу свои шпаги, прося только милосердія ихъ безоружной толпѣ.

Впереди испуганныхъ плачущихъ жителей изъ воротъ крѣпости торжественно вышелъ умный пасторъ Глюкъ, окруженный дѣтьми, съ ихъ учителемъ Іоанномъ Вурмомъ и друзьями, ввѣрившими пастору свою судьбу. Держа въ рукахъ Евангеліе, переведенное имъ на русскій языкъ, онъ съ большимъ достоинствомъ подошелъ къ русскому главнокомандующему, прося у него защиты, не лично для себя, но для перепуганныхъ горожанъ. Шереметевъ обра-

довался такой встрѣчѣ. Онъ зналъ, что Глюкъ будетъ желанною находкой для Батюшки-Царя, Петра Алексѣевича, дорожившаго всякимъ, кто могъ принести пользу родной Россіи. Ученый пасторъ, да еще знающій русскій языкъ, былъ безцѣнной находкой. Шереметевъ обласкалъ всю семью Глюка и спросилъ, кто такая старшая молодая дѣвушка. Глюкъ разсказалъ о сиротствѣ Марты, о жизни ея въ его семьѣ и объ ея замужествѣ; потомъ онъ добавилъ, что, вѣроятно, Марту ждетъ большое испытаніе, такъ какъ мужа ея нигдѣ не видно, никто не можетъ опредѣленно сказать, гдѣ, когда и куда онъ исчезъ. Шереметевъ былъ пораженъ красотою молодой плѣнницы. Онъ рѣшилъ отправить ее, вмѣстѣ съ семьею пастора, въ числѣ другихъ плѣнныхъ, въ Москву, настойчиво требуя, чтобы за этой партіей былъ особенно внимательный присмотръ. Въ то время, какъ Шереметевъ отдавалъ эти приказанія и разговаривалъ съ Глюкомъ и его семьею, произошло нѣчто ужасное. Заколебалась земля, съ грохотомъ взлетѣли къ небу клубы пыли, затемняя воздухъ. Съ трудомъ, кое-какъ можно было удержаться на ногахъ. Трескъ и шумъ были оглушительные. Съ необыкновеннымъ самообладаніемъ держался пасторъ. Властно, ровно звучалъ его голосъ, ободрявшій въ ужасѣ растерявшихся женщинъ и дѣтей. И прекрасная Марта, несмотря на внутреннее волненіе, привыкнувъ повиноваться голосу пастора, тотчасъ принялась поднимать упавшихъ, успокаивать оробѣвшихъ, ободрять добрымъ словомъ, лаской и мягкимъ взглядомъ всѣхъ растерявшихся отъ страха. Вмѣстѣ съ Глюкомъ, не помня себя, она изощрялась помогать ближнимъ. Шереметеву было не до нихъ, и все же онъ никогда

въ жизни не могъ забыть объ услужливой и смѣтливой красавицѣ Мартѣ, готовой помогать перепуганнымъ, растерявшимся ближнимъ. Когда разсѣялся дымъ и чадъ, улеглась поднявшаяся пыль, глазамъ полководца представилась грустная картина полнаго разрушенія, погрома. Озеро еще колыхалось, поглощая въ свои бездны камни, мусоръ, осколки разрушенныхъ стѣнъ, колонны, бойницы. Величаваго памятника древнихъ укрѣпленій какъ не бывало. Исчезъ съ лица земли рыцарскій замокъ, твореніе средневѣкового искусства. Погибъ оплотъ славныхъ рыцарей ливонскихъ, гнѣздо ихъ, воздвигнутое, на горе бѣдныхъ ливовъ, чуди да и вольныхъ новгородцевъ.

Въ то время, какъ Глюкъ съ Евангеліемъ въ рукахъ вышелъ изъ главныхъ воротъ замка, неся просьбу о милости, мирѣ, прощеніи къ ногамъ торжествующаго побѣдителя, когда Шереметевъ съ истинно русскимъ благодушіемъ собрался угостить, накормить, чѣмъ Богъ послалъ, полюбившихся ему плѣнниковъ,—никто не обратилъ вниманія, что не всѣ шведы покинули крѣпость. Осталась горсточка удалыхъ молодцовъ, которые не могли помириться съ мыслью о сдачѣ. Гордые шведы рѣшили скорѣе умереть, чѣмъ отдаться побѣдителю въ руки. Никѣмъ не замѣченные, они пробрались въ подвальное помѣщеніе крѣпости, гдѣ хранился порохъ, бомбы, снаряды. Тамъ, среди взрывчатыхъ веществъ, хладнокровно высѣкли они огня. Зашипѣла, затрещала адская стихія! Какъ вихрь, взвилось пламя надъ замкомъ, унося въ дыму разрозненные останки человѣческихъ тѣлъ, низвергая всю массу камней съ берега въ водную пучину, колыхавшуюся отъ общаго сотрясенія.

Погибъ Маріенбургъ, извѣстный русскимъ подъ именемъ Алысты. Съ лица земли исчезла крѣпость, наводившая когда-то страхъ на русскія войска! Стерта память тяжелаго шведскаго ига. Птенцы гнѣзда Петрова прокладывали Царю его завѣтный путь къ берегамъ Балтійскаго моря.

Въ Москвѣ русскій Царь съ особенною любовью отнесся къ многочисленнымъ плѣнникамъ, приведеннымъ изъ похода Шереметева въ прежнія русскія владѣнія. Многіе маріенбургцы были прекрасными мастеровыми, и ихъ разселяли по Россіи, чтобы русскіе могли отъ нихъ научиться различнымъ ремесламъ. Пастору же Глюку и бывшему его домашнему учителю Вурму было поручено открыть въ Москвѣ школу для дѣтей разночинцевъ. Ему отпускали изъ казны средства на необходимые расходы. Добросовѣстный ученый нѣмецъ прекрасно поставилъ порученное ему дѣло, и, конечно, безмѣрно жаль, что скорая смерть отняла у Россіи этого полезнаго работника. Совсѣмъ другая участь ожидала его воспитанницу. Въ Москвѣ Марта попала въ домъ всесильнаго при Царѣ свѣтлѣйшаго князя Меншикова. Жена князя и сестра ея, Арсеньева, обласкали бѣдную плѣнницу и не могли нахвалиться ея добрымъ, ровнымъ, кроткимъ нравомъ.

Въ домѣ своего любимца съ Мартою познакомился вскорѣ и самъ Великій Преобразователь земли русской. Государя Петра Алексѣевича плѣнила красивая и всегда ровная плѣнница изъ Маріенбурга. Внимательно вглядывался онъ въ ея нравъ, ея умственныя способности, душевную мягкость, красивую, скромную внѣшность. Все чаще и чаще Государь посѣщалъ домъ Александра Даниловича. Конечно,

не сразу догадалось семейство князя, что́ именно привлекало Царя къ ихъ домашнему очагу, надъ чѣмъ онъ все чаще и чаще задумывался. Наконецъ у Государя созрѣло рѣшеніе. Сердце Царя-Батюшки выбрало себѣ подругу любящую, кроткую, покорную. Вдова Марта Ра́бе изъ Маріенбурга сдѣлалась супругою русскаго Самодержца. Еще въ домѣ своего воспитателя, она познакомилась съ русской рѣчью и съ многими подробностями православнаго вѣроученія. Передъ ея умственнымъ взоромъ, какъ живой, вставалъ ученый монахъ Пичуговскаго монастыря, и припоминались его тихія рѣчи, умныя продолжительныя бесѣды съ ученымъ пасторомъ, при мягкомъ свѣтѣ вывезенной изъ Европы лампы. Легко ей было всѣмъ сердцемъ воспринять нечуждое уже ученіе. Благодаря Глюку и своей, конечно, природной понятливости, она освоилась со всѣмъ русскимъ и могла сознательно оцѣнить все величіе оказанной ей Царемъ милости.

При обрядѣ соединенія съ православною Церковію, Марта была наречена Екатериною, а воспріемникомъ ея былъ сынъ Государя отъ перваго брака, царевичъ Алексѣй Петровичъ, оттого и именоваться стала супруга нашего Царя Екатериною Алексѣевною.

Первые годы она почти безвыѣздно жила въ Москвѣ, дружа особенно съ Арсеньевыми (одна изъ нихъ была супругою Меншикова) и Анисьей Толстой. Мало-по-малу Государь во время отлучекъ изъ Москвы началъ вызывать къ себѣ любимую подругу; все рѣже и рѣже выносилъ онъ разлуку съ нею во время своей многотрудной и дѣятельной жизни. Екатерину Алексѣевну мы видимъ неразлучною спутницею Петра и во время путешествій его заграницу,

и во время его походовъ въ Россіи.—Сопутствуя Царю за границей, она только по болѣзни оставалась въ Голландіи и не доѣхала до Франціи. Она раздѣляла съ Царемъ какъ трудности и славу персидскаго похода, такъ и скорбь и неудачу прутскаго. Взаимная безграничная любовь, довѣріе, ласковость Августѣйшихъ супруговъ дошли до потомства, благодаря сохранившейся перепискѣ ихъ. Петръ является передъ нами въ этихъ разрозненныхъ листкахъ, какъ нѣжнѣйшій, заботливѣйшій семьянинъ, отецъ, мужъ. Здоровье обѣихъ дочерей и сына, умершаго въ дѣтствѣ, а главное—ихъ матери, постоянно волнуетъ и озабочиваетъ Государя. Отвѣты его супруги дышатъ самою искренней взаимностью. «Доношу Вамъ», писала Екатерина въ августѣ 1718 года, «что за помощью Божіею я, съ дорогою нашею шишечкою (такъ звали оба своего сына царевича Петра Петровича) и со всѣми въ добромъ здоровьи. Оный, дорогой нашъ шишечка часто своего дражайшаго папа упоминаетъ и при помощи Божіей въ свое состояніе приходитъ и непрестанно веселится мунштированіемъ солдатъ и пушечною пальбою». Въ важныхъ семейныхъ дѣлахъ, какъ видно, Екатерина всегда испрашивала рѣшенія мужа. «Ежели къ намъ скоро быть не чаете, то прошу, да изволите меня увѣдомить о крещеніи новорожденной нашей дочери (которой имя угодно-ль Вашей милости), или безъ васъ совершить или обождать вашего счастливаго прибытія сюда, что дай Господь-Богъ вскорѣ. 1718 г.» Государь былъ тогда внѣ предѣловъ родины. Случалось, посылали они другъ другу подарки и очень заботились, чтобы они были благополучно доставлены. Ни тѣни обычной рѣзкости, суровости нельзя найти ни въ одномъ изъ писемъ нашего Царя-Батюшки къ его любимой супругѣ.

Екатерина Алексѣевна своимъ рѣдко чуткимъ сердцемъ, своимъ, конечно, неоспоримымъ умомъ поняла великана, такъ довѣрчиво вручившаго ей свою внутреннюю жизнь, свое доброе, любящее сердце. Современники говорятъ, что въ минуты сильнѣйшаго гнѣва, когда Государя выводили изъ себя косность, недобросовѣстность окружающихъ, его Августѣйшая супруга спѣшила къ нему со словами ласки, нѣжности, успокоенія. Скоро въ силу ея миротворнаго вліянія увѣровали всѣ близкіе и дальніе. Ее уже любили, ею стали дорожить. Ее призывали, за нею бѣжали, какъ только замѣчали, по выраженію лица, что Царь становится гнѣвенъ. Въ нее вѣрили, какъ въ цѣлительное средство.

Пользуясь своимъ значеніемъ, Екатерина Алексѣевна легко стала ангеломъ-хранителемъ многихъ, заступницею несчастныхъ, постигнутыхъ горемъ. Одаренная отъ природы большимъ женскимъ тактомъ, она не злоупотребляла своимъ свойствомъ; всегда очень осмотрительно, осторожно позволяла себѣ ходатайствовать только въ случаяхъ важныхъ, вѣрныхъ, слѣпо вѣря, что правда всегда найдетъ доступъ къ сердцу ея супруга. Екатерина на все смотрѣла глазами Петра. За то и онъ считалъ ее своимъ лучшимъ товарищемъ, надежнѣйшимъ другомъ, съ которымъ дѣлился завѣтнѣйшими своими думами, предположеніями, желаніями.

По возвращеніи изъ персидскаго похода, Государь нашелъ нужнымъ удостоить свою супругу необычайнаго, высочайшаго почета: короновать ее Императорскою короною и совершить самый обрядъ въ первопрестольной столицѣ Россіи.

День торжества былъ назначенъ на май 1724-го

года. Кромѣ всѣхъ русскихъ сановниковъ и представителей иностранныхъ державъ, Императору угодно было окружить тронъ и выбывшими за границу своими Высочайшими родственницами. На коронованіе Императрицы Екатерины Алексѣевны прибыли племянницы Его Величества, дочери его брата, Іоанна Алексѣевича, герцогини: мекленбургская—Екатерина и курляндская—Анна.

Трое сутокъ передъ торжествомъ Екатерина Алексѣевна соблюдала строгій постъ и пребывала въ молитвѣ. Наконецъ, насталъ всѣми ожидаемый день великаго торжества. 7-го мая, при звонѣ всѣхъ московскихъ колоколовъ, Августѣйшая супруга Императора шествовала изъ дворца, одѣтая въ роскошное платье, выписанное изъ Парижа. Ее велъ герцогъ голштинскій *). За нею, одѣтый въ голубой кафтанъ, вышитый руками своей супруги, шелъ самъ Императоръ, сопровождаемый Меншиковымъ и Репнинымъ. Кавалергарды (нарочно для этого торжества учрежденный особый отрядъ тѣлохранителей Государыни) провожали высокихъ особъ. Очевидцы были очень тронуты умиленнымъ и сосредоточеннымъ выраженіемъ лица Екатерины Алексѣевны. Слезы неудержимо катились изъ глазъ скромной, любящей супруги величайшаго изъ государей.

Въ Успенскомъ соборѣ передъ лицомъ Божіимъ, въ присутствіи представителей православнаго русскаго духовенства и народа, Императоръ возложилъ корону на голову Екатерины; потомъ, взявши изъ рукъ новгородскаго архіепископа государственную

*) Будущій супругъ ея дочери, царевны Анны Петровны, отецъ Императора Петра III-го.

державу, вручилъ ее Государынѣ. Самъ же, во все время церемоніи, держалъ въ рукѣ скипетръ. Послѣ коронованія было совершено таинство мvропомазанія на царство. Во время литургіи Ея Величество Государыня Императрица Екатерина Алексѣевна изволила пріобщаться Святыхъ Христовыхъ Таинъ, а по окончаніи службы Божіей, при торжественномъ колокольномъ звонѣ, Ихъ Величества шествовали изъ Успенскаго въ Архангельскій соборъ и Вознесенскій монастырь, смиренно преклоняясь передъ прахомъ славныхъ предковъ, мудрыхъ строителей русскаго царства.

Торжественный коронаціонный обѣдъ былъ устроенъ въ Грановитой палатѣ. Императоръ и Императрица занимали мѣста на возвышеніи за отдѣльнымъ столомъ. Вокругъ по чинамъ помѣщались Августѣйшія особы, родственники, иностранные послы, духовенство, сановники, генералитетъ. Передъ дворцомъ были устроены искусственные фонтаны, изъ которыхъ било бѣлое и красное вино. На столахъ разложено множество яствъ: цѣлые жареные быки, начиненные внутри разною птицею, были приготовлены для народа. На другой день послѣ коронаціи, Императрица принимала поздравленія. Самъ Ея Августѣйшій супругъ, въ званіи генералъ-адмирала, поздравлялъ Ея Величество.

Среди пировъ и торжествъ, супруга Петра Великаго не отступала ни на минуту отъ своей привычки умиротворенія, успокоенія окружающихъ, гдѣ и какъ могла. Такъ, ей удалось укротить тяжелый нравъ вдовствующей царицы Парасковіи, уладить ея давнишнюю непріязнь къ дочери, герцогинѣ курляндской, и совершенно помирить высокихъ родственницъ.

Иностранцы, бывшіе въ Россіи во время коронованія Екатерины, видѣли въ этомъ поступкѣ Петра прямое намѣреніе дать своей супругѣ права быть его преемницею на престолѣ.

Такъ душой, сердцемъ и умомъ поняли это и вѣрноподданные сотрудники Петра Великаго, усердные слуги его. Когда, по Божьей волѣ, имъ пришлось разстаться съ своимъ великимъ и славнымъ Монархомъ, всѣ они, Сѵнодъ, Сенатъ, единодушно провозгласили Екатерину Алексѣевну Императрицею и Самодержицею Всероссійскою съ тѣми правами, какими пользовался ея великій супругъ.

Свято, съ благоговѣйною любовію выполняла Императрица всѣ предположенія своего славнаго учителя, Великаго Петра. Во внѣшней и внутренней жизни государства вела она дѣла добросовѣстно и неуклонно слѣдовала по намѣченному имъ пути. Но силы измѣняли ей. Лишившись любимаго человѣка, того, кому она посвятила свою душу, движеніе сердца, всю жизнь, она лишилась и силы существовать. Она выполнила свое призваніе на землѣ, сдѣлала свое дѣло: прожила около величайшаго генія своего вѣка, какъ вѣрный, надежный другъ, любящая преданная жена, ангелъ-утѣшитель въ его многотрудной жизни; не отходила отъ него ни въ дни славы, ни въ минуты горя, болѣзней. До послѣдняго его издыханія не отлучалась она отъ него, закрыла ему глаза, а дальше уже не было у нея силъ ни жить, ни дѣйствовать безъ него! Благое Провидѣніе смиловалось надъ любимымъ другомъ нашего Царя-Батюшки, его свѣтъ-Катеринушкой,—вскорѣ послѣ смерти Великаго Господь упокоилъ и ея любящую, миролюбивую душу.

Первая Русская Императрица Екатерина Алексѣевна скончалась черезъ два года и три мѣсяца по смерти Петра Великаго: 7-го мая 1727-го года.

ИСТОЧНИКИ:

1) *Н. Костомаровъ.* Монографіи.
2) *Пекарскій.* Наука и литература при Петрѣ Великомъ.
3) *С. Соловьевъ.* Исторія Россіи.

Пути Провидѣнія.

Петербургъ 7-го мая 1727 г. Березовъ 22-го октября 1729 г.

ПРОШЛО съ небольшимъ два года послѣ смерти Петра Великаго. Престолъ занимала супруга почившаго Царя, вѣрный товарищъ тяжелой, трудовой его жизни, а вокругъ подножія трона стояли птенцы гнѣзда Петрова, имъ отмѣченные, имъ наученные служить Россіи. Помнятъ, чтутъ они память своего незабвеннаго учителя, стараются идти по намѣченному имъ пути, совершать имъ основанное дѣло. Но для этого мало одной доброй воли, мало ума, мало старанія. Тѣ, которые со славой выполняли геніальныя указанія Императора, оставшись одни, не смогли такъ же славно, какъ бывало при немъ, достичь необходимыхъ, полезныхъ цѣлей. Пошли ошибки, личныя столкновенія, счеты, ссоры. Не подъ силу было одинокой женщинѣ справляться съ тяжелой ношей. Около нея заботливо стояли царевны-дочери. Онѣ нѣжно любили свою царственную мать. Старшая—умная, сердечная, образованная Анна Петровна, любимица отца, была

замужемъ за герцогомъ голштинскимъ. Онъ еще до смерти Петра, до женитьбы на царевнѣ, долго жилъ въ Россіи. Его очень любила Императрица; но онъ былъ иностранецъ, и русскіе люди упрямо отстраняли его отъ государственныхъ дѣлъ.

Не выдержало здоровье Екатерины Алексѣевны. Ни ласки дочерей, ни заботы окружавшихъ не могли спасти ее. Къ общему горю подданныхъ, сокрыла могила какъ бы самую тѣнь великаго Царя. Съ престола сошла самимъ имъ вѣнчанная Императрица Екатерина Алексѣевна. Заунывный гулъ колоколовъ снова разнесся по волнамъ широкой Невы, сзывая православный людъ молиться за упокой ея души. Идутъ толпы, бѣгутъ любопытные. Жаль имъ было покойницу: «добрая была», говорили про нее, «заступалась за обиженныхъ при жизни державнаго супруга; свято хранила его завѣтъ, когда его не стало; помогала бѣднымъ, когда сама взошла на престолъ».— «Господи, упокой ея добрую душеньку!» крестясь, твердили въ толпѣ. Но все же, люди волновались больше изъ за любопытства. Кому прикажутъ присягать? Кому доведется служить?

Одинъ теперь главарь, рѣшитель всѣхъ судебъ, забравшій въ руки власть, по смерти Императора. Уменъ онъ, ловокъ, что и говорить! такъ обошелъ покойную Царицу, что она безъ него ничего не рѣшала. Даже ея любимаго зятя, и того оттеръ свѣтлѣйшій князь, Александръ Даниловичъ Меншиковъ. Что же онъ теперь будетъ дѣлать? И всѣ взоры обращались къ правому берегу Невы, гдѣ возвышался великолѣпный домъ всесильнаго вельможи, еще самимъ Петромъ ему воздвигнутый. Да и не одинъ только народъ, съ ранняго утра, точно плылъ, тянулся

въ эту сторону. Палаты царскія пустѣли. Покинуто на своемъ парадномъ ложѣ тѣло покойной Императрицы. Кромѣ царевенъ и клира, никого не видать. Всѣ придворныя, гражданскія, даже духовныя и военныя власти спѣшили въ чертоги вершителя ихъ личной судьбы и судьбы ихъ родичей, друзей да и враговъ. Тѣснятся тамъ съ восходомъ солнечнымъ золотомъ расшитые мундиры. Всѣ ждутъ, волнуются, боятся и уже готовы низехонько склониться передъ тѣмъ, кто сумѣлъ воспользоваться данной минутой и, одной силой ума и своей воли, преклонить передъ собой ихъ родовитыя спины.

Не спалось и самому князю. Державная воля геніальнаго Царя подняла его съ улицы къ ступенямъ одного изъ величайшихъ престоловъ вселенной. Да! Но эта же воля заставляла его выполнять самыя гигантскія работы. Онъ всю жизнь трудился, какъ волъ, надъ планами Великаго Царя. Императоръ пользовался исключительными способностями своего любимца, Алексаши; строго, больно наказывалъ его за проступки; но по-царски миловалъ и щедро награждалъ за удачные, усердные труды. По смерти Царя, Меншиковъ, въ силу власти, данной ему Петромъ Великимъ еще при жизни, сталъ выше всѣхъ царедворцевъ у подножія трона. Его умъ, его распорядительность поддерживали Императрицу. Она видѣла его недостатки, но не могла обойтись безъ его способностей. Онъ это зналъ, онъ этимъ жилъ. Теперь—по смерти ея—не то: надо не только удержаться, надо еще тверже и выше стать. Власть заманчива, человѣкъ ненасытенъ: чѣмъ выше поднимается, тѣмъ сильнѣе кружится его голова.

Еще при жизни Императрицы, Меншиковъ задумывался, какъ бы справиться съ врагами, какъ не допу-

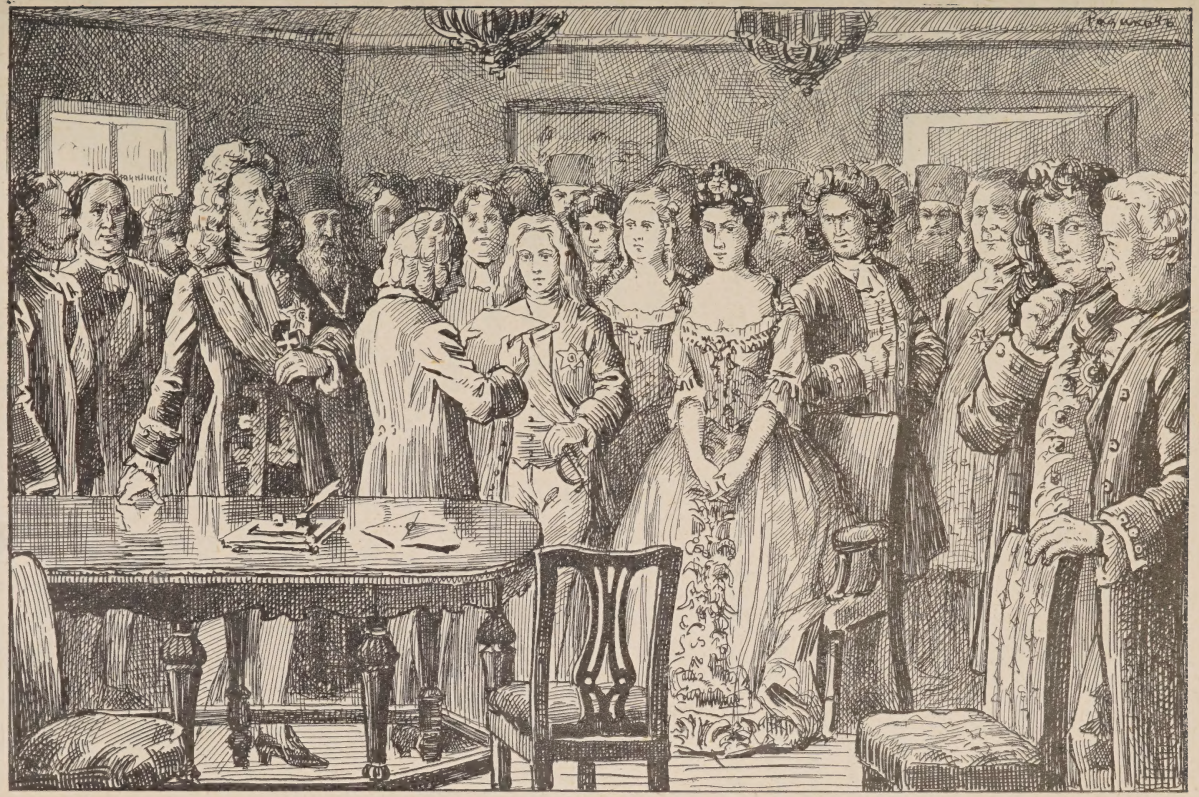
стить ихъ вліянія на Ея Величество въ ущербъ ему. Около нея двѣ дочери—любимицы народа. Но одна уже замужемъ, другая, можетъ быть, скоро тоже выйдетъ, тогда мужья царевенъ займутъ первенствующее мѣсто, и ему не сдобровать. При томъ же, кромѣ нихъ, по закону престолонаслѣдія неизмѣримо выше всѣхъ, опираясь твердою рукою на самый тронъ, возвышался красивый, величавый мальчикъ. Еще ребенокъ по годамъ, сынъ покойнаго царевича, внукъ великаго Императора, Петръ Алексѣевичъ, говорилъ уже сердцамъ людей однимъ своимъ славнымъ именемъ. Обойти его, прямого наслѣдника, было невозможно. За нимъ и знать, и духовенство, и весь народъ. За нимъ и вся Европа. Его покойная мать была сестрою австрійской императрицы. Между тѣмъ, къ услугамъ Меншикова были его способности, его голова, его воля, да и слѣпо преданное войско, соратники, сѣдые товарищи безчисленныхъ трудовъ, походовъ, битвъ, побѣдъ. И вотъ, когда въ апрѣлѣ 1727 г. Императрица Екатерина Алексѣевна опасно заболѣла, и въ ея опочивальнѣ, у скорбнаго ложа, разыгрывались всѣ властолюбивыя страсти, всѣ интриги придворныхъ хитрецовъ, свѣтлѣйшій князь понялъ, что медлить долѣе нельзя. Случится что недоброе, тогда опять Россію окутаетъ мракъ внутреннихъ раздоровъ. Пожалуй, изъ-за нихъ погибнетъ и онъ самъ, лишится сразу всего—и власти, и богатства, и почета. Да не будетъ! Пора! За дѣло, прежній ловкій Алексаша! Не даромъ умъ его любитъ самъ Петръ!—И во дворецъ, по поводу тяжкой болѣзни Государыни, сзываются, 6-го мая 1727 г., Верховный Тайный Совѣтъ, Сенатъ, Сѵнодъ, майоры гвардіи, президенты всѣхъ коллегій для совѣщанія о важномъ дѣлѣ престолонаслѣдія. Громко

членами Совѣта были высказаны три мнѣнія: за каждую изъ царевенъ и за цесаревича Петра Алексѣевича. Послѣднее взяло верхъ. Постановили, что юный Императоръ до совершеннолѣтія, т. е. до 16 лѣтъ, останется подъ опекой Верховнаго Тайнаго Совѣта, въ которомъ первенствующее мѣсто займутъ обѣ цесаревны, его тетки. Меншиковъ, видимо для всѣхъ, торжествовалъ. Казалось многимъ, что, можетъ быть, еще слишкомъ рано ему торжествовать, но судьба все же на этотъ разъ, по-старому, побаловала своего любимца.

Понесъ онъ умирающей Императрицѣ постановленіе членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта. «Во имя блага царства, переданнаго ей незабвеннымъ супругомъ», говорили вѣрные слуги родины и династіи, «ей приходилось поступиться, соглашаясь съ ними, материнскими своими чувствами къ роднымъ дочерямъ».— Долго не выходилъ свѣтлѣйшій изъ опочивальни. Никто не смѣлъ за нимъ туда проникнуть, чтобы услышать, угадать, что именно говорится за дверями. Въ сосѣдней комнатѣ стояли всѣ въ безмолвномъ ожиданіи. Дверь пріотворилась, свѣтлѣйшій тихо поманилъ царевну Елизавету. Всѣ знали, что она подписывала государственные акты за больную мать. Опять все тихо, опять всѣ ждутъ. Наконецъ дверь безшумно растворилась, выходятъ оба, цесаревна горько плачетъ; любимой матери становится все хуже, ужъ очень она утомилась. Меншиковъ посылаетъ за духовникомъ, подходятъ доктора. На вопросительный взглядъ герцогини-сестры, Елизавета Петровна, среди рыданій, отвѣчаетъ, что подписала, не читая, ту бумагу, которую составили въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, а Меншиковъ сложилъ ее и запечаталъ государственной печатью. Такъ и осталось все покрыто непроницаемой тайной.

Въ первые часы послѣ смерти Государыни, толпа, собравшаяся въ передней царедворца, въ волненіи стояла, думая, что̀ скажутъ, что̀ прикажутъ имъ теперь. Съ пяти часовъ утра, 7-го мая 1727-го года самъ Александръ Даниловичъ былъ на ногахъ. Одѣтый въ блестящій свой мундиръ, при всѣхъ звѣздахъ и крестахъ, онъ зоркимъ взглядомъ слѣдилъ изъ оконъ, какъ торопливо подъѣзжали къ его великолѣпному крыльцу одна за другой блестящія колымаги, заложенныя цугами породистыхъ лошадей. Торопливо выходили изъ экипажей съ помощью своихъ гайдуковъ его приверженцы, льстецы, межъ коими, конечно, находились и враги. Тутъ были на лицо всѣ пѣшки, которыми онъ привыкъ распоряжаться, но которымъ, конечно, не могъ на мигъ единый довѣрить своихъ завѣтныхъ думъ. Наконецъ, распахнулись двери внутреннихъ покоевъ, на порогѣ показался торжествующій свѣтлѣйшій князь. Раболѣпно гнутся спины. Надменно поднимаетъ голову всевластный временщикъ. «Въ Императорскій дворецъ извольте всѣ явиться и тамъ дождаться моего прибытія», выговорилъ онъ коротко, ясно и—больше ничего. «Во дворецъ, скорѣе во дворецъ!» лепечетъ раззолоченная толпа, толкаясь и спѣша скорѣе черезъ Неву въ покинутые ими царскіе чертоги.

Парадная зала дворца, та, гдѣ собирается Верховный Тайный Совѣтъ, опять оживаетъ. Вошли дочери Петра, герцогиня Анна и цесаревна Елизавета, съ ними ихъ племянница, царевна Наталія Алексѣевна, герцогъ голштинскій, три архіепископа, канцлеръ Головкинъ, адмиралъ Апраксинъ, князь Голицынъ, Сапѣга, Минихъ, Остерманъ, князь Долгорукій, Салтыковъ, Юсуповъ, 24 военныхъ и гражданскихъ чинов-



— «Степановъ, читай намъ вслухъ завѣтъ святой!» (Къ стр. 25).

ника. Дворецъ былъ окруженъ гвардейскими полками, за ними на площади толпился безчисленный народъ. Томительно шло время ожиданія. Вдругъ толпа шелохнулась; бряцаютъ ружья, полки берутъ на караулъ. Передъ кѣмъ? Да все передъ тѣмъ же баловнемъ судьбы, передъ свѣтлѣйшимъ княземъ Александромъ Даниловичемъ Меншиковымъ, когда-то съ молоду носившимъ на продажу пироги по рядамъ тѣхъ же полковъ, въ селѣ Преображенскомъ, гдѣ они считались потѣшными царевича Петра. Теперь прежній Данилычъ—ихъ начальникъ, ихъ кумиръ. Они готовы за него и съ нимъ въ огонь и въ воду. Съ этимъ приходится считаться его врагамъ, это знаютъ твердо его друзья, и всѣ тѣ, которые черезъ него выходили въ люди.

Рядомъ съ княземъ въ залу входитъ прелестный юноша, царевичъ Петръ Алексѣевичъ. Ласково глядятъ на него сестра и тетки, но хмуренъ герцогъ, и недоволенъ канцлеръ за то, что съ нимъ не подѣлились никакимъ важнымъ распоряженіемъ. Остерманъ и Минихъ переглядываются, стараясь угадать, какъ и что будетъ. Архіепископы молитвенно поднимаютъ очи къ небу, но никто не говоритъ ни слова, сдерживая даже дыханіе. Александръ Даниловичъ всѣмъ показываетъ запечатанный конвертъ.—«Вотъ завѣщаніе Ея Величества, усопшей нашей матери, Императрицы», говорилъ князь. «Исполняя державную Ея волю, въ присутствіи всѣхъ васъ, снимаю Ея печать. Степановъ, читай намъ вслухъ завѣтъ святой»!—При гробовомъ молчаніи, совѣтникъ внятно прочиталъ, что Государыня рѣшила: «великому князю Петру Алексѣевичу имѣть быть наслѣдникомъ престола и именно со всѣми правами и прерогативами, какъ мы

онымъ владѣли, такъ какъ видимъ, что лицу мужского пола удобнѣе переносить тяжести правленія». Императоръ долженъ былъ до 16 лѣтъ находиться подъ опекою обѣихъ своихъ тетокъ и Тайнаго Совѣта, въ которомъ всѣ дѣла должны рѣшаться большинствомъ голосовъ, и никто одинъ повелѣвать не можетъ. Послѣ перечисленія по пунктамъ порядка престолонаслѣдія между остальными членами царской семьи, въ завѣщаніи Императрицы значилось: «За отличныя услуги, оказанныя покойному супругу нашему и намъ княземъ Меншиковымъ, мы не можемъ явить большаго доказательства нашей къ нему милости, какъ возводя на престолъ Россійскій одну изъ его дочерей, и потому приказываемъ, какъ дочерямъ нашимъ, такъ и главнѣйшимъ вельможамъ содѣйствовать къ обрученію Императора съ одною изъ двухъ дочерей князя Меншикова и, коль скоро они достигнутъ совершенно-лѣтія, къ сочетанію ихъ бракомъ».—«Такъ вотъ оно что!» подумалъ про себя каждый изъ присутствовавшихъ.—«Ловокъ!» говорили глаза Остермана и Миниха.—«Охъ, какъ не хорошо!» точно передала своему брату выразительнымъ взглядомъ цесаревна Наталія Алексѣевна. Она была старше Петра Алексѣевича и очень умна; отлично училась и имѣла огромное вліяніе на него. Они были одиноки, очень дружны, и Наталія Алексѣевна безусловно хорошо вліяла на Петра. Тѣнь совершенно чужой, можетъ быть, враждебной имъ дѣвушки становилась теперь помѣхой для задушевныхъ, отрадныхъ отношеній между Царственными сиротами. Но кому какое дѣло до ихъ сердецъ, до ихъ чувствъ! Всѣ присутствовавшіе торопились уже показать юному Императору свою вѣрноподданническую преданность. Всѣ бросились поздрав-

лять Его Величество, Императора Петра II, присягать ему и подписывали актъ, свидѣтельствовавшій о вступленіи его на престолъ по уставу и тестаменту Августѣйшей бабки. Гвардейскіе полки предъ дворцомъ, присягая законному Царю, кричали «виватъ!» Имъ восторженно вторилъ весь народъ, надѣясь, что юный Императоръ оправдаетъ славное имя, имъ носимое. Послѣ присяги всѣ отправились къ обѣднѣ, потомъ былъ отслуженъ благодарственный молебенъ, а по окончаніи его присутствовавшіе вернулись въ ту же залу. Здѣсь Петръ II сѣлъ на императорское кресло подъ балдахиномъ, а по обѣимъ сторонамъ около него, на стульяхъ, помѣстились герцогиня Анна Петровна, ея супругъ, цесаревна Наталія Алексѣевна и великій адмиралъ временъ Петра I-го—графъ Апраксинъ; съ лѣвой—цесаревна Елизавета Петровна, Меншиковъ, канцлеръ графъ Головкинъ и князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ. Остерманъ, получившій должность оберъ-гофмейстера, стоялъ около императорскаго кресла, справа. Отъ духовенства присутствовалъ Георгій, архіепископъ ростовскій. Снова прочитано было завѣщаніе, и рѣшено записать въ протоколъ, «что все должно по тому тестаменту исполнять». Протоколъ подписали всѣ присутствовавшіе, начиная съ самого Императора. 16-го мая торжественно предали землѣ прахъ покойной Императрицы. Меншиковъ, идя твердо намѣченной дорогой, считая себя вѣрнымъ носителемъ и толкователемъ завѣтовъ незабвеннаго, великаго Петра, взялъ въ мощныя руки кормило правленія государствомъ Россійскимъ.

Чтобы удобнѣе слѣдить за воспитаніемъ юнаго Императора, онъ перевезъ его на жительство изъ царскаго дворца къ себѣ, въ свои роскошныя палаты;

трудное же дѣло воспитанія Петра II-го возложилъ на даровитѣйшаго изъ тогдашнихъ дѣятелей, вице-канцлера Остермана, любимца Петра I-го. И часто съ тѣхъ поръ стали видѣть жители столицы юнаго своего Монарха,—въ садахъ, на улицахъ, въ церквахъ и на прогулкахъ,—всегда неразлучнымъ съ его мудрымъ наставникомъ.

Меншиковъ обдуманно, внимательно, безошибочно, останавливалъ свое вниманіе на самыхъ достойныхъ людяхъ. Самъ вполнѣ необразованный, сознававшій всю тяжесть отъ недостатка научнаго развитія, онъ, можетъ быть, даже слишкомъ педантично настаивалъ на серьезныхъ занятіяхъ маленькаго Императора. Его воля въ этомъ дѣлѣ, какъ и во всѣхъ вопросахъ управленія огромнымъ государствомъ, была неоспоримымъ закономъ. Приверженцы слушались его сознательно и усердно. Враги примолкли, выслѣживая, выжидая, подмѣчая. И онъ, и они прежде всего, конечно, преслѣдовали свои личныя цѣли, но онъ больше ихъ думалъ и объ общемъ благѣ родины. Руководясь мыслями и планами великаго Преобразователя, Меншиковъ считалъ себя, и былъ на дѣлѣ, исполнителемъ, продолжателемъ недоконченныхъ работъ Петра I-го. Ограничивая волю наслѣдника Петрова въ своихъ личныхъ выгодахъ, онъ слѣдилъ за его научной подготовкой къ дѣламъ государственнымъ, изъ любви къ Державѣ своего покойнаго благодѣтеля. Этотъ торговецъ пирожками, понимавшій своимъ природнымъ умомъ требованія государственной жизни такой великой страны, какъ Россія, былъ, дѣйствительно, однимъ изъ крупнѣйшихъ, историческихъ дѣятелей своего вѣка.

На вершинѣ величія, возможнаго для подданнаго,

встрѣтилъ свѣтлѣйшій утро 25-го мая того же 1727 года. Вѣрный исполнитель послѣдней воли усопшей Монархини, онъ собралъ въ свой дворецъ всю знать. Высшіе духовные архипастыри, придворные и военные чины приглашены были присутствовать при обрядѣ обрученія Императора. Рядомъ съ Его Величествомъ онъ ставилъ теперь свою дочь и давалъ ей, какъ невѣстѣ Государя, титулъ «Благочестивѣйшей Государыни Маріи Александровны». Самъ Θеофанъ Прокоповичъ, сподвижникъ Великаго Петра, совершалъ обрядъ обрученія. Палили пушки, музыка играла, и дворъ раболѣпно цѣловалъ руку Августѣйшей невѣсты, безспорно красивѣйшей дѣвушки того времени. Какъ смерть, блѣдна была прелестная Марія; какъ на смерть, вели ее къ ея царственному жениху. Унылъ былъ и юный Императоръ,—непонятна, не люба ему была чужая дѣвушка, сама его не любившая. Не озарила улыбка эти юныя лица, не блеснули радостью глаза жениха и невѣсты, когда имъ надѣли обручальные перстни, стоившіе каждый по 20.000 рублей. Тяжелые вздохи поднимали грудь прелестной невѣсты. Хмурилось царственное чело юнаго жениха. Ихъ окружало все величіе, вся роскошь земная, но имъ недоставало одного самаго дорогого—свѣтлой искры взаимной любви. Посыпались милости, награды всѣмъ близкимъ, приверженцамъ, друзьямъ. Кары, ссылки, наказанія достались на долю тѣхъ, которые были врагами установившагося порядка, которые могли,—въ своихъ ли личныхъ расчетахъ, для государственной ли пользы—колебать власть всесильнаго временщика. Толстой, Девьеръ, Ягужинскій чуть не поплатились жизнью; ихъ сурово услали подальше отъ власти, отъ столицъ. Оставила любимую родину и герцогиня Анна Пет-

ровна; ея супругъ да и она сама не выносили тщеславія правителя Россіи. Враги отъ страха такъ притихли, что даже зоркій глазъ опытнаго князя не могъ подмѣтить ихъ ухищренныхъ тайныхъ ковъ. Ѳеофанъ Прокоповичъ, въ своей привѣтственной рѣчи свѣтлѣйшему, восклицалъ: «въ Александрѣ видимъ возрожденнаго Петра».—Родовитые правители Европы, стараясь закрѣпить свои союзы съ сильною сосѣдкой, выражали дружбу неограниченному ея правителю. Германскій императоръ Карлъ VI подарилъ ему княжество Козельское въ Силезіи и предложилъ въ женихи его младшей дочери принца ангальтъ-дессаускаго, назвавъ при этомъ Меншикова въ своихъ письмахъ «высокорожденнымъ любезнымъ дядею». Курфюрстъ бранденбургскій, такъ недавно вѣнчавшійся королевскою прусскою короною, предупредительно подарилъ ему помѣстье Рѣчекъ въ Пруссіи, а сыну его далъ орденъ Чернаго Орла, лишь бы дружить и крѣпнуть въ союзѣ съ правителемъ сильной сосѣдки. Голова кружилась у свѣтлѣйшаго. Онъ сталъ мечтать о коронѣ герцоговъ курляндскихъ, а сыну своему прочилъ въ невѣсты сестру Императора, великую княжну Наталію Алексѣевну. Выше нельзя было подниматься. Колесо судьбы перевернулось и быстро полетѣло внизъ.

«Если Богу угодно было назначить меня Государемъ, долгомъ моимъ поставляю быть Государемъ добрымъ и управлять справедливо и богобоязненно, помогать несчастнымъ, бѣднымъ, слушать голоса невинно-угнетенныхъ и, какъ Императоръ Веспасіанъ, никого не отпускать отъ себя печальнымъ». Высокія чувства, прекрасно выраженныя! Сердеченъ и уменъ двѣнадцатилѣтній Императоръ, сказавшій ихъ 21-го іюня, когда въ началѣ одиннадцатаго часа пріѣхалъ

онъ въ Верховный Тайный Совѣтъ. Какъ будто славною дѣдовской душой повѣяло отъ нихъ. Они пророчатъ все хорошее родной землѣ и ждетъ этого хорошаго православный русскій народъ, ждетъ, не дождется.

Увы! хмурится родное небо. Сначала возникаютъ придворныя неурядицы, а тамъ и ранняя смерть уноситъ не успѣвшій расцвѣсть красивый цвѣтокъ. Петръ II быстро развивался, но на его впечатлительную, хорошую душу худо вліяли козни и скрытая злоба окружавшей среды. Мягкій, благодушный по природѣ, онъ тяготился суровымъ руководительствомъ свѣтлѣйшаго опекуна. Повелитель—князь былъ ненавистенъ ему, какъ и всѣмъ царедворцамъ, начиная съ воспитателя царскаго—Остермана. Этотъ умный, ловкій нѣмецъ самъ хотѣлъ бы править волей Императора-воспитанника, на пути же къ власти стояла могучая, русская сила, и съ ней-то, въ тиши своего кабинета, началъ тягаться умный нѣмецъ. Осторожной рукой велъ онъ задуманное дѣло, зорко высматривая надежныхъ союзниковъ, на коихъ въ нужную минуту онъ могъ-бы опереться и заставить дѣйствовать въ свою пользу. Знать ненавидѣла даже семью Меншикова, хотя онъ, женившись на Арсеньевой, породнился со многими родовитыми домами. Долгорукіе, отецъ и сынъ, два Голицына, Апраксинъ, Головкинъ, Остерманъ были его злѣйшими врагами. Неосторожный, онъ самъ приблизилъ первыхъ двухъ къ Императору. Веселый, беззаботный, съ лѣнцою, юноша не любилъ ни наукъ, ни государственныхъ дѣлъ. Охота съ веселыми товарищами была его любимымъ занятіемъ, особенно когда въ забавахъ принимали участіе великія княжны, тетка и сестра. Этими наклонностями

ловко воспользовались недруги правителя. Да и случай помогъ. Раза два непочтительно отвѣчалъ старый служака своему юному Самодержцу, умѣряя его наклонность къ расточительности. Петръ вспылилъ, поднялъ голосъ, но, благодаря своему доброму нраву, опять скоро и легко смягчился. На бѣду себѣ, сильно заболѣлъ князь Александръ Даниловичъ и заболѣлъ опасно, такъ что ближніе да и самъ онъ потеряли всякую надежду на возстановленіе здоровья. Сильная рука выпустила бразды правленія, вздохнули полной грудью всѣ, согнутые подъ гнетомъ правителя. Государь почувствовалъ себя на волѣ и уѣхалъ на охоту въ Петергофъ. Съ нимъ были и великія княжны, и Долгорукіе. Время шло весело, занятія были заброшены; довольная молодежь тѣшилась; старики ковали ковы и все пугали дѣтей призракомъ больного пѣстуна. Молодой Императоръ ощущалъ всю заманчивость свободы, и чѣмъ больше его пугали старикомъ, тѣмъ сильнѣе крѣпла его рѣшимость устранить ненавистный дозоръ. Чу! пронесся слухъ, будто больной поправляется. Ну, какъ встанетъ! Опять посадитъ за учебникъ, заставитъ учиться. Юный Петръ поспѣшно началъ собираться на дальнюю охоту. Товарищъ его игръ, Долгорукій, отъ имени отца, и самъ Остерманъ поддерживали его настроеніе, беря на себя весь опасный трудъ справиться съ свѣтлѣйшимъ. Напуганный и радостный Петръ предоставилъ имъ дѣйствовать для избавленія всѣхъ отъ ненавистнаго гнета.

Меншиковъ и вправду выздоровѣлъ: всталъ, собрался освящать воздвигнутый имъ великолѣпный храмъ и шлетъ Царю посланіе, приглашая на храмовой праздникъ въ Ораніенбаумъ. Съѣхались въ церковь всѣ созванные гости, служба идетъ торже-

ственно и чинно. Праздникъ былъ великолѣпенъ, полонъ жизни, а Императора-то нѣтъ. И бровью не повелъ свѣтлѣйшій, какъ будто ему ни по чемъ. На другой день поѣхалъ въ Петергофъ, собираясь по своему расправиться и съ Высочайшею молодежью и съ приставленными къ ней премудрыми мужами. Петергофъ былъ пустъ. Всѣ разлетѣлись. Не на шутку ёкнуло тогда сердце временщика. Ждетъ онъ Императора, когда тотъ вернется съ охоты; ждетъ день, другой,—все нѣтъ. Наконецъ, явился Остерманъ. Какъ звѣрь, накинулся на него Александръ Даниловичъ съ выговоромъ, «зачѣмъ тотъ не смотритъ за Царемъ, зачѣмъ губитъ его здоровье излишними веселъями, зачѣмъ не занимаетъ наукой, дѣломъ?» Отвѣтъ былъ твердъ, почти что дерзокъ. Неслыханное дѣло. Всегда тихій, раболѣпный, Остерманъ держитъ отвѣтъ, да еще какъ, и дерзко, и рѣзко. Что же это такое? Не помня себя отъ злости, взбѣшенный до изступленія, правитель кричалъ на нѣмца изо всѣхъ силъ, наговорилъ кучу дерзостей, бранилъ, какъ послѣдняго слугу. Потомъ уѣхалъ въ Петербургъ, побывалъ въ Сенатѣ, въ Верховномъ Совѣтѣ и возвратился домой. Но тутъ встрѣчаетъ его вторая неожиданность,—да еще такая, что онъ растерялся и сразу опѣшилъ: отъ его дома былъ снятъ караулъ. Минихъ, не спросясь его, перевелъ весь ингерманландскій полкъ съ Васильевскаго острова, въ казармы, на лѣвый берегъ Невы. 6-го сентября является Салтыковъ и именемъ Государя увозитъ изъ дома свѣтлѣйшаго всю императорскую мебель; возвращаетъ князю изъ дворца вещи его сына и заявляетъ, что Государь вернется съ охоты прямо въ императорскій дворецъ, гдѣ и стоитъ уже

караулъ. Тамъ же, по указу Его Величества, велѣно собираться и Верховному Совѣту; другимъ указомъ предписывалось исполнять только тѣ приказы, которые будутъ подписаны самимъ Царемъ. Видимо, дѣло велось обдуманно и знающей рукой. 8-го сентября пушечная пальба радостно возвѣстила жителямъ столицы о возвращеніи Государя съ охоты. Снова къ опальному вельможѣ явился Салтыковъ, объявляя запретъ ему заниматься государственными дѣлами, даже выѣзжать изъ дома. «Арестованъ? за что? Какъ это все такъ быстро перевернулось?»—«Крутъ я былъ», говорилъ самъ себѣ свѣтлѣйшій, «не щадилъ чужого самолюбія». Но въ тайникѣ души, въ самомъ сокровенномъ уголкѣ теплился святой огонь христіанскаго смиренія, вѣры въ Правосудіе Божіе. «Забылся ты въ своей гордынѣ», заговорила тихо совѣсть, «терпи заслуженную кару! Ты яростно преслѣдовалъ враговъ, ты употреблялъ во зло довѣріе покойнаго Великаго Монарха, ты злоупотреблялъ безсиліемъ, невѣдѣніемъ слабой женщины на тронѣ: велики всѣ эти грѣхи твои! Казнись же, смирись въ этой жизни, пока Господь дастъ силы и время терпѣть искупительныя страданія!» Князь самъ съ собою говоритъ, князь борется, князь хочетъ справиться съ собою, смириться. Жена и дочь, обрученная невѣста Императора, окружили его своей лаской, старались смягчить всю тягость его униженія добрыми, нѣжными словами. Во дворецъ стремятся сердечныя, любящія женщины, къ Императору-жениху, къ цесаревнамъ, недавнимъ милымъ подругамъ. Ихъ не принимаютъ, ихъ видѣть не хотятъ. Петръ II радёшенекъ, что можетъ никогда болѣе не видѣть постылую, нелюбимую дѣвушку. Цесаревны торопятся отплатить за

вынесенное униженіе, когда невѣста Императора, дѣвица Меншикова, становилась выше ихъ во всѣхъ придворныхъ празднествахъ. Онѣ были слишкомъ еще молоды, чтобы понять, какъ тяжело было самимъ несчастнымъ являться во дворецъ, просить и унижаться изъ любви къ низверженному въ прахъ кумиру. Вѣдь опальный князь—для нихъ дорогой отецъ, любимый мужъ; и вотъ онѣ явились униженно въ императорскій дворецъ молить о милости, о снисхожденіи къ нему. И еще съ большимъ униженіемъ, поникнувъ заплаканными лицами, эти несчастныя, отверженныя проходили назадъ по царскимъ чертогамъ. Никто не провожалъ ихъ, и не нашлось ни одной доброй и честной души, которая рванулась бы поддержать страдающихъ женщинъ.

Ихъ униженіе прибавило еще лишнюю рану въ сердцѣ страдальца. Онъ попробовалъ писать Императору и его Августѣйшей сестрѣ, моля только, чтобы заслуженная кара постигла его одного, не касаясь его близкихъ, милыхъ, дорогихъ. Письма возвращали не прочитанными. Понялъ баловень счастья, что пришелъ всему конецъ, насталъ часъ тяжелой расплаты. Остался онъ одинъ въ опустѣлыхъ хоромахъ: съ нимъ только его семья, тѣ близкія сердцу родные, что терпятъ и плачутъ о немъ, тѣ,—кого онъ увлекалъ съ собою въ бездну злосчастья. Грубый, дерзкій, жестокій въ счастьи, свѣтлѣйшій князь Меншиковъ опомнился въ минуту горя. Прорвалась наружу давно подавленная, долго молчавшая совѣсть. «Пока громъ не грянетъ, русскій человѣкъ не перекрестится», говоритъ народная пословица; и вотъ громъ грянулъ, и великій человѣкъ изъ народа

истово перекрестился православнымъ, мощнымъ крестомъ. «Господь смирилъ меня», сказала его совѣсть громко, отчетливо. Съ тѣхъ поръ онъ не переставалъ повторять эти слова смиренно вѣрующаго христіанина до самой гробовой доски. Повторялъ онъ ихъ постоянно, когда его самого и семью его переодѣвали въ мужицкіе тулупы, везли сперва на стругахъ по рѣкамъ, потомъ въ телѣгахъ,—наконецъ, на саняхъ до самаго Березова, этого людьми забытаго уголка сѣверной Сибири, отстоящаго отъ столицы на 2500 верстъ.

Сначала враги павшаго великана хотѣли казаться великодушными. Изъ Петербурга изгнанники выѣхали въ своихъ обыкновенныхъ экипажахъ, окруженные многочисленною прислугой. Народъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на это, какъ будто торжественное, шествіе. Свѣтлѣйшій ласково отвѣчалъ на почтительные поклоны толпы, никто не подозрѣвалъ прощанія въ этомъ привѣтливомъ отвѣтѣ. Но въ Твери картина перемѣнилась. Поѣздъ остановилъ присланный офицеръ; у князя отобрали всѣ его ордена и драгоцѣнности; изъ собственныхъ покойныхъ экипажей пересадили путниковъ въ простыя кибитки. Въ такомъ видѣ довезли изгнанника до его рязанскаго имѣнія, Раненбургъ. Тамъ къ нему приставили цѣлый караулъ. Офицеръ, начальствовавшій отрядомъ, грубо обращался со всею несчастной семьею. Когда же Императоръ и весь дворъ переѣхали въ Москву, то враги павшаго, измученнаго страдальца нашли нужнымъ черезъ Верховный Тайный Совѣтъ усилить его страданія, увеличить еще наказаніе. Его отправили на дальній сѣверъ, въ Сибирь, въ Березовъ. Семья не воспользовалась разрѣшеніемъ

остаться въ Раненбургѣ. Жена *), дочери, сынъ ни на минуту не оставляли опальнаго отца. Они окружали его лаской, и въ самыя тяжелыя минуты, терзаемый совѣстью, онъ встрѣчалъ улыбку на ихъ часто запекшихся губахъ. Слабое здоровье княгини не выдержало пытокъ и лишеній. Видѣть страданія мужа и дѣтей было ей не подъ силу; она выплакала свои чудные глаза, глядя на то, какъ тяжко приходится страдать ея дорогимъ и любимымъ существамъ.

Спускаясь на стругахъ внизъ по Волгѣ по пути въ сибирскія дебри, ссыльная семья сподвижника Петрова въ маѣ 1728 года на разсвѣтѣ поровнялась съ селеніемъ Вязовыхъ. Солдаты конвойной команды собрались пристать къ берегу, чтобы запастись свѣжими припасами. Вѣрный слуга Симоновъ, ни на минуту не оставлявшій изгнанниковъ, заботясь о княжеской семьѣ, хотѣлъ къ нимъ присоединиться, когда замѣтилъ, что князь, болѣе обыкновеннаго грустный, стоитъ около шалаша, въ которомъ провела ночь его супруга. На вопросительный взглядъ вѣрнаго друга-слуги Александръ Даниловичъ едва внятно проговорилъ: «Всю ночь больше прежняго промучилась; жалуется все на боль въ глазахъ, все свѣту проситъ, чего-то ищетъ».—А въ эту минуту изъ-за чудныхъ Услонскихъ горъ торжественно выплывало, во всей своей яркой красѣ, небесное свѣтило, освѣщая, согрѣвая, животворя живописные берега великанарѣки. Съ пламенной молитвой къ Творцу вселенной поднялъ Меншиковъ свои заплаканные глаза въ синюю высь. Молилъ о помощи, просилъ терпѣнія из-

*) Дарья Александровна Арсеньева.

мученный, опальный вельможа. Ликовала вокругъ него пробудившаяся природа. Ясное небо весело отражалось въ ясныхъ волнахъ. Лѣвый берегъ Волги утопалъ въ роскошной зелени луговъ, а справа поднимались къ небесамъ чуть не на 70 саженъ, во всей своей красѣ, Услонскія известковыя горы. Божій міръ былъ чудно хорошъ и ясенъ и блестящъ. Душа же страдальца изнывала подъ тяжестью гнетущаго горя. Сынъ и дочери, крестясь, выходили изъ своихъ шалашей, вглядывались въ любимыя черты отца и стараясь, не спрашивая, прочесть въ нихъ щемящія душу вѣсти о дорогой больной.—«Кажется, еще тяжелѣе была эта ночь», томительнымъ шопотомъ говорилъ старикъ, здороваясь и благословляя дѣтей. Въ эту минуту имъ всѣмъ послышались слабые стоны за занавѣсью. Князь разобралъ тихій вопросъ: «Гдѣ вы? что я никого не вижу?» Отдернули пологъ, открыли двери, и нѣжная семья окружила больную. Князь нагнулся, взялъ руку жены и вздрогнулъ,—она была холодна, какъ ледъ. Страшно стало бѣднягамъ!—Въ это время равнодушная, безпечная конвойная команда, покончивъ свои дѣла въ селеніи, безъ малѣйшаго вниманія къ ссыльнымъ, отчалила струги, и караванъ поплылъ дальше отъ села Вязовыхъ внизъ, къ Верхнему Услону.—«Какъ ты себя чувствуешь»? сдерживая рыданія, говорилъ Александръ Даниловичъ. Едва внятное: «ничего, хорошо», привело всѣхъ въ ужасъ: голосъ былъ неузнаваемъ.—«Гдѣ же вы?... какъ темно, отчего я ничего не вижу?» А въ распахнутый шалашъ врывался со всѣхъ сторонъ свѣтлый, торжествующій день... несло тепломъ, жизнью, силой природы. Бѣдняги оставались ко всему безучастны; ничего не видѣли, ни-

чего не понимали. Передъ ихъ растерзанными сердцами лежала любимая и любящая мать, вся уничтоженная подъ бременемъ горя, лежала неподвижно, еле дыша, и—къ ужасу и нестерпимому отчаянію всѣхъ—не видѣла Божьяго міра, Божьяго свѣтлаго солнышка: она была слѣпа. Никто не зналъ, какъ отвѣчать на ея стонущіе вопросы: «Гдѣ она? отчего никого не видитъ?» Симоновъ, вѣрный товарищъ тяжелой неволи своихъ господъ, сбѣгалъ къ конвойнымъ за кипяткомъ, чтобы согрѣть ея коченѣвшіе члены. Съ большими предосторожностями, глотая слезы и удерживая стоны, мужъ и дѣти объяснили больной, что у нея ослабло зрѣніе, и потому они наглухо задернули всѣ ковры шалаша, сами же стали оттирать больную согрѣтымъ уксусомъ, обкладывали горячими припарками холодѣвшее тѣло и осторожно переложили такъ, чтобы теплое солнышко могло грѣть ея спину, не безпокоя лица и не давая ей повода сообразить, что она слѣпа. Да и самимъ несчастнымъ не хотѣлось вѣрить, чтобы ихъ сокровище навсегда потеряло возможность ихъ видѣть, смотрѣть на Божій міръ. Еле доплыли путники до первыхъ избъ многолюднаго села Верхніе Услоны; огромное, богатое, оно растянулось длинною полосой на самомъ берегу Волги. Пришлось остановиться,—больная была совсѣмъ слаба. Съ большими предосторожностями перенесли ее въ крестьянскую избу. Семья не отходила отъ страдалицы, стараясь, чѣмъ умѣла, облегчить ея мученія. Нашелся какой-то докторъ, достали вина и кое-какія лѣкарства; но что можно было сдѣлать на этомъ дальнемъ востокѣ, въ поволжской деревнѣ, когда и настоящія медицинскія знаменитости и лучшія средства науки безсильны въ борьбѣ

со смертью? Все же, благодаря беззавѣтнымъ усиліямъ любящихъ сердецъ, имъ показалось, что страданія больной какъ будто поутихли, легкій, едва замѣтный румянецъ показался на помертвѣвшихъ щекахъ, на тѣлѣ выступала влага. Радостной надеждой блеснули глаза окружающихъ, закрестились несчастные,—ихъ сокровище оживаетъ. Но докторъ недовѣрчиво качалъ сѣдою головою, положилъ руку на сердце больной и долго прислушивался къ его біенію. Меншиковы едва переводили дыханіе и не сводили глазъ съ доктора, дожидаясь звука, слова.—«Отходитъ!» едва внятно пролепеталъ онъ, сознавая, что убиваетъ и живыхъ тяжелымъ приговоромъ объ умирающей.—Въ эту минуту тихо, безъ шума отворилась входная дверь,—всегда сердечно преданный Симоновъ вводилъ священника. Служитель Божій несъ на груди завернутыя въ эпитрахиль Святые Дары. Чтобы подавить вопли отчаянія, вся семья опустилась на колѣни, низко склонивъ головы къ скамьѣ, на которой лежала умирающая. Священникъ осѣнилъ ее крестнымъ знаменіемъ и тихимъ голосомъ предложилъ ей подкрѣпиться молитвой. Прояснилось страдальческое лицо; радостная, ясная улыбка заиграла на запекшихся губахъ; слова святой молитвы послышались въ убогой хатѣ. Видимо, страдалица слушала ихъ и повторяла. Когда же священникъ предложилъ ей успокоить свою душу пріобщеніемъ Святыхъ Таинъ, она подняла слабѣющую руку и сдѣлала легкое движеніе. Александръ Даниловичъ съ заботливою лаской приподнялъ свою дорогую подругу, стараясь, что было силы, о томъ, какъ бы не выдать своего волненія. Дѣти, какъ могли, помогали ему. Священной радостью и уже не земнымъ сча-

стьемъ просіяло лицо отходящей въ вѣчность земной страдалицы, когда она пріобщилась Святыхъ Христовыхъ Таинъ. Душа поняла, что кончены земныя страданія,—что сила таинства переноситъ ее изъ міра плача и страданій въ безконечную жизнь небеснаго упокоенія.—«Мой Александръ, мой супругъ, мои дѣти», едва внятно лепетала она, еле шевеля рукою. Они поднялись и цѣловали ея холодѣющее тѣло. Умирающая положила руки на ихъ головы. Ангельская улыбка украсила изнуренное лицо. Она хотѣла еще что-то выговорить, усиливалась извлечь звуки изъ слабѣющей груди, но смерть остановила ихъ на полпути,—они замерли, не достигнувъ до поблѣднѣвшихъ губъ. Душа покинула истерзанное тѣло и перенеслась въ тотъ міръ, гдѣ уже нѣтъ ни плача, ни воздыханія.—Дарья Михайловна отошла въ вѣчность 10 мая 1728 года, окруженная любимою семьей, согрѣтая ихъ лаской, напутствованная Святыми Дарами. Надъ ея могилой былъ положенъ камень; кромѣ того, изгнанники собрали изъ оставшихся у нихъ сокровищъ средства и впослѣдствіи воздвигнули вблизи могилы церковь. Она уже сгорѣла. Въ 1863 году на церковномъ погостѣ, среди крапивы и бурьяна лежалъ одинъ растрескавшійся камень, на которомъ можно было разобрать слѣдующую высѣченную надпись: «Здѣсь погребено тѣло рабы Божьей Даріи».—Потомокъ почившей, князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ приказалъ оправить могилу и воздвигнуть надъ нею часовню.

Несчастная семья продолжала путь безъ своего добраго ангела. Еще мрачнѣе казалось изгнанникамъ будущее. Они оставили вдали все, что у

нихъ было самаго дорогого на землѣ. Тяжело на душѣ Меншикова: все сильнѣе и сильнѣе смирялся онъ подъ тяжестью судьбы, поддаваясь христіанскому настроенію. «Господи, ты справедливъ! Ты сжалился надъ страданіями несчастной! Ты призвалъ ее къ себѣ для того, чтобы еще строже взыскать съ меня, грѣшнаго, недостойнаго. Покоряюсь, преклоняюсь передъ Твоею святою волей!» Давно уже были брошены струги, путниковъ везли то на телѣгахъ, а то ужъ и въ саняхъ. Ихъ давно переодѣли въ крестьянскую одежду, отняли все, къ чему они привыкли съ рожденія, что сдѣлалось ихъ второй натурой

Однажды, еще не доѣзжая до Березова, они остановились на ночлегъ въ придорожной избѣ. Грубые тулупы, валенки, невозможность хорошенько помыться и причесаться — дѣлали путниковъ неузнаваемыми. Къ счастію, на ихъ здоровьѣ не отражались всѣ эти напасти: они чувствовали себя прекрасно. Сидя на полу, обѣ княжны ѣли деревянными ложками изъ деревянной чашки тюрю изъ хлѣба, размоченнаго въ молокѣ. Ихъ братъ въ углу, при слабомъ свѣтѣ маленькаго оконца, подшивалъ толстѣйшей ниткой подошвы своихъ изношенныхъ сапогъ. Самъ князь, конечно, тоже въ мужицкомъ платьѣ, съ отросшей сѣдой бородой и длинными волосами, любопытно разсматривалъ остановившіяся у той же избы сани. Ямщики суетливо распрягали усталыхъ лошаденокъ; пріѣхавшій что-то говорилъ, приказывалъ. Лицо его показалось князю какъ будто знакомымъ. «Откуда онъ? Какъ попалъ въ эту глушь?» думалъ Александръ Даниловичъ, когда дверь распахнулась и въ клубахъ холоднаго воздуха, на порогѣ показался офицеръ, его быв-

Офицеръ отшатнулся, точно громомъ пораженный.—«Ваша свѣтлость здѣсь, въ этой избѣ, въ этомъ платьѣ?»

(Къ стр. 43).

шій адъютантъ Берингъ *). Еще Петръ Великій послалъ его въ Камчатку строить корабли и развѣдать, существуетъ ли проливъ, соединяющій Ледовитое море съ Великимъ океаномъ. Пріѣзжій даже не посмотрѣлъ на группу людей въ мужицкой одеждѣ, находившихся въ комнатѣ. Князь же очень радушно окликнулъ его. Какъ вкопанный, остановился офицеръ. Здѣсь,—въ Сибири,—мужикъ его знаетъ и зоветъ его по имени?—«Да какъ же ты меня знаешь?» удивленно спросилъ онъ.—«Мнѣ, пожалуй, легче признать тебя», отвѣтилъ князь: «но все же странно, что даже по голосу ты не узнаешь своего бывшаго генерала!»—«Своего начальника, свѣтлѣйшаго князя Меншикова я знаю прекрасно и долженъ знать, но ты-то при чемъ тутъ?»—«Да потому, что предъ тобою онъ самъ и есть!»—«Ну, нѣтъ», недовольно проговорилъ Берингъ и отвернулся, считая проѣзжаго за назойливаго шутника. Тогда князь подвелъ его чуть не силой къ оконцу.—«Да вглядись ты въ меня хорошенько, припомни бывшаго начальника!» проговорилъ онъ. Офицеръ отшатнулся, точно громомъ пораженный.—«Ваша свѣтлость здѣсь, въ этой избѣ, въ этомъ платьѣ?»—«Не называй меня свѣтлѣйшимъ; это все выраженія земного величія, которыя и отняли у меня земные владыки. Теперь я просто Александръ, мужикъ, какимъ когда-то родился». Не помня себя отъ изумленія, офицеръ перевелъ глаза на остальныхъ.—«Что? И теперь не узнаешь? Вотъ—сынъ мой, котораго ты няньчилъ на колѣняхъ, а это—дочери. Ты помнишь старшую, Машу, еще подросткомъ. Она имѣла честь

*) Его именемъ названъ имъ открытый на крайнемъ сѣверѣ проливъ, отдѣляющій Европу отъ Азіи, соединяющій Ледовитый и Великій океаны.

быть обрученной невѣстой нашего Императора Петра II». При этихъ словахъ офицеръ перемѣнился въ лицѣ. Его глаза подозрительно блеснули, вглядываясь въ говорившаго мужика: добродушно усмѣхнулся изгнанникъ. Онъ положилъ свою когда-то властную руку на плечо офицера.—«Что? не вѣрится?» Тотъ лепеталъ: «мнѣ показалось, я ослышался», и самъ торопливо ускользнулъ за двери.—Злобно глядѣлъ вслѣдъ ему молодой Меншиковъ, кровь клокотала въ его жилахъ, онъ рванулся вслѣдъ за офицеромъ; княжны плакали.—«Чего ты, Богъ съ тобой, родной мой!» примиряющимъ голосомъ заговорилъ опальный князь, «не виноватъ же онъ, что за 2500 верстъ отъ столицы не зналъ, что тамъ похороненъ великій Царь; что назадъ въ Москву, къ дряхлѣющимъ порядкамъ ворочаютъ измѣнники родную землю нашу». Въ эту минуту весь въ слезахъ вернулся офицеръ.—«Прости, свѣтлѣйшій, дурака, болвана, прости меня, ради Христа. Виновенъ я, что не понялъ того чуднаго, ужаснаго, что ты такъ милостиво толковалъ». Сынъ Меншикова, услыша эту сердечную просьбу, подошелъ къ офицеру и, протягивая руку, сконфуженно заговорилъ: «Простите вы меня, я, нехотя, подумалъ о васъ худо».—«И стою я вашей укоризны,—конечно, стою». Молодые люди поцѣловались. Берингъ низко склонился передъ княжнами, глубоко пораженный тою христіанской кротостью, съ которою блестящія дочери Петрова любимца, лучшая краса царскаго двора, стоявшія уже на ступеняхъ русскаго престола, теперь, въ нищенской грубой одеждѣ, казались довольными, спокойными, чуть ли не веселыми, чтобы не огорчить любимаго отца.

Долго горѣлъ огонекъ въ низенькой горенкѣ за-

ѣзжей избы, среди сибирскихъ снѣжныхъ степей; путешественники не ложились. Александръ Даниловичъ, горячо интересовавшійся всѣми начинаніями своего великаго учителя, подробно разспрашивалъ Беринга о всемъ, имъ видѣнномъ въ Камчаткѣ; давалъ ему указанія, какъ поступать при новомъ московскомъ дворѣ; разсказалъ все, что тамъ случилось со времени его отъѣзда. Досталось, конечно, врагамъ, и главнымъ образомъ за то, что они такъ скоро измѣнили завѣтамъ славнаго прошлаго, въ погонѣ за личными выгодами, что безчестно поощряли юношескіе недостатки Императора, почти ребенка. Но строже всего отнесся Меншиковъ къ самому себѣ. Безъ милосердія бичевалъ онъ свою необузданность, черствость, честолюбіе, гордость. Ни дѣти, ни Берингъ не могли удержать пылкаго самообличенія опальнаго вельможи. Со слезами умиленія благодарилъ онъ Правосуднаго Господа, милосердно пославшаго ему такія тяжкія испытанія, чтобы еще при жизни имѣть время выстрадать и замолить свои грѣхи передъ Богомъ, передъ семьею и родиной. Умиленный, растроганный Берингъ съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на этого смиреннаго христіанина, возвысившагося въ его глазахъ въ своемъ опальномъ рубищѣ неизмѣримо выше того раззолоченнаго вельможи, которому, въ дни его могущества и славы, такъ раболѣпно поклонялись при дворѣ Великаго Петра. Чуть начала заниматься заря, караульный офицеръ вошелъ въ избу и очень повелительно приказалъ изгнанникамъ садиться въ заложенныя уже сани. Страшно вскипѣлъ Берингъ,— онъ никакъ не могъ понять неуваженія къ горю, безсердечія къ смиреннымъ опальнымъ. Онъ проводилъ ихъ почтительно, самъ усадилъ въ повозки, стараясь

своимъ нѣжнымъ вниманіемъ показать всю глубину своего восхищенія передъ великимъ христіаниномъ.

Въ августѣ 1728 года достигли изгнанники Березова. Уединенно ютились низкія деревянныя избы среди обширной равнины. Изрѣдка, кое-гдѣ двигались человѣческія фигуры, въ длинныхъ, неуклюжихъ одеждахъ. Строго приняло мѣстное начальство семью изгнанниковъ. Имъ отвели деревянную избу, въ которой были четыре горенки. Одну изъ нихъ занялъ самъ Меншиковъ съ 13-лѣтнимъ сыномъ Александромъ, другую княжны—Марья 16 лѣтъ и Александра 14 лѣтъ, третью—прислуга, а въ четвертой помѣщались съѣстные припасы. Вокругъ бревенчатыхъ стѣнъ стояли скамьи, передъ ними деревянный столъ,—такова была скудная мебель плачевнаго жилья. Кромѣ сушеной рыбы и оленьяго мяса, другой ѣды негдѣ было достать. Единственнымъ утѣшителемъ среди горемычной жизни для невольныхъ затворниковъ былъ тотъ же вѣрный слуга Симоновъ. Товарищъ всѣхъ горькихъ испытаній, всѣхъ страданій несчастной семьи, онъ поднимался съ зарею, топилъ печи, варилъ чай, который добывалъ точно чудомъ, потомъ отправлялся съ княжичемъ на охоту. Обѣ княжны заботливо убирали комнаты, шили или чинили одежду, заботясь объ одномъ, какъ бы чѣмъ-нибудь приголубить, пригрѣть молчаливаго, всегда угрюмаго отца; онѣ глазъ не спускали съ его неподвижной фигуры. Часами сидѣлъ онъ на лавкѣ, вздыхалъ, шепталъ молитвы, часто плакалъ. Больно ему было смотрѣть на дѣтей, чувствовать каждымъ нервомъ, что одинъ онъ оторвалъ ихъ отъ всѣхъ земныхъ радостей, удобствъ и довольства.—Къ полудню возвращались охотники съ богатой добычей. Молодежь дружно болтала. Молодой

князь съ восторгомъ разсказывалъ о чудесахъ величественной сѣверной природы, о невиданныхъ имъ доселѣ звѣряхъ и птицахъ, обитателяхъ дремучихъ дѣвственныхъ лѣсовъ. Только старикъ молчалъ, не вмѣшиваясь въ живыя рѣчи. Молча, какъ послушный ребенокъ, садился онъ обѣдать, ѣлъ мало, погруженный въ свои безотрадныя думы. Когда въ комнатѣ послѣ обѣда все было убрано, молодежь, по настоянію старика, уходила гулять, и когда бы ни возвращались дѣти съ своихъ прогулокъ, они всегда заставали отца передъ образомъ, на колѣняхъ, въ слезахъ молящимся и плачущимъ надъ своими безчисленными прегрѣшеніями. Здоровье измѣнило старику; дѣти съ ужасомъ замѣчали, какъ силы оставляютъ его,—какъ все слабѣе дѣлается его голосъ, мягче становится улыбка, кротче сіяетъ взглядъ его черныхъ, выразительныхъ глазъ. Неохотно отвѣчалъ онъ на нѣжные вопросы дѣтей, не вмѣшивался въ ихъ разговоры, и только о молитвѣ и смерти кое-когда заговаривалъ онъ въ зимніе долгіе и однообразные вечера. Чаще всего княжны читали ему, по-очереди, священныя книги: Библію и Евангеліе. Слушалъ князь внимательно, и крупныя слезы катились одна за другой на сѣдую его бороду, когда молодой, звучный голосъ любимой дѣвочки читалъ о всепрощающей силѣ Божьяго милосердія. «Блаженны плачущіе», сквозь слезы читала княжна, и старикъ крестился, пламенно молясь за плачущихъ дѣтей.

Когда въ воздухѣ повѣяло тепломъ, когда солнышко начало согрѣвать даже ледяную снѣжную кору, покрывавшую землю, когда теплый, мягкій вѣтерокъ подулъ съ юга, дѣтямъ удалось вызвать отца на крылечко. Еще теплѣе стало припекать весеннее

солнышко; кое-гдѣ изъ подъ снѣга зажурчали весело ручейки, одна за другой стали появляться проталинки, а тамъ и травка показалась, налились почки, послышался шумъ трескавшагося льда. По Оби, Иртышу и Сосвѣ понеслись къ сѣвернымъ морямъ ледяныя разбитыя глыбы. Пробудился Березовъ, выползли на Божій свѣтъ изъ своихъ курныхъ избъ его одичалые жители. Меншиковъ точно самъ сталъ пробуждаться. Смотря на жизнь другихъ, самъ пробовалъ немного двигаться,—и разъ, къ невыразимой радости дѣтей, дошелъ, опираясь на нихъ, до самаго берега Оби. Блѣдно-голубое небо, теплое солнце, точно и не сѣверное, мягкій воздухъ—облегчили дыханіе старика. Все жило кругомъ. Масса судовъ, барокъ, лодокъ спѣшила пользоваться короткою благодатью, чтобы плыть поскорѣе по синимъ водамъ широкой рѣки. Лѣсъ, дрова такъ и раскупались по оживившемуся берегу. Съ громкимъ крикомъ неслись по воздуху стаи перелетныхъ птицъ, весело привѣтствуя весну, красу природы.

Меншиковъ ожилъ. Онъ видѣлъ русскій людъ, хотя и захудалый отъ стужи и бѣдноты, но все же родной, православный, живущій не чуждою, но общерусскою жизнью. Долго сидѣлъ онъ на берегу рѣки. Дѣти, боясь вечерней сырости, стали уговаривать его вернуться. Кротко повиновался отецъ и повернулъ къ своему низенькому, неприглядному жилищу. На обширной городской площади собрался народъ. Провозили бревна, люди были заняты, хлопотали, торговали. Меншиковъ остановился, дѣти стояли рядомъ. Онъ сжалъ ихъ руки, глаза его вдохновенно поднялись къ небу, и онъ сильнымъ, давно уже неслыханнымъ голосомъ заговорилъ: «знаете, дорогіе, что я рѣшилъ:

на этомъ просторномъ, красивомъ мѣстѣ слѣдуетъ воздвигнуть храмъ Премилосердному Богу. Сорокъ лѣтъ своей жизни трудился я на службѣ земныхъ царей, для пріобрѣтенія преходящихъ только благъ. Теперь могу отдать остатокъ дней моихъ на труды и созиданіе храма Царю Царей, гдѣ я буду молиться о прощеніи моихъ многочисленныхъ грѣховъ. Великій Петръ не брезговалъ ни топоромъ, ни молотомъ. Возьму же я ихъ опять въ руки, я,—его рабъ, его ученикъ,—и воздвигну на мѣстѣ моего изгнанія священный памятникъ моихъ молитвъ и покаянія». Дѣти пришли въ умиленіе отъ благой мысли. Они вѣрили, что трудъ, занятія принесутъ пользу еще не дряхлому старику. Работа закипѣла. Матеріалъ былъ купленъ; князья Меншиковы съ утра до ночи съ топорами въ рукахъ трудились надъ постройкой храма Божія. Весь мирный городъ оживился. Всѣ жители, наперерывъ другъ предъ другомъ, старались содѣйствовать благому дѣлу. Скоро среди площади стала подниматься маленькая церковь.

Когда храмъ былъ оконченъ, по Березову звучно пронесся благовѣстъ маленькаго колокола, сзывавшій православный людъ къ благостной молитвѣ. Церковь освятили и совершили въ ней Божественную литургію. Ярко горѣли свѣчи предъ новыми иконами. Впервые слышали жители захолустнаго города стройное церковное пѣніе, умилительные возгласы священнослужителя. Благоговѣйно стояла толпа. Впереди, у праваго клироса, виднѣлся сгорбленный не по лѣтамъ, мощный старикъ, рядомъ съ нимъ его красивыя дѣти. Старческій голосъ усердно вторилъ яснымъ, звонкимъ, молодымъ звукамъ. Горячо молился въ своемъ храмѣ удрученный горемъ, одинъ изъ послѣд-

нихъ, славныхъ птенцовъ гнѣзда Петрова. Этотъ, удивленія достойный по судьбѣ, изгнанникъ перенесъ на крайній сѣверъ, въ отдаленный Березовъ, завѣты своего великаго учителя. Онъ пробудилъ среди угрюмаго, одичалаго, захудалаго люда возвышенныя чувства христіанскія. Онъ скрасилъ ихъ грустную обездоленную жизнь, — къ благоговѣйной общественной молитвѣ въ храмѣ Господнемъ привлекъ этихъ отдаленныхъ подданныхъ своего Царя—благодѣтеля. Храмъ Господень есть твердыня, просвѣщающая и духовно—подкрѣпляющая всякаго человѣка христіанина; на ней держится благосостояніе цѣлаго христіанскаго государства. Посему-то весьма усердно Русскіе правители строили храмы Божіи еще издревле,—со временъ св. великой княгини Ольги, Владиміра и Ярослава,— по всей Свято-русской землѣ, во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ основывали города и селенія. Съ построенія храма Божія началъ великій Преобразователь земли родной и основаніе своей новой столицы. Вотъ почему и скромный березовскій храмъ, воздвигнутый руками его любимца, Алексаши, остался на дикомъ сѣверѣ какъ бы памятникомъ воззрѣній и убѣжденій Великаго Императора Петра I-го.

Не долго жилъ князь Меншиковъ послѣ освященія храма. Измученная душа страдальца стремилась къ вѣчному покою, истощенныя трудами и горемъ силы быстро оставляли его. Съ благоговѣйною покорностью Творцу ждалъ онъ минуты избавленія отъ тягостной жизни и безъ слезъ прощался съ дѣтьми, твердо вѣруя, что милосердый Богъ не оставитъ безпомощныхъ сиротъ въ дикой сѣверной глуши. Меншиковъ, какъ и покойная его жена, съ улыбкой успокоенія, оставилъ этотъ міръ и тихо отошелъ въ міръ загроб-

ный.—По смерти отца, вторая его дочь и сынъ не долго оставались въ Березовѣ. Императоръ Петръ II умеръ въ Москвѣ отъ той же оспы, которая въ Березовѣ уложила въ могилу его обрученную невѣсту. На престолъ взошла дочь царя Іоанна Алексѣевича, герцогиня Курляндская, Анна Іоанновна. Ей напомнили объ изгнанникахъ, и она въ 1730 году вернула имъ свободу и часть богатствъ, принадлежавшихъ ихъ покойному отцу.

ИСТОЧНИКИ:

1) Россія. Полное географическое описаніе нашего отечества, подъ редакціей *В. П. Семенова*. Т. 6, отдѣлъ 3, гл. 8.

2) *С. Соловьевъ*. Исторія Россіи.

3) *Фурманъ*. А. Д. Меншиковъ. Повѣсть, одобренная Ученымъ Комитетомъ Министр. Нар. Просв.

4) *Н. Полевой*. Паденіе и кончина Меншикова.

5) «Сѣверная Пчела», мартъ 1884 г.

Русская женщина.

24 декабря 1729 года въ Москвѣ.

НЕ ПРОШЛО и года съ тѣхъ поръ, какъ въ отдаленной Сибири, подъ заунывный вой сѣвернаго вѣтра, въ одной изъ бѣдныхъ, мрачныхъ избъ Березова, угасла въ нищетѣ и страданіяхъ обрученная невѣста Императора Петра II-го. Его Величество, снова обрученный женихъ другой русской красавицы, княжны Екатерины Долгорукой, весело пировалъ въ старой матушкѣ-Москвѣ, на обрученіи своего друга, будущаго зятя, князя Ивана. Пиръ на весь міръ шелъ по Бѣлокаменной. Народъ, выйдя изъ церквей послѣ царскихъ часовъ въ Рождественскій сочельникъ 1729 года, весело слонялся по улицамъ, любопытно поглядывая на блестящія колымаги и нарядныя повозки именитыхъ вельможъ, нескончаемою вереницей тянувшіяся къ освѣщеннымъ палатамъ князей Долгорукихъ. Архіереи съ архимандритами уже пріѣхали. За ними проѣхали иностранные послы; потомъ—колымаги царевенъ, а тамъ и самъ Царь лихо промчался къ сво-

ему любимому другу, въ хоромы будущей роденьки. Наконецъ, потянулся праздничный поѣздъ отъ дома соратника Великаго Петра, его славнаго друга, любимца, графа Бориса Петровича Шереметева. Везутъ его дочь, 16-лѣтнюю раскрасавицу, Наталію Борисовну, къ ея нареченному жениху, князю Ивану Алексѣевичу Долгорукому. Любимица всей Москвы, привѣтная, ласковая, до бѣдныхъ милостивая, дочь знаменитаго русскаго Боярда *) была въ эту минуту счастливѣйшей дѣвушкой въ мірѣ. Не до блеска, не до почета было ей! Съ улыбкой счастья, отвѣчая на веселыя привѣтствія любимыхъ москвичей, она не думала о почестяхъ, ей оказываемыхъ,—она не замѣчала своего блестящаго, точно царскаго, поѣзда. Она улыбалась народу отъ полноты своей дѣвичьей радости; ей казалось, что и небо, и звѣзды, и бѣлый снѣгъ, даже трескучій декабрскій морозъ дѣлятъ ея радость, понимаютъ ея счастье. Пламенно вѣрующая, она чувствовала, что ея дорогіе родители вымолили тамъ, на небѣ у Господа, ея счастье и благословляютъ земной радостный путь своей дорогой дочери. Беззавѣтно полюбила дѣвица - краса славнаго юношу, царскаго любимца. Запала горячая искра и въ душеньку князя Ивана. Знатные родичи, именитые бояре Шереметевы, братья, дядья Наталіи Борисовны не препятствовали браку ихъ любимицы съ княземъ Иваномъ, всесильнымъ временщикомъ, братомъ обрученной невѣсты Императора, княжны Екатерины.

Разукрашены пышные чертоги Долгорукихъ, какъ жаръ, горятъ и отъ множества зажженныхъ огней и отъ дорогихъ, зо́лотомъ шитыхъ нарядовъ собравшихся

*) Такъ звалъ Петръ Великій своего друга, Бориса Петровича. Боярдъ-знаменитый французскій полководецъ.

гостей. Все, что тогдашняя Европа могла переслать въ Россію самаго дорогого, красиваго, изящнаго,—все было употреблено на убранство боярскихъ хоромъ родовитою, тщеславною семьею, лишь бы только блеснуть въ этотъ радостный день! И все же краше всѣхъ сокровищъ Долгорукихъ была та чудная дѣвичья душа, которая переступала, вся сіяющая, счастливая, ихъ блестящій порогъ. Она приносила имъ свою чистую, горячую любовь; она отдавала имъ свое преданное, вѣрное сердце. Ни малѣйшее облачко сомнѣнія, недовѣрія не помрачало ясной будущности этой счастливой парочки. На пышномъ празднествѣ любви ни малѣйшее предчувствіе не закрадывалось ни въ одну преданную душу.

Императоръ былъ въ восторгѣ, что его лучшій, вѣрнѣйшій другъ женится на прелестнѣйшей дѣвушкѣ Петербурга и Москвы. Цесаревны любили красавицу Наташу, горячо желая ей всѣхъ благъ земныхъ. Обѣ именитыя семьи,—Шереметевыхъ и Долгорукихъ,—сознавая силу въ единеніи, старались объ одномъ: какъ бы попышнѣе выразить свою обоюдную радость, одаривая другъ друга съ царскою роскошью. Толпа вельможъ, знатные иностранцы и придворные, отложивъ всякое притворство и безъ задней мысли, искренно любовались красивою парой, когда архіерей благословилъ ихъ драгоцѣнными перстнями. Государевой радостью называлъ народъ этотъ боярскій пиръ на весь міръ, грѣясь около многочисленныхъ иллюминаціонныхъ костровъ, весело распивая, за здоровье жениха и невѣсты, щедрой рукой выкаченныя ему бочки пива, меда и вина.—За торжествомъ обрученія пошли Рождественскіе праздники. Наталія Борисовна была неописуемо-счастлива. Ей все улыбалось, и она

полной грудью вдыхала въ себя ясную радость молодой жизни. Съ 24-го декабря по 19-е января 1730 года, ровно 28 дней счастья, а затѣмъ цѣлые сорокъ лѣтъ горя и слезъ! Вотъ каковъ былъ удѣлъ одной изъ лучшихъ, замѣчательнѣйшихъ въ нашей исторіи, русскихъ женщинъ!

Юный Императоръ болѣлъ очень недолго. На праздникахъ онъ простудился во время парада, заболѣлъ, потомъ открылась оспа, и, несмотря на всѣ старанія докторовъ, молодыя силы Петра II-го не выдержали. Смерть подкосила еще не распустившійся цвѣтокъ! Его унесли тѣ же страданія, которыя, по ту сторону Урала, уложили въ могилу его первую невѣсту, княжну Марію Меншикову. Болѣзнь Государя отразилась на свадебныхъ приготовленіяхъ въ обѣихъ боярскихъ семьяхъ. Долгорукіе не выходили изъ дворца. Юный женихъ, какъ пламенно ни любилъ свою ненаглядную суженую, не могъ разстаться и съ заболѣвшимъ царственнымъ другомъ. Семья Шереметевыхъ дружно сомкнулась, чтобы нести вмѣстѣ съ Наталіей Борисовной ея горе. Съѣхались и друзья, и близкіе люди. Всѣ говорили объ одномъ, тужили, рядили, утѣшали бѣдняжку. Многіе побывали и во дворцѣ. Переносили придворные пересуды, слухи, толки о размолвкѣ между многочисленными Долгорукими. Говорили, что нѣкоторые изъ нихъ хотѣли возвести на престолъ обрученную невѣсту Государя. Но грозно возсталъ фельдмаршалъ, князь Василій Васильевичъ Долгорукій. Онъ заставилъ молчать высокомѣрныхъ родичей, а самъ съ княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Голицынымъ занялся труднымъ дѣломъ выбора преемника умирающему Самодержцу. Шереметевымъ было не до того: ихъ любимица Наташа тяжко стра-

дала. Ласково, любовно объяснили ей сестры и братья, что время—великій цѣлитель, оно заживляетъ кровавыя раны! Она же такъ молода, вся ея жизнь впереди. Но княжна точно ничего не чувствовала, не слышала этихъ теплыхъ рѣчей, сердце ныло, предугадывая страшныя бѣды. Когда же понемногу она начала соображать смыслъ внушаемыхъ ей рѣчей, то пришла въ полное негодованіе.—«Что слышится мнѣ?» спросила она, вся встрепенувшись: «вы, кажись, толкуете, что Долгорукихъ больше не будете видѣть?» Ей начали объяснять, что ожидаютъ смерти Государя, и тогда семья ея суженаго будетъ въ опалѣ. «Опала? Такъ вотъ то страшное для васъ слово! Опальные все одно, что зачумленные, опозоренные, и отъ нихъ надо отвернуться? Такъ понимаете вы боярскую честь? Ну, такъ отворачивайтесь же скорѣе отъ меня, и я—опальная! Я обручена опальному!» Горячо, нѣжно заговорили всѣ кругомъ, успокаивая ее, лаская и все же рѣшительно не понимая ея чувствъ. Она не повѣнчана, они и не отпустятъ ее отъ себя, изъ ея отцовскаго дома. Вспыхнула честная дѣвушка.—«Что? Какъ? Я брошу въ несчастьи человѣка, которому была обручена въ дни его счастья? Я измѣню данному слову, когда горе коснулось моего избранника? Да я тогда не дочь моего отца—друга Великаго Петра! Я не дочь моей святой матери! Если бы даже», передохнувъ и совершенно спокойно продолжала она свою рѣчь, «я не любила князя Ивана, то и тогда не измѣнила бы моему слову изъ-за того, что счастье отвернулось отъ его семьи. На такое безсовѣстное дѣло нѣтъ у меня силы! Какъ я отдала ему руку и сердце, такъ и останусь около него на всю жизнь! Въ счастьи или въ бѣдахъ, въ радости или въ горѣ

я не разстанусь съ избранникомъ моего сердца». Вечеромъ пріѣхалъ къ ней женихъ. Какъ ни непріятно было это Шереметевымъ, но дѣлать нечего, приходилось покориться дѣвичьей честной, твердой волѣ. Молодые люди вновь поклялись никогда не разлучаться, какая бы бѣда ни постигла ихъ въ будущемъ. Въ день, назначенный для свадебнаго торжества Государя, царственный юноша умеръ въ Лефортовскомъ дворцѣ. Три архіерея совершали надъ нимъ таинство елеосвященія. Члены Верховнаго Совѣта, многіе сенаторы, генералитетъ находились въ дворцѣ. Всѣхъ занимала мысль о престолонаслѣдіи, кого выберутъ правителемъ Россіи. Долгорукіе въ отчаяніи: они борются за свое первенство, власть, вліяніе. Въ ихъ многочисленной семьѣ полнѣйшій разладъ, у нихъ множество враговъ. Лично князю Ивану не до политики. Онъ горько оплакиваетъ потерю своего царственнаго друга и весь ушелъ въ личную, сердечную свою жизнь. Его родители переѣзжаютъ въ подмосковное свое имѣнье, сестра требуетъ себѣ высшихъ почестей, царскаго мѣста въ похоронномъ шествіи за гробомъ Государя. Дядя, князь Василій Лукичъ, везетъ изъ Митавы вновь выбранную Императрицу, герцогиню курляндскую Анну Іоанновну, дочь Царя Іоанна Алексѣевича, племянницу Петра Великаго. Князь Иванъ ни во что не вмѣшивается. Онъ понимаетъ, что его суженой тяжело, что ея родственники противъ него. Онъ вѣритъ ея любви, но знаетъ и то, что она страдаетъ изъ-за этой любви къ нему.

Тѣло покойнаго Государя несли мимо оконъ боярскихъ палатъ Шереметевыхъ. Наталія Борисовна сама такъ описываетъ плачевную процессію: «Боже, какъ духъ во мнѣ держался! Началось шествіе духовными

персонами,—множество архіереевъ, архимандритовъ и всякаго духовнаго чину. Потомъ несли государственные гербы, кавалерію, разные ордена, короны, въ томъ числѣ и мой женихъ шелъ передъ гробомъ, несъ на подушкѣ кавалерію, два ассистента вели его подъ руки. Не могла я его видѣть отъ жалости въ такомъ состояніи; епанча траурная предлинная, флёръ на шляпѣ до земли, волосы распущены, самъ такъ блѣденъ, что никакой живости нѣтъ. Поровнявшись противъ моихъ оконъ, взглянулъ плачущими глазами съ тѣмъ знакомъ или миной: кого погребаемъ? въ послѣдній, въ послѣдній разъ провожаю!»

Да, князь Иванъ оплакивалъ друга-Императора, оплакивалъ и свою будущую судьбу. Онъ уже не дастъ своей любимой женѣ всего того счастья, удобствъ, великолѣпія, которыя еще такъ недавно, съ такою искреннею радостью готовъ былъ положить къ ея ногамъ. Онъ понимаетъ Шереметевыхъ: они, любя свою дорогую дѣвочку, стараются отклонить ее отъ безразсудной вѣрности несчастному жениху, теперь опальному вельможѣ. День ихъ свадьбы былъ назначенъ, но никто изъ ея семьи не рѣшается проводить невѣсту. Дальнія, старыя родственницы, наконецъ, берутся ѣхать съ нею въ деревню Долгорукихъ. Тяжело Наталіи Борисовнѣ разставаться съ семьею. «Кажется, и стѣны дома отца моего плакали обо мнѣ!» пишетъ она въ своихъ запискахъ: «Знали онѣ, что не на радость ѣдетъ въ чужую семью, да еще опальную, ихъ безцѣнная жемчужина». Но, все же, личное счастье беретъ верхъ, она обвѣнчана съ дорогимъ любимымъ человѣкомъ. Она готова съ улыбкой, съ радостью дѣлить всѣ его злополучія, идти съ

«Боже, какъ духъ во мнѣ держался! Поровнявшись мимо моихъ оконъ, взглянулъ плачущими глазами съ тѣмъ знакомъ или миною: «кого погребаемъ? въ послѣдній, въ послѣдній разъ провожаю!»

(Къ стр. 57—58).

нимъ на край свѣта. И это горе не заставило себя ждать.

Черезъ три дня послѣ свадьбы, въ усадьбу Долгорукихъ является сенатскій секретарь съ указомъ, повелѣвавшимъ Долгорукимъ—старику-отцу и князю Ивану—ѣхать въ дальнія деревни. Пришлось наскоро собираться. Неопытная, молоденькая княгиня всѣ свои сокровища, полученныя въ приданое, отослала на храненіе братьямъ и, несмотря на ихъ просьбы и совѣты, взяла съ собою очень мало денегъ. Путь предстоялъ дальній, трудный. Наступала весна, и княгиня едва ли выдержала бы всѣ неудобства длинныхъ переѣздовъ и ночевокъ, то въ лѣсу, то въ полѣ, подъ открытымъ небомъ, если бы ее не поддерживало счастье—жить и терпѣть съ любимымъ мужемъ. Едва добрались они до Касимовскихъ своихъ имѣній, едва съ большимъ трудомъ, терпя лишенія и неудобства, размѣстилась вся многочисленная семья въ избахъ и сараяхъ, какъ черезъ три мѣсяца послѣдовалъ новый указъ. Его привезъ гвардейскій офицеръ съ конвоемъ. Этотъ офицеръ обращался съ ними, точно съ настоящими арестантами,—разставилъ у дверей ихъ помѣщенія часовыхъ и объявилъ, что они должны ѣхать въ ссылку въ Сибирь, въ Березовъ,—туда, куда они въ 1727 году отправили своего побѣжденнаго врага, князя Меншикова. «И держать ихъ (Долгорукихъ) за крайнимъ карауломъ», объявлялось въ указѣ. Роднымъ писать безъ контроля было запрещено, все просматривалъ караульный офицеръ. Везли ихъ и сухимъ путемъ, и водою, притѣсняли немилосердно, точь-въ-точь, какъ Меншиковыхъ.

«Нельзя всего описать, сколько я въ этой дорогѣ

обезпокоена была, какую нужду терпѣла» (пишетъ несчастная женщина). «Пускай бы я одна въ страданіяхъ была, товарища своего не могу видѣть безвинно страдающаго». Имъ не было другого имени, какъ «арестанты». «И все же», продолжаетъ говорить въ своихъ запискахъ та же достойная удивленія женщина: «я не тужу, что мой вѣкъ пропалъ въ страданіяхъ: я жила для избранника моего сердца! Мнѣ казалось, что мы рождены другъ для друга, что иначе намъ и жить нельзя. Я благодарю Бога моего, что Онъ мнѣ далъ такого человѣка, который того стоилъ, чтобы мнѣ за его любовь жизнію своею заплатить, цѣлый вѣкъ странствовать и всякія бѣды сносить,—могу сказать,—безпримѣрныя бѣды». Но самое страшное горе было еще впереди. Старики Долгорукіе были не въ силахъ долго выносить ужасы ссылки. Они умерли и были схоронены рядомъ съ своими падшими жертвами, княземъ и княжной Меншиковыми. Изъ молодыхъ, старшимъ остался князь Иванъ, любимый супругъ чудной русской женщины. Онъ, его сестры и братья уступали въ терпѣніи и благоразуміи княгинѣ Наталіи. Они свели знакомство съ мѣстными жителями, были не сдержаны на словахъ; много разсказывали о своемъ блестящемъ прошломъ, злословили и осуждали поступки новаго правительства, не признавали законности выбора Анны Іоанновны, доказывали царственныя права внука Великаго Петра—голштинскаго принца, сына цесаревны Анны Петровны. Все это говорилось рѣзко, среди разгула веселыхъ пирушекъ, гдѣ князь Иванъ игралъ первую роль. Вообще, себѣ на горе, Долгорукіе были далеко не такъ осторожны и умны, какъ ихъ предшественники по изгнанію. Из-

вѣстно, что дурная молва быстро разлетается. Въ царственномъ Петербургѣ услышали праздныя рѣчи сибирскаго захолустья. Служилый людъ навострилъ уши, чуть ли не испугался легкомысленной болтовни изгнанниковъ. Всевластный Бирон съ жадностью шакала почуялъ новыя русскія жертвы. Онъ считалъ неразумную болтовню раздраженныхъ горестями жизни, несчастныхъ ссыльныхъ не только серьезнымъ, но и опаснымъ дѣломъ для спокойствія Самодержавной русской Императрицы и принялъ свои мѣры. Онъ послалъ въ Березовъ гвардіи капитана Ушакова съ хитроумнымъ порученіемъ, какъ будто отъ имени Ея Величества, навѣдаться о житьѣ-бытьѣ ссыльныхъ бояръ. На дѣлѣ же ему было поручено развѣдать, сколько правды въ присланныхъ ко двору навѣтахъ. Послѣдствіемъ наѣзда Ушакова былъ усиленный надзоръ за ссыльными. Имъ запрещено было всякое сношеніе съ горожанами. Послѣ того прошло еще три мѣсяца и въ холодной Сибири наступила уже осень. Въ сентябрѣ 1738 года, когда темная, бурная ночь окутывала сонный Березовъ, и вѣтеръ жалобно вылъ, поднимая могучія волны бурной Сосвы, неслышно для мирныхъ жителей къ крутому берегу причалилъ огромный баркасъ. Изъ него вышла команда солдатъ, и офицеръ повелъ ее на-угадъ впередъ, стуча въ темнотѣ то тутъ, то тамъ въ низенькія избы.

Собаки неистово лаяли, испуганные жители, крестясь, кряхтя, позѣвывая, слѣзали съ нагрѣтыхъ лежанокъ, изъ-за теплыхъ печей и на вопросъ: не тутъ ли живутъ арестанты?—неохотно, ворча, отвѣчали, что они ихъ знать не знаютъ, вѣдать не вѣдаютъ. Офицеръ, наконецъ, догадался и, схвативъ за вихоръ глазѣвшаго мальченка, велѣлъ ему вести себя съ ко-

мандой къ дому, гдѣ жила семья Долгорукихъ. Тихо мерцаетъ лампада передъ немногими дорогими иконами, чудомъ довезенными сюда опальной семьею. Всѣ уже заснули. Одна Наталія Борисовна набожно молилась въ углу, прося у Господа терпѣнія, смиренія, покорности судьбѣ. О, Боже! какъ ей нужны въ будущемъ эти великія христіанскія добродѣтели, чтобы вынести надвигавшіяся страданія! Подъ окномъ послышались многочисленные шаги, потомъ властный ударъ въ дверь. Она не была заперта,—изгнанники жили мирно, довѣрчиво; ихъ любили въ Березовѣ, никому и въ умъ не приходило обидѣть ласковыхъ бояръ.

На порогѣ передъ изумленными, заспанными Долгорукими явился въ полумракѣ незнакомый офицеръ со взводомъ солдатъ. Наталія Борисовна, еще одѣтая, встрѣтила пришедшихъ. Офицеръ показалъ ей приказъ Бирона отправить арестантовъ въ Тобольскъ подъ строжайшимъ карауломъ. Князья покорились и хотѣли поудобнѣе собраться въ дальній путь, но имъ не позволили этого. Еле-еле позволили имъ надѣть кое-что сверхъ ночного бѣлья. Княгиня не отвѣчала на вопросы пришедшихъ, не вымолвила ни одного слова: она не понимала, о чемъ ее спрашивали вошедшіе. Когда князь Иванъ, подойдя, обнялъ ее, прощаясь на вѣки, она дико вскрикнула и упала замертво на полъ. Силъ не было у бѣдной страдалицы усвоить себѣ мысль, что тотъ, кому она отдала и жизнь, и молодость, и волю, теперь, по слову злыхъ гонителей, отнимается отъ нея на вѣки. И дѣйствительно, на этомъ свѣтѣ другъ друга любящимъ супругамъ не пришлось уже больше свидѣться. Княгиня опасно заболѣла, съ нею едва отводились. Въ

полномъ отчаяніи прожила она въ Березовѣ остальные одиннадцать лѣтъ. Всѣмъ имъ дали свободу уже послѣ смерти Императрицы Анны Іоанновны. На возвратномъ пути несчастная княгиня узнала, что ея мужа судили, потомъ возили въ Шлюссельбургскую крѣпость, оттуда во Псковъ, гдѣ предали мученической смерти. Онъ принялъ ее съ истинно-христіанскимъ мужествомъ. Когда палачъ отрубилъ ему правую руку, князь Иванъ Алексѣевичъ громко произнесъ: «благодарю Тя, Господи!» Отрубили лѣвую ногу, онъ продолжалъ: «Яко сподобилъ еси мя», рубятъ лѣвую руку: «познать Тебя, Владыко!» выговорилъ страдалецъ и замолкъ, потому что топоръ палача отсѣкъ его голову.

Побывавъ на могилѣ мученика-мужа, смиренная христіанка не захотѣла болѣе глядѣть на міръ земной, гдѣ такъ жестоко, такъ продолжительно терзали лучшія струны ея чудной души. Она удалилась въ Кіевъ, къ древнимъ роднымъ святынямъ, гдѣ и приняла иноческій образъ, въ одномъ изъ женскихъ монастырей, по примѣру благочестивыхъ, кроткихъ русскихъ княгинь, такъ охотно мѣнявшихъ блестящія, княжескія мантіи—на смиренную рясу пламенныхъ подвижницъ.

Преданіе говоритъ, что, за день до своего постриженія, княгиня Наталія Борисовна Долгорукая долго ходила по гористому берегу величественнаго Днѣпра. Его блестящія воды, мощно стремясь и пѣнясь по камнямъ, вѣрно напоминали ей далекій сѣверъ, широкую Сосву, гдѣ она, вольная изгнанница, гуляла со своимъ дорогимъ, незабвеннымъ другомъ. Долго плакала княгиня, долго смотрѣла въ живописную даль, на блестящую, могучую рѣку, на чудное, мяг-

кое, нѣжное небо, плакала, вздыхала, прижимая свои красивыя руки къ томившейся, страдавшей груди. Наконецъ, съ мучительнымъ воплемъ, взмахнула она правою рукою и бросила въ чистую, блестящую воду свое обручальное кольцо, то кольцо, которое она надѣла съ такимъ счастьемъ, которое носила такъ преданно, такъ вѣрно, и которое теперь, въ минуту разлуки съ суетнымъ міромъ, разрывая всѣ земныя связи, она отдавала чистымъ, могучимъ, какъ сама она, волнамъ царственной русской рѣки.

ИСТОЧНИКИ:

1) *С. Соловьевъ.* Исторія Россіи. Т. 19.

2) *Д. Мордовцевъ.* Русскія женщины новаго времени.

3) *Графъ Д'Альгамро.* Свѣдѣнія объ именитѣйшихъ семействахъ русскихъ дворянъ (C. D'Almagro. Notice sur les principales familles de la Russie).

Долго плакала княгиня, долго смотрѣла на могучую рѣку. Наконецъ, съ мучительнымъ воплемъ, взмахнула она правою рукою и бросила въ чистую, блестящую воду свое обручальное кольцо.

(Къ стр. 63—64).

Императрица Анна Іоанновна.

1730—1740 г.

МОСКВА въ горѣ. Москвичи понурили свои благодушныя головы. Готовились они весело отпраздновать свадьбу юнаго красавца Императора, а тутъ, смотри, не успѣли опомниться, какъ день за днемъ пошелъ говоръ, что онъ боленъ при смерти. Наконецъ, пронеслась роковая вѣсть, что онъ умеръ. Вмѣсто свадьбы на похороны придется смотрѣть! Въ Успенскомъ соборѣ убираютъ красное сукно, ковры, всѣ свадебныя украшенія. Въ Архангельскомъ готовятся къ печальной встрѣчѣ высокаго покойника. Любопытный людъ высыпалъ на улицу, запрудилъ всѣ перекрестки Бѣлокаменной. Глазѣетъ, толкуетъ толпа.—«Слыхать, что ночью померъ сердешный».—«Всѣ архіереи соборовали».—«Эхъ, болѣзный, что̀,—что Императоръ, а умеръ-то одинъ-одинешенекъ! Не было при немъ ни родимой матушки, ни ласковаго батюшки», причитали сердобольныя москвички.—«Князь Иванъ, говорятъ.

не отходитъ отъ тѣла, и теперь все убивается, волкомъ, слышь, воетъ».—«Ему-ль не убиваться? Въ зятья попалъ къ самому Царю, а теперетко, нако-сяподи. Поплачешь, небось, повоешь, что моченьки хватитъ».—Въ это время пробирался осторожно среди толпы высокій, сухощавый парень, одѣтый придворнымъ схороходомъ. Вышелъ онъ изъ заднихъ воротъ дворца и, ни на кого не глядя, никого не задѣвая, спѣшно направился къ пустому переулку.—«Дядя! эй, дядя, куда такая торопка?» пробовали нѣкоторые изъ толпы остановить его.—«Не бѣги, скажи, что тамъ, на верхахъ, бояре-то дѣлаютъ?»—«Плачутъ!» былъ отрывистый отвѣтъ.—«Царя поминаютъ», бросилъ прохожій другимъ и ловко скрылся отъ любопытныхъ глазъ.

Верховники послѣ кончины Императора Петра II, не выходя изъ дворца, собрались въ своей палатѣ, чтобы рѣшить вопросъ: кому царствовать въ Россіи? Кругомъ разставленъ караулъ; солдаты—даже по хоромамъ не даютъ расхаживать тѣмъ, кто не имѣетъ отношенія къ верховникамъ. Всѣ осторожности предусмотрѣны, лишь бы не прознали раньше времени, что промежъ себя будутъ говорить и рѣшать члены Верховнаго Тайнаго Совѣта.—Понуря головы, сидѣли сѣдые мудрецы. Нежданно, негаданно стряслась бѣда. Царь-отрокъ скончался; имъ, старикамъ, приходилось думать, рѣшать, къ кому долженъ былъ перейти опустѣлый престолъ.—Молчитъ старый канцлеръ, графъ Гавріилъ Ивановичъ Головкинъ, замолчали и четыре князя Долгорукіе, перессорившись между собою, такъ какъ маститый князь Василій Владиміровичъ твердо возсталъ противъ выраженнаго его родственникомъ, княземъ Алексѣемъ Григорьевичемъ, желанія возвести

на престолъ свою дочь, обрученную невѣсту Императора, княжну Екатерину Долгорукую. «Это, значитъ, передъ своей кровной да гнуть мою старую спину? А черезъ то еще всѣ близкіе и дальніе родичи и свойственники начнутъ величаться и путаться въ дѣла правленія. Нѣтъ, не бывать такой напасти!» Хмурился баронъ Андрей Ивановичъ Остерманъ: ему хотѣлось держаться подальше отъ мудреныхъ сотоварищей, то же чувствовали и двое князей Голицыныхъ. Дмитрій Михайловичъ кряхтѣлъ и все—что-то ворчалъ подъ носъ.—Наконецъ, при полнѣйшемъ недоумѣніи товарищей, онъ поднялся, и выразительно потекла его вѣская рѣчь. Ясно излагалъ онъ невозможность остановиться на прямомъ потомствѣ Великаго Петра, такъ какъ дочь его, царевна Елисавета очень молода, да и нельзя ее избирать помимо племянника, сына ея старшей сестры, покойной герцогини голштинской Анны Петровны. Ребенокъ,—внукъ Петра, имѣетъ большія права. Одна бѣда: изъ-за его малолѣтства, понятно, явится въ Россію и его отецъ, всѣмъ имъ извѣстный, никѣмъ не любимый герцогъ голштинскій. «Не лучше ли будетъ намъ остановиться», продолжалъ князь, развивая свою мысль, «на старшей отрасли нашихъ Царей? Всѣ мы еще недавно видѣли и хорошо знаемъ дочь Царя Іоанна Алексѣевича, вдовствующую герцогиню курляндскую Анну Іоанновну. Она и умная, и степенная, и насъ всѣхъ знаетъ. Ея привѣтныя и разумныя рѣчи у всѣхъ насъ еще въ памяти. И благодарна-то будетъ намъ, выбранная нами, Императрица!» Всѣ молчали, но не возражали. Передохнувъ нѣсколько, князь Дмитрій Михайловичъ продолжалъ: «Такъ ужъ будетъ благодарна, что станетъ слушать и нашихъ рѣчей, и

будетъ дѣйствовать по-нашему, по волѣ господъ членовъ Верховнаго Совѣта!»—Слушатели насторожились. За дверью, ведущей въ царскіе покои, послышался шорохъ, точно мышенокъ заскребъ; но никто не обратилъ на это вниманія, такъ какъ всѣ ждали, что скажетъ дальше князь. Онъ же сталъ объяснять, какимъ путемъ можно усилить власть Верховнаго Совѣта. По его словамъ выходило, что безъ Совѣта Анна Іоанновна не могла и войны объявлять самолично, и новыхъ налоговъ налагать, и дворянъ не наказывать безъ уликъ. «Не должна ни у кого имѣній отбирать въ казну, никому ихъ и не жаловать; не брать себѣ изъ казны лишнихъ противъ положеннаго денегъ; въ супружество не вступать самовольно, не выбирать себѣ наслѣдника и не привозить съ собою курляндскихъ придворныхъ чиновъ. Все должна она со спросу, по совѣту Верховнаго Совѣта рѣшать».—Слушали верховники,—и нравились имъ пункты, и страшно какъ-то было признаться.—Въ это время во дворецъ съѣхались духовныя власти, сенаторы, генералитетъ. Къ нимъ вышли верховники, и канцлеръ Головкинъ объявилъ всѣмъ, что выборъ ихъ палъ на дочь старшаго брата Петра Великаго, герцогиню курляндскую Анну Іоанновну. Общему собранію властей очень понравилось такое рѣшеніе верховниковъ, и они, по предложенію Ѳеофана Прокоповича, собрались-было ѣхать въ Успенскій соборъ, служить благодарственный молебенъ. Но Голицынъ остановилъ всѣхъ, повторивъ свои предложенія о пунктахъ.—Тогда рѣшили ждать съ молебномъ, пока придетъ отвѣтъ отъ Анны Іоанновны.

Порѣшили такъ, что на предпринятое дѣло пойдутъ одни верховники, остальные же сановники бу-

дутъ пока выжидать, какъ все устроится. Было опредѣлено, что пойдетъ письмо къ Императрицѣ отъ верховниковъ, и пункты будутъ приложены при немъ; повезутъ ихъ въ Митаву *) князья—Василій Лукичъ Долгорукій, Михаилъ Михаиловичъ Голицынъ и генералъ Леонтьевъ.

По всей дорогѣ до самой Митавы разставлена была бдительная стража, чтобы, какъ нибудь, изъ Москвы не пробрались къ новой Императрицѣ люди, противные верховникамъ, и не предупредили ее на счетъ пунктовъ. Вѣдь такъ выходило, что это была затѣя только верховниковъ, а не народная! Не матушка Россія ставила будущей Царицѣ пункты, выражая въ нихъ необычныя дотолѣ мысли. Наоборотъ, очень и очень многіе волновались, громко вопили, что не хотятъ они надъ собою власти верховниковъ, что легче служить одному Государю, чѣмъ цѣлымъ осьми. Чуя это броженіе умовъ, смѣтливый Долгорукій зорко глядѣлъ, не встрѣтится ли кто, не замѣтитъ ли чего подозрительнаго на пути; крѣпки ли заставы, бдительна ли стража? А того не вѣдалъ умный верховникъ, что не успѣли они дописать послѣдняго слова своихъ хитроумныхъ пунктовъ, какъ отъ внутреннихъ дверей ихъ совѣщательной палаты отдѣлилась какая-то тѣнь. Пробираясь по внутреннимъ покоямъ умершаго Царя, неслышно скользнулъ его камергеръ, графъ Гу́ставъ Ре́йнгольдъ Ле́венвольдъ. Оглядываясь, прислушиваясь, чуть дыша, скорёхонько добрался онъ до своего жилья, въ дворцовомъ же зданіи. Онъ все слышалъ, приложивъ внимательное ухо къ наглухо запертой двери внутреннихъ царскихъ покоевъ. Все понялъ, крѣпко

*) Столица Курляндіи.

сохранилъ каждое слышанное слово въ своей памяти и торопливо изложилъ все по-нѣмецки въ письмѣ къ старшему брату, мирно жившему въ своихъ лифляндскихъ помѣстьяхъ. Оба брата были сердечно преданы герцогинѣ курляндской. Конечно, съ одинаковымъ негодованіемъ смотрѣли ихъ нѣмецкіе умы на посягательство верховниковъ ограничить ея самодержавіе. При томъ же, московскій графъ могъ добросовѣстно передать своему брату, что Москва, не боярская, а за ней и вся Россія, не знаютъ боярской затѣи и, конечно, не сочувствуютъ ей. Онъ смѣло обнадеживалъ Анну Іоанновну въ сочувствіи къ ней простого народа русскаго, да, пожалуй, и большинства всѣхъ сословій. Письмо свое, обстоятельное, дѣльное, горячее, графъ вручилъ надежному, вѣрному слугѣ—скороходу, который и пробирался осторожно изъ заднихъ воротъ дворца, въ своемъ придворномъ нарядѣ, пока не дошелъ до пріятеля-финляндца, проживавшаго въ Нѣмецкой слободѣ. Оттуда, скорёхонько переодѣвшись въ крестьянское платье, онъ помчался, что̀ есть духу, въ легонькихъ санкахъ въ Лифляндію, везя къ брату своего господина драгоцѣнную вѣсть. Тотъ, въ свою очередь, не медля ни минуты, пустился въ Митаву. Свѣта Божьяго не взвидѣла отъ радости бѣдная вдовствующая Анна Іоанновна. О смерти двоюроднаго племянника она уже знала и въ грустномъ раздумьи сидѣла, перебирая въ своей головѣ, отъ кого ей теперь ждать милости, кого сторониться, когда случится ей пріѣхать на родину.—А тутъ вдругъ, нежданно-негадано, преданный Левенвольдъ сообщаетъ такую потрясающую вѣсть!

Тяжело чувствовалось и не богато жилось русской княжнѣ въ Митавѣ. Всѣ сосѣди вмѣшивались въ дѣла

ея маленькаго герцогства—поляки, шведы, пруссаки,—и тянули, что можно, себѣ. Даже Меншиковъ,—и тотъ собирался было сѣсть на ея герцогскій престолъ. На Москвѣ ей тоже было не весело. Мать, Царица Прасковія, ее не долюбливала. Прежде Императрица Екатерина была, правда, милостива къ ней, но Анна Іоанновна все же чувствовала свое второстепенное положеніе передъ блестящею Монархиней. Теперь точно просіялъ и освѣтился весь ея хмурый митавскій замокъ. Повѣяло сказочнымъ счастьемъ въ ея мрачныхъ хоромахъ. Ее возводятъ на тотъ самый престолъ, отъ котораго она, еще такъ недавно, съ такимъ страхомъ ждала милостыни, боялась его прогнѣвить.—Графъ Левенвольдъ очень почтительно изложилъ содержаніе полученнаго отъ брата письма. Умный, тактичный, онъ сумѣлъ объяснить, почему именно она должна, не колеблясь, благосклонно, принять пословъ, согласиться на всѣ ихъ предложенія и, уже въ Москвѣ, ознакомившись съ настроеніемъ большинства, рѣшить, какъ дѣйствовать, чтобы устранить неудобную власть верховниковъ. Внимательно слушала Анна Іоанновна, вся сосредоточенная, углубившись въ умную рѣчь преданнаго Левенвольда. Почти одновременно было получено письмо и отъ Ягужинскаго, черезъ Сумарокова. Вмѣстѣ прочитали они оба письма. Смыслъ ихъ былъ тождественъ. Но у Ягужинскаго была неоцѣненная подробность: ея не могъ ни понять, ни подслушать Левенвольдъ.—Ягужинскій сообщалъ о единомыслiи съ нимъ его тестя, великаго канцлера, графа Головкина, который обѣщалъ дѣйствовать въ пользу ея самодержавія, пока она будетъ шествовать въ Москву. Но оба московскіе доброжелателя совѣтовали, точно сговорясь,

одно и то же: принять въ Митавѣ благосклонно, безъ оговорокъ, престолъ Россійскій и условія верховниковъ. Левенвольдъ, какъ добрый ангелъ-хранитель, старался поддерживать благоразуміе Анны и на столько успѣлъ повліять на нее, что, когда въ тотъ же день явились въ Митаву именитые послы Русской земли, герцогиня курляндская уже совершенно овладѣла собою и могла принять ихъ съ большимъ достоинствомъ, тактично соглашаясь на всѣ ихъ требованія. Зорко вглядывался смышленый князь Василій Лукичъ въ знакомыя черты своей избираемой Государыни. Ясенъ былъ взглядъ ея умныхъ черныхъ глазъ, покойно—привѣтливо величавое лицо. Тишайшаго Царя напоминала его внука. А его, какъ помнится, дѣды толковали, не сразу можно было распознать и въ толкъ взять, что у него на умѣ хоронилось. «Нѣтъ, тутъ что-то нечисто», соображалъ смѣтливый Долгорукій и, не ложась, не отдыхая, какъ только вышелъ изъ покоевъ Государыни, сейчасъ же тайкомъ и разослалъ своихъ слугъ провѣдать, кто бы и какимъ путемъ могъ предувѣдомить Ея Величество. Ловкіе сыщики напали на слѣдъ Сумарокова, который успѣлъ-было наканунѣ покинуть Митаву. Связаннаго привели его къ князю Василію, страшно били, наказывая за измѣну верховникамъ, и въ оковахъ повезли съ собою обратно въ Москву.

Анна Іоанновна собралась къ отъѣзду очень скоро. Долгорукій ни на минуту не терялъ ее изъ виду, ни дорогой, ни въ селѣ Всесвятскомъ, въ 7-ми верстахъ отъ Москвы, гдѣ она остановилась, ни въ самомъ московскомъ дворцѣ. Тамъ верховники нашли нужнымъ отвести ему помѣщеніе рядомъ съ покоями Императрицы, подъ предлогомъ лучшаго надзора за карау-

ломъ.—На другой день послѣ пріѣзда Императрицы, къ ней явились члены Верховнаго Совѣта, и великій канцлеръ поднесъ ей, на золотомъ блюдѣ, орденъ св. Андрея Первозваннаго.—«Да я и забыла надѣть его!» проговорила Государыня. Верховники переглянулись.—У страха глаза велики. Имъ чудился затаенный смыслъ въ этихъ простыхъ словахъ. И еще зорче стали они наблюдать, чтобы никто и ничто, помимо ихъ, не проникало къ Ея Величеству. Даже ея родныя сестры,—герцогиня мекленбургская и царевна Прасковія,—и тѣ не допускались во дворецъ во всякое время. Однако правда нашла себѣ путь. Въ Москвѣ зрѣло недовольство противъ верховниковъ. И тутъ и тамъ начали собираться ихъ личные враги, особенно недовольные заносчивостью семьи Долгорукихъ. Гвардія тоже глухо ворчала. Начали слышаться голоса изъ городовъ, гдѣ ограниченіе самодержавной власти казалось потрясеніемъ исконныхъ основъ земли Русской. Движеніе все усиливалось.

Когда Императрица, послѣ похоронъ своего предшественника, Петра II-го, переѣхала въ Москву, до нея стали доходить, несмотря на всѣ караулы, точныя свѣдѣнія объ этомъ общемъ движеніи. Родственница Анны Іоанновны по матери, дѣвица Парасковія Юрьевна Салтыкова, назначенная находиться при ея особѣ, была вѣрною слугою преданной ей партіи. Умѣла вмѣстѣ съ тѣмъ избѣгать и подозрительныхъ взглядовъ Долгорукаго.

Какъ ни злостно выла вьюга надъ старой матушкой-Москвой, въ ночь съ 24-го на 25-е февраля 1730 года, какъ ни усердно заметала она улицы и закоулки столицы, сколько сугробовъ ни навѣвала у за-

боровъ и крылецъ домовъ,—но все же никакъ не могла унять рвенія враговъ Верховнаго Тайнаго Совѣта. Они спѣшили, кутаясь въ свои громадныя сибирскія шубы, въ домъ генералъ-поручика, князя Ивана Ѳеодоровича Барятинскаго, чтобы окончательно рѣшить, въ какихъ именно выраженіяхъ просить Императрицу сбросить гнетъ ограниченій ея власти. Рѣшеніе 74-хъ человѣкъ, собранныхъ у Барятинскаго, Василій Никитичъ Татищевъ повезъ къ князю Черкасскому. Тамъ его ждали генаралы, офицеры и князь Антіохъ Дмитріевичъ Кантемиръ. Онъ же переписалъ на-бѣло составленное прошеніе, и человѣкъ сто подписали его. Тогда разослали листы по гвардейскимъ полкамъ: графъ Апраксинъ и князь Кантемиръ сами ѣздили и собирали подписи безъ конца. А верховники спали, не вѣдая страшной новости, что полъ-Москвы стоитъ въ Успенскомъ храмѣ, поютъ молебенъ, Божьяго благословенія просятъ. Во дворцѣ же преданная Салтыкова передаетъ Ея Величеству счастливую вѣсть, торопливо наряжаетъ свою повелительницу въ пышный Императорскій уборъ и пробирается на цыпочкахъ отдать отъ имени ея приказъ—дворецъ весь окружить вѣрными полками.

Къ 8-ми часамъ утра 25-го февраля приверженцы Императрицы Анны собрались въ тронной палатѣ, запрудивъ собою всѣ помѣщенія отъ самыхъ воротъ. Какъ вскочитъ князь Василій Лукичъ: «Что тамъ? кто? зачѣмъ?»—испуганно лепечетъ онъ, наскоро облачаясь въ свой мундиръ. Растерянно является онъ къ сборищу, хватается за просьбу: «я самъ, я самъ подамъ Императрицѣ», лепечетъ онъ поблекшими губами, «зачѣмъ въ такую рань тревожить вамъ Ея Ве-

личество»?—«Анъ, нѣтъ, пріятель, погоди, мы ждемъ ее сюда. Она намъ обѣщала пожаловать, принять отъ насъ покорнѣйшую просьбу!» Тогда онъ бросился къ Императрицѣ. «Ваше Величество! Прости ты старика, не доглядѣлъ. Они, озорники, тутъ собрались, не уважая твой покой. Не ходи ты къ нимъ! Гони ты ихъ!»—«Къ чему же гнать, князь Василій? Царямъ всегда пріятно видѣть своихъ любимыхъ, вѣрныхъ подданныхъ. Они-жъ меня оповѣстили, что есть у нихъ ко мнѣ важнѣйшее дѣло. Мой долгъ ихъ выслушать. Тебѣ же не мѣшаетъ сходить въ Верховный Тайный Совѣтъ и, если тамъ кто изъ членовъ засѣдаетъ, вести всѣхъ въ мою тронную палату!»—«Вотъ рѣчь—такъ рѣчь! такъ и пахнуло непреклонною волей отцовъ и дѣдовъ», подумалъ князь Василій и съ поклономъ пошелъ исполнять приказъ Императрицы.—Плавно, величаво двинулась Анна Іоанновна въ тронную залу, къ ожидавшимъ ее челобитчикамъ. Откуда ни возьмись, около нея оказались и ея сестры, и Салтыкова, и Левенвольдъ.—Прошеніе подалъ фельдмаршалъ Трубецкой,—читалъ его Татищевъ.—При словахъ, что все дворянство, весь народъ униженно молятъ Ея Величество—править ими самодержавно, по завѣту своихъ славныхъ Предковъ, а не по указамъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, на лицѣ Императрицы выразилось сильное удивленіе.—«Какъ?» заговорила она, «развѣ не къ требованію всего народа снизошла я, подписывая актъ, поднесенный мнѣ въ Митавѣ?»—Въ одинъ голосъ всѣ присутствовавшіе заявили, что никто про этотъ актъ ничего и не зналъ.—«Выходитъ, князь Василій Лукичъ, что ты меня во всемъ обманывалъ?»—Собравшись съ послѣдними силами, старый боецъ, чувствуя, что почва выплываетъ у

него изъ-подъ ногъ, прибѣгнулъ-было къ смѣлому пріему. Въ почтительныхъ выраженіяхъ онъ началъ просить Ея Величество обдумать съ членами Верховнаго Тайнаго Совѣта, какой отвѣтъ дать на поданную бумагу.—«Чего еще тутъ обдумывать, Государыня», заговорила герцогиня мекленбургская: «вотъ чернила и перо, подпишите, что, милостиво снисходя къ просьбѣ Вашихъ подданныхъ, Вы принимаете, для блага ихъ же, правленіе въ свои самодержавныя руки». Анна подписала. Всѣ бросились къ ногамъ Императрицы благодарить ее, цѣловали ея руки, платье.—Она же сейчасъ приказала статскому совѣтнику Маслову принести подписанный ею въ Митавѣ актъ. Блѣднѣе мертвеца стоялъ Долгорукій. Онъ чуялъ недоброе для всей своей семьи. Тѣнь Меншиковыхъ мерещилась ему, воображеніе переносилось въ снѣга безлюднаго Березова. Когда принесли знаменитые пункты, Анна Іоанновна читала ихъ громко, одинъ за другимъ, спрашивая у собранія: «нуженъ онъ для благоденствія народнаго?»—Всѣ въ голосъ отрицали каждый пунктъ. Тогда она собственноручно разорвала бумагу, прибавивъ: «потому они и никому не нужны».—Громкіе нескончаемые крики торжества и восторга были отвѣтомъ на самодержавный поступокъ Императрицы. Во всѣхъ церквахъ, во всѣхъ полкахъ, по всему далекому пространству земли родной, съ облегченнымъ сердцемъ и чистою совѣстью сталъ присягать православный русскій народъ Самодержавной Государынѣ. Въ Москвѣ пошли спѣшныя приготовленія къ блестящимъ празднествамъ коронаціи.

Послѣ коронаціи, Императрица переѣхала на жительство въ Петербургъ, и тѣмъ былъ окончательно

Императрица Анна Іоанновна разрываетъ условія, предложенныя ей верховниками. (Къ стр. 76).

Въ кабинетѣ герцога курляндскаго Эрнеста Бирона собраны Остерманъ, Минихъ и Левенвольдъ. *(Къ стр. 77).*

рѣшенъ вопросъ, быть или не быть столицею Россіи любимому дѣтищу Великаго Петра.

И передъ младшею столицей
Главой склонилася Москва,
Какъ передъ новою царицей
Порфироносная вдова.

Императрица Анна Іоанновна избрала для своего жительства обширный домъ адмирала графа Апраксина, подаренный имъ въ 1728 году Петру и стоявшій почти на томъ же мѣстѣ, гдѣ теперь Зимній дворецъ. Старый же дворецъ приказала отдать подъ помѣщеніе придворныхъ музыкантовъ. Домъ Апраксина былъ отдѣланъ къ пріѣзду Ея Величества. Къ нему были пристроены—церковь, четыре покоя для кабинета Государыни, четыре для мыльни, три покоя для конфетныхъ уборовъ и помѣщеніе для семейства оберъ-камергера Бирона.

Эти покои ни въ чемъ не отличались отъ покоевъ Императрицы. Даже въ Европѣ разсказывали о сказочномъ убранствѣ Бироновскаго кабинета. Вся обширная комната была обита шелковою французской матеріей, полъ устланъ пушистыми восточными коврами. Золоченая мебель и огромный письменный столъ привлекали завистливое вниманіе посѣтителей. Особенно часто сходились у него его друзья-иностранцы: вице-канцлеръ Остерманъ, президентъ военной коллегіи фельдмаршалъ Минихъ и камергеръ Левенвольдъ.

Любя блескъ и увеселенія, Императрица приказывала устраивать придворные балы съ особенной роскошью. Леди Рондо разсказываетъ, что однажды зимой большія залы дворца были уставлены цѣлыми

рощами померанцевыхъ и миртовыхъ деревьевъ въ полномъ цвѣту; они были разставлены подъ-рядъ, точно аллеи, и за ними можно было отдыхать отъ танцевъ.

Празднуя взятіе Данцига, Ея Величество приказала дать блестящій балъ въ Лѣтнемъ саду. Когда начались танцы, ввели французскихъ офицеровъ, взятыхъ въ плѣнъ при осадѣ. Каждый изъ нихъ, раскланиваясь, цѣловалъ руку Императрицы. По окончаніи церемоніи, Анна Іоанновна обратилась къ старшему изъ нихъ, графу де-ля-Моттъ, съ милостивыми словами: «Можетъ быть, вы удивляетесь выбору подобной минуты для представленія: это вознагражденіе за худой пріемъ, сдѣланный вашими соотечественниками моимъ подданнымъ, взятымъ въ плѣнъ. Но, кромѣ этой непріятности, вы не подвергнетесь ничему. Я знала, что французы самый любезный народъ въ обществѣ, и потому надѣюсь, что мои дамы заставятъ васъ забыть эту непріятность» *). Де-ля-Моттъ съ низкимъ поклономъ отвѣчалъ, что Ея Величество нашла случай два раза ихъ побѣдить. «Мы надѣемся, что Минихъ отдастъ намъ справедливость, что мы сдались ему въ плѣнъ послѣ того, какъ тщетно истощили всю храбрость, но теперь мы съ восторгомъ предаемъ наши сердца во власть столь прелестнымъ побѣдительницамъ» **).

Въ царствованіе Анны Іоанновны Россія вела удачную войну съ Турціею. Русскія войска, подъ предводительствомъ фельдмаршала Миниха, одерживали побѣду за побѣдой. При Перекопѣ онъ разбилъ сто-

*) Собственныя слова Императрицы, переданныя леди Рондо въ ея письмахъ.

**) Тамъ же

тысячную татарскую армію и составилъ себѣ воинскую славу, оставшуюся за нимъ на страницахъ родной исторіи. При заключеніи мира, Турція уступила намъ земли между Бугомъ и Днѣпромъ и обѣщала срыть укрѣпленія Азова. Заботясь о размноженіи въ войскахъ искусныхъ и свѣдущихъ людей, Императрица поручила Миниху, какъ президенту военной коллегіи, представить ей предположенія объ основаніи кадетскаго корпуса, по образцу европейскихъ военныхъ школъ. Это первое русское воспитательное заведеніе было помѣщено во дворцѣ Меншикова на Васильевскомъ островѣ, гдѣ и теперь находится первый кадетскій корпусъ.

Въ царствованіе Анны же Іоанновны умеръ послѣдній въ родѣ герцоговъ курляндскихъ, и въ Митавѣ, по волѣ Ея Величества, провозгласили герцогомъ оберъ-камергера Ея Двора—Эрнеста Бирона, но онъ управлялъ своимъ герцогствомъ изъ Петербурга, не желая разставаться съ Россіей, вѣрно, предчувствуя то величіе, которое его тутъ ожидало.

Императрица, желая сохранить русскій престолъ въ потомствѣ своего отца, выдала свою племянницу Анну Леопольдовну *) замужъ за Антона, принца брауншвейгскаго. 12-го августа 1740 года Ея Величество была обрадована рожденіемъ внука, принца Іоанна Антоновича, котораго Императрица взяла подъ особое свое покровительство: сама была его воспріемницею и помѣстила возлѣ своей опочивальни. Этотъ ребенокъ предназначался быть Монархомъ Россіи.

---

*) У царя Іоанна Алексѣевича, кромѣ Анны, была дочь—Екатерина Іоанновна, бывшая въ замужествѣ за герцогомъ мекленбургскимъ, Леопольдомъ. Анна Леопольдовна, ихъ дочь, по матери приходилась родною племянницею Императрицы Анны.

Послѣ этого Императрица опасно заболѣла и вскорѣ скончалась. Маленькій Іоаннъ Антоновичъ былъ провозглашенъ Императоромъ, а до его совершеннолѣтія правителемъ государства былъ назначенъ Анною Іоанновною, передъ самой ея смертью, герцогъ курляндскій, Эрнестъ Бирономъ.

ИСТОЧНИКИ:

1) *С. Соловьевъ.* Исторія Россіи. т. 19, гл. 3.

2) *А. Вейдемейеръ.* Обзоръ главнѣйшихъ происшествій въ Россіи съ кончины Петра Великаго до вступленія на царство Екатерины II. Часть 1.

3) «Живописный Карамзинъ». Изданіе Андрея Прево. 1874 г. т. 3.

4) *Божеряновъ.* «Невскій проспектъ».

Король польскій Августъ III, ставленникъ Россіи.

24 Октября 1733 г.

ПЕРВАГО февраля 1733 года умеръ польскій король Августъ II. Эта вѣсть разнеслась по Европѣ зловѣщимъ призывомъ къ войнѣ. Взволновались кабинеты. Казалось, своихъ-то дѣлъ у всѣхъ не оберешься, а они занимаются Варшавой, Рѣчью Посполи́той, раздорами польскихъ магнатовъ, которые, какъ всегда, сами не знали, чего именно хотѣли. Гнѣзненскій архіепископъ Ѳеодоръ Потоцкій былъ давно уже за изгнаннаго изъ Польши Станислава Лещинскаго, друга Карла XII-го, покойнаго шведскаго короля-героя. Его поддерживала Франція, какъ тестя своего короля Людовика XV-го. Противъ него были знатнѣйшіе польскіе магнаты, знавшіе хорошо его бездарность, безхарактерность, неустойчивость. Имъ хотѣлось видѣть поляка на престолѣ. Саксонская партія стояла за сына покойнаго короля. Россія грозно протестовала сразу отъ имени своихъ союзниковъ, Австріи и Пруссіи: другъ

и союзникъ Карла XII, ставленникъ Франціи, послушникъ іезуитовъ, былъ вреденъ единоплеменнымъ и единовѣрнымъ ей подданнымъ Польши. Прусскій король поддерживалъ саксонскаго кандидата только съ условіемъ: если Августъ III достигнетъ престола,— то пусть признаетъ за нимъ королевскій титулъ, а то вѣдь для польскаго правительства онъ все еще былъ только курфюрстомъ бранденбургскимъ. Союзныя государства стали стягивать свои боевыя силы къ границамъ Польши. 27-го апрѣля въ Варшавѣ собрался конвокаціонный сеймъ, предшествовавшій избирательному, и было постановлено, что въ короли можетъ быть избранъ только природный полякъ, католикъ, женатый на католичкѣ, не имѣющій ни своего войска, ни наслѣдственнаго престола. Саксонскій курфюрстъ прямо былъ вычеркнутъ изъ списка кандидатовъ. Но когда надо было дать обѣщаніе и присягнуть въ томъ, что это постановленіе будетъ выполнено,—многіе отказались отъ исполненія обряда. Буря поднялась на сеймѣ. Примаса не слушались; содержаніе акта извратили; ссоры, личные счеты пошли, по старому, хозяйничать среди избирателей. Иностранцамъ было гдѣ помѣриться вліяніемъ.

Въ Петербургѣ поняли, что миролюбивый графъ Казиміръ Левенвольде не справится съ расходившимися страстями варшавянъ. На подмогу явился къ нему его энергичный братъ, графъ Карлъ-Густавъ. Оба они вмѣстѣ съ посланниками Австріи и Пруссіи доказывали примасу, что ихъ правительства отнюдь не мѣшаютъ кому бы то ни было быть избраннымъ въ короли, только не могутъ позволить Франціи распоряжаться, во-первыхъ, единолично, и, во-вторыхъ, противно постановленію польскаго сейма.—«Совершенно

равносильны права Франціи,—поддерживать тестя своего короля,—и права сосѣднихъ державъ,—защищать права и интересы Польши,»—вѣско замѣтилъ Левенвольде. Спорщики горячились все больше и больше; представители Россіи настойчиво заявили, что если интриги сторонниковъ Станислава будутъ дѣйствовать, то Императрица, любя Польшу, сумѣетъ отстоять и свои и ея интересы. Въ отвѣтъ примасъ воскликнулъ: «Если Богъ за насъ, кто противъ насъ!»

Волненія продолжались. Во главѣ Станиславской партіи явно стоялъ французскій посланникъ, громко заявлявшій, что не только Швеція на французскія деньги выслала свой флотъ къ устьямъ Вислы, но даже и Турція приготовила уже огромныя татарскія полчища, чтобы ринуться въ Польшу, на защиту Станислава. Къ союзникамъ тяготѣла огромная партія доброжелательныхъ гражданъ. Мни́шекъ, великій марша́локъ коронный, Липскій, епископъ краковскій, Сангу́шко, гофъ-маршалокъ литовскій, Любомирскіе, Радзивиллы, Сапѣга, Тембека, Браницкій. Это провѣдали противники и стали запасаться еще бо́льшимъ числомъ сторонниковъ. Союзнымъ дворамъ нельзя было медлить. Ихъ первый кандидатъ, португальскій инфантъ, по неизвѣстной причинѣ, не удался. Саксонскій же принцъ отличался уступчивымъ, покладистымъ нравомъ. Зная ограниченность своихъ правъ, шумливый нравъ поляковъ, онъ не могъ много обѣщать своимъ патронамъ, но все же, исполняя требованіе Австріи,—призналъ «прагматическую санкцію». Для Россіи же отказался отъ притязаній на Лифляндію, предоставивъ Курляндію Эрнесту Бирону. Пруссію безуспѣшно уговаривали согласиться съ союзницами ея. Только съ трудомъ, Фридрихъ-Вильгельмъ

пообѣщалъ быть безгласнымъ свидѣтелемъ стараній своихъ союзницъ.

На 25-е августа назначили избирательный сеймъ. Къ этому дню поля, прилегавшія къ Варшавѣ, покрылись знаменами воеводствъ и повѣтовъ, сошедшихся на выборы. Но Литва угрожающе стояла въ отдаленіи, въ Венгровѣ. Она была противъ Станислава. Новогрудскій воевода Радзивиллъ стоялъ за русскія требованія. Получивъ отъ примаса неудовлетворительные отвѣты на свои требованія, воеводства новогрудское, минское и подляшское образовали конфедерацію для сохраненія своихъ правъ.

Сеймъ шумѣлъ, по обыкновенію. Но партія Лещинскаго взяла все же верхъ: за нее былъ кіевскій подкоморій Роджевскій, родственникъ Станислава. И вотъ, среди общаго шума, почти неожиданно, вдругъ разнесся слухъ:—«подступаютъ русскіе полки!» У примаса, въ смятеніи, собрались вожаки. Любомирскій громко укорялъ ихъ: «Кто виноватъ въ этой напасти?—Станиславъ. Вы хвалитесь, что выгоните русскую армію, но гдѣ у васъ силы? Выйти противъ нея съ горстью людей,—это значитъ заставить весь свѣтъ смѣяться надъ Рѣчью Посполитой!—Откажитесь отъ Станислава! пусть на выборахъ господствуетъ свобода и законность, перестаньте говорить: кто подастъ голосъ противъ Станислава, того надо разрубить въ куски!» Далѣе Любомирскій требовалъ пересмотра условій, на которыхъ избирался король. Этотъ протестъ произвелъ очень сильное впечатлѣніе, но все же партія Станислава была настолько сильна, что, 9-го сентября, онъ рѣшился тайкомъ лично добраться до Варшавы. 10-го сентября начались приготовленія къ выборамъ. 11-го, когда при-

масъ долженъ былъ собирать голоса, паны съ праваго берега Вислы прислали сказать, что они протестуютъ противъ выбора Станислава.—«Онъ ссоритъ Польшу съ сосѣдями. Онъ вовлекаетъ въ войну!» Ничто не помогло. Подъ проливнымъ дождемъ примасъ объѣзжалъ ряды избирателей на полѣ, въ шляхетскомъ кругу, или, такъ называемомъ, рыцарскомъ колѣ. На его вопросы, кого желаютъ выбрать, казалось, всѣ отвѣчали: «Станислава!» Но меньшинство потомъ объяснило, что ловкій примасъ останавливался только около тѣхъ хоругвей, на которыя могъ расчитывать, проскакивая мимо ненадежныхъ. Свита же его трубила въ рога и кричала: «Виватъ, Станиславъ!» Такъ или иначе, но, по избраніи Лещинскаго, меньшинство избирателей въ числѣ четырехъ тысячъ съ двадцатью сенаторами ушли ночью въ Прагу. И хотя на другой день, по требованію большинства, короля торжественно ввели въ костелъ св. Яна и объявили избраннымъ на польскій престолъ, но все же нашли нужнымъ считаться съ удалившимся меньшинствомъ. Двѣ депутаціи отправились ихъ уговаривать, но успѣха не достигли. Меньшинство громко протестовало, отступая снова къ Венгрову и удачно отбиваясь отъ натиска безсильнаго большинства.

Самому избранному королю становилось жутко. Черная туча грозно шла противъ него изъ Россіи. Приходилось укрываться отъ этой побѣдоносной силы. Войска у него не было, вдобавокъ Варшава была вовсе не укрѣплена. Одно оставалось—покинуть столицу и укрыться въ болѣе надежномъ убѣжищѣ. Выборъ палъ на Данцигъ, какъ единственный польскій городъ, имѣвшій исправную крѣпость. Къ тому

же, съ моря могли приплыть на помощь французскіе и шведскіе корабли. А кто знаетъ?—можетъ быть, Пруссія и Турція двинутся ему на выручку.

Еще не кончился шестинедѣльный срокъ положенія для ординарныхъ сеймовъ, а русскій главнокомандующій уже подходилъ къ покинутой столицѣ. 30-го сентября на правомъ берегу Вислы стоялъ нашъ двадцатитысячный отрядъ. Въ строю виднѣлись донскіе казаки, украинскіе гусары, чугаевскіе калмыки. Ласси собралъ въ своемъ лагерѣ оппозицію и потребовалъ кончить выборы къ положенному сроку. Къ нему въ Прагу пріѣхали—познанскій епископъ, Любомирскій, Радзивиллъ, Сапѣга, Огинскій, Завита, Поннинскій и многочисленная шляхта. Подъ его покровительствомъ, 22-го октября, несмотря на неумолкавшую, но вполнѣ безвредную пальбу варшавскихъ пушекъ, составилась конфедерація; маршаломъ ея былъ Поннинскій. 24-го, въ пятомъ часу дня, въ разстояніи полумили отъ Праги, въ урочищѣ Гроховѣ, сконфедеровальная Рѣчь Посполитая выбрала себѣ въ короли Фридриха-Августа, курфюрста саксонскаго. Громкіе «виватъ», пушечная пальба привѣтствовали это счастливое рѣшеніе. Въ церкви бернардиновъ отправленъ былъ благодарственный молебенъ. Русскій лагерь салютовалъ 93-мя пушечными выстрѣлами и три раза ружейнымъ бѣглымъ огнемъ. Черезъ три мѣсяца въ Краковѣ Августъ III-й короновался короною Пястовъ.

Но это еще не значило, что Польша успокоилась. Если за Августа стояли всѣ сторонники Россіи и враги Станислава, то у данцигскаго гостя была все же не малая партія. Ее поддерживали и обѣщанія, и совѣты, и деньги Франціи, Пруссіи, Швеціи и Турціи. Нельзя было складывать оружія. Наше правительство, собравъ

болѣе 50000 войска, двинуло его къ Данцигу, подъ командой храбраго фельдмаршала Миниха. «Ваше Императорское Величество! вѣрно обнадеживаю, что я, по прибытіи моемъ къ арміи, городъ Гданскъ *) такъ осадить черезъ Божію помощь уповаю, что изъ онаго и въ оный, никто, кромѣ бомбъ и ядеръ, которыя со стороны Вашего Величества туда посылаться будутъ, попасть не можетъ, и съ магистратомъ уповаю такъ поступить и городъ въ такое утѣсненіе привесть, чтобы полную сатисфакцію Вашему Величеству, также и славу Вашего Величества войску получить, ежели бы только чрезъ помощь Божію вскорѣ туда прибыть могъ!» писалъ храбрый воинъ, пріѣхавъ подъ Данцигъ. Сейчасъ же онъ собралъ военный совѣтъ 5-го марта, сдѣлалъ диспозицію, а 9-го марта донесъ уже о взятіи приступомъ богатаго предмѣстья—Шотландія. Тамъ было множество провіанта, припасовъ, орудій, пороха, такъ что на Данцигъ были направлены польскія же пушки, которыя палили и разрушали его польскимъ же порохомъ. Наши солдаты продовольствовались польскимъ провіантомъ. О данцигскихъ дѣлахъ фельдмаршалъ увѣдомлялъ Императрицу, что «Станиславъ Лещинскій боленъ и собирается сложить свою горемычную голову въ Данцигѣ, примасъ пьянъ, а всѣмъ заправляетъ Понятовскій и французскій посолъ». Прусскій король, какъ всегда, сыгралъ двойную игру. Русскій ставленникъ въ Варшавѣ не могъ быть ему пріятенъ, и потому, не помогая гласно Станиславу, онъ все же не пропустилъ нашу артиллерію къ Данцигу черезъ свои владѣнія. Минихъ не унялся, и наши пушки, съ опасностью, но подплыли къ нему съ моря.

*) Славянское имя Данцига.

22-го марта онъ доносилъ Императрицѣ: «Каждый день съ авантажемъ, одинъ постъ за другимъ счастливо отбираю отъ непріятеля; между прочимъ одинъ главный, на берегу, взятъ ночью съ 21-го на 22-ое, и сдѣланъ съ русской стороны крѣпкій редутъ, который пресѣчетъ сообщеніе непріятеля по Вислѣ. Жителямъ Данцига и ихъ гостямъ, какъ птицамъ, головы покрыты».

1-го апрѣля къ русскимъ приплыла артиллерія изъ Риги и Ревеля. По почтѣ явились пушки изъ Саксоніи, проѣхавъ прусскія владѣнія, подъ видомъ экипажей герцога Вейсенфельдскаго. Но и непріятель не дремалъ. Французскій флотъ показался съ моря, польскія войска защитниковъ Станислава подходили съ суши. При взятіи форта Го́гельсбергъ наши отряды сильно пострадали. Но ни Императрица, ни фельдмаршалъ не встревожились. Осада и наступленіе продолжались. Когда пришли вторичныя французскія подкрѣпленія, 16-го мая произошелъ бой упорный, оживленный; въ этой первой схваткѣ двухъ славныхъ европейскихъ армій, наши взяли верхъ. Въ донесеніи Императрицѣ, выхваляя храбрость своихъ солдатъ, Минихъ писалъ, что они въ этой битвѣ «охоту и радость оказывали, и ничего такъ не желали, какъ чтобы французы еще сильнѣе пришли и въ другой разъ бы отвѣдали».

Къ началу іюня подошли саксонскія войска, прибылъ нашъ флотъ и привезъ артиллерію. Французская эскадра удалилась, отнявъ у насъ три галіота и потерявъ тридцати-пушечный фрегатъ. Минихъ предпринялъ осаду вейсельмюндскихъ укрѣпленій, защищаемыхъ французами. Командиръ де-ля-Моттъ спросилъ мнѣнія Станислава и данцигскихъ главарей; тѣ под-

твердили свое намѣреніе умереть, но не сдаваться, предполагая, что подоспѣетъ помощь, и что русскимъ не справиться. Минихъ же твердилъ свое, по вѣрнымъ свѣдѣніямъ изъ Голландіи и Англіи: «помощи ждать нельзя ни откуда, онъ же, безъ милосердія, не пощадитъ враговъ, если они будутъ дольше упорствовать». Дѣйствительно, укрѣпленіе сдалось на капитуляцію. 17-го іюня русскій флотъ отплылъ съ плѣнными французами въ Кронштадтъ, а оттуда ихъ перевезли въ лагерь, подъ Копорье.

Очередь оставалась за Данцигомъ. Ему грозило полное разрушеніе отъ геройскихъ натисковъ побѣдоноснаго Миниха. Какъ ни дорожилъ торговый людъ дружескими отношеніями къ Франціи, гдѣ были сосредоточены его денежные интересы, какъ ни искренно хотѣлъ укрыть въ своихъ стѣнахъ тестя французскаго короля, но все же не рѣшился жертвовать собою всецѣло за спасеніе короля-изгнанника. Станиславу пришлось освободить городъ отъ данной ему присяги и настойчиво совѣтовать сдаться русскимъ.

Французскій посланникъ приготовилъ ему убѣжище въ своемъ домѣ подъ предлогомъ, что онъ стоитъ въ отдаленіи, до него не долетаютъ пушечные выстрѣлы, и Станиславъ можетъ удобнѣе, чѣмъ въ королевскихъ покояхъ, отдохнуть отъ тревогъ и гнетущихъ заботъ. На самомъ же дѣлѣ, тутъ скрывался другой замыселъ. Въ глубочайшей тайнѣ были приняты самыя толковыя мѣры, сдѣланы необходимыя приготовленія къ побѣгу короля. И когда, при наступленіи ночи, добрые жители Данцига думали, что ихъ именитый гость уснулъ покойно подъ кровомъ дружескаго посольства, его очень тщательно, осторожно переодѣвали въ грубое поношенное крестьянское платье, толстую холщевую рубашку,

дырявые сапоги и мохнатую шапку. Въ руки взялъ онъ суковатую палку и въ 10 часовъ вечера, напутствуемый горячими пожеланіями счастливаго пути, пѣшкомъ удалился изъ гостепріимнаго дома посла.

На улицѣ его уже ждалъ другой крестьянинъ, готовый, какъ и онъ, къ дальнему пути.—Это былъ переодѣтый генералъ Штейнфельдъ. Плацъ-маіоръ самъ перевезъ путниковъ черезъ каналъ. Но тамъ—первое волненіе: караулъ пришелъ въ смятеніе, и грозное—«нельзя проходить!»—заледенило кровь въ жилахъ короля. Что дѣлать? На что рѣшиться? Набравшись храбрости, Штейнфельдъ признался караульному офицеру,—и имъ съ почтеніемъ открыли путь. За постомъ, съ лодкой ждали еще три поселянина, нѣмцы, выбранные въ проводники, руководители этого опаснаго предпріятія. Гребцы, едва пошевеливая веслами, двигались въ ночной тиши, и таинственная лодка тихо пробиралась по наводненнымъ полямъ; путники надѣялись до разсвѣта переплыть весь разливъ и попасть на противоположный берегъ Вислы. Вдругъ, къ удивленію, почти испугу Станислава, гребцы остановились у какой-то лачуги, среди болота, и рѣшительно отказались продолжать свой путь. Тутъ къ нимъ подошелъ еще одинъ сопутникъ, видимо, какъ и они, переодѣтый,—какъ и они, искавшій способа сбѣжать неузнаннымъ изъ Данцига. Назвалъ онъ себя купцомъ-банкротомъ, спасавшимся въ Пруссію отъ должниковъ. Тупость, грубость проводниковъ, непривѣтная хижина, ночной сырой воздухъ, все наводило бѣднаго изгнанника на тяжелыя мысли. Подъ утро Штейнфельдъ, чтобы согрѣть прозябшаго короля, сварилъ превкусный супъ. Но не до ѣды было бѣднягѣ. Въ

ушахъ трещали залпы орудій, раздававшіеся съ портовъ,—это салютовали сдачѣ его Данцига.

Кое-какъ протянулся мучительный день. Начинало темнѣть, и путники тронулись, пробираясь среди тростниковъ, при чемъ случилось имъ перетаскивать на рукахъ свою спасительную лодку. Добравшись до какой-то плотины, старшій проводникъ рѣшилъ, что генералъ и банкротъ съ однимъ проводникомъ пойдутъ пѣшкомъ по плотинѣ, король же съ остальными поплыветъ дальше. Сердце замирало у Станислава: разлука съ Штейнфельдомъ, неувѣренность, пожалуй, трусость проводниковъ все больше и больше пугали его тревожную душу. Ему чудились вездѣ разъѣзды, пикеты, казаки. Начинала заниматься заря, и, конечно, осторожность указывала на необходимость новой дневки. Въ первомъ попавшемся жильѣ, хозяинъ, знавшій проводниковъ, на вопросъ, «нѣтъ ли вблизи русскихъ?» добродушно отвѣчалъ: «еще нѣтъ, но если у васъ есть къ нимъ дѣло, то успѣете нѣсколько разъ переговорить. У меня за день не мало ихъ тутъ перебываетъ».—Просто, хоть прочь бѣги! а куда? Кругомъ все пусто, ни тѣни строеній, гдѣ бы схорониться. Жутко становилось, проводники же не двигались. Да и правы были: днемъ, какъ-разъ, попадешься въ руки москалей. И пришлось горемычному бѣглецу по веревочной лѣстницѣ кое-какъ вскарабкиваться на чердакъ, гдѣ были навалено сѣно и солома. Проводники внизу преспокойно принялись за завтракъ. Сердобольная хозяйка вспомнила о немъ; съ большими усиліями удалось ей передать ему съѣстное. Кряхтя и охая, угощала она страннаго путника, не мало дивясь, что онъ не хочетъ спуститься погуторить внизу съ развеселымъ казацкимъ патрулемъ, остановившимся у нихъ, на перепутьи.

У Станислава мурашки забѣгали по спинѣ, въ глазахъ темнѣло, кровь стала застывать. А вдругъ солдаты вздумаютъ шарить, или пойдутъ соснуть на чердакъ? Онъ навострилъ ухо, заглянулъ въ скважину слухового окна. На дворѣ казакъ торопливо поправлялъ подпругу у коня своего командира. «Ієзусъ! Марія!» взмолился несчастный, и въ отчаяніи повалился на свое мягкое ложе.

Гости весело ѣли, пили, болтали; кто знаетъ, можетъ быть, они посланы въ погоню за нимъ. Подъ вечеръ, очнувшись, Станиславъ осторожно озираясь, чуть дыша, сталъ спускаться въ избу. Проводники заторопились. Они расчитывали найти генерала въ четверти мили отъ нихъ. Лодка была уже готова, и они въ темнотѣ поплыли къ намѣченному пункту. Станиславъ нѣсколько пріободрился. Онъ сталъ довѣрчивѣе глядѣть на проводниковъ, такъ какъ, несмотря на болтовню съ казаками, они не обмолвились ни полусловомъ и держались такъ осторожно, что не навели на своихъ собесѣдниковъ ни малѣйшаго подозрѣнія.

На другомъ берегу Вислы не было ни генерала, ни банкрота, ни проводника, ни лодки, ни малѣйшихъ слѣдовъ ихъ пребыванія на условленномъ мѣстѣ. Опять волненія, страхи, подозрѣнія! Что предпринять? Куда идти?—Въ первой хатѣ, о ужасъ! хозяинъ сразу узналъ его, назвалъ по имени и сталъ выражать восторгъ, удивленіе,—все то, что было такъ опасно, такъ страшно! Собравъ все свое мужество, Лещинскій во всемъ сознался ему.—«Вижу по лицу, что ты честный человѣкъ», храбро продолжалъ онъ: «и не откажешь мнѣ въ необходимой помощи». На счастье, онъ и вправду не ошибся. Добрякъ бросился стаскивать лодку къ извѣстной ему удачной переправѣ.

Станиславъ Лещинскій видитъ въ скважину слухового окна казаковъ.

(Къ стр. 92).

Въ эту минуту къ нимъ подошелъ и старшій проводникъ.—«Гдѣ генералъ?» въ волненіи повторялъ король.—«Ночью мы замѣтили казацкіе объѣзды на томъ мѣстѣ, гдѣ было рѣшено всѣмъ намъ встрѣтиться. Пришлось разойтись въ разныя стороны, а то, пожалуй, и въ плѣнъ угодишь. Надѣюсь, онъ теперь ужъ въ безопасности». Страшно недоумѣвалъ Лещинскій: генералъ-то переряженъ, какъ и я, такъ чего же ему скрываться? отъ кого? зачѣмъ? И опять тяжелыя сомнѣнія, горькія думы затерзали его бѣдную, наболѣвшую голову. Личная опасность какъ-то еще яснѣе, еще суровѣе вставала передъ его изнуренною душой. Силы начинали ему измѣнять. Во всякомъ случаѣ, надо было остановиться, передохнуть, обдумать, обсудить дальнѣйшее странствованіе. Сутки рѣшились просидѣть на мѣстѣ, какъ въ засадѣ. Принялись думать. Бутылки, опоражниваясь, развязали языки проводниковъ. Они стали набираться храбрости, собираясь, чуть что не по самому русскому лагерю, средь бѣла дня, провести своего именитаго путника. «Желая возстановить равновѣсіе», говоритъ Лещинскій въ своихъ запискахъ (откуда мы и почерпнули этотъ разсказъ), «я овладѣлъ бутылкой и раздавалъ изъ нея храбрость по-стольку, по-скольку это было нужно».

На слѣдующій день хозяинъ обшарилъ мѣстность и пришелъ съ утѣшительною вѣстью, что разъѣздовъ казацкихъ нигдѣ не видать, дороги чисты, лодка готова. Къ ночи приготовились въ дальнѣйшій путь, направясь къ берегу Вислы. Впереди ѣхалъ хозяинъ, за нимъ на нѣкоторомъ разстояніи Станиславъ верхомъ на отчаянной клячѣ. Проводники шли пѣшкомъ въ арьергардѣ. Впрямь ли или отъ страха, только

имъ казалось, что въ ночномъ сумракѣ то тутъ, то тамъ свѣтились огни русскихъ бивуаковъ. На счастье, путниковъ-то самихъ никто не видѣлъ, и они благополучно достигли своей лодки и переправились на другой берегъ.

Медлить было невозможно. Оказалось, что и по эту сторону рѣки встрѣчались русскіе объѣзды. Проводники этого не хотѣли понять и захрапѣли, какъ только добрались до ночлега, въ сосѣдней корчмѣ. Но Станиславу было не до сна. Онъ настойчиво добудился одного изъ нихъ,ославъ скорѣе отыскивать повозку и лошадей, чтобы продолжать путь. Съ трудомъ нашли необходимое. Онъ купилъ за 25 червонцевъ и лошадь и повозку. У проводника глаза разгорѣлись. И ему захотѣлось золота. Онъ началъ громко пересчитывать свои заслуги, перенесенныя опасности и возможность быть за нихъ повѣшеннымъ. Кое-какіе любопытные стали собираться вокругъ, прислушиваться къ чудеснымъ разсказамъ. Ну, какъ поймутъ и доберутся до истины?—опять испугался Лещинскій. На счастье, проснулся старшій проводникъ, унялъ болтуна, самъ сѣлъ за кучера, пьянчугу уложили въ повозку, и Станиславъ поддерживалъ его, какъ могъ, всю дорогу. Третьяго же товарища отправили назадъ въ Данцигъ съ докладомъ къ французскому послу. Бѣглецы, кое-какъ, плутая по дорогамъ, боясь попасться въ руки русскихъ, наконецъ добрались до деревни, въ которой Лещинскій выдалъ себя за скотопромышленника, ѣдущаго въ Пруссію собирать долги. Никто не хотѣлъ давать лодки,—русскіе покупали ихъ по такой высокой цѣнѣ, что ими дорожили. Наконецъ, кое-какъ согласились подать на тотъ берегъ условленный сигналъ. Его поняли, прислали лодку, и король

Станиславъ Лещинскій, добравшись, наконецъ до прусскихъ владѣній, пріѣхалъ благополучно въ Маріенвердэнъ, гдѣ могъ вздохнуть свободно. Потерявъ корону и тронъ, онъ все же сохранилъ свою свободу и жизнь. Прусскій король радушно пригласилъ высокаго изгнанника поселиться на-время, для отдыха, въ кенигсбергскомъ своемъ дворцѣ.

Въ Европѣ же продолжалась война, вызвавшая даже походъ русскихъ на Рейнъ подъ предводительствомъ Ласси. Австрія сильно пострадала, Франція, по договору 1735 года, получила Лотарингію съ тѣмъ, что ею, до своей смерти, будетъ управлять Станиславъ Лещинскій, тесть французскаго короля. Въ свою очередь онъ навсегда отказывался, въ пользу Августа III, отъ своихъ правъ на польскую корону, сохраняя за собою только королевскій титулъ. Россія поставила на своемъ: благодаря беззавѣтной храбрости ея арміи и искусству фельдмаршала Миниха, на польскій престолъ былъ возведенъ ея ставленникъ, король Августъ III.

ИСТОЧНИКИ:

1) *С. Соловьевъ.* Исторія Россіи. Т. 20.
2) *Уманецъ.* Станиславъ Лещинскій. Монографія.

Императрица Елизавета Петровна.

СИЛА жизни, которую вдохнулъ Петръ Великій въ свою любимую Россію, такъ могуча, что, не смотря ни на что, старая Европа считается съ своей молодой, еле оперившейся сосѣдкой. Опытные государственные борцы Австріи, Пруссіи, Англіи не спускаютъ съ нея своихъ наблюдательныхъ глазъ. Каждый изъ иноземныхъ пословъ имѣлъ поддержку при русскомъ Правительствѣ. Они не жалѣли денегъ и употребляли всѣ возможныя мѣры, лишь бы только провести свои взгляды и поддержать свои интересы среди русскихъ вельможъ.

Австрія запаслась поддержкой Остермана и Левенвольде, которые совершенно искренно были убѣждены, что еще на долгіе годы сохранятъ свое положеніе при русскомъ дворѣ, стоя за родственника австрійскаго императора Карла VI, принца Антона-Ульриха брауншвейгскаго, супруга Анны Леопольдовны, родной племянницы, по матери, самой покойной Государыни.

Прусскій король Фридрихъ II, впослѣдствіи Великій, находилъ выгоднымъ для себя дружить съ самимъ всесильнымъ временщикомъ. Вотъ для чего онъ употребилъ все свое вліяніе на Польшу и заставилъ ее согласиться на выборъ вассальнымъ ей герцогомъ курляндскимъ, камергера русской Императрицы, Эрнеста Бирона. Фельдмаршалъ Минихъ, счастливый и искусный воинъ, не любилъ ни принца Антона, ни регента Бирона, за то рыцарски преклонялся передъ молодой, кроткой принцессой Анной, матерью Императора. Онъ съ свойственной ему горячностью дѣлился съ нею своими симпатіями къ прусскому королю, подарившему ему прекрасное помѣстье въ Вестфаліи.

Агентъ Франціи, сторонникъ Швеціи, Шетарди не спускалъ зоркихъ глазъ со всѣхъ движеній своихъ собратій. Онъ стоялъ ближе другихъ къ чисто русскому, тщательно скрываемому теченію. Онъ одинъ понялъ недальновидность своихъ товарищей, ихъ невѣдѣніе русскихъ народныхъ интересовъ, симпатій, желаній. Онъ одинъ разглядѣлъ, въ чемъ сила русской жизни того времени, хотя она таилась не то подъ скромной крышей уединеннаго дворца цесаревны Елизаветы, не то, въ еще болѣе скромныхъ хижинахъ солдатскихъ семействъ, ютившихся на задворкахъ и окраинахъ столицы. Тамъ, въ этихъ незатѣйливыхъ жильяхъ, часто съ благоговѣніемъ повторяли одно дорогое имя. Тамъ часто на крестинахъ, свадьбахъ въ хорошіе и ненастные, въ радостные и печальные дни можно было увидѣть, обыкновенно, очень одинокую цесаревну Елизавету Петровну. Тамъ матери учили дѣтей молиться за благовѣрную свою крестную, больные ждали съ молитвой добраго

ангела-утѣшителя, который такъ часто являлся среди солдатскихъ семей дѣлить ихъ скромныя радости, помогать въ тяжелыхъ невзгодахъ. Ласковый взглядъ чудныхъ голубыхъ глазъ, чарующая улыбка, доброе слово красавицы-царевны, какъ солнечный лучъ, освѣщали и грѣли неприглядную жизнь бѣдняковъ.

Ловкій французъ доносилъ своему двору обо всемъ, что видѣлъ, что понималъ. Въ ночь съ 8-го на 9-ое ноября 1740-го года сидитъ онъ въ своемъ уютномъ кабинетѣ, за большимъ письменнымъ столомъ съ тонкой изящной рѣзьбой. Ровный свѣтъ восковыхъ свѣчей падаетъ изъ-подъ абажура на дѣловыя бумаги, записки и массу нарядныхъ бездѣлушекъ, перьевъ, ножичковъ, раскинутыхъ вокругъ золотой чернильницы, и освѣщаетъ умную наклоненную голову маркиза, оставляя въ пріятномъ полумракѣ дорогіе обои, ковры, книжные шкафы, статуи, бюсты. На великолѣпныхъ стѣнныхъ часахъ, въ футлярѣ изъ розоваго дерева, съ фарфоровыми медальонами, давно уже пробило полночь. Посланникъ, видимо, очень озабоченъ, встревоженъ. На его тонкихъ подвижныхъ чертахъ, еще очень красивыхъ и очень выразительныхъ, можно прочесть крайнее волненіе, даже озлобленіе. Въ сотый разъ перечитываетъ онъ бумаги, только что полученныя изъ Парижа. Тамъ имъ недовольны, его упрекаютъ въ бездѣйствіи. Но что же можетъ онъ сдѣлать, когда у него связаны руки? Завѣтная мечта его правительства, да и его лично,—видѣть на русскомъ престолѣ дочь того, кто такъ обворожилъ французовъ въ бытность свою въ Парижѣ. Но дѣйствовать для осуществленія этой мечты можно только съ согласія самой цесаревны, а она ни о чемъ не хочетъ и слышать. «Если Богу

угодно, все прійдетъ въ свое время, теперь еще рано!» говоритъ она, оставаясь, повидимому, въ сторонѣ отъ политической жизни государства.

Провозглашеніе Императоромъ, по волѣ умершей Императрицы, младенца Іоанна VI Антоновича дѣлало герцога курляндскаго полновластнымъ правителемъ государства,—это противорѣчило желаніямъ августѣйшихъ родителей Императора. Полководецъ Минихъ прибѣгнулъ къ дипломатической уловкѣ. Онъ рѣшился поддержать обиженную принцессу Анну Леопольдовну.

7-го ноября ему удалось уговорить ее не перечить его планамъ, довѣриться ему вполнѣ и дѣйствовать по его указаніямъ относительно офицеровъ и солдатъ. На другой день, когда караулы столицы, особенно же дворцовъ, были заняты преданными ему преображенцами,—подъ прикрытіемъ ночи, осторожно, въ каретѣ, съ однимъ только адъютантомъ Манштейномъ, отправился Минихъ во дворецъ. На счастье, ворота были отперты, и они въѣхали во дворъ. Тихо, безъ шума дошли они до внутреннихъ покоевъ, разбудили фрейлину Менгденъ и приказали доложить о себѣ принцессѣ. Она сейчасъ же вышла къ Миниху, который попросилъ ее спуститься къ солдатамъ и отъ своего имени сказать караулу, что должно во всемъ повиноваться фельдмаршалу, такъ какъ онъ выполняетъ ея волю. Солдаты поклялись быть вѣрными младенцу-Императору и данной ему присягѣ, поцѣловали руку принцессы и пошли за Минихомъ.

Когда отрядъ двинулся отъ дворца принцессы, какая-то тѣнь тихонько, осторожно пробиралась по тѣмъ же темнымъ улицамъ, плотно держась домовъ и заборовъ. Услыша легкій шумъ шаговъ отряда и

принявъ ихъ за патруль, прохожій трусливо спрятался за столбъ какого-то подъѣзда, потомъ любопытно выглянулъ и поплелся по пятамъ мнимаго ночного обхода. Вонъ поодаль, шагомъ двигалась чья-то карета. Что за притча? Отрядъ дошелъ до дворца регента и остановился. Кто-то что-то кому-то сказалъ, и отъ густой, черной точки отдѣлился, казалось, одинъ человѣкъ, который и вошелъ во дворецъ. Ни живъ, ни мертвъ стоялъ прохожій! страшно становилось, а любопытство разбирало: и чего эти люди, видимо, солдаты, стоятъ тутъ, точно окаменѣлые? что за оказія такая? и какъ бы не попасться безвинно въ какую бѣду! Но охота пуще неволи: ноги не хотятъ двигаться,—стоятъ, шея вытянулась, ухо ловитъ малѣйшій шорохъ, глаза хотѣли бы пронзить темноту, проникнуть сквозь стѣны. Изъ дворца вышли три тѣни, отрывисто поговорили, какъ будто даже не очень тихо, но до возбужденнаго слуха невольнаго свидѣтеля донеслось только что-то очень неясное. Къ своему окончательному ужасу, онъ какъ будто бы разслышалъ не русскія, иныя, очень знакомыя слова. Потомъ вся толпа такъ же таинственно, неслышно вошла въ подъѣздъ. Тамъ все было темно, тихо, точно въ склепѣ. Смѣльчакъ не унялся и скользнулъ за карауломъ. Его-то ужъ, конечно, не услышатъ, лишь бы не увидѣли. Онъ старался если не все разсмотрѣть, то многое сообразить, о многомъ догадаться. Да ужъ одинъ таинственный приходъ караула ко дворцу регента наводилъ его на пріятныя, хотя и страшныя предположенія. Всѣ двери, къ счастью, настежь: никто не думалъ, видно, запирать. Въ обширномъ залѣ въ два свѣта—тьма-тьмущая. Толпа остановилась, нѣсколько человѣкъ отдѣлилось и пошли, по отданному шепотомъ приказанію, пряме-

хонько къ герцогской опочивальнѣ. Незримый свидѣтель всѣхъ этихъ страстей закрестился слѣва на право и зашепталъ молитву: «О, Боже, помоги!». Вдали за дверями послышался шумъ,—и вотъ солдаты идутъ назадъ, осторожно неся что-то большое, тяжелое, завернутое въ военную мѣховую шинель. За ними слѣдуетъ весь караулъ. Теперь, при свѣтѣ еле-еле занимающагося дня, выдѣляется во главѣ солдатъ длинная, стройная фигура самого фельдмаршала. Онъ глазъ не спускаетъ съ солдатской ноши, которую бережно кладутъ въ карету. Минихъ садится съ ношею рядомъ, твердой рукой захлопывая дверцу; офицеры и солдаты преображенскаго полка становятся на запятки, садятся на козлы, а другіе бѣгутъ съ обѣихъ сторонъ. Карета мчится во весь духъ ко дворцу принцессы. А никѣмъ незамѣченная, таинственная тѣнь скользитъ въ свою очередь за спинами дѣйствующихъ лицъ, выбирается неслышно изъ дворца и бѣжитъ прямо къ дому французскаго посольства; что̀ есть мочи, стучится нежданный, ночной гость въ двери маркиза де-Шетарди, и въ волненіи не можетъ дождаться, когда ему отопрутъ.

Какъ ни были увѣрены иноземные послы въ своей личной безопасности, но все же ночное и такое шумное посѣщеніе взволновало весь домъ, даже самого разсудительнаго маркиза. Онъ невольно поднялся и стоялъ, когда его вѣрный слуга ввелъ къ нему въ кабинетъ ночного гостя. Съ виду это былъ мастеровой, одѣтый, какъ одѣвались въ то время мастеровые-иностранцы, начинавшіе русѣть. Длинный сюртукъ со сборками назади сидѣлъ свободно, пожалуй, и неуклюже на высокой, довольно плотной фигурѣ. Изъ-подъ чернаго шелковаго камзола виднѣлась ситцевая рубашка, а

широкіе шаравары были упрятаны за голенища высокихъ сапогъ. «Какъ знакомо мнѣ это лицо», думалъ маркизъ, «кто онъ? гдѣ я его видѣлъ?» Онъ вопросительно поднялъ глаза на лакея. Тотъ почтительно не отходилъ отъ дверей: впустить-то впустилъ, и какъ будто призналъ, а теперь опять беретъ раздумье: ужъ очень взволнованъ, очень страненъ безвременный гость. Но тотъ, едва дыша, не говоря ни слова, грохнулся въ первое попавшееся кресло и сдернулъ парикъ, обстриженный по-русски, въ скобку. Изъ-подъ него разсыпались, видимо, пудренныя, но теперь совсѣмъ мокрыя кудри. Лакей степенно улыбнулся и неслышно исчезъ за дверями.

— «Что приключилось съ цесаревной?» живо, участливо спросилъ Шетарди. Посѣтитель не могъ отдышаться, не могъ даже вытереть потъ; губы его пересохли. Догадливый слуга вернулся тѣми же неслышными шагами и принесъ на серебряномъ подносѣ граненый бокалъ внушительныхъ размѣровъ, въ которомъ искрилась и пѣнилась живительная влага. Съ благодарной улыбкой опорожнилъ его интересный посѣтитель и, передохнувъ, отвѣтилъ: —«Въ добрый часъ сказать,—ничего очень-то худого для васъ не случилось, только ужъ очень все необычайно, сказочно!» Маркизъ вышелъ изъ себя: —«Да говорите же толкомъ, не томите! я готовъ умереть отъ волненія».—«А я такъ удивляюсь, какъ я еще не умеръ», улыбаясь, замѣтилъ Лестокъ *). —«Да говорите же ради Бога!» молилъ, хмуря уже брови, нетерпѣливый французъ. Лестокъ началъ свою повѣсть издалека.

---

*) Таинственный посѣтитель былъ Лестокъ, медикъ цесаревны, французъ и довѣреннѣйшій изъ приближенныхъ къ ней иностранцевъ.

Онъ шелъ, дѣйствительно, переодѣтый, къ Шетарди, чтобы добросовѣстно сообщить своему патрону загадочныя слова, слышанныя имъ сегодня, послѣ обѣда, отъ цесаревны.—«Это становится невозможно!» схватившись за голову, прикрикнулъ французъ.—«Ну же, вотъ вамъ я просто скажу: регентъ арестованъ, сидитъ подъ карауломъ въ дворцовой кордегардіи, а фельдмаршалъ, вѣроятно, пишетъ манифестъ о томъ, что, за малолѣтствомъ Императора, государствомъ будетъ управлять мать Его Величества, принцесса Анна Леопольдовна». Шетарди смотрѣлъ на Лестока, слушалъ, что онъ говоритъ, и рѣшилъ въ своемъ практическомъ умѣ, что бѣдный медикъ помѣшался.—«Что же вы такъ на меня смотрите? Прóсите сообщить новость, а когда я ее вамъ выложилъ, вы не шевелитесь? Садитесь скорѣе, пишите вашему министру, а то, пожалуй, ваши коллеги уже курьеровъ снаряжаютъ заграницу!»—«Какихъ курьеровъ?»—«Да вы, кажется, меня не слышали?» удивляясь, сказалъ Лестокъ. Тогда Шетарди началъ подробно, шагъ за шагомъ, разспрашивать его о ночномъ приключеніи и, наконецъ, убѣдился, что въ его теперь связныхъ, толковыхъ отвѣтахъ слышится, дѣйствительно, правда. Придумать такія отчетливыя подробности немыслимо. При томъ же, по мѣрѣ того, какъ говорилъ Лестокъ, онъ успокоивался, его мысли текли ровнѣе, и у него явился очень послѣдовательный, правдоподобный разсказъ. Выходило, что происшествіе съ Бирономъ было съ руки и французскому послу и самому разсказчику. Долго толковали друзья Россіи и вмѣстѣ враги Австріи и Пруссіи.—«Да, хорошо, если бы все такъ пошло», задумчиво говорилъ Шетарди, мѣряя вдоль и поперекъ огромную комнату своими большими ша-

гами, «во всякомъ случаѣ, вы должны идти къ цесаревнѣ, сообщить ей вашу потрясающую новость. И вотъ вамъ», продолжалъ онъ, выдвигая ящикъ письменнаго стола и беря изъ него увѣсистый свертокъ, «возьмите на тѣ мелкіе расходы, которые вамъ, вѣроятно, придется сейчасъ же сдѣлать среди челяди».—«Теперь я спѣшу къ моей повелительницѣ, а дѣйствовать буду, соображаясь съ вашими мудрыми совѣтами», отвѣчалъ Лестокъ. Его осторожно выпустили изъ палатъ посланника. Нахлобучивъ на глаза шапку, посвистывая и побрякивая слесарными инструментами, побрелъ мастеровой по пустымъ еще улицамъ столицы.

День начинался пасмурный. Въ мерзломъ воздухѣ чувствовались наступавшіе заморозки, туманъ стлался низко-низко. Косясь осторожно по сторонамъ, зорко наблюдая рѣдкихъ прохожихъ, Лестокъ дошелъ до маленькаго домика, гдѣ скромно ютилась дочь Великаго Петра. Простъ его наружный видъ, проста, чуть не бѣдна обстановка, не великъ штатъ прислуги цесаревны, не велики доходы съ ея имѣній, незначительна сумма, назначенная ей на содержаніе. Но она не требовательна, привычки ея просты: ни пышныхъ пріемовъ, ни блестящихъ нарядовъ она себѣ не позволяетъ. Только своихъ ближнихъ да неимущихъ старается она одѣлить, несмотря на постоянную собственную нужду въ деньгахъ. Подъ ея гостепріимнымъ кровомъ ютились странники, богомолки, вдовы и сироты умершихъ придворныхъ служителей. Ея доброе сердце не умѣло ни отказывать, ни отталкивать.

Московскою, чуть ли не древней, стародавней Русью пахло въ уединенномъ жилищѣ. Лестокъ былъ

очень удивленъ, когда, наскоро переодѣвшись и торопливо входя на знакомый дворъ, онъ замѣтилъ огонь въ комнатахъ цесаревны.—«Нездоровится Ея Высочеству?» взолнованно спросилъ онъ проходившаго Петра Шувалова.—«Да нѣтъ, слава Богу, здорова, и ваша наука ей не нужна», загадочно отвѣтилъ камеръ-юнкеръ. Лестокъ зорко вглядывался въ умные глаза Шувалова.—«Принесли какого-то Порю *), крестника, вишь, за ранней обѣдней пріобщали,—именинникъ! Ну, вотъ къ крестной, на поклонъ да за именинной подачкой и забрались измайловскіе солдатики!»—«Можно мнѣ къ цесаревнѣ?»—«Спросите Шепелеву, вѣрнѣе будетъ,—тамъ, что-то, заперлись на задвижку!»—«Вотъ хитритъ, простоватъ же пріятель! Неужто не смекнулъ по глазамъ, что я ночи не спалъ!» ворчалъ Лестокъ и смѣло постучалъ въ дверь. Его не хотѣли впускать.—«Прикажите отворить, Ваше Высочество, дѣло есть!» громко сказалъ онъ. На порогѣ показалась цесаревна въ утреннемъ нарядѣ, держа на рукахъ толстаго бутуза.—«Вотъ мое дѣло», весело заговорила она. «Не хотѣлъ на руки идти, приголубила, приласкала, теперь и не оторвется!»—«Бросьте все это, я съ дѣломъ пришелъ» серьезно по-французски заговорилъ Лестокъ. Цесаревна выпрямилась, она преобразилась. Глаза блеснули, красивыя губы сдвинулись, улыбки какъ не бывало:—«Дѣло? Какое дѣло? Вы опять о своихъ предположеніяхъ. Я же опять свое буду повторять: зачѣмъ шевелить дѣла прошлаго?—возобновлять борьбу Милославскихъ съ Нарышкиными? Нѣтъ, я не хочу быть причиной безпорядковъ. Спорить съ правнукомъ Милославскихъ,

*) Собственное имя Порфирій, празднуемое 9-го ноября.

право же, недостойно дочери Петра!» Лестокъ совсѣмъ остолбенѣлъ. Какъ? не онъ первый принесъ ей потрясающую новость? Да она и не потрясена нисколько. Она покойна, тверда въ своемъ рѣшеніи. И какъ величественна, какъ красива! Какое краснорѣчіе! Какой блескъ въ ея всегда кроткихъ голубыхъ глазахъ, какая повелительная складка красивыхъ губъ! Да, она—Императрица. Она рождена для трона. Передъ ней во прахъ падетъ толпа, за ней на смерть пойдетъ народъ!

Всѣ эти мысли роились въ головѣ Лестока, пока онъ, какъ школьникъ, стоялъ передъ цесаревной. Она-же, передавъ ребенка Шепелевой, подвязавъ на головѣ спустившійся платокъ, прошла въ пріемную и пригласила слѣдовать за ней Лестока. Тамъ были уже ближайшіе, постоянные ея собесѣдники: Шуваловъ, Разумовскій, Воронцовъ и Шварцъ, ея учитель музыки. За Лестокомъ вошла и Шепелева. Цесаревна сѣла и, обращаясь къ другимъ, сказала о Лестокѣ: «И онъ ужъ что-то знаетъ». Гановерецъ *) даже обидѣлся.—«Я? Что-то?» Да потомъ сообразивъ, что, можетъ быть, лучше умолчать о ночномъ посѣщеніи посла, перемѣнилъ тонъ и очень развязно сказалъ, что слышалъ говоръ на улицѣ. Какъ ни мимолетно было его замѣшательство, цесаревна вскинула на него свой проницательный взглядъ. Остальные рѣшительно ничего не замѣтили. Воронцовъ же живо, съ жестами принялся добавлять къ тому, что знала цесаревна: какъ онъ самъ изъ любопытства, смѣшавшись съ толпой, подходилъ къ окну дворцовой караулки, гдѣ подъ арестомъ содержался гер-

*) Лестокъ былъ родомъ изъ Гановера.

цогъ курляндскій... При этомъ воспоминаніи у цесаревны навернулись на глазахъ слезы. Она задумалась, углубилась въ себя и, пока кругомъ нея придворные весело болтали, думала невеселую думу. Вдругъ она вспомнила, что для успокоенія умовъ, изъ чувства приличія, ей, какъ цесаревнѣ, необходимо показаться въ Императорскомъ дворцѣ. Она приказала спѣшно заложить экипажъ, переодѣлась и отправилась къ Аннѣ Леопольдовнѣ, объявленной уже въ вышедшемъ утромъ манифестѣ Правительницей, за малолѣтствомъ сына ея. Радостное «ура» привѣтствовало и провожало по улицамъ столицы дочь Великаго Петра.

Въ Зимнемъ дворцѣ, въ пріемной Правительницы, собрались всѣ послы, весь дворъ, генералитетъ. Лица всѣхъ выражали полное довольство, точно всѣ помолодѣли. Нѣмецкій говоръ такъ и раздавался отъ ступеней лѣстницы до пріемнаго зала. Анна Леопольдовна, сіяющая счастьемъ, даже похорошѣвшая, несмотря на безсонную ночь, съ распростертыми объятіями встрѣтила свою единственную родственницу. Но опытные глаза иностранныхъ пословъ не могли не отмѣтить рѣзкую разницу пріемовъ обѣихъ царственныхъ особъ. Правительница, несмотря на первенство своего сана, казалась дѣвочкой, искавшей опоры въ мощныхъ объятіяхъ величественной, властной красавицы. Елизавета Петровна дружески ее привѣтствовала. Конечно, она сама не понимала, какимъ снисходительнымъ покровительствомъ дышало каждое ея движеніе, каждое ея доброе слово. Иностранные дипломаты осторожно переглядывались. Страхъ, какъ имъ хотѣлось проникнуть въ души этихъ двухъ молодыхъ принцессъ. Которая изъ нихъ

возьметъ верхъ? Надъ этими соображеніями все больше и больше останавливались дипломаты-мудрецы, во главѣ съ ловкимъ Шетарди. Лестокъ изъ силъ выбивался, исполняя его разумные, обдуманные планы.

Точно ничего не видя и не замѣчая, продолжала жить и благодѣтельствовать, сколько кому могла и гдѣ могла, цесаревна, дочь Великаго Петра. Съ знаменательнаго утра 9-го ноября, близкіе ей люди уже намѣтили планъ дѣйствій и только выжидали удобной минуты, чтобы Миниха оттереть. Остерманъ держалъ сторону принца Антона, враждебно настроеннаго противъ своей супруги. Ея интересы отстаивали Линаръ, Левенвольде, семья Менгденовъ. Но что можно сдѣлать противъ теченія исторической жизни народовъ? Не прошло и года, какъ Анна Леопольдовна правила государствомъ, и вотъ вокругъ престола ея сына стали все громче и громче раздаваться недовольные голоса. Такъ и казалось, что снова зазвенитъ оружіе, польется кровь. Богъ вѣсть, до какихъ бы дошло ужасовъ, если бы опять, въ глухую ноябрьскую ночь, черезъ годъ послѣ ареста Бирона, не подъѣхали къ казармамъ преображенскаго полка большія сани. На запяткахъ стояли Воронцовъ, Лестокъ и Шварцъ. Въ саняхъ, въ кирасѣ поверхъ шубки, сидѣла цесаревна Елизавета Петровна, дочь великаго Преобразователя. Солдаты были уже въ сборѣ, ждали дорогую посѣтительницу.—«Ребята», громко и звучно заговорила она, выходя изъ саней: «вы знаете, чья я дочь, ступайте за мной!»—«Матушка наша!» закричали и офицеры, и рядовые, восторженно падая на колѣни передъ величавой, статной, царственной красавицей. Едва могли ихъ успокоить и распредѣлить такъ, чтобы отдѣльные отряды одновременно аресто-

вали Миниха, Остермана, Левенвольде, Менгденовъ и двухъ русскихъ: Головкина и Лопухина. Главный же отрядъ слѣдовалъ за санями цесаревны, направляясь ко дворцу. Когда этотъ отрядъ и во главѣ его цесаревна подошли къ дворцовому караулу, тамъ спросонья никто сначала ничего не понималъ; но, узнавъ Елизавету Петровну, караульные шумно бросились клясться ей въ вѣрности. Къ принцу Антону пошелъ отдѣльный отрядъ. Къ спальнѣ Правительницы пошла сама цесаревна съ нѣкоторыми только избранными. Она нажала ручку двери, безшумно отворила ее и, подойдя къ постели, мягко сказала:— «Встаньте, сестрица, одѣньтесь и поѣзжайте со мной!» Въ первую минуту, спросонья, Анна Леопольдовна, ничего не понимая, довольно рѣзко спросила по нѣмецки, зачѣмъ Елизавета ее безпокоитъ, но, поднявъ глаза и увидя солдатъ въ дверяхъ, лишилась чувствъ. Фрейлина Менгденъ старательно помогала ей опомниться и одѣться, пока цесаревна отдавала другимъ прислужницамъ приказаніе закутать дѣтей потеплѣе.—Осторожно разбудили малютокъ, и вмѣстѣ съ мамками усадили въ карету, которая и выѣхала изъ воротъ дворца Правительницы вслѣдъ за парными санями; въ нихъ сидѣла Елизавета Петровна съ Анной Леопольдовной. Въ другой помѣстили принца Антона брауншвейгскаго съ фрейлиной Менгденъ. Поѣздъ направился къ дворцу цесаревны.

Какъ измѣнился скромный домикъ! Онъ точно выросъ, весь залитый яркими огнями, весь переполненный веселыми, довольными людьми, окруженный ликующими солдатами! Восторженное «ура» встрѣчало поѣздъ. На крыльцѣ заблестѣли фонари. Шепелева,

отъ радости плача, вылетѣла на встрѣчу съ восклицаніями: «Матушка ты моя золотая! Царица! Императрица ты моя родная!» Да, она была родная, русская Императрица.—Не слышно было въ ея палатахъ иностраннаго говора. Весь дворъ съ благодушной предупредительностью встрѣчалъ необычныхъ гостей; по волѣ милостивой хозяйки, ихъ успокаивали, угощали, наперерывъ заботясь доставить имъ возможный покой и удобства.

Въ теченіе всей ночи со всѣхъ сторонъ сходились къ дворцу Ея Величества гвардейскіе полки, а за ними спѣшили извѣщенные радостной молвой пробудившіеся сановники, генералитетъ, духовенство.

Всѣ хотѣли увѣрить Государыню, что русскіе выплакали и вымолили себѣ свою всегда желанную Самодержицу.

На утро 25 ноября 1741 года былъ готовъ и манифестъ. Государыня въ андреевской лентѣ, торжествующая, вышла на балконъ. Ея чарующая улыбка, ея царственная красота озарили свѣжей, яркой зарею нарождающагося счастья довольный, радостный православный народъ.

23 февраля 1742 года Елизавета Петровна отправилась въ первопрестольную Москву на коронацію. Разрядилась бѣлокаменная, златоглавая столица. Пять тріумфальныхъ арокъ было воздвигнуто на улицахъ, по которымъ двигалось торжественное шествіе. Улицы по обѣимъ сторонамъ были украшены зелеными елками въ видѣ аллей, дома же были задрапированы сукномъ, коврами и «прочими преизрядными шелковыми и шерстяными матеріями». Государыня ѣхала въ раззолоченной каретѣ, въ которую запряжены были породистыя лошади буланой масти,

Шепелева, отъ радости плача, вылетѣла навстрѣчу съ восклицаніями:— «Матушка ты моя золотая! Царица! Императрица ты моя родная!»

(Къ стр. 109—110).

Подъ сѣнію древняго Успенскаго собора вѣнчалась на царство прирожденная, русская Императрица, дочь Великаго Петра. (Къ стр. 111).

въ сбруѣ, украшенной голубымъ бархатомъ. Около дверецъ съ обоихъ сторонъ ѣхали верхами князь Куракинъ и графъ Воронцовъ. За Императрицей слѣдовалъ, въ такой же блестящей каретѣ, юный герцогъ голштинскій, Петръ-Ульрихъ, сынъ старшей сестры Императрицы, Анны Петровны, внукъ, по матери, Петра Великаго.

У Красныхъ воротъ Высочайшихъ Особъ встрѣтило первостатейное купечество съ поздравленіями и поднесло Государынѣ и племяннику Ея Величества богатые подарки, въ числѣ которыхъ красовался на золотомъ блюдѣ огромный драгоцѣнный «діамантъ». Близъ кремлевской рѣшетки стояло духовенство въ блестящемъ облаченіи съ крестами, хоругвями и образами. Преосвященнѣйшій архіепископъ Амвросій Юшкевичъ привѣтствовалъ Императрицу очень прочувствованною, краснорѣчивою рѣчью, призывая Божіе благословеніе на Ея благополучное царствованіе. Онъ восхвалялъ Государыню, какъ «возстановительницу попраннаго благочестія, и напомнилъ, что до ея вступленія на престолъ не токмо учителей, но и ученіе, и книги вязали и въ темницы затворяли, и уже къ тому приходило, что о вѣрѣ своей и отворить уста было опасно». Праздничный звонъ московскихъ колоколовъ радостно возвѣстилъ 28-го апрѣля жителямъ первопрестольной столицы о торжественномъ вѣнчаніи на царство, подъ сѣнью древняго Успенскаго собора, прирожденной, русской Императрицы, дочери Великаго Петра.

Кругомъ ея престола стояли и русская знать и иноземные послы. Всѣ внимательно заглядывались на маленькаго 13-лѣтняго мальчика, стоявшаго на царицыномъ мѣстѣ, какъ отмѣчаетъ нашъ извѣстный

историкъ. При торжественномъ въѣздѣ всѣ видѣли его, слѣдовавшаго въ золотой каретѣ за Ея Величествомъ. Послы могущественныхъ европейскихъ государствъ Австріи, Англіи, Пруссіи, Франціи, Швеціи и Польши были приглашены присутствовать на торжественномъ коронованіи и расточали увѣренія въ дружбѣ и преданности своихъ правительствъ къ русской Императрицѣ. По окончаніи церемоніи, Государыня посѣтила, по примѣру предковъ, Архангельскій и Благовѣщенскій соборы, молилась въ усыпальницѣ славныхъ предковъ, прося себѣ благословенія на отвѣтственный подвигъ служенія родной землѣ. Во дворцѣ былъ объявленъ милостивый манифестъ, который и послужилъ примѣромъ для послѣдующихъ коронаціонныхъ торжествъ. Посыпались щедроты, милости, награды. Многіе были произведены въ чины, пожалованы орденами. Родственники Императрицы, по августѣйшей матери Ея Величества, Гендриковы и Ефимовскіе, были возведены въ графское достоинство. Тотъ же титулъ получили Чернышевъ и Петръ Бестужевъ. Фельдмаршалу Ласси пожаловано огромное имѣніе. Празднества отличались небывалымъ блескомъ и великолѣпіемъ: балы, обѣды, фейерверки смѣнялись на радость и общества и народа. Но всего больше интересовались всѣ театромъ. Императрица приказала ко времени коронаціи соорудить въ Москвѣ оперный театръ, вмѣщавшій до пяти тысячъ зрителей. Во время коронаціонныхъ торжествъ на его сценѣ изображалось благоденствіе осчастливленной Елизаветой Россіи, съ музыкальнымъ прологомъ Доминика Даллогліо, капельмейстера итальянскаго придворнаго оркестра и композитора.

Впослѣдствіи на театральной сценѣ, гдѣ на ряду

съ итальянцами выступали, въ качествѣ актеровъ, воспитанники Сухаревой башни, оперныя представленія чередовались съ интермедіями, аллегорическими балетами, подъ управленіемъ французскаго балетмейстера Ланде.

Тутъ же появился на сценѣ и первый русскій актеръ Ѳеодоръ Волковъ, разыгрывавшій драматическія сочиненія знаменитаго русскаго писателя Сумарокова, который былъ и первымъ директоромъ нашего постояннаго театра.

На возвратномъ пути въ Петербургъ Императрица посѣтила въ Новгородѣ высокочтимаго ею архіепископа Амвросія Юшкевича. Онъ показывалъ Ея Величеству свое созданіе, новгородскую духовную семинарію. Воспитанники, въ августѣйшемъ присутствіи, разыграли драму въ стихахъ, сочиненную на этотъ торжественный случай префектомъ семинаріи Иннокентіемъ.

Высокопреосвященный Амвросій пользовался особенною милостью Императрицы, которая подарила ему домъ на Карповкѣ, принадлежавшій прежде Ѳеофану Прокоповичу.

Къ самымъ праздникамъ Рождества Христова Елизавета Петровна изволила вернуться въ Петербургъ. Академія Наукъ поднесла ей оду Готлиба-Фридриха-Вильгельма Юнкера, въ переводѣ Ломоносова, который въ свою очередь привѣтствовалъ Государыню собственнымъ твореніемъ:

«Цѣлуй, Петрополь, ту десницу,
Которой долго ты желалъ:
Ты паки зришь Императрицу,
Что въ сердцѣ завсегда держалъ.
Не такъ поля росы желаютъ

И въ зной цвѣты отъ жажды таютъ,
Не такъ способныхъ вѣтровъ ждетъ
Корабль, что въ тихій портъ плыветъ:
Какъ сердце наше къ ней пылало,
Чтобъ къ намъ лицо Ея сіяло».

Годъ не прошелъ со дня коронованія Елизаветы Петровны, какъ ея племянникъ принялъ православіе и подъ именемъ великаго князя Петра Ѳеодоровича былъ объявленъ наслѣдникомъ всероссійскаго Императорскаго престола. Главнымъ воспитателемъ къ нему Императрица назначила академика Штейна. Онъ же составилъ программу и для другихъ преподавателей. Изученіемъ закона Божьяго руководилъ умный, на рѣдкость даровитый о. архимандритъ Симонъ Тодорскій. Дворомъ Его Высочества управлялъ пріѣхавшій вмѣстѣ съ нимъ изъ Голштиніи оберъ-камергеръ Брюммеръ.

Глубоко набожная, благочестивая Императрица часто предпринимала паломничество въ монастыри; она любила украшать церкви Божіи, щедро одѣляла ихъ драгоцѣнными вкладами. Ей угодно было приказать, чтобы въ столицѣ торжественно праздновался день 30-го августа. «Для украшенія службы Божіей и обрядовъ церковныхъ установивъ *) въ этотъ день крестное хожденіе въ Невскій монастырь изъ Казанскаго собора», Ея Величество сама участвовала въ этомъ церковномъ торжествѣ вмѣстѣ со всѣми кавалерами ордена Св. Александра Невскаго. Изъ благоговѣйнаго чувства къ памяти святого князя, великаго борца за Русь православную, Государынѣ угодно было повелѣть устроить раку, или гробницу, великаго покро-

*) Слова Императрицы.

вителя столицы изъ первыхъ слитковъ серебра, добытыхъ въ Колыванскихъ рудникахъ. Воля Императрицы исполнилась подъ надзоромъ Ивана Андреевича Шлаттера, президента бергъ-коллегіи и монетнаго департамента. Рака сооружена была въ длину 3 аршина 7 вершковъ, въ ширину 1 аршинъ 7 вершковъ. Съ правой стороны въ кругу вырѣзаны стихи Ломоносова:

«Святый и храбрый князь здѣсь тѣломъ почиваетъ,
Но духомъ отъ небесъ на градъ сей призираетъ
И на брега, гдѣ онъ противныхъ побѣждалъ
И гдѣ невидимо Петру споспѣшствовалъ.
Являя Дщерь его усердіе святое,
Сему защитнику воздвигла раку въ честь
Отъ перваго сребра, что нѣдро ей земное
Открыло, какъ на тронъ благоволила сѣсть».

Кромѣ того рака украшена разнообразными изваяніями. На верхней доскѣ находится изображеніе святого князя по атласу. Гробницу осѣняетъ серебряный балдахинъ, на верху котораго такая же подушка съ царскими регаліями. Позади раки, въ углубленіи, стоитъ пирамида, по сторонамъ которой трофеи св. князя и старинное оружіе. На двухъ щитахъ, находящихся по сторонамъ пирамиды, вырѣзана надпись, составленная также Ломоносовымъ и оканчивающаяся словами: «Сію мужества и святости его дѣлами украшенную раку изъ пріобрѣтеннаго при Ея благословенной державѣ сребра сооружить благоволила въ лѣто 1752 г.».

По примѣру своего великаго Отца, Императрица вникала во всѣ нужды государства, желала его развитія, обогащенія. Ея правительство поддерживало и

развивало рыбные промыслы на Волгѣ, поддерживало пришедшіе въ упадокъ, заводило новые. При ней возникла стальная фабрика, возобновлено исконное русское «дѣло» серебряное, финифтяное и черневое. Въ Москвѣ брюссельская уроженка Тереза завела фабрику кружевъ съ помощью казны, которая дала ей на это дѣло 10.000 руб. безъ процентовъ. Суконное производство процвѣтало въ Воронежѣ, поощряемое всевозможными льготами. Новгородскія полотна славились чуть ли не за границей. Шелковое производство было особенно любимо Императрицей. Посланные еще Петромъ Великимъ за границу, съ цѣлію изученія шелководства, дворяне Ивковъ и Водимовъ, по возвращеніи въ отечество, стали при Елизаветѣ Петровнѣ дѣлать бархаты, штофы, тафты. Астраханскіе купцы-армяне получили привилегіи на содержаніе шелковыхъ фабрикъ, и вообще шелковое производство всячески поощрялось у насъ. Сообразно взглядамъ Петра Великаго, и при его августѣйшей дочери, для преуспѣянія въ торговомъ дѣлѣ, признавалось необходимымъ вліять на умственное развитіе и образованность купечества. Для достиженія такихъ благихъ цѣлей, коммерцъ-коллегія поручила секретарю Академіи Наукъ Волчкову перевести съ французскаго языка статью по коммерціи, чтобы доставить купечеству полезное чтеніе по роду его занятій. Для оживленія торговли, были учреждены дворянскіе и купеческіе банки, уничтожено множество мелкихъ внутреннихъ пошлинъ.

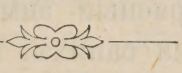
Не забыта была и забота Петра Великаго о сбереженіи лѣсовъ, чтобы удержать жителей отъ ихъ чрезмѣрнаго истребленія; въ Балахнѣ и Соль-Галичѣ уничтожены соляныя варницы, запрещена губитель-

ная для лѣсовъ выдѣлка смолы, несмотря на выгоды, которыя она приносила казнѣ.

Общее направленіе дѣятельности Сената при Елизаветѣ Петровнѣ отличалось бо́льшой гуманностью, сравнительно съ предшествовавшей эпохой, и болѣе проникнуто національной задачей, — стремленіемъ управлять русскимъ государствомъ русскими же людьми въ духѣ Петра Великаго. Народъ понималъ и цѣнилъ благодѣтельное направленіе правительства при Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ и платилъ ей горячей, безпредѣльной любовью за ея заботы.

Вниманіе Ея Величества распространялось и на образованіе страны. Она умножила средства Академіи Наукъ, учредила въ Петербургѣ Морской кадетскій корпусъ и Академію Художествъ, въ Москвѣ-же— университетъ и при немъ двѣ гимназіи: одна была назначена для дворянъ, другая—для разночинцевъ. Университетъ имѣлъ три факультета: юридическій, медицинскій и философскій и 10 профессоровъ. Первымъ попечителемъ Московскаго университета былъ его основатель, русскій меценатъ *), И. И. Шуваловъ. При университетѣ, черезъ годъ послѣ основанія его (въ 1756 г.), начинаетъ издаваться газета «Московскія Вѣдомости», по образцу Петербургскихъ, издававшихся при Академіи Наукъ.

*) Покровитель просвѣщенія.



ИСТОЧНИКИ:

1) *Костомаровъ*. Русская исторія. Т. II.
2) *Бажеряновъ*. Невскій проспектъ.

Предопредѣленіе.

ВОЛНУЕТСЯ Цербстъ, столица маленькаго княжества сѣверной Германіи. Никогда еще его жители не веселились такъ задушевно, какъ на рождественскихъ праздникахъ 1743-го года. Княжескій за́мокъ полонъ гостей. Изъ Штѐтина пріѣхалъ тамошній комендантъ, братъ владѣтельнаго князя, принцъ Христіанъ Августъ, съ супругою и дочерью, четырнадцатилѣтнею Фи́ке*). Въ Цербстѣ очень любили обѣихъ дамъ и ихъ свиту. Онѣ вносили веселье и жизнь въ тихій, скучноватый городокъ. Красавица-подростокъ, немного властная, живая, очаровывала и придворный, чопорный людъ и сверстницъ - горожанокъ, приглашавшихся для нея въ замокъ. Всегда тихія улицы были теперь полны движенія. Морозъ и снѣгъ, хотя и не русскіе, но все же наложили прекрасный зимній путь и позволяли отлично кататься на саняхъ. Бубенчики весело бренчали на шорной упряжи. По вечерамъ въ замкѣ были веселыя собранія, слышались пѣніе, музыка, устраива-

*) Уменьшительное отъ Софіи.

лись танцы. Молодежь старательно выводила фигуры французскаго менуэта, а старики, случалось, пускались отплясывать свой родной гросфа́теръ. Конечно, красавица Фике была душою всей этой задушевной толкотни. Она всѣхъ лучше присѣдала въ менуэтѣ и всѣхъ оживленнѣе помогала старику-церемоній-мейстеру выводить затѣйливыя фигуры дѣдовскаго танца.

Въ этомъ году къ праздничному настроенію примѣшивалась какая-то необычная нотка. Изъ за́мка шли по городу неясные слухи о какой-то таинственной перепискѣ, завязавшейся между Штетиномъ, Берлиномъ и Петербургомъ,—этой недавно выросшею сѣверною столицей, которая стала очень замѣтною величиною въ европейской политической жизни. Оказывалось, что княжеская семья—въ свойствѣ съ Императрицей Всероссійской, что Ея Величество не только помнитъ своихъ дальнихъ, по сестрѣ, родственниковъ, но и выказываетъ свое благоволеніе принцессѣ Іоаннѣ. Лица, имѣвшія право бывать въ замкѣ, могли убѣдиться въ этомъ, любуясь восхитительнымъ портретомъ Императрицы Елисаветы Петровны, посланнымъ ею своей родственницѣ, княгинѣ цербстской. Одни брильянты, украшавшіе этотъ подарокъ, цѣнились въ 18 тысячъ рублей. Ихъ блескъ положительно ослѣплялъ нѣмцевъ. Охотно слушала маленькая Фике разговоры о неизмѣримыхъ пространствахъ, неисчислимыхъ богатствахъ и суровой природѣ Россіи. Сѣверная Имперія рисовалась въ ея дѣтскомъ воображеніи самыми замысловатыми чертами, и она охотно сообщала своимъ подругамъ все, что старшіе говорили при ней о красавицѣ Императрицѣ, дочери почившаго творца великой монархіи. Она дѣлилась разсказами

о томъ, какъ, бывши еще цесаревною, Елисавета Петровна беззавѣтно любила юнаго нѣмецкаго принца, своего суженаго, брата княгини Іоанны,—какъ въ Петербургѣ всѣ приготовленія къ пышной свадьбѣ были уже окончены, какъ, на порогѣ счастливой жизни, молодую цесаревну поразило неизгладимое горе,—смерть любимаго жениха. Подруги принцессы, собравшись вокругъ пылавшаго камина, подъ сводами мрачныхъ средневѣковыхъ покоевъ, вздыхали о сердечномъ горѣ далекой сѣверной красавицы, властительницы неизмѣримыхъ пространствъ сказочной Россіи. Пока старшіе совѣщались о таинственныхъ дѣлахъ государственной важности, молодежь слушала, затаивъ дыханіе, разсказы Фике о томъ, какъ въ Берлинѣ старикъ Антуа́нъ Пэнъ рисовалъ съ нея портретъ, такъ какъ говорили, что она напоминаетъ своего дядю, покойнаго жениха Императрицы, и что этотъ портретъ повезетъ въ Петербургъ другой дядя, принцъ Августъ.—Не по лѣтамъ высокая, стройная, съ открытымъ, веселымъ взглядомъ своихъ чудныхъ голубыхъ глазъ, съ чарующей улыбкою хорошенькихъ розовыхъ губъ, красотка Фике положительно очаровывала своихъ слушательницъ. Онѣ не спускали съ нея глазъ, слѣдили за каждымъ словомъ разсказа о ея поѣздкѣ въ Эйтенъ, къ дядѣ-принцу, епископу Любскому, въ 1739 году.—«Мнѣ тогда было еще десять лѣтъ», говорила она, «мама и бабушка взяли меня съ собою, такъ какъ дядя желалъ видѣть всѣхъ членовъ своей семьи. Ему было угодно представить намъ своего племянника, моего троюроднаго брата, одиннадцатилѣтняго герцога Петра-Ульриха, который послѣ смерти отца, владѣтельнаго герцога голштинскаго, остался подъ опекой дяди.

— «Что я вспомнила-то?» Вся юная компанія вопросительно навострила уши.—«Что я вспомнила?» таинственно повторила принцесса.

(Къ стр. 121).

Сама Фике была прекрасно образована. Умная княгиня Іоанна, точно предчувствуя будущее величіе своей дочери, взяла къ ней отличную гувернантку, француженку Кордэль, прекраснаго учителя музыки—Рэллинъ, пастора—Дове, придворнаго проповѣдника—Перара и другихъ выдающихся педагоговъ. Поэтому ей трудно было найти удовольствіе въ обществѣ 11-лѣтняго ребенка.—«Я была положительно возмущена его приближенными», продолжала принцесса, «они хотѣли придать ему видъ уже совсѣмъ взрослаго и притомъ важнаго человѣка. Его держали на вытяжку, стѣсняли всѣ движенія! Но теперь онъ у своей родной тетки по матери, русской Императрицы. Она объявила уже его наслѣдникомъ всего своего царства! Онъ ужъ не лютеранинъ, а православный!» Фике утихла на минуту и, кто̀ знаетъ, можетъ быть, ея чуткая душа проникнулась необъяснимымъ предчувствіемъ чего-то важнаго, грядущаго, властнаго въ ея жизни. —«Теперь тамъ, въ Россіи, герцога голштинскаго, Петра Ульриха, зовутъ уже великимъ княземъ, наслѣдникомъ Петромъ Ѳеодоровичемъ». Въ громадномъ каминѣ сильнѣе затрещали огромныя полѣнья, ярче вспыхнулъ огонекъ; расказчица оглянулась, вздрогнула, точно легкій морозецъ пробѣжалъ по спинѣ, но она моментально оправилась, тряхнула своею чудесной бѣлокурой головкой и заговорила.—«Что я вспомнила-то?» Вся юная компанія вопросительно навострила уши.—«Что я вспомнила?» таинственно повторила принцесса. Ее окружили еще тѣснѣе, къ ней пристали, упрашивали сообщить еще что-нибудь интересное, и молоденькая чародѣйка, принявъ серьезный, чуть ли не вдохновенный видъ, заговорила.

— «Это случилось въ Брауншвейгѣ. Княгиня, моя

мать, часто ѣздила со мною къ вдовствующей вольфенбю́ттэльской герцогинѣ Елизаветѣ-Софіи-Маріи. Тамъ всегда было много гостей. Въ прошломъ году при насъ пріѣхалъ туда католическій епископъ и съ нимъ нѣсколько его канониковъ. Среди нихъ былъ одинъ изъ дома Ме́нгденъ, моя мать очень любила его общество. Онъ занимался хиромантіей и предсказаніями, а матушкѣ непремѣнно хотѣлось, чтобы онъ пообѣщалъ бевернской принцессѣ, красавицѣ и умницѣ Маріаннѣ, владѣтельнаго или, по крайней мѣрѣ, титулованнаго жениха. Но какъ она ни старалась, каноникъ все отказывался говорить о будущей судьбѣ ея любимицы. За то обо мнѣ сказалъ»,—при этомъ Фике подняла свою хорошенькую ручку и, показывая на голову, продолжала:—«что видитъ на моей головѣ, по крайней мѣрѣ, три короны. Мать моя хотѣла обратить его слова въ шутку, но онъ, отведя ее къ окошку, началъ ей долго и настойчиво что-то объяснять. Княгиня видимо удивлялась, недоумѣвала и громко, строго запретила канонику повторять свои слова кому бы то ни было. Онъ замолчалъ, хотѣлъ удалиться и, проходя мимо меня, отвѣсилъ пренизкій, препочтительный поклонъ. Тогда, конечно, я струхнула, боясь, чтобы мнѣ не досталось за эту неумѣстную вѣжливость; слава Богу, все обошлось благополучно. Только здѣсь, только теперь», (и голосъ разсказчицы спустился до шопота), «княгиня вдругъ заговорила со мною о Брауншвейгѣ и сказала, что какъ будто предсказанія Ме́нгдена начинаютъ выполняться!» Слушательницы въ нѣмомъ восторгѣ глядѣли на разсказчицу,—точно въ эту минуту, при нихъ, на ихъ глазахъ, пока она говорила, она начинала уже выростать, подниматься надъ ихъ маленькимъ кружкомъ въ сказочную царевну.

Свѣтъ отъ камина падалъ на ея прекрасные русые волосы, озаряя ихъ таинственнымъ блескомъ. Ея подругамъ чудилось, что ихъ любимица—имъ не пара, что она царитъ надъ ними. Онѣ готовы были преклониться передъ нею до земли! И конечно, въ этотъ вечеръ, когда гувернантка принцессы рѣшила, что веселому кружку пора расходиться, каждая гостья еще съ большею горячностью простилась съ милой, веселой Фике, отъ души желая ей всевозможнаго счастья въ наступающемъ году.

Долго не могла сомкнуть своихъ чудныхъ глазъ красавица Фике въ эту морозную зимнюю ночь, наканунѣ 1744 года. Подъ окнами ея опочивальни тихо шелестили заиндивѣлые сучья вѣковыхъ деревьевъ. Старый садъ смотрѣлъ сурово, окованный рождественскимъ морозомъ. Блѣдная луна, выплывая изъза тучъ, слабо освѣщала его побѣлѣвшія аллеи и, пробиваясь сквозь узкія, стрѣльчатыя окна стараго замка, старательно выискивала въ его мрачныхъ покояхъ курчавую головку, метавшуюся на узенькой, незатѣйливой кроваткѣ. Мирно похрапывала въ сосѣдней комнатѣ благодушная француженка, мадамъ Кордэль. Дѣвочкѣ же никакъ не спалось! Ей все мерещился чопорный дворъ брауншвейгской герцогини, вѣщунъ-каноникъ. А тамъ, подальше—тщедушный мальчикъ изъ Эйтена, ея дальній родственникъ! Какъ искренно она его жалѣетъ. При немъ его дядька, противный фонъ-Брюммеръ. Очень услужливо снабжалъ онъ ее книгами для чтенія, и все же она не прощала ему его безразсудной строгости съ маленькимъ герцогомъ, теперь наслѣдникомъ такого блестящаго, могущественнаго трона, безпредѣльнаго русскаго царства. Фонъ-Брюммеръ же—оберъ-гофмаршалъ двора

великаго князя, своего бывшаго воспитанника! Да! мѣняются обстоятельства, случаются сказочныя превращенія, даже въ короткій, дѣтскій вѣкъ! Отъ этихъ мыслей принцесса Софія-Авгу́ста совсѣмъ очнулась, рѣшилась даже встать. Ее потянуло къ окну, гдѣ свѣтился рогъ спускавшейся луны. «Какъ холодно, должно быть, сегодня!» думалось ей. «Какіе красивые узоры расписалъ на пестрыхъ окнахъ рождественскій морозъ. А въ Россіи-то, пожалуй, еще холоднѣе», пронеслось въ ея головкѣ. «И, навѣрно, гораздо холоднѣе! Тамъ, говорятъ, птицы мерзнутъ на лету, люди замерзаютъ по дорогамъ!» Положительно, эта сказочная Россія не покидала умненькой головки. Ей разсказывали такъ много замѣчательнаго объ этомъ необъятномъ царствѣ, ея родина, Помера́нія, была та́къ полна воспоминаніями о пребываніи въ ней русскихъ войскъ! Въ самомъ Штетинѣ, гдѣ она родилась и росла, такъ часто еще слышались разсказы объ осадѣ этой крѣпости великимъ Царемъ Петромъ, что она невольно сливала всѣ эти рѣчи съ своими воспоминаніями о маленькомъ Петрѣ-Ульрихѣ, герцогѣ голштинскомъ, родномъ внукѣ русскаго Царя, теперь уже великомъ князѣ и наслѣдникѣ мощной, необъятной державы своего геніальнаго дѣда. Охъ, какъ любопытна эта Россія! Съ какимъ вниманіемъ взглянула бы она, хоть однимъ глазкомъ, на ея безпредѣльныя пространства!—«А что̀? вѣдь и тамъ теперь тотъ же снѣгъ и тотъ же морозъ. Только, навѣрное, у могущественной Самодержицы будетъ потеплѣе, да поуютнѣе въ ея императорскихъ покояхъ, чѣмъ здѣсь, у меня! Бръ! какъ холодно!» разворчался милый ребенокъ, юркнувъ подъ свои родные пуховики... А вѣтеръ усердно подвывалъ въ каминѣ,

гдѣ тлѣли, догорая, послѣдніе угольки потухавшаго огня, и любовно навѣвалъ тихія грёзы на хорошенькую головку своей любимицы. Наконецъ, сомкнулись прелестные глазки. Тихій сонъ принесъ съ собою чудные сны. Опять Брауншвейгъ, опять вдовствующая герцогиня, но она совсѣмъ другая, не чопорная, но ласковая, съ веселой улыбкой. За нею вдали движутся тѣни мрачныхъ канониковъ. Отъ нихъ отдѣляется вдохновенный Ме́нгдэнъ, онъ поднимаетъ торжественно руку надъ ея головою, и вмигъ въ волосахъ заблестѣли брильянты, чудные, яркіе, точно небесныя звѣзды! Они разсыпаются по складкамъ ея платья, они у ея ногъ. Отъ нихъ льются кругомъ яркіе, какъ бы радужные лучи. Никогда еще ни при одномъ нѣмецкомъ дворѣ не видѣла она такого множества дорогихъ, красивыхъ нарядовъ, такой толпы придворныхъ и сановниковъ! Выше ихъ всѣхъ, выходя изъ брильянтовой рамки своего портрета, шествуетъ красавица Императрица. Въ одной рукѣ она держитъ портретъ самой Фи́ке, а другою ведетъ юнаго наслѣдника престола...

Раскидалась въ своей дѣвичьей кроваткѣ цербстская принцесса. Ея чудные волосы разсыпались по подушкѣ. Наконецъ, молодыя силы взяли свое: крѣпкій, здоровый сонъ такъ сковалъ милаго ребенка, что гувернантка едва могла ее разбудить, торопя скорѣе вставать и спѣшить съ родителями въ придворную капеллу, гдѣ знаменитый проповѣдникъ долженъ былъ сказать краснорѣчивое слово, по случаю наступившаго новаго 1744 года.

Чинно разсѣлась семья цербстскаго князя на своихъ прадѣдовскихъ скамьяхъ, въ придворной капеллѣ. За ними помѣстился ихъ малочисленный

дворъ да зáмковая челядь. Пасторъ краснорѣчиво говорилъ о любви къ ближнимъ, особенно къ меньшей братіи, и о добродѣтеляхъ, обязательныхъ для тѣхъ, «иже во власти суть». Плавно текла его рѣчь. Мысли же юной слушательницы упорно возвращались къ блестящимъ сновидѣніямъ! «Какъ хорошо, легко помогать ближнимъ, когда имѣешь много брильянтовъ. И какая должна быть счастливая Императрица Елизавета, управляющая такою, какъ говорятъ, безсчетно богатою страной. Она можетъ благотворить, когда только хочетъ, кому и сколько хочетъ!» Во время пѣнія хорáла, свѣжій, пріятный голосъ юной принцессы звонко раздавался подъ темными сводами старинной капеллы. Она такъ пламенно просила Божьяго благословенія всей своей любимой семьѣ въ наступающемъ году, что не слыхала необычнаго шороха за спиной. А тамъ у входа шевелились, хотя и очень осторожно. Княгиня Іоанна навострила свое внимательное ухо, и, какъ только пасторъ благословилъ собраніе, она шепнула что-то, мужу и деверю.

Съ невозмутимымъ нѣмецкимъ педантизмомъ поднялись чопорные принцы, не удостоивъ даже взглядомъ свою пылкую сосѣдку. Размѣреннымъ, важнымъ шагомъ двинулись они къ выходу. Изъ-за ихъ спинъ, зоркіе глаза принцессы Іоанны высмотрѣли на одной изъ дальнихъ скамеекъ прусскаго курьера, который, въ свою очередь, смотрѣлъ на нее, держа въ рукахъ объемистый конвертъ. Не вытерпѣла далѣе пылкая женщина. Забывъ строгость этикета и почтеніе къ правящему князю, она двинулась впередъ, курьеръ ей на встрѣчу, и тутъ на глазахъ у всѣхъ почтительно проговорилъ: «Вашей свѣтлости отъ Ея Величества Императрицы Всероссійской!» Эффектъ былъ

полнѣйшій. Всѣ слышали многозначущія слова, всѣ видѣли передаваемый конвертъ. Сердца присутствовавшихъ забились, каждое по-своему. Ея свѣтлость, точно озаренная величіемъ той, отъ которой получала письмо, важно заявила, что удаляется къ себѣ читать дорогое посланіе своего родственнаго друга, Императрицы Елизаветы. Проходя мимо кучки придворныхъ, она съ большой любезностью, но какъ будто горделивѣе обыкновеннаго, принимала ихъ новогоднія поздравленія, точно письмо, которое она держала въ рукахъ, проливало особую тѣнь величія на ея обыкновенно очень живую, привѣтливую манеру.

Придя къ себѣ, умная женщина заперлась накрѣпко, запретивъ входить даже принцамъ и дочери. Она хотѣла быть одна, прочесть, понять, передумать обо всемъ. И, дѣйствительно, бы́ло надъ чѣмъ призадуматься! Писалъ все тотъ же старый знакомый по Э́йтену, теперь оберъ-гофмаршалъ двора герцога голштинскаго, русскаго великаго князя, Петра Ѳедоровича—фонъ Брюммеръ. Писалъ онъ ея свѣтлости, по порученію Императрицы, писалъ много въ самыхъ изысканныхъ почтительныхъ выраженіяхъ, но все же обиняками, не договариваясь до сущности дѣла. Ясно, подробно передавалъ онъ одно: самое привѣтливое и настойчивое приглашеніе Ея Величества княгинѣ—посѣтить вмѣстѣ съ своею дочерью россійскій императорскій дворъ. Ихъ даже торопили, т. е. высказывали нетерпѣніе Государыни—видѣть обѣихъ дамъ и поближе познакомиться съ молоденькой дочкой княгини, «о которой молва сообщила такъ много хорошаго». Въ заключеніе же, къ этому лестному отзыву о принцессѣ добавлялись слѣдующія многозначительныя слова: «бываютъ случаи, когда гласъ народа есть именно

гласъ Божій!» *) Княгинѣ посылали даже деньги на дорожные расходы и обѣщали вручить и еще, по пріѣздѣ въ Петербургъ. Потомъ шли презамысловатыя фразы: «Ея Императорское Величество изволила еще разъ приказать просить вашу свѣтлость поторопиться пріѣздомъ, насколько только возможно; такъ какъ обстоятельства не позволяютъ ей въ настоящее время видѣть принца, супруга вашей свѣтлости, то она не замедлитъ вызвать его, какъ только измѣнятся обстоятельства. Его величество, король прусскій посвященъ въ вопросъ вашего путешествія; съ нимъ, ваша свѣтлость, можете говорить откровенно. Но, въ общемъ, хорошо было бы ничего не разглашать и ѣхать въ Россію прямо изъ Штетина, подъ предлогомъ благодарить Императрицу за ея милостивое вниманіе къ вамъ, присылку своего портрета и желаніе имѣть таковой же портретъ вашей дочери!» **) Было надъ чѣмъ принцессѣ Іоаннѣ-Елизаветѣ призадуматься! Скрыть отъ дочери содержаніе письма, пожалуй, еще можно: она держитъ въ строгости свою Фике. Но смолчать передъ принцемъ, супругомъ, скрыть письмо— трудновато, или лучше—невозможно! Однако, къ праздничному обѣденному столу она вышла сіяющая, сообщая свою радость, что получила поздравленія и добрыя пожеланія къ новому году отъ своей Высочайшей, всемилостивѣйшей родственницы. Пришлось всѣмъ удовольствоваться этими пріятными словами и каждому по своему догадываться, что̀ можетъ скрываться за этой пріятной, свѣтлой улыбкой. Молоденькая Фике также замѣтила необычайное, особенное

*) Подлинныя слова Брюммера.
**) Выдержка изъ того же письма.

настроеніе въ матери и какъ-то невольно вспомнила о каноникѣ и его предсказаніяхъ. Дѣвочкѣ даже казалось, что ея мать,—всегда равнодушная къ ней, скорѣе суровая,—со времени отправки въ Петербургъ портрета, стала съ нею мягче, внимательнѣе.

Но если бы еще кто-нибудь и не обратилъ вниманія на загадочность тона и манеръ княгини Іоанны, то, конечно, и самымъ равнодушнымъ кинулось бы въ глаза новое, необычное обстоятельство. Среди обѣда послышался торжествующій рожокъ почталіона, и къ мрачному крыльцу стараго за́мка подъѣхалъ, весь въ снѣгу, новый курьеръ, съ новымъ письмомъ, и опять къ той же княгинѣ. На этотъ разъ вѣсть неслась отъ самого вершителя судебъ всѣхъ мелкопомѣстныхъ владѣтельныхъ князьковъ сѣверной Германіи, прусскаго короля Фридриха II. Онъ понималъ своимъ обширнымъ умомъ, что союзъ съ Россіей ему необходимъ, если только онъ хочетъ окрѣпнуть среди своихъ нѣмецкихъ собратій-правителей; зналъ, что при русскомъ дворѣ есть русская партія съ дальновиднымъ Бестужевымъ во главѣ, которая зорко слѣдитъ, чтобы благополучіе Пруссіи не нанесло смертельнаго вреда ихъ кровной Россіи. Съ этой-то партіей долженъ былъ считаться мудрый Фридрихъ, считаться тѣмъ осторожнѣе, что русскій посланникъ при его дворѣ былъ очень зорокъ, и отъ него надо было скрывать свои ходы, если желать успѣха какому-нибудь дѣлу. Этой-то партіи и хотѣлъ онъ создать противовѣсъ въ свою пользу при дворѣ Елизаветы.

Брюммеръ, во главѣ его петербургскихъ агентовъ, провѣдалъ и своевременно донесъ своему патрону, въ какую сторону склоняются симпатіи русской Самодержицы. Король, зная ловкій умъ цербстской княгини,

ея расположеніе къ нему и любовь къ родинѣ, рѣшилъ, что она будетъ очень властно руководить своею дочерью-ребенкомъ, которая уже теперь, заочно, покорила сердце русской Императрицы. Ее уже предпочитаютъ всѣмъ остальнымъ европейскимъ принцессамъ и если не высказываются болѣе открыто, то, пожалуй, все по причинѣ завѣдомой нелюбви русскаго канцлера—старика Бестужева ко всему нѣмецкому. Знаменитое письмо изъ Россіи шло черезъ Берлинъ: прусскій курьеръ повезъ эту благую вѣсть. Пусть же въ Цербстѣ прочтутъ ее внимательно, попривыкнутъ къ мысли о будущихъ радостяхъ. Но не на долго! Ему самому надо стать первенствующимъ дѣятелемъ въ этой исторіи, надо взять въ руки главныя пружины. Вотъ онъ шлетъ, уже отъ себя, второго курьера къ той же княгинѣ, уговариваетъ ее торопиться и согласіемъ и отъѣздомъ. Самъ открыто пишетъ о предположенномъ въ Петербургѣ сватовствѣ, и все же настойчиво повторяетъ петербургское требованіе тайны,—полной, глубокой тайны ото всѣхъ безъ исключенія.

Не открывать дочери причину поѣздки, предпринимаемой изъ-за нея, казалось княгинѣ совершенно понятнымъ,—«Фике,—думалось ей,—еще ребенокъ; какое ей дѣло, что̀ за нее, для нея рѣшаетъ мать. Она знаетъ, что̀ нужно для будущаго счастья дочери, и, конечно, не будетъ съ ней совѣтоваться. Мужъ—другое дѣло: ему надо показать оба письма, потребовать тайны и потомъ пообѣщать, что при первой возможности она вызоветъ его за собою въ Россію. Вообще, умная женщина обѣщала своему супругу ежедневно писать, сообщать малѣйшія подробности знаменательнаго путешествія, которое,—

она уже рѣшила,—должно начаться съ поѣздки въ Берлинъ».

Князь оказался замѣчательно сговорчивымъ, чуть ли не равнодушнымъ къ хлопотамъ и соображеніямъ своей свѣтлѣйшей супруги. У него была одна забота: счастье его маленькой Фике. И когда княгиня съ придворными дамами занялась укладкой своихъ очень немногочисленныхъ нарядовъ, онъ удалился къ себѣ въ кабинетъ и въ уединеніи написалъ цѣлый рядъ наставленій отъѣзжающей дочери. Этотъ истый нѣмецкій солдатъ нашелъ въ своемъ честномъ сердцѣ и безхитростномъ умѣ тѣ мудрые совѣты, которыми его дочь могла руководствоваться при чужомъ дворѣ, среди чуждыхъ ей людей, въ совершенно новой, необычной для нея обстановкѣ. Кромѣ просьбы оставаться вѣрной религіи своихъ предковъ и совѣта взять съ собою Библію и молитвенникъ для ежедневнаго, назидательнаго употребленія, онъ училъ ее полной покорности, довѣрчивости и преданности своей Высочайшей Покровительницѣ, русской Императрицѣ. Остерегалъ отъ излишней откровенности съ приближенными. Совѣтовалъ быть сдержанною, не гордой, но и не слишкомъ доступной,—болѣе всего остерегаться малѣйшаго вмѣшательства въ государственныя дѣла. Совѣтовалъ быть не скупой и не расточительной, въ большихъ собраніяхъ избѣгать особенныхъ, какъ бы секретныхъ, разговоровъ съ отдѣльными лицами. Видимо, доброму отцу такъ и хотѣлось облегчить своему сокровищу тяжелый путь, который ей приходилось пройти къ величію и блеску. Ни однимъ словомъ онъ не обмолвился о томъ высокомъ положеніи, которое ждетъ ее. Чувствуется, что ему до этого и дѣла нѣтъ. Онъ боится за свою Фике, и все,

что только умъ могъ придумать, сердце—подсказать,—онъ все изложилъ на бумагѣ, которую и отдалъ женѣ для передачи Фике. Самой же дочери вручилъ только богословскій трактатъ Гейнца.

10-го января сборы княгини были кончены. По ея рѣшенію, вся семья двинулась въ Берлинъ. Это была настолько обычная поѣздка, что не вызвала никакихъ толковъ. Пять дней путники провели въ столицѣ молодого королевства. Княгиня все переговорила съ королемъ. Въ продолжительныхъ совѣщаніяхъ она все нужное отъ него узнала и уѣхала съ полной вѣрой въ свое умѣнье направить политику Россіи на пользу Германіи и ея представителя, короля прусскаго.

Изъ Берлина княжеская семья направилась по дорогѣ въ Штетинъ, но, остановившись въ Шведтѣ на Одерѣ, раздѣлилась: отецъ въ послѣдній разъ видѣлъ свою любимицу! Его благословенія и добрыя пожеланія сопровождали дорогое, милое дитя въ ту неизвѣстную даль, куда такъ охотно увозила ее честолюбивая мать. Князь Христіанъ-Августъ уѣхалъ домой, въ Штетинъ, а княгиня Іоанна, подъ именемъ княгини Рейнбекъ, съ дочерью повернула на Штаргардтъ. Онѣ пустились въ дорогу дальнюю, которая кончалась для нихъ даже не Петербургомъ, а Москвой, гдѣ проживала тогда Императрица Всероссійская, окруженная своимъ блестящимъ дворомъ и московскою родовитою знатью. Даже жесткое, честолюбивое сердце цербстской княгини ёкнуло при видѣ отчаянныхъ слезъ бѣдненькой дѣвочки, понявшей наконецъ, что ее навсегда увозятъ отъ любимаго отца. Милый ребенокъ неутѣшно, горько рыдалъ. Ни мать, ни фрейлина Каинъ, ни другія лица свиты не могли ее ни утѣшить, ни успокоить! Она допла-

калась до полнаго утомленія. Слезы ея утихли только во снѣ, когда относительно покойный экипажъ-бричка убаюкалъ бѣдняжку, несмотря на ужасную дорогу. Грязь, невылазно-топкая, по мѣстамъ, подмерзшая въ кочки, дѣлала путь невыносимымъ. Знатныя путешественницы направились по Пруссіи, Помераніи, на Шлáве, Штóльпе, Мéве, гдѣ переправились черезъ Вислу. Доѣхавъ до Маріенвердера, онѣ перебрались по льду черезъ Фришгафъ и 2-го января были въ Кёнигсбергѣ.

Несмотря на всю заботливость властей, предупрежденныхъ строгими распоряженіями Фридриха II, путешествіе было самое мучительное. То наступала оттепель, то трещалъ морозъ, да еще такой сильный, что княгиня и ея дочь надѣвали маски и шерстяныя покрывала, чтобы спастись отъ страшной стужи. Изъ ихъ писемъ видно, что въ городахъ, во время остановокъ, онѣ чувствовали себя довольно сносно, но въ мѣстечкахъ и деревняхъ—помѣщенія, отводимыя имъ, были по-истинѣ ужасны. «Комнаты на постоялыхъ дворахъ не топлены. Приходилось занимать хозяйскія помѣщенія, немногимъ отличавшіяся отъ свиныхъ хлѣвовъ. Въ нихъ скучены были—самъ хозяинъ, его жена, дворовыя собаки, пѣтухи и всюду дѣти—въ люлькахъ, на постеляхъ, за печкой, на тюфякахъ. Все это валялось въ безпорядкѣ, одно около другого, какъ капуста или рѣпа. Но дѣлать было нечего; княгиня приказывала принести скамейку и помѣщалась среди комнаты».

Однако, всѣ эти мытарства не мѣшали княгинѣ зорко слѣдить за тѣмъ, что дѣлалось на ея родинѣ. Такъ, въ слѣдующемъ письмѣ, она убѣдительно просила своего супруга прислать ей тѣ газеты, въ кото-

рыхъ заговорятъ о ея путешествіи, настойчиво рекомендуя ему распорядиться, чтобы объ этомъ ничего не печатали, пока онѣ не проѣдутъ Мемеля. Она просила также, чтобы до тѣхъ же поръ онъ отнюдь не допускалъ и публичныхъ богослуженій объ ихъ благополучномъ путешествіи, которое онъ долженъ былъ настойчиво объяснять желаніемъ княгини лично благодарить русскую Императрицу за ея милостивое вниманіе къ княжеской семьѣ.

Изъ Кенигсберга принцесса-дочь написала нѣжное письмо отцу, благодаря его за ласковую записку, полученную ею, въ которой онъ увѣдомлялъ о своемъ здоровьи. «Умоляю васъ быть увѣреннымъ, что ваши увѣщанія и совѣты навѣчно останутся запечатлѣнными въ моемъ сердцѣ, равно какъ и сѣмена святой религіи въ моей душѣ, для которой я прошу Господа ниспослать всѣ необходимыя силы, чтобы выдержать тѣ искушенія, которымъ готовлюсь подвергнуться. По молитвамъ вашей свѣтлости и дорогой мамы, Господь окажетъ эту милость, которую не могли бы мнѣ доставить моя молодость и моя слабость. Я предаю себя Господу и желаю имѣть утѣшеніе сдѣлаться достойною такой милости, равно какъ и получить добрыя вѣсти отъ дорогого папы. Остаюсь всю мою жизнь съ неизмѣннымъ почтеніемъ, государь, вашей свѣтлости всенижайшая дочь и слуга, Софья-Авгу́ста, принцесса А(нгальтъ) Ц(ербстская)». Изъ Кенигсберга же княгиня Іоанна увѣдомила свою мать о предпринятомъ путешествіи и довольно ясно намекнула, что понимаетъ, какіе планы предполагаются въ Петербургѣ относительно будущности ея старшей дочери.

Путь до Мемеля, благодаря установившемуся сан-

ному пути, былъ уже менѣе утомителенъ: ѣхали скоро и весело. Съ этого ночлега княгиня написала и въ Петербургъ и въ Берлинъ, при чемъ благодарила короля за принятыя имъ мѣры къ обезпеченію ихъ удобнаго путешествія. Наконецъ, доѣхали до Митавы. Здѣсь въ первый разъ знатныхъ путешественницъ привѣтствовали, какъ владѣтельныхъ особъ. Имъ представился полковникъ Воейковъ, командовавшій мѣстнымъ отрядомъ русскихъ войскъ. Онъ выразилъ свою радость, что ему на долю выпало счастье быть первымъ русскимъ, который имѣетъ честь привѣтствовать столь близкую родственницу своей Государыни. Изъ Митавы 6-го февраля цербстскія принцессы тронулись уже съ почетнымъ военнымъ отрядомъ. Имъ на встрѣчу изъ Риги выѣхалъ Семенъ Кирилловичъ Нарышкинъ, бывшій прежде посланникомъ въ Лондонѣ,—будущій гофмаршалъ. Онъ привѣтствовалъ княгиню и ея дочь отъ имени Императрицы, поздравилъ съ благополучнымъ прибытіемъ въ Россію и сообщилъ желаніе Ея Величества—какъ можно скорѣе видѣть въ Москвѣ высокихъ путешественницъ,—такъ что имъ приходилось торопиться и пробыть очень короткое время въ Петербургѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Нарышкинъ передалъ и письмо Брюммера, полное самыхъ льстивыхъ, блестящихъ фразъ и очень полезныхъ наставленій, какъ держать себя при русскомъ Дворѣ.

Близъ Риги высокихъ гостей встрѣтили гражданскіе и военные чины съ вице-губернаторомъ, княземъ Долгорукимъ, во главѣ, который предложилъ ихъ свѣтлостямъ пересѣсть въ карету, нарочно приготовленную для параднаго въѣзда. Залпъ изъ крѣпостныхъ орудій привѣтствовалъ вступленіе высокихъ

гостей на русскую землю въ ту минуту, когда экипажъ переѣхалъ по льду черезъ Западную Двину. Декорація сразу рѣзко перемѣнилась: гофъ-фурьеры, кирасиры полка Его Высочества, Государя-Наслѣдника, почетный караулъ у подъѣзда, часовые въ сѣняхъ и при каждой двери внутреннихъ покоевъ; звуки трубъ и литавръ; бой барабановъ; придворный этикетъ съ низкими поклонами, присѣданіями и цѣлованіемъ рукъ. Всюду золото, бархатъ, серебро, шелкъ, петербургская гвардія, мѣстное дворянство, супруга фельдмаршала Ласси, самъ генералъ-аншефъ Салтыковъ... Все это приводило въ восторгъ нѣмецкую принцессу. Юной Софіи всего больше понравилась присланная ей отъ Императрицы красивая соболья шуба, крытая парчей,—она грѣла и нѣжила ее, точно предсказывала, что пригрѣетъ, полюбитъ ее ея вторая родина, радушная, добрая, ласковая матушка-Россія, согрѣетъ своимъ благодушіемъ, своею привѣтливою любовью, своею беззавѣтной преданностью. Торжественность встрѣчи, роскошь обстановки, великолѣпіе пріема сильно ободрили маленькую принцессу, прогнали всякую усталость. Даже мать, обыкновенно наполнявшая письма на родину описаніемъ своихъ личныхъ впечатлѣній и дѣйствій, на этотъ разъ не могла не сообщить мужу: «наша дочь такъ бодра и здорова, что я даже дивлюсь на нее». Изъ Риги цербстскія принцессы выѣхали уже въ императорскихъ саняхъ, обитыхъ внутри соболями, съ матрацами изъ шелковой матеріи, съ мѣховою полостью, запряженныхъ въ десять лошадей, по двѣ въ рядъ.—Впереди скакалъ эскадронъ кирасиръ Его Высочества, Государя-Наслѣдника. На передкѣ императорскихъ саней сидѣлъ камергеръ Нарышкинъ, шталмейстеръ Высочайшаго

двора, дежурный офицеръ измайловскаго полка,—на запяткахъ два камеръ-лакея и два преображенца. За санями слѣдовали отрядъ лифляндскаго полка, вице-губернаторъ, комендантъ, экипажи со свитой принцессъ. Представители дворянства, магистрата, различныхъ корпорацій и офицеры скакали вокругъ саней. Сонъ свершался на яву! Дѣвичьи грезы юной принцессы осуществлялись! Сказочныя представленія, неясныя мечты принимали такъ быстро такія безспорно осязательныя формы, что голова могла вскружиться, хоть у кого! И она, дѣйствительно, кружилась у княгини-матери.

Нѣмецкая принцесса думала, что вся торжественность встрѣчи, блескъ пріемовъ, относились къ ней самой. Отуманенная, она позабыла о своей прелестной спутницѣ. Между тѣмъ, принцесса Софія въѣзжала въ Россію вся проникнутая мыслью о томъ сказочномъ великанѣ, о подвигахъ котораго такъ любовно разсказывала ей ея старая няня, убаюкивая свою любимицу, въ длинные вечера, при тускломъ свѣтѣ ночника, въ скромномъ домѣ штетинскаго коменданта. Маленькая Фике лелѣяла въ самомъ потаенномъ уголку своего дѣтскаго сердечка любовь къ чудо-богатырю, наполнившему весь сѣверъ Европы легендарными преданіями о своей храбрости, скромности, своеобразности. Судьба чудеснымъ образомъ приводила ее на его родину, любя которую, онъ безустанно трудился. Ея сердце радостно забилось при мысли, что она переселилась въ его любимое царство. Ее чествуютъ, какъ легендарную царевну изъ старинной нѣмецкой сказки. Трубы, литавры, барабаны и пушки гремятъ ей на встрѣчу. Ея чуткое ухо разбираетъ среди этихъ звуковъ и церковный звонъ. Въ Петер-

бургѣ, гдѣ ей съ матерью въ Императорскомъ дворцѣ представляется дворъ, генералитетъ, иностранные послы и блестящія дамы, она различаетъ уже особаго сана людей. Величавы ихъ молчаливые, вдумчивые взгляды, однообразенъ строгій нарядъ. Особеннымъ, таинственнымъ міромъ повѣяло на юную принцессу отъ этихъ представителей чуждаго ей вѣроисповѣданія! Блескъ двора напоминалъ ей ея дѣвичьи сны; величіе православнаго духовенства для нея было совершенно ново и самобытно: значитъ, оно и новая самобытная сила! Наблюдательный, не рядовой умъ принцессы сталъ работать въ этомъ направленіи. Благодаря наставленіямъ отца, она-таки старательно вдумывалась въ религіозные вопросы. И вотъ передъ ней—представители той религіи, о которой ей говорили, о которой разсуждали, и которая исповѣдуется единодушно всѣмъ этимъ необъятнымъ русскимъ царствомъ, куда ее такъ могуче, торжественно приводитъ судьба или, лучше, высшая, сильнѣйшая воля Того, Кто одинъ руководитъ и царствами и царями.

9-го февраля въ 8 часовъ вечера въ открытыхъ саняхъ, запряженныхъ 16-ю лошадьми, вкатила цербстская красавица въ златоглавую, бѣлокаменную столицу Россійской Имперіи. Пріемъ, оказанный Императрицей, благотворно отозвался въ молоденькомъ сердцѣ. Блестящія торжества, почетъ, придворный этикетъ—восхищали ее, а встрѣча съ Наслѣдникомъ престола очень обрадовала, онъ немного подросъ, чуточку возмужалъ. Онъ былъ очень радъ пріѣзду своихъ нѣмецкихъ родственницъ, съ которыми ему позволяли говорить безъ надзора ненавистнаго гофмаршала. Брюммеръ былъ такъ увлеченъ пріѣзжей принцессой, вносившей новыя силы и новую жизнь въ дѣйствія

нѣмецкой партіи противъ всесильнаго русскаго вельможи—канцлера Бестужева, что ему было не до дѣтей, не до ихъ взаимныхъ отношеній, разговоровъ, изліяній.

Пока княгиня-мать, закружившись въ великолѣпіи и почестяхъ, занималась политикой,—дочь вглядывалась въ новую обстановку, вдумывалась, стараясь понять дѣйствія новыхъ для нея лицъ. Главнымъ же образомъ она старалась изучить личность русской Императрицы и характеръ ея Наслѣдника. Совѣты князя-отца не остались безъ пользы. Она держалась со всѣми вѣжливо, даже ласково, но ни съ кѣмъ не сходилась, никому не довѣряла движеній своего сердца. Полюбила она горячо свою благодѣтельницу, дочь своего сказочнаго богатыря, самодержавную Императрицу Елизавету Петровну. Ей хотѣлось скорѣе ознакомиться и съ Россіей, которая казалась ей такой особенной, такой любопытной.

Скоро юной цербстской принцессѣ назначили преподавателей, тѣхъ же исключительно талантливыхъ педагоговъ, которые занимались и съ великимъ княземъ.

Умный, горячо вѣрующій архимандритъ Ипатьевскаго монастыря *) Симонъ Тодорскій, долго проживавшій заграницей, получилъ серьезное образованіе въ Галле. Онъ горячо принялся за свой политическій подвигъ объяснять сначала великому князю, а черезъ годъ и предназначенной ему въ невѣсты,—лютеранской принцессѣ всю чистоту и высоту православнаго ученія въ сравненіи съ холоднымъ лютеранствомъ. Уроки отца архимандрита не были для юной уче-

*) Близъ Костромы.

ницы пустою формальностью. Внимательно вникала она въ святой смыслъ православнаго ученія. Чтобы самой точнѣе выражаться въ своихъ долгихъ бесѣдахъ съ о. архимандритомъ и легче усваивать чуждую еще русскую рѣчь, принцессѣ необходимо было скорѣе овладѣть русскимъ языкомъ. Въ этомъ ей усердно помогалъ преподаватель русскаго языка, Ададуровъ.

Съ жадностью принялась за дѣло пылкая Фике. Неимовѣрныхъ усилій стоило ей, какъ иностранкѣ, усвоить особенности русской рѣчи. Свои дни дѣвочка изъ Цербста посвящала занятіямъ съ преподавателями, а по ночамъ, какъ только дворецъ засыпалъ и придворные оставляли ее одну въ опочивальнѣ, прилежная, усердная труженица тихонько вставала съ тепленькой постели и, не одѣваясь, не обуваясь, на босу ногу, ходила неутомимо по комнатѣ, заучивая трудные, чуждые звуки, выбиваясь изъ силъ, чтобы точно, правильно выговаривать слова русской рѣчи. Какъ ни тщательно были отдѣланы покои пріѣзжихъ высокихъ гостей въ Головинскомъ дворцѣ, какъ ни тепло нагрѣвались голландскія кафельныя печи русскими березовыми дровами, но все же ночная прохлада прохватывала молодые члены. Физическія силы не выдержали слишкомъ усиленной умственной работы, — и полюбившаяся уже всѣмъ красавица заболѣла, ей сдѣлалось дурно, пришлось лечь въ постель и послать за докторами. Переполохъ былъ страшный, тѣмъ болѣе, что Императрица, какъ на бѣду, именно въ эти дни уѣзжала на богомолье въ Троицкую-Сергіеву лавру. Принцесса-мать, на этотъ разъ, стала вмѣшиваться въ лѣченье: не допускала кровопусканія, сбивала всѣхъ съ толку своими воплями,

Принцесса Софія изучаетъ въ своей опочивальнѣ русскій языкъ.

(Къ стр. 140).

спорами, разглагольствованіями! А бѣдная страдалица лежала въ забытьѣ, часто жалобно стонала, тяжело переводя дыханіе. Доктора предполагали особенныя боли въ правомъ боку, мать же твердила свое, утверждая, что это оспа, и жестоко бранила больную за недостатокъ терпѣнія. Къ Императрицѣ полетѣли гонцы.

Наконецъ, на пятый день болѣзни, Ея Величество изволила вернуться и прямо изъ кареты, вся въ слезахъ, поспѣшно прошла въ комнаты принцессы. За нею слѣдомъ вошли лейбъ-медикъ Лестокъ и докторъ Сангенъ. Больная лежала, разметавшись на постели, въ сильномъ жару, бредила, была безъ памяти. Елизавета Петровна ужаснулась. Передъ ней безъ чувствъ, безнадежно лежала красота, молодость! Та дѣвушка, которую она выбрала въ товарищи, въ жены своему Наслѣднику, казалось, уходила отъ нихъ, покидала все земное,—и величіе, и славу, и почести! Въ ужасѣ, съ мольбой подняла набожная Царица свои заплаканные глаза на образъ, потомъ перевела ихъ на Лестока, ставя безъ словъ отчаянный вопросъ. Увѣренно приблизился опытный врачъ, взялъ руку больной, нашелъ пульсъ и почти сразу выговорилъ: «пустимъ кровь, и принцесса выздоровѣетъ!» Императрица, сама чуть не безъ чувствъ, опустилась на стулъ близъ кровати. Доктора засуетились. Какъ только брызнула красная струя, больная очнулась, открыла глаза и увидѣла себя въ нѣжныхъ объятіяхъ Императрицы.

27 дней молодыя силы боролись съ опасною болѣзнью. Нѣсколько разъ прибѣгали къ кровопусканіямъ. Принцессу-мать удалили изъ покоевъ дочери. За то Елизавета Петровна постоянно,—какъ только придворная жизнь и государственныя дѣла позво-

ляли,—посѣщала свою ненаглядную любимицу. Наконецъ, молодость и крѣпкое сложеніе взяли верхъ. Нарывъ въ правомъ боку прорвался, и принцесса стала поправляться, къ безграничной радости Государыни, которой искренно вторили великій князь и весь дворъ, сердечно полюбившіе дорогую больную.

Въ одинъ изъ дней, когда она особенно страдала и отчаяніе приближенныхъ не имѣло границъ, принцесса-мать выразила желаніе, чтобы къ постели ея дочери былъ допущенъ лютеранскій пасторъ. Ей хотѣлось тѣмъ или другимъ способомъ вмѣшаться въ жизнь больной, отъ которой ее удаляли и доктора и Императрица. Графиня Румянцева, приставленная къ принцессѣ Софіи, не сразу посмѣла исполнить это требованіе. Осторожно выбрала она удобную минуту и ласково передала больной желаніе принцессы-матери.—«Пастора?» удивилась больная: «Если я дѣйствительно такъ больна, то для меня уже гораздо нужнѣе совѣтъ и напутствіе моего законоучителя, отца Симона. Его я приму съ живѣйшей благодарностью». Отвѣтъ—замѣчательный по тактичности, уму и вѣрности пониманія своего положенія, среди все же совершенно чуждыхъ людей! Конечно, о. архимандритъ не заставилъ себя ждать. Въ присутствіи близкихъ къ принцессѣ лицъ, онъ велъ съ ней долгія, сердечныя бесѣды. Ея отвѣты поражали всѣхъ своимъ пониманіемъ кроткаго, любвеобильнаго ученія Православной Церкви. Отрадному восторгу Императрицы, двора, Москвы, всей Россіи не было предѣловъ. Если больная желала отплатить Государынѣ за ея ласку, уходъ, за всѣ безчисленные и безцѣнные подарки, которыми та ее осыпала во время болѣзни; если она рѣшила занять прочное положеніе при дворѣ и въ

государствѣ,—она не могла поступить ни лучше, ни дальновиднѣе... Если, до сихъ поръ, ее любили за ея прелесть, ея чарующую ласковость, теперь ею стали дорожить, какъ неоцѣненнымъ сокровищемъ, необходимымъ для общаго блага, общаго счастья. Болѣзнь принцессы Софіи произвела страшный переполохъ въ дипломатическимъ мірѣ. Изъ Москвы полетѣли курьеры въ Берлинъ, Дрезденъ. Фридрихъ схватился за дармштадтскую принцессу, мѣтя ее въ подставныя кандидатки, на случай дурного исхода, лишь бы не выпускать изъ рукъ тѣхъ средствъ, которыя, по его расчету, давались ему въ руки черезъ цербстскую принцессу.

Зорко поглядывалъ на покои больной маститый канцлеръ, умнѣйшій Бестужевъ-Рюминъ. Онъ искренно сталъ радоваться, когда болѣзнь, а потомъ выздоровленіе будущей великой княгини, повлекли за собой очень замѣтное охлажденіе въ отношеніяхъ Императрицы къ принцессѣ-матери. Съ тѣхъ поръ онъ уже не спускалъ глазъ съ той, которая такъ могуче полонила всѣ сердца. Въ его рукахъ было письмо юной принцессы къ отцу: «такъ какъ я не нахожу никакого различія между вѣрою греческою и лютеранскою, то я рѣшила, сообразуясь съ милостивыми инструкціями вашей свѣтлости, перемѣнить религію и пришлю вамъ, съ первою же почтою, мое исповѣданіе вѣры. Смѣю надѣяться, что ваша свѣтлость останетесь довольны мною!» Затѣмъ она просила отца согласиться на ея бракъ съ великимъ княземъ. Христіанъ-Августъ, піэтистъ въ душѣ, не отличался нетерпимостью. Въ своемъ отвѣтѣ онъ признавалъ, «что греческая Церковь была первою чистою апостольскою Церковью, потому онъ и не ви-

дѣлъ никакого препятствія предоставить на волю дочери выборъ вѣроисповѣданій». Все это зналъ Бестужевъ лучше другихъ: письма проходили черезъ его ловкія руки. Вслѣдствіе этого, когда здоровье и силы къ больной вернулись, и принцесса не только снова принялась за свои уроки, но даже прибавила число занятныхъ часовъ и чуть не цѣлые дни стала проводить съ своими любимыми наставниками, стараясь усовершенствоваться въ русской рѣчи и въ точномъ усвоеніи смысла православнаго исповѣданія вѣры,—умный вице-канцлеръ посмотрѣлъ безъ малѣйшаго предубѣжденія на отъѣздъ въ Цербстъ курьера Веселовскаго съ формальною просьбой Императрицы къ принцу Христіану-Августу—прислать свое отцовское благословеніе на бракъ дочери принцессы Софіи съ великимъ княземъ Петромъ Ѳедоровичемъ, Наслѣдникомъ русскаго престола. Согласіе не заставило себя ждать. Принцесса Софія, вполнѣ здоровая, цвѣтущая молодостью и красотою, стала готовиться къ предстоящимъ торжествамъ.

27-го іюня, передъ обрядомъ возсоединенія, она постилась цѣлый день, потомъ крѣпко проспала ночь, и 28-го встала бодрая, сильная, готовая явиться передъ лицомъ представителей русскаго народа, и дѣйствительно плѣнила всѣхъ своею чудной красотой. Въ шелковомъ красномъ платьѣ, шитомъ серебромъ, съ бѣлой лентой въ ненапудренныхъ волосахъ, она была обворожительна.

Къ 10 часамъ утра Головинскій дворецъ уже былъ полонъ сенаторами, первыми чинами двора, сановниками, генералитетомъ. Члены Святѣйшаго Синода собрались въ дворцовой церкви, и послѣ Высочайшаго выхода, новгородскій архіепископъ, Амвросій Юшке-

Ни разу не запнувшись, принцесса Софія прочитала Символъ вѣры и своею трогательною сосредоточенностію привела все торжественное собраніе въ умилительный восторгъ. (Къ стр. 145).

вичъ, началъ обрядъ возсоединенія. Принцесса Софія яснымъ, твердымъ голосомъ, на чистѣйшемъ русскомъ языкѣ, отвѣчала на всѣ предлагавшіеся ей вопросы. Ни разу не запнувшись, прочитала Символъ вѣры и своимъ достоинствомъ, своею трогательной сосредоточенностью привела все торжественное собраніе въ умилительный восторгъ. Императрица плакала, за ней весь дворъ проливалъ слезы и совершенно искренно радовался, когда на эктеніи провозгласили въ первый разъ имя «благовѣрной Государыни, великой княжны Екатерины Алексѣевны». Не мать, не европейскіе политики вели Екатерину Алексѣевну изъ бѣдной сѣверной Германіи къ царскому трону въ златоглавую матушку-Москву, первопрестольную столицу православнаго Русскаго Царства! «Сердце Царево—въ рукѣ Божіей!»—Божья воля вела юную даровитую дѣвушку, направляя ея волю, окрыляя ея умъ и предназначая ее для будущей, блестящей дѣятельности въ Россіи.

Утомленная вынесенными волненіями, великая княжна не вышла къ парадному обѣду. Она осталась одна отдыхать въ своихъ покояхъ, чтобы явиться съ новыми силами прелестной и чарующей на слѣдующій день, на торжествѣ обрученія ея съ великимъ княземъ Петромъ Ѳедоровичемъ.—Праздничнo гудятъ колокола, грохочуть пушки, войска стоятъ въ парадной формѣ, народъ ликуетъ, запружая улицы. Изъ Кремлевскаго дворца Императрица ведетъ юную чету въ Успенскій соборъ, и тамъ, передъ обѣдней, святитель громкимъ голосомъ читаетъ манифестъ, въ которомъ—Ея Величеству благоугодно было объявить всему своему государству о помолвкѣ великаго князя-Наслѣдника, «сына возлюбленной сестры» Ея

съ свѣтлѣйшею принцессою Ангальтъ-Цербстскою, принявшей наканунѣ православіе и нареченной Екатериною Алексѣевной, причемъ повелѣвалось эту свѣтлѣйшую принцессу почитать великою княжною съ титуломъ Императорскаго Высочества. Послѣ обѣдни и поздравленій состоялся во дворцѣ большой обѣденный столъ, во время котораго великая княжна впервые вошла своею легкой, неторопливой, величавой походкой на ступени трона, чтобы сидѣть уже на немъ твердо въ полномъ блескѣ красоты и величія всю свою долгую жизнь на удивленіе Европы, на счастье своей второй родины, на гордость русскаго народа, изъ вѣка въ вѣкъ преклоняющагося передъ своею матушкой-Царицей—Екатериной Великой.

ИСТОЧНИКИ:

1) *С. Соловьевъ.* Исторія Россіи.
2) *Бильбасовъ.* Исторія Екатерины II, т. 1.
3) Записки Императрицы Екатерины II-й.
4) *Д. А. Корсаковъ.* Изъ жизни русскихъ дѣятелей 18-го вѣка.

Графъ-гетманъ.

1741—1750 г.

ПЯТНАДЦАТАГО декабря 1741 года Сенатъ, Петра созданіе, встрѣчалъ въ своихъ стѣнахъ его царственную дочь, самодержавную Императрицу Елизавету Петровну. Съ материнской заботливостью пеклась она о нуждахъ своего обширнаго государства, призывая всѣ правительственныя учрежденія къ добросовѣстнымъ усиліямъ вести имперію по пути, намѣченному ея геніальнымъ творцомъ. Высоко держа съ помощью своихъ мудрыхъ совѣтниковъ знамя русской народности, она не могла оставить безъ вниманія южныхъ своихъ областей. Подъ ея предсѣдательствомъ, господа сенаторы имѣли сужденіе о томъ, какъ облегчить общее изнуреніе бѣдной Украйны, устранить тяготѣвшія надъ ней неурядицы, возникшія вслѣдствіе самоуправства бироновскихъ и остермановскихъ ставленниковъ, Кейта и Неплюева. Начали съ того, что въ Умань, мѣстопребываніе украинскихъ правителей, послали генерала Александра Борисовича Бутурлина, поручивъ ему объявить малороссамъ о радост-

номъ событіи—восшествіи на престолъ Государыни Императрицы и объ удаленіи ихъ притѣснителя Неплюева. Александру Борисовичу было вмѣнено въ обязанность, впредь до новыхъ распоряженій, стараться неукоснительно, по силѣ возможности, облегчать нужды ввѣреннаго ему края, пещись о его благосостояніи и объ искорененіи прежнихъ злоупотребленій. Восторгу жителей не было конца; они не знали, какъ достаточно одарить добраго вѣстника и сейчасъ же выбрали изъ своей среды депутатовъ, которые отправились благодарить всемилостивѣйшую Императрицу и присутствовать на торжествѣ ея священнаго коронованія.

Петръ, по прозванію Апостолъ, Яковъ—Марковичъ, Григорій—Лизогубъ и Андрей—Горленко нашли при Дворѣ очень вліятельныхъ земляковъ: духовника Императрицы, протоіерея Дубянскаго, и всесильнаго графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго. Съ восторгомъ описывали они пріемъ, оказанный имъ въ Москвѣ, да и камерфурьерскій журналъ того времени отмѣчаетъ особенный пріемъ, которымъ чествовали малороссовъ. «Въ блестящихъ залахъ Императорскаго дворца собрался весь дворъ, генералитетъ, знатныя дамы. Внука Царя Алексѣя Михайловича, возсоединителя Малой и Бѣлой Россіи съ Великою, вышла къ своимъ украинскимъ подданнымъ, милостиво выслушала ихъ вѣрноподданическій привѣтъ, пожаловала къ рукѣ и, въ отвѣтной рѣчи черезъ своего оберъгофмаршала, обнадежила своими многими милостями весь народъ малороссійскій. Она пообѣщала даже посѣтить Кіевъ, матерь русскихъ городовъ, и поклониться его святынямъ». Давно уже не миловали такъ дѣтей кіевской земли московскіе самодержцы.

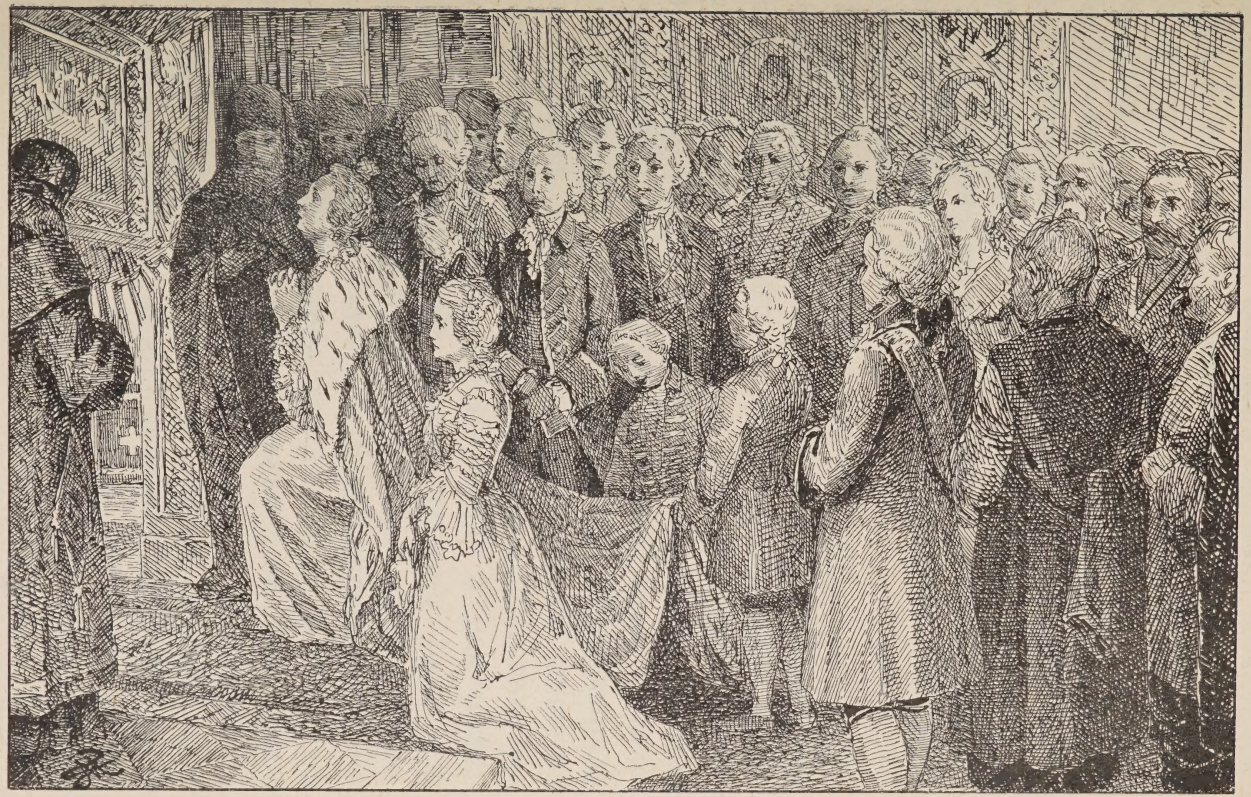
Старымъ роднымъ счастьемъ повѣяло на нихъ отъ трона русской Императрицы, надеждой на свѣтлое будущее отзывались рѣчи ихъ придворныхъ земляковъ, и смѣтливые сыны юга сообразили, что наступила благопріятная пора, когда они могутъ многаго достигнуть, многое получить отъ щедротъ Царицы, если, понявъ настроеніе Двора, отвѣтятъ на желаніе свыше и выберутъ себѣ въ гетманы Императорскаго ставленника. Радостные, довольные, повезли они отъ хладныхъ невскихъ береговъ къ теплому, чудному Днѣпру милостивыя слова Царицы и добрые совѣты дорогихъ земляковъ, съ обѣщаніемъ великихъ и богатыхъ милостей.

На югѣ добрыя вѣсти оживили забитый, измученный людъ. Украйна искони привыкла терпѣть горькую участь. Чуть ли не со смерти Владиміра Мономаха, въ ея исторіи не было отрадныхъ страницъ. Междоусобицы князей, татарское иго, гнетъ латинства и, за послѣднее время, бироновщина и остермановщина привели эту богатую, плодородную страну въ полное оскудѣніе. Искра надежды упала на подготовленную почву. Заколыхались станицы, загалдѣла громада, и священное для малороссовъ слово «гетманъ» зазвучало и на праздничныхъ пирахъ, и на дружескихъ бесѣдахъ добрыхъ хуторянъ, и въ сокровеннѣйшихъ переговорахъ умнѣйшихъ вожаковъ. Понеслось оно изъ станицы въ станицу, изъ одного староства въ сосѣднее, и все росло и крѣпло народное желаніе— имѣть снова родной строй управленія, видѣть гетмана своимъ главой! Буйныя головы думали крѣпкую думу: какъ заполучить своего, прирожденнаго выборнаго гетмана и вмѣстѣ съ тѣмъ угодить ласковой матушкѣ, самодержавной Императрицѣ.

Обѣщанное ею посѣщеніе все откладывалось: сѣверъ не отпускалъ своей Царицы. Но послѣ мира со Швеціей, послѣ обрученія великаго князя, Наслѣдника, съ красавицей Екатериной Алексѣевной, поѣздка была, наконецъ, рѣшена въ Москвѣ, и 27 іюля 1744 г., Императрица выѣхала съ огромной свитой. За день до нея выѣхалъ великій князь и его августѣйшая невѣста съ своей матерью. Поѣздъ Государыни былъ огромный: сановники, придворные чины, дамы, духовенство и генералитетъ,—всего 230 человѣкъ. Для такого штата потребовалось 23.000 лошадей. Ѣхали изъ Москвы на Глуховъ, Кролевецъ, Батуринъ, Нѣжинъ, Козелецъ. Къ Высочайшему проѣзду вездѣ чинили дороги, копали канавы, стлали мосты, воздвигали чуть не дворцы для остановокъ. Великая княжна была въ восторгѣ: ее плѣняла необъятная ширь,—просторъ русской земли, необозримыя поля, непроходимые лѣса, тянувшіеся на сотни и сотни верстъ, манили къ себѣ ея поэтическую, великую душу; ей по плечу была эта безпредѣльная равнина, 750 верстъ отъ Москвы до Кіева,—и ни одного посторонняго владѣнія, все та же матушка-Русь православная, о которой мечтала она въ своемъ прадѣдовскомъ замкѣ. Постепенно предъ взоромъ ея развертывалась чудная картина: города, деревни, весь народъ,—сначала бѣдноватый, какъ будто, по виду, но очень смышленый великороссъ, подъ Москвой, а потомъ все красивѣе, статнѣе выдвигался веселый южанинъ. Всѣ они—подданные одной Государыни, ея «божественной» тетки (собственное выраженіе великой княжны). Пріемъ, оказанный Елизаветѣ Петровнѣ въ Толстодубѣ, на самомъ рубежѣ Украйны, былъ великолѣпенъ. Ее встрѣтили многочисленные отряды казаковъ въ си-

нихъ мундирахъ и разноцвѣтныхъ шапкахъ по полкамъ, генеральные старшины и бунчуковые товарищи. Всѣ войска выстроились по сторонамъ дороги, салютовали Царицѣ знаменами и саблями. Императрица была въ восторгѣ отъ такой встрѣчи: она вышла изъ экипажа, входила подъ наметъ генеральныхъ старшинъ и пѣшкомъ обошла всѣ команды. Отсюда Царица, сопровождаемая казаками, окружившими ея экипажъ, направилась къ Глухову. При въѣздѣ Императрицы, старшины гарцовали у дверецъ ея кареты, съ обнаженными саблями. Ея Величеству пришлось снова выходить изъ экипажа у городскихъ воротъ: духовенство въ блестящемъ облаченіи, съ хоругвями, встрѣтило благочестивѣйшую Государыню. Черниговскій архіепископъ сказалъ краснорѣчивый привѣтъ, и Елизавета Петровна дошла пѣшкомъ, по улицамъ Глухова, среди ликующей восторженной толпы, до женскаго монастыря, гдѣ отстояла торжественную обѣдню. Затѣмъ, на монастырскомъ дворѣ она принимала старшинъ и выслушала отъ Михаила Скоропадскаго, сына гетмана, поздравленіе съ пріѣздомъ. Вечеромъ былъ балъ, на которомъ собрались красавицы всей Украйны,—только ихъ южная, яркая краса должна была стушевываться передъ чарующимъ свѣтомъ сѣверной звѣзды. Ея обворожительный свѣтъ плѣнялъ, порабощалъ всѣхъ, кто хотя издали могъ любоваться на ея плѣнительныя чары. Рядомъ съ Императрицей Украйна видѣла распускающуюся юную красоту великой княжны, августѣйшей невѣсты великаго князя Петра Ѳеодоровича: она была безусловно краше всѣхъ, и съ тѣхъ поръ югъ положилъ къ ея ногамъ свою любовь, свою преданность и восхищеніе. На другой день, черезъ графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, природ-

наго малоросса, сына тѣхъ богатыхъ степей, по которымъ шествовала Государыня, казаки подали ей свое завѣтное, вѣрноподданническое прошеніе о дарованіи имъ гетмана, какъ и прежде водилось. Еще до пріѣзда Ея прошеніе это ходило по полкамъ и покрывалось подписями всѣхъ старшинъ. Милостиво обѣщала внучка Тишайшаго Царя Алексѣя Михайловича исполнить просьбу своихъ любимыхъ подданныхъ и продолжала путь къ православнымъ кіевскимъ святынямъ. Въ Нѣжинѣ и Козельцѣ Императрицу встрѣчали семинаристы, выписанные изъ Кіева, пѣли поздравительныя кантаты и представляли въ лицахъ мистеріи духовнаго содержанія. Благочестивая Государыня приказывала, отъ своего имени, раздавать щедрыя милостыни нищимъ, дѣлала большіе вклады монастырямъ, а Божьи храмы снабжала великолѣпной утварью. 29 августа древній Кіевъ, во всемъ блескѣ своей многовѣковой красоты и святыни, встрѣчалъ Матушку-Императрицу. За 60 верстъ вышли ей навстрѣчу духовенство и власти, народъ тѣснился на всемъ пути, радостными криками привѣтствуя августѣйшую Гостью. На берегу Днѣпра, при въѣздѣ на мостъ, ее ожидала процессія студентовъ духовной академіи. На колесницѣ, запряженной искусно снаряженными крылатыми конями (на подобіе древне-греческихъ баснословныхъ пегасовъ), сидѣлъ старо-кіевскій «сказочный» князь Кій (основатель Кіева), въ великолѣпномъ одѣяніи, въ коронѣ, съ жезломъ въ рукѣ. Онъ привѣтствовалъ Императрицу торжественною рѣчью, называя ее своей наслѣдницей, просилъ войти въ городъ, какъ въ древнее свое достояніе, и поручалъ его и весь народъ русскій ея милостивому покровительству. Государыня была въ



Императрица Елизавета Петровна молится въ Кіевскомъ Софійскомъ соборѣ. *(Къ стр. 153).*

восторгѣ и отъ пріема и отъ самаго Кіева. Пробыла тамъ двѣ недѣли, посѣщала церкви, монастыри, пещеры съ мощами угодниковъ Божьихъ, вездѣ оставляла щедрыя жертвы, вездѣ горячо молилась за православную Русь. «Возлюби меня, Боже, во царствіи Твоемъ, какъ я люблю народъ сей, благонравный и незлобивый», произнесла она однажды всенародно, преклоняя колѣна передъ чудотворною иконой въ Софійскомъ соборѣ. Уѣзжая же, распорядилась, чтобы въ Кіевѣ приступили къ постройкѣ Императорскаго дворца.

Прошенія о назначеніи гетмана такъ и сыпались со всѣхъ сторонъ. Государыня приказала старшинамъ пріѣхать въ Петербургъ на свадьбу великаго князя Наслѣдника и обѣщала тогда дать удовлетворительный отвѣтъ. Малороссы, конечно, явились съ восторгомъ на зовъ, и имъ, конечно, не было отказа. Но, пока выполнялись всѣ формальности, пока Императрица могла удѣлить достаточно времени, чтобы вникнуть въ ихъ дѣло, малороссамъ пришлось долгонько погостить въ Петербургѣ. Въ 1747 году 5 мая сенатъ получилъ Императорскій указъ «быть въ Малороссіи гетману на тѣхъ же правахъ, съ тѣми же преимуществами, которыми пользовался послѣдній гетманъ Скоропадскій». Но прошло еще три года, и только въ началѣ 1750 г. поѣхалъ въ Глуховъ камергеръ графъ Гендриковъ и повезъ грамоту Императрицы. Въ теченіе этихъ долгихъ лѣтъ, малороссы хорошо ознакомились съ придворными порядками, изучили характеры вельможъ, поняли, какъ надо поступать, чтобы достигнуть своихъ цѣлей. Они не сидѣли, сложа руки: умѣло пользовались вліяніемъ своихъ земляковъ, удачно, настойчиво проводили всѣ свои дѣла.

Смѣтливые, умные, они легко поняли, кого мѣтятъ имъ въ гетманы, кто имъ всего пригоднѣе для ихъ благополучія. Часто сносились они письмами со своими родичми въ Глуховѣ, Кіевѣ, Козельцѣ. Семья Разумовскихъ горячо отстаивала дѣла родимой сторонушки. Алексѣй Григорьевичъ былъ любящимъ, добрымъ сыномъ своей матери, а умная Наталья Демьяновна съ своими младшими сыновьями, дочерьми и всею родней—вѣрой и правдой служила интересамъ Украйны. Вслѣдствіе этого, когда графъ Гендриковъ оповѣстилъ малороссійскихъ депутатовъ, чтобы ему приготовили помѣщеніе въ Глуховѣ, и что при немъ должны состояться выборы гетмана, смѣтливые хохлы уже знали, на кого именно падетъ выборъ рады, и относительно кого послѣдуетъ согласіе Императрицы. Наконецъ, ихъ отпустили домой; они получили богатые подарки и отъ Императрицы и отъ своихъ всесильныхъ земляковъ. Но всего больше радовали ихъ тѣ приказы и указы, которые, по самодержавной волѣ Императрицы, вносили такъ много благодѣтельныхъ улучшеній во внутреннее управленіе Украйны.

6-го января 1750 года въ Глуховскомъ соборѣ была отслужена торжественная обѣдня, благодарственный молебенъ, провозглашено многолѣтіе Императорскому Дому, и прочтена завѣтная жалованная грамота. Въ ней объявлялось всѣмъ малороссіянамъ,—духовнымъ, мірскимъ и запорожскому войску обѣихъ сторонъ Днѣпра, что вновь дозволяется «быть въ Малой Россіи гетману по-прежнему», на томъ же основаніи, какъ былъ при Петрѣ Великомъ гетманъ Скоропадскій; объявлялось также, что въ Глуховъ отправляется графъ Иванъ Симоновичъ Гендриковъ, присутство-

вать при избраніи такого гетмана изъ среды малороссійскаго народа вольными голосами. По указу Государыни, въ Глуховѣ должны были собраться всѣ вѣрноподданные Ея Величества, духовные и мірскіе, а также полковники, полковые старшины, бунчуковые и значковые товарищи и казаки изъ всѣхъ полковъ къ тому времени, которое назначитъ графъ Гендриковъ для производства выборовъ «по прежнимъ своимъ обыкновеніямъ, кого благопристойнѣе будетъ изъ вѣрныхъ и искусныхъ особъ. Мы же обѣщаемъ», добавлялось въ указѣ, «нашимъ вѣрноподданымъ, малороссійскому народу, всѣ вольности, права и привилегіи, которыя Мы, отъ времени принятія подъ державу Всероссійскую гетмана Богдана Хмѣльницкаго, съ войскомъ запорожскимъ и со всѣмъ малороссійскимъ народомъ... имѣли, свято, ненарушимо и цѣло содержать».

Восторгъ народный былъ такъ великъ, малороссы выражали свое счастье такъ шумно, что, казалось, небо и земля содрогались отъ ихъ радостныхъ криковъ. Неизвѣстно еще было время пріѣзда Гендрикова, но ему навстрѣчу уже летѣли казацкія сотни, чтобы оповѣщать своихъ о его приближеніи. На границѣ, въ томъ же Толстодубѣ, графа встрѣтили депутаціи съ торжественными привѣтствіями. Въ Усмани новая встрѣча съ музыкой, литаврами и опять съ рѣчами къ именитому послу Царицы. При въѣздѣ въ Глуховъ загремѣли пушки.

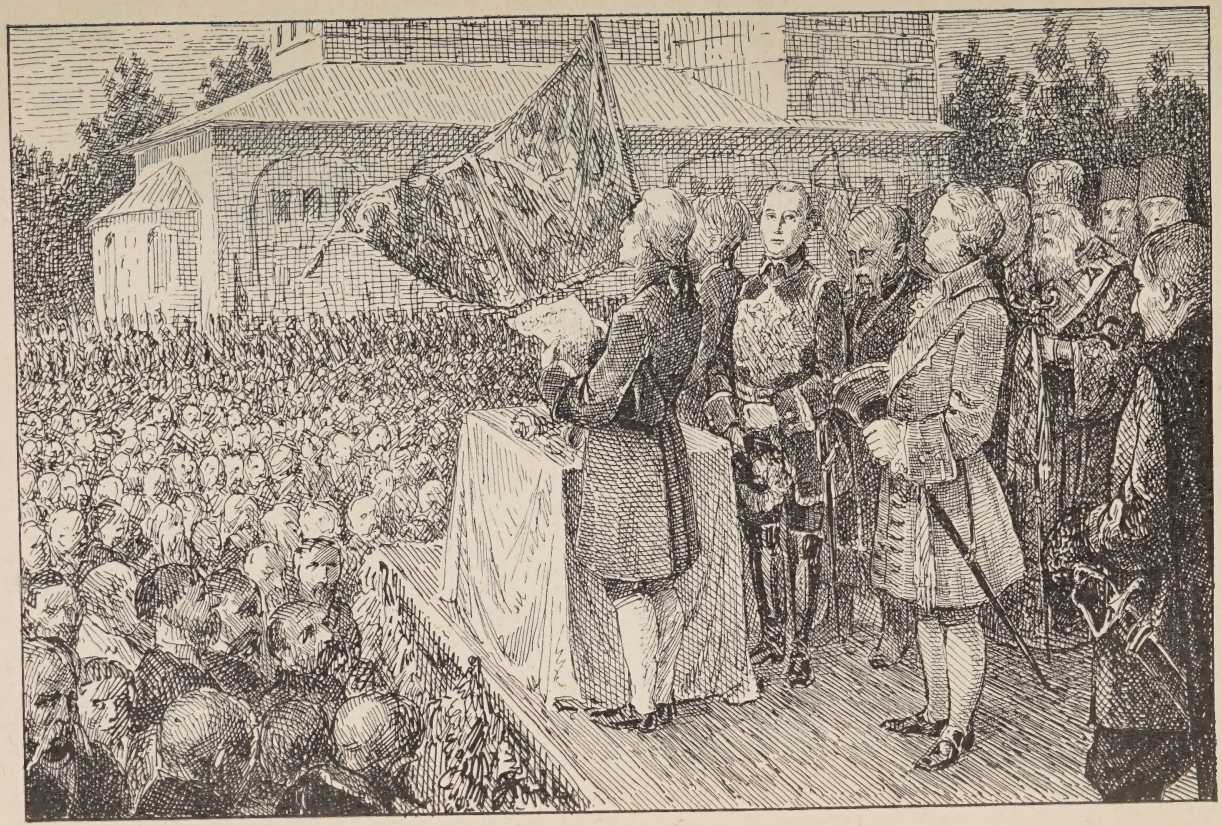
Впереди шествія выступали сотники съ обнаженными саблями, командиры несли знамена, казаки держали ружья на караулъ. Трубы, литавры сливали свои звуки со звономъ церковныхъ колоколовъ. Въ

первой каретѣ ѣхалъ секретарь и переводчикъ, во второй графъ Гендриковъ со своимъ адъютантомъ; въ третьей—жена графа, въ четвертой—его дѣти и свита. Въ домѣ, приготовленномъ графу, его привѣтствовали генеральный старшина и духовенство, во главѣ съ архимандритомъ и протопопомъ. На другой день къ Гендрикову явились генеральные старшины и принесли грамоту—приговоръ, въ которой очень витіевато была выражена вѣрноподданническая просьба о выборѣ въ гетманы графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго, природнаго патріота своего отечества, Малой Россіи, и брата того Разумовскаго, который такъ много трудится на благо своей родины.

Получивъ это прошеніе, графъ Гендриковъ, въ ожиданіи съѣзда духовенства, на славу угощалъ у себя всѣхъ войсковыхъ начальниковъ. Пиры не прекращались до 15 февраля, когда съѣхались высшія духовныя особы: высокопреосвященный Тимоѳей, митрополитъ кіевскій, галицкій и Малыя Россіи, преосвященный Амвросій, епископъ черниговскій, и архимандритъ Кіевопечерской лавры Іосифъ. Послѣ того, 18 февраля созваны были въ домъ, занимаемый царскимъ посломъ, всѣ начальствующіе отъ всѣхъ малороссійскихъ войскъ, всего 3000 человѣкъ. Въ присутствіи старѣйшихъ іерарховъ православной Церкви, графъ Гендриковъ сказалъ, что, такъ какъ онъ присланъ Государыней Императрицей для присутствія при избраніи Малой Россіи гетмана, что всѣмъ извѣстно, то онъ требуетъ, чтобы всѣ сказали ему, на комъ именно останавливается ихъ выборъ. Три раза ставилъ графъ свой вопросъ и три раза получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: «выбираемъ Ки-

рилла Разумовскаго». Тогда было рѣшено, что 22 февраля послѣдуетъ публичное избраніе. 21-го адъютантъ глуховскаго гарнизона съ военною музыкой ѣздилъ по городу и въ его окрестностяхъ, объявляя, что на слѣдующій день назначена церемонія «благополучнаго гетманскаго избранія». На площади, между церквами, былъ поставленъ помостъ, обтянутый краснымъ сукномъ. 22-го съ ранняго утра кругомъ помоста стали войска съ распущенными знаменами. Пушки гремѣли, музыка играла, колокола звонили. Митрополитъ и духовенство, предварительно собравшись въ церкви, крестнымъ ходомъ отправились на возвышеніе, устроенное на площади. Отъ дома графа двинулась процессія: многочисленные отряды войскъ, потомъ въ богатой каретѣ, запряженной цугомъ, секретарь коллегіи иностранныхъ дѣлъ, Степанъ Писаревъ, везъ на серебряно-вызолоченномъ блюдѣ грамоту Императрицы. Полки отдавали ей честь. Около кареты ѣхали 12 гренадеръ, а за нею несли большое бѣлое знамя съ русскимъ гербомъ, подарокъ Петра Великаго гетману Даніилу Апостолу. Кругомъ шли бунчуковые товарищи. Потомъ на красной бархатной подушкѣ, обшитой золотымъ галуномъ, съ такими же кистями, несли гетманскую булаву, за которой шествовали генеральный судья и важнѣйшіе чины малороссійскаго войска. На бархатныхъ же подушкахъ несли гетманскій бунчукъ и печать. Наконецъ, въ богатой каретѣ цугомъ ѣхалъ графъ Гендриковъ, окруженный коннымъ и пѣшимъ конвоемъ. Подъѣхавъ къ возвышенію, онъ вошелъ на него и сталъ около духовенства рядомъ со столомъ, на которомъ лежала царская грамота и гетманскіе клейноды,—знаки достоинства гетмана, а Гамалей держалъ надъ ними

развѣвающееся государственное знамя. Когда кругомъ все стихло, графъ обратился къ массѣ малороссійскихъ войскъ, съ ихъ начальниками во главѣ, и сказалъ, что онъ присланъ передать имъ Высочайшую милость,—право снова выбирать своего гетмана по прежнимъ уставамъ и законамъ. Секретарь Писаревъ прочелъ всю грамоту. Когда онъ кончилъ, митрополитъ отъ имени всего народа принесъ всеподданнѣйшую благодарность Ея Величеству за такое высокоматеринское попеченіе о своихъ вѣрноподданныхъ. Затѣмъ графъ громогласно, оборачиваясь на всѣ стороны, спрашивалъ: «кого желаютъ выбрать въ гетманы?» Духовенство и генералитетъ очень витіевато отвѣтили, что, такъ какъ графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій неустанно печется о нуждахъ своей родной стороны, то они за правое полагаютъ быть на Малой Россіи гетманомъ его брату, природному малороссіянину, графу Кириллу Григорьевичу Разумовскому. Народъ подтвердилъ избраніе троекратными радостными криками, которые гулко разнеслись въ привѣтливомъ воздухѣ Малороссіи. Графъ поздравилъ всѣхъ съ избраніемъ гетмана. 101 выстрѣлъ привѣтствовалъ это историческое событіе. Духовенство, въ преднесеніи гетманскихъ клейнодовъ, направилось въ церковь; затѣмъ слѣдовали графъ и всѣ власти. Въ церкви торжественно отслужены были Божественная литургія и благодарственный молебенъ съ многолѣтіемъ Государынѣ, при чемъ громко звонили колокола и гремѣли пушки. Послѣ церковной службы начался пиръ на весь міръ,—и въ Глуховѣ и кругомъ города,—куда были выведены всѣ многочисленныя войска. Графъ Гендриковъ, богато одаренный малороссами, уѣхалъ въ Петербургъ, а слѣдомъ за



Выборъ гетманомъ графа Кирилла Разумовскаго. (Къ стр. 158).

нимъ отправились въ столицу депутаты благодарить Императрицу и знакомиться съ земляками, родичами вновь избраннаго гетмана,—Кирилла Григорьевича Разумовскаго.

ИСТОЧНИКИ:

1) *С. Соловьевъ.* Исторія Россіи.
2) *Васильчиковъ.* Семейство Разумовскихъ.

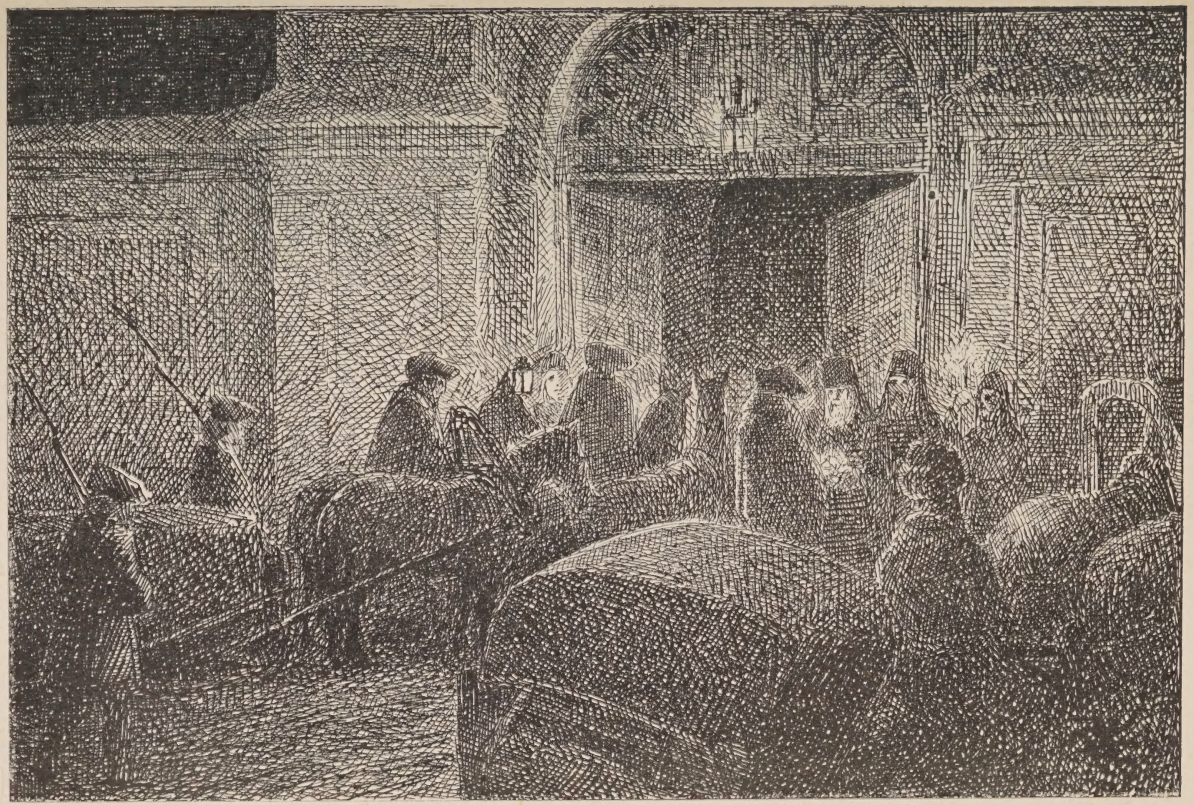
Императрица у гроба покойной Правительницы.

Сердитая русская зима никакъ не хотѣла уступить своихъ суровыхъ правъ надвигавшейся веснѣ. Хоть ночью, да призатянетъ, поприжметъ упрямый морозецъ разбухавшую землю, подкрѣпитъ расплывающійся снѣгъ на улицахъ Петровой столицы.

Къ сѣверной ея окраинѣ, по дорогѣ изъ Архангельска, темной ночью на 19 марта 1746 года, тихо приближался небольшой обозъ. Молчаливо шагали солдатики вокругъ передовой повозки, въ которую было запряжено восемь почтовыхъ лошадей. Черныя, неясныя формы могли бы привести въ недоумѣніе всякаго встрѣчнаго, если бы кто и показался на улицѣ въ этотъ поздній часъ; но городъ спалъ крѣпко, покойно.

Лѣниво ступали лошади по мерзлымъ кочкамъ, лѣниво, трудновато плелся конвой, таинственно, зловѣще скрипѣли полозья, неся свою неуклюжую ношу.

— «Эй, вы тамъ, живѣе шевелитесь, да поворачивайте прямо къ Невскому монастырю!» повелительно скоман-



Ворота со скрипомъ распахнулись, и изъ нихъ чинно стали выходить черныя тѣни; слабо мерцали восковыя свѣчечки. Заунывно раздавалось негромкое пѣніе: «со святыми упокой!» *(Къ стр. 161).*

довалъ кто-то соннымъ голосомъ, высовываясь изъ-подъ полости вторыхъ саней.

Шествіе немного оживилось.

Подойдя къ святымъ монастырскимъ воротамъ, передовой солдатъ осторожно дотронулся до скобы замка. Пріотворилась низенькая калитка, высунулась темная шапка привратника. Сзади тѣснилось еще нѣсколько монашескихъ головъ.

— «Изъ Холмогоръ привезли, по приказу Ея Величества, мертвое тѣло», четко доложилъ солдатъ.

— «Господи Іисусе Христе, съ нами крестная сила!» забормоталъ, крестясь, оторопѣлый привратникъ, но его уже отстранила начальническая рука. Ворота со скрипомъ распахнулись, и изъ нихъ чинно стали выходить черныя тѣни. Слабо мерцали восковыя свѣчечки. Заунывно раздавалось въ морозномъ воздухѣ негромкое пѣніе: «Со святыми упокой». Смиренные иноки, съ помощью солдатъ, отвязали гробъ, искусно прикрѣпленный къ санямъ, и, поднявъ его на плечи, осторожно понесли въ свой соборный храмъ.

Не слышно плача подъ величественными церковными сводами, не видно горячихъ слезъ близкихъ, родныхъ. Все тихо и мрачно въ соборѣ, богато убранномъ чернымъ сукномъ. Свѣчи горятъ только предъ мѣстными иконами, да кое-гдѣ мерцаютъ одинокія лампады—даръ набожныхъ богомольцевъ,—озаряя лики особо чтимыхъ святыхъ. Военный конвой, набожно перекрестясь передъ иконами, вышелъ изъ церкви и удалился въ сосѣднія казармы отдохнуть, подкрѣпиться и соснуть послѣ долгаго, отвѣтственнаго пути. Между тѣмъ, начальникъ отряда, подпоручикъ лейбъ-гвардіи измайловскаго полка Левъ Писаревъ, передавъ о. намѣстнику какія-то бумаги, поспѣшно отпра-

вился доложить грозному генералу Ушакову о выполненномъ имъ порученіи, да еще и о томъ, что видѣлъ, что слышалъ на пути и въ Холмогорахъ, мѣстѣ временнаго пребыванія злополучной Анны Леопольдовны и ея семьи.

Весело вставало надъ Петербургомъ весеннее солнышко, силясь съ ранняго утра отогрѣть возрождающуюся природу. Весело бѣжали, журча, ручейки талой воды по немощенымъ улицамъ. Даже грязныя лужи блестѣли, распускаясь подъ теплыми лучами. Въ воздухѣ рѣдко, протяжно гудѣли удары великопостнаго колокола, созывая набожный людъ къ покаянію и молитвѣ, подъ своды святыхъ храмовъ. Идетъ, бредетъ честной народъ, вздыхая и охая, припоминая, чего-чего ни натворилъ въ этотъ долгій веселый мясоѣдъ.

Теперь настало время каяться, поститься. Слыхать, великая княгиня держитъ самый строгій постъ: вѣроятно, она сегодня пожалуетъ въ монастырь къ обѣднѣ. Въ этомъ предположеніи ѣдетъ и знать въ соборный монастырскій храмъ къ преждеосвященной литургіи, въ среду 19 марта.

Сосредоточенно стоитъ передъ царскими вратами смиренный іеромонахъ. Трогательно звучатъ въ его устахъ слова великопостнаго моленія: «Господи и Владыко живота моего, духъ праздности, уныніе, любоначалія и празднословія не даждь ми!» Но богомольцы на этотъ разъ не слушаютъ его, не повторяютъ обычнаго земного поклоненія. Кто ни войдетъ въ соборъ, какъ вкопанный, становится у двери.

Храмъ весь затянутъ чернымъ сукномъ, посерединѣ на высокомъ катафалкѣ поставленъ гробъ, на немъ покровъ изъ дорогой парчи; по бокамъ—подсвѣч-

ники и дорогія восковыя свѣчи. Кой-кто изъ знати ужъ стоитъ поближе, и шепоткомъ другъ другу на ухо передаютъ: «въ ночь привезли! Слыхать, ужъ загодя были сдѣланы всѣ распоряженія».

— «Откуда болѣзную представили?» спрашиваетъ слезливая старушка.

— «Чего же тутъ болѣзная? Мутила все, тянула на нѣмецкую руку, что-что крови Милославскихъ».— «Духъ же цѣломудрія, смиренномудрія, терпѣнія и любве, даруй ми, рабу Твоему!» взываетъ священнослужитель.—«Терпѣла голубушка; и натерпѣлась до смерти», твердитъ неугомонная богомолка, опускаясь на холодныя плиты. Межъ тѣмъ къ паперти все больше и больше подъѣзжаетъ экипажей. Выходятъ изъ нихъ придворные чины, вся знать. Ихъ гайдуки тѣснятъ народъ къ стѣнкамъ, проводятъ господъ напередъ.—«Ей, Господи, Царю, даруй ми зрѣти моя прегрѣшенія!» возвышая голосъ, говоритъ священникъ, молясь, крестясь и склоняя долу свое изможденное постомъ и молитвою, слабое тѣло. «Боже, очисти мя грѣшнаго!» продолжаетъ онъ свою пламенную молитву. Ему вторятъ изъ угловъ смиренные богомольцы, вздыхаютъ, охаютъ, крестятся, опускаясь на колѣни въ искреннемъ умиленіи. А впереди все прибываетъ нарядная толпа. Одинъ за другимъ явились даже иноземные послы. Имъ-то ужъ нѣтъ ни малѣйшаго дѣла до богослуженія. Приводитъ ихъ подъ своды чуждаго имъ храма ихъ служебный долгъ. Съ утра получено оповѣщеніе отъ Высочайшаго двора, что принцесса Анна люксенбургская скончалась въ горячкѣ, и всѣ, желающіе проститься съ нею, приглашаются въ Александро-Невскій монастырь, гдѣ ее и похоронятъ рядомъ съ ея матерью, Екатериной Іоан-

новной, принцессой мекленбургской. Вотъ и потянулись со всѣхъ концовъ столицы, по Невскому проспекту, непрерывной вереницей, одна за другой нарядныя кареты.—«Люксенбургская принцесса?»—«Гдѣ? Какъ она скончалась?» слышался одинъ и тотъ же вопросъ среди представителей иностранныхъ державъ.—«У нея, я вѣрно это знаю, есть дѣти», говорилъ австрійскій посолъ, слегка возвышая голосъ. «Старшему ея сыну присягала вся страна....»—«Вонъ что вспомнили», сквозь зубы процѣдилъ вездѣсущій Лестокъ. —«Поглядите лучше направо».

Въ церковномъ притворѣ самъ митрополитъ съ торжественной почтительностью встрѣчалъ народную любимицу, Императрицу Всероссійскую, дочь Петра Великаго. Сосредоточенно входила она въ Божій храмъ. Строго сдвинуты красивыя брови, сжаты всегда добрыя, ласковыя губы. Низко склонилась передъ гробомъ вѣнчанная Самодержица. «Духъ же смиренномудрія, терпѣнія и любве даруй ми, рабу Твоему!» снова несется съ солеи.

Красавица—великая княгиня сопутствуетъ своей августѣйшей теткѣ въ ея паломничествѣ ко гробу умершей, дальней родственницы. Какъ майскій день, прекрасна, какъ восходящее солнце, блестяща, стояла Екатерина Алексѣевна, вся въ черномъ, траурномъ одѣяніи, въ мрачномъ храмѣ Невскаго монастыря. Всей душей, всѣмъ сердцемъ проникнувъ въ святость умилительныхъ церковныхъ обрядовъ, великая княгиня съ христіанскимъ смиреніемъ склоняла свою дивную головку, крестясь, молясь такъ горячо, такъ истово, что невольно заглядывались на нее, задумывались надъ нею вѣрные слуги родной Россіи. Императрица души не чаяла въ своей молодой племян-

ницѣ. Она все больше и больше привязывала къ себѣ и Царицу, и дворъ, и народъ! Каждый ощущалъ и сердцемъ и умомъ, какъ беззавѣтно сливала она свои чувства, свои вѣрованія, свои политическіе взгляды съ горячо полюбившеюся ей, ея новой родиной. Вполнѣ русская, великая княгиня истово осѣняла себя православнымъ русскимъ крестомъ, истово клала земные поклоны передъ алтаремъ Господнимъ, въ святомъ храмѣ. Ласково, привѣтно отвѣчала на сердечные поклоны горячо полюбившаго ее народа. Великій князь наслѣдникъ былъ боленъ и не выходилъ изъ дворца, а потому и не присутствовалъ на похоронахъ своей внучатной сестры. Покойную принцессу опустили въ могилу въ Невскомъ же монастырѣ, рядомъ съ ея матерью, принцессой Екатериной Іоанновной.

Подъ тихимъ, умиротворяющимъ вліяніемъ обѣдни и монашескаго пѣнія молитвенно настроенныхъ, кроткихъ пастырей и богомольной толпы, полная сочувственнаго уваженія, преданной любви къ самодержавной теткѣ, смиренно молившейся среди своего благочестиваго народа, возвратилась великая княгиня во дворецъ.

Уже не первый разъ приходилось ей одной сопровождать Государыню. Очень часто Екатерина Алексѣевна оставалась и дома одна съ своими думами. Тогда она съ удвоенной горячностью и любовью предавалась серьезнымъ любимымъ умственнымъ занятіямъ, изучала произведенія западныхъ мыслителей и читала въ переводѣ даже сочиненія древнихъ мудрецовъ.

Она знакомилась въ научныхъ книгахъ съ тѣми условіями, при которыхъ благоденствуютъ государства, съ тѣми основами, на которыхъ зиждется ихъ

благосостояніе, съ тѣми мѣрами, которыя необходимы для ихъ нравственнаго и умственнаго развитія. Глубоко вѣрующая, она проникалась сознаніемъ значенія вѣры, благочестія, церковности, для правильнаго развитія и счастья государства.

Вникая въ характеры, направленія, убѣжденія сановниковъ, окружавшихъ Императрицу, великая княгиня все болѣе и болѣе проникалась уваженіемъ къ чисто русскому духу канцлера Бестужева-Рюмина. Удостоила старика своего довѣрія и, опираясь на его русскій умъ, русское сердце, стала душею русской политики и вмѣстѣ съ тѣмъ безусловно, беззавѣтно вѣрнопреданною своей самодержавной Государынѣ, радѣтельницѣ о счастьи православнаго русскаго народа.

ИСТОЧНИКИ:

С. Соловьевъ. Исторія Россіи.

Побѣда надъ Непобѣдимымъ.

1 августа 1759 г.

ТИХО плещутъ воды Финскаго залива, омывая мраморныя ступени прелестной бесѣдки, построенной на самомъ берегу моря. Издали доносится журчанье многочисленныхъ фонтановъ и черезъ роскошную листву буковыхъ деревьевъ пробирается украдкой блестящій солнечный лучъ, любовно играя на замѣчательно-изящныхъ фрескахъ Монплезира.

Елизавета Петровна серьезная, задумчивая сидитъ на широкой, мягкой кушеткѣ. На ней синее шелковое платье, перетянутое у таліи золотымъ шнуромъ; великолѣпная брошь изъ безцѣнныхъ сапфировъ блеститъ у высокаго ворота. Давно ужъ нездоровится ей, заботливой матери Русской земли! Свои, внутреннія дѣла безпокоятъ: пожары, неурожаи, недоимки! Обо всемъ болитъ ея сердце. А тутъ еще европейскія державы требуютъ помощи: она должна дать имъ свои войска, чтобы рѣшить стародавніе споры. Не любитъ она современныхъ руководителей французской политики, не

вѣритъ имъ, но умомъ понимаетъ, но сердцемъ чувствуетъ, что для безопасности, для славы родины, нельзя допускать усиленія ближайшаго западнаго сосѣда Россіи.

Едва образовавшееся прусское королевство росло, крѣпло на ея глазахъ, подъ скипетромъ даровитыхъ Гогенцоллерновъ съ такою быстротою, что, несмотря на все врожденное миролюбіе Императрицы, она чувствовала необходимость остановить этотъ скоропалительный его ростъ *). По мановенію ея мощной руки, русскія войска поднялись на защиту правъ женщины—императрицы австрійской Маріи Терезіи. Русскій мечъ, на вѣсахъ европейской политики, перетянулъ всѣ хитроумныя уловки Фридриха Великаго.

Чтобы основательно обсудить свой планъ, Государыня созвала самыхъ довѣренныхъ, надежныхъ своихъ совѣтниковъ. Около нея, въ креслѣ, спиною къ солнышку, усѣлся маститый канцлеръ графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ. Рядомъ съ нимъ, сидѣлъ на изящномъ табуретѣ оберъ-камергеръ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ. Иногда онъ вскакивалъ и порывисто расхаживалъ по мраморному, мозаичному полу бесѣдки. А поодаль, прислонясь къ косяку дверей, стоялъ блестящій, прекрасно сохранившійся князь Алексѣй Разумовскій. —«Раненько изволили проснуться, Ваше Величество!» ласково заговорилъ канцлеръ.—«Я и совсѣмъ не могла уснуть! Такъ мучитъ меня судьба бѣдной сестры, Маріи Терезіи», грустно заговорила Императрица. Бестужевъ вздохнулъ.—«Думала, думала я», продолжала Государыня, «да и отдала Апраксину приказъ дви-

*) Выраженіе Елисаветы Петровны.

нуться въ Пруссію, а васъ троихъ позвала, чтобы подѣлиться моимъ рѣшеніемъ. «Какъ хотите, а надо унять скоропалительнаго *) короля, надо дать ему почувствовать, что не потерплю долѣе его глумленій надъ любимой сестрой, австрійской императрицей». Умные глаза Бестужева такъ и блестѣли изъ-подъ опущенныхъ рѣсницъ. Радъ былъ онъ, что Императрица сама взяла на себя рѣшеніе,—значитъ, ему остается только исполнять ея волю. Онъ вынулъ изъ портфеля нѣсколько красиво исписанныхъ листовъ и, съ поклономъ передавая ихъ Государынѣ, проговорилъ съ изысканной вѣжливостью: «Можетъ быть, Вашему Величеству угодно будетъ милостиво взглянуть на мой ночной трудъ. Я тоже не спалъ, стараясь, по возможности, точно изложить то, что, мнѣ казалось, Вамъ угодно будетъ выразить въ договорѣ между правительствомъ Вашего Величества и французскимъ королемъ». Императрица улыбнулась.—«Кажется, эту ночь изъ насъ никто не засыпалъ! Графа Ивана Ивановича, передъ сномъ, напугали гости изъ Парижа. Они увѣрили его, что между Австріей и Франціей, еще съ прошлаго года, подписанъ очень важный, тайный договоръ...» Бестужевъ перебилъ: «Именно этотъ, дѣйствительно, очень секретный и важный договоръ я бралъ въ соображеніе, излагая ноту Вашего Величества». Шуваловъ вспыхнулъ, какъ зарево.—Бестужевъ хочетъ умалить значеніе его открытія! Хитрецъ не признаетъ въ немъ политическихъ способностей ни за что на свѣтѣ!—«Канцлеру извѣстна эта тайна изъ тайнъ?» язвительно

*) Императрица любила этимъ выраженіемъ отмѣчать Фридриха Великаго.

процѣдилъ онъ сквозь зубы.—«Тайна изъ тайнъ, конечно, только не для вѣрноподданныхъ слугъ русской Императрицы», оспаривалъ Бестужевъ, подавая Шувалову копію съ договора, хранившуюся на днѣ его портфеля. Желая остановить пререканія своихъ приближенныхъ, Елизавета Петровна заговорила, пробѣгая бумаги канцлера: «У насъ существуетъ договоръ съ Англіей, который...»—«Который», оживленно, почтительно заговорилъ Бестужевъ, «ни въ какомъ случаѣ, не можетъ стѣснять рѣшеній Вашего Величества, такъ какъ онъ былъ заключенъ въ томъ предположеніи, что прусскій король—противникъ Англіи. Между тѣмъ теперь уже окончательно выяснилось, что ихъ королевскія величества состоятъ въ тѣснѣйшей дружбѣ».—«Это правда!» воскликнула радостно Императрица, очень довольная, что ея умнѣйшій помощникъ не настаиваетъ на своихъ англійскихъ симпатіяхъ.—«Значитъ, Алексѣй Петровичъ, ты одобряешь мою воинственную торопку!»

Въ это время послышалось бряцаніе шпоръ по мраморному полу и восклицаніе Разумовскаго: «Ба, да и этому не дали сегодня выспаться!» Императрица радостно захлопала въ ладоши. Передъ ней стоялъ графъ Степанъ Ѳеодоровичъ Апраксинъ. На немъ, несмотря на его тучность, отлично сидѣлъ фельдмаршальскій походный мундиръ изъ толстаго сукна. Сбоку висѣла тяжелая, боевая сабля, на ногахъ красовались высокіе ботфорты. Вдали виднѣлась его военная свита; всѣ офицеры были въ походной формѣ—веселые, довольные, оживленные, отъ радостнаго нетерпѣнія скорѣе броситься въ бой.—«Какъ я рада, что мой фельдмаршалъ съ военной быстротой выполняетъ мои приказанія». Апраксинъ съ чувствомъ поцѣловалъ

милостиво протянутую ему руку.—«И даже не спрашиваете, противъ котораго врага вы должны поставить ваши храбрые полки!»—«Не мнѣ судить, кто будетъ моимъ противникомъ! Впередъ знаю, что русская армія побѣдитъ всѣхъ враговъ Вашего Величества!»—«Не исключая и непобѣдимаго Фридриха?» серьезно, какъ бы вдохновенно спросила Елисавета Петровна.—«Я не могу считать непобѣдимымъ врага моей Императрицы! Прусскій король непобѣдимъ только потому, что еще ни разу не мѣрялся силами съ русскимъ солдатомъ!»—молодцовато отвѣчалъ Апраксинъ, опираясь на эфесъ своей огромной сабли. Государыня набожно закрестилась.—«Дай Богъ вамъ счастья, графъ! Идете вы на честный подвигъ, будете защищать обиженную женщину на престолѣ».—«И я, какъ всѣ мои офицеры, какъ послѣдній рядовой моей арміи, всѣ мы одинаково пойдемъ исполнять святую для насъ волю Матушки-Царицы и, конечно, или вернемся побѣдителями, или же ляжемъ костьми, сражаясь за союзницу нашей августѣйшей Монархини, во славу русскаго оружія!» Громкое восклицаніе графа слышали офицеры его свиты и ихъ могучее «ура!» громко раздалось по всему саду. Императрица подошла къ нимъ, гордая, величественная. Въ краснорѣчивыхъ, задушевныхъ выраженіяхъ поздравила ихъ съ походомъ, напомнила о прежнихъ побѣдахъ и пожелала, чтобы увѣнчались новыми лаврами Полтавскія знамена. Оглушительными криками восторга отвѣчали храбрые офицеры на царскій привѣтъ. Точно они хотѣли потрясти воздухъ. выражая свою готовность биться и лечь костьми по волѣ Императрицы.

Счастье избаловало прусскаго короля. Семилѣтняя война началась для него необыкновенно удачно. Са-

ксонскій король бѣжалъ въ свои польскія владѣнія. Его крѣпкій лагерь подъ Пернау сдался. Дрезденъ былъ взятъ. Австрійцы разбиты подъ Ловозицомъ. Два года войны, и только одна неудача—при Коллинѣ! Между тѣмъ онъ—насчитывалъ уже нѣсколько блистательныхъ побѣдъ—подъ Рейхенбергомъ, Росбахомъ, Лейтеномъ, Прагой и Преславлемъ. Онъ съ презрѣніемъ отзывался о союзѣ Россіи съ европейскими державами. Не хотѣлъ даже замѣчать, что русскіе отряды были громаднымъ подкрѣпленіемъ арміи его противниковъ. Ни во что считалъ великій полководецъ врожденное мужество нашего солдата. Онъ совершенно забывалъ, что, по одному слову своей Царицы, русскіе начали съ нимъ войну—«безъ мира» *). —«Это орда дикарей! не имъ сражаться со мною!» охотно повторялъ онъ въ кругу своихъ полководцевъ. —«Дай Богъ, чтобы вашему величеству не пришлось на опытѣ убѣдиться въ ошибочности такого мнѣнія», возразилъ Кейтъ, услыша однажды этотъ неосторожный отзывъ. Онъ много лѣтъ былъ сподвижникомъ Миниха, и самъ видѣлъ непоколебимую стойкость русскихъ войскъ.

Наша многочисленная армія, въ 1757 году, подъ начальствомъ Апраксина заняла восточную Пруссію, пройдя Литву и Польшу. Мемель сдался, несмотря на свой сильный гарнизонъ. Графъ выказывалъ большія военныя способности. Его казаки, калмыки, татары, на своихъ дикихъ крѣпкихъ лошадкахъ, сослужили вѣрную службу и, подъ командой Фермора, взяли Тильзитъ. Не выдержалъ молодецкаго напора нашихъ войскъ престарѣлый генералъ-фельдмаршалъ

*) Выраженіе Апраксина.

Левальдъ. Онъ былъ разбитъ на голову, въ августѣ, при Гросъ-Егернсдорфѣ, и непобѣдимые прусаки побѣжали, неистово преслѣдуемые русской конницей.

27 августа вечеромъ мирные жители Царскаго Села возвращались уже по домамъ, кто изъ гостей, кто съ прогулки по очаровательному, молодому парку. Стихала обыденная жизнь. Дворцовые часы пробили девять. На гауптвахтѣ проиграли зарю. Послышалась команда—на молитву. Солдатики выстроились и набожно пропѣли «Отче нашъ», какъ вдругъ издали донесся веселый рожокъ почталіона. Слышалось что-то необычайно радостное, какая-то торжествующая нотка пронеслась по воздуху, въ теплой, ночной тишинѣ. Курьерская тройка лихо подлетѣла ко дворцу. Изъ тѣлежки молодцовато выскочилъ, чуть узнаваемый подъ слоемъ пыли, генералъ-майоръ Петръ Ивановичъ Панинъ. Его направили прямо въ покои Императрицы. А передъ нимъ по раззолоченнымъ хоромамъ неслось неуловимое радостное волненіе: въ воздухѣ стоялъ веселый гулъ! Всѣмъ казалось, что звуки рожка твердили имъ хорошее, доброе слово.

Елисавета Петровна, волнуясь, торопясь, встала съ кушетки, но не успѣла сдѣлать и нѣсколькихъ шаговъ, какъ передъ ней уже склонялся пріѣзжій, подавая письмо и повторяя запекшимися отъ усталости губами: «Побѣда! побѣда! Всемилостивѣйшая наша Царица!» Истово перекрестилась дочь Петра Великаго, милостиво улыбнулась вѣстнику славы и дрожащей рукой стала распечатывать завѣтную вѣсть. Ее окружили, ей подали кресло, ее поздравляли восторженно, неудержимо. Она же подозвала Шувалова и приказала громко читать донесеніе Апраксина.—«Только смотри, внятно читай!» Иванъ Ивановичъ началъ: «17-го числа непріятель

занялъ лѣсъ, намѣреваясь остановить наше движеніе и два дня дразнилъ насъ легкими стычками. Когда 19-го утромъ мы вышли въ поле, онъ напалъ на насъ съ такою фуріей, сперва на наше лѣвое крыло, потомъ на правое, что и описать нельзя». Три часа длилась убійственная, ружейная перестрѣлка. «Я признаться долженъ», писалъ далѣе Апраксинъ, «что, не взирая на мужество и храбрость какъ генералитета, штабъ и оберъ-офицеровъ, такъ и всѣхъ солдатъ и на великое дѣйство новоизобрѣтенныхъ графомъ Шуваловымъ секретныхъ гаубицъ, о побѣдѣ не смѣлъ ничего рѣшительнаго предвидѣть. Несмотря на то, что храброе войско Вашего Величества было утомлено переходами въ чужой странѣ и за множествомъ обозовъ не могло двигаться свободно, оно билось съ такою стойкою отвагой, что одержало наконецъ полную побѣду. Непріятель разбитъ, разсѣянъ и прогнанъ легкими нашими отрядами черезъ рѣку Прегель до прежняго своего лагеря подъ Велау! Такой жестокой битвы еще не бывало въ Европѣ, по свидѣтельству иностранныхъ волонтеровъ, находящихся въ моемъ штабѣ. Къ несчастію, между убитыми долженъ назвать беззавѣтно-храбрыхъ генераловъ Лопухина, Зыкова. Тяжело ранены оба Ливена, Матвѣй Толстой, Вильбуа»... Императрица горько заплакала. — «О Боже!» воскликнула она, «какою дорогою цѣною достаются побѣды, даже когда заступаешься за правое дѣло, за безопасность родины!» Ее начали успокаивать. «Прикажите» — продолжала сквозь слезы Елизавета Петровна, «чтобы завтра жители столицы были разбужены радостной вѣстью и собрались по церквамъ благодарить Господа за побѣду надъ врагомъ и молиться за тѣхъ храбрыхъ родныхъ героевъ, кото-

рые съ такою славою отдали свою жизнь за счастье дорогой Россіи!»

28 августа въ четыре часа утра, Петербургъ поднялся при оглушительной пальбѣ изъ пушекъ. Съ Петропавловской крѣпости 101 выстрѣлъ возвѣстилъ о блестящей побѣдѣ Апраксина. «Прусаки разбиты, разогнаны, побѣждены», повторяли другъ другу встрѣчавшіеся веселые ликующіе жители. Церковные колокола вторили пушкамъ, сзывая благочестивыхъ горожанъ въ храмы Божіи благодарить Царя Царей за дарованную блестящую побѣду. Всѣ ликовали, гордились, радовались.

Вдругъ разнесся слухъ, что Государыня заболѣла, что она безнадежна, что, пожалуй, скоро ея не станетъ! Въ отчаяніе пришли сановники! Какъ же будетъ тогда? Всѣ знали, что, въ случаѣ вступленія на престолъ великаго князя Петра Ѳеодоровича, горячаго поклонника прусскаго короля Фридриха Великаго, война прекратится, тѣмъ болѣе, что въ нашей арміи оказался недостатокъ въ продовольствіи и боевыхъ припасахъ. Несмотря на блестящія побѣды, на храбрость и беззавѣтную преданность войска своей Государынѣ, матеріальное положеніе нашей арміи было ужасно. Ни продовольствія, ни аммуниціи, ни снарядовъ не было уже больше у войскъ. При всемъ томъ вѣчныя препирательства съ союзниками—австрійцами!

Все это зналъ, конечно, и Апраксинъ и сообщалъ объ этомъ неукоснительно своему другу Бестужеву, и оба вмѣстѣ, сознавая свой долгъ передъ родиной, не рѣшаясь безпокоить страждущую, очень больную Императрицу, благословясь, и рѣшились на обратное движеніе нашихъ войскъ въ Польшу.

Только ихъ поступокъ, несмотря на всю его осмо-

трительность, очень разгнѣвалъ Матушку-Царицу, когда, по милости Божіей, на радость всей Россіи, она оправилась отъ болѣзни и снова взялась за свой священный трудъ правленія.

Бестужевъ былъ не только отставленъ отъ дѣла, но даже удаленъ изъ Петербурга, подальше съ глазъ долой. Въ арміи мѣсто Апраксина занялъ Ферморъ, ученикъ и сподвижникъ Миниха, который, несмотря на свою нѣмецкую фамилію, умѣлъ по-русски обнажать мечъ противъ враговъ Царицы и Россіи.

Военныя дѣйствія возобновились. Противники сошлись подъ Цорндорфомъ, 14 августа 1758 года. Несмотря на страшное кровопролитіе, русскіе не уступили.—«Ихъ можно всѣхъ до единаго перебить, но не побѣдить!» гнѣвно вскричалъ король-полководецъ, видя, что бойня не дала ему рѣшительной побѣды. Онъ даже почуялъ возможность перемѣны счастья.—«Такъ нельзя продолжать! Ну, какъ вдругъ начнутъ побѣждать варвары! Это немыслимо. Этого нельзя допускать!»—И онъ началъ готовиться къ новымъ битвамъ.

Императрица, съ своей стороны, не отступалась отъ начерченной политики, усилила армію, назначила главнокомандующимъ всѣми огромными силами—Салтыкова, и русскія войска соединились съ австрійскими. Подъ Кунерсдорфомъ, 1-го августа 1759 года, стремительно бросились прусаки, подъ предводительствомъ своего непобѣдимаго короля, на ретрашементы, возведенные союзниками. Сначала они сбили первую линію нашихъ укрѣпленій, овладѣли 70-ю пушками и съ криками побѣды пошли чрезъ долину.

Тогда русская артиллерія загремѣла съ высотъ! Дрогнули прусаки. Фридрихъ самъ ринулся съ свѣжими силами выручать своихъ.—Ничто не помогло.—

— «Неужели не найдется ни одного ядра на мою долю!» (*Къ стр. 177*).

Высоты оставались недоступны, его же силы таяли подъ ужаснымъ картечнымъ огнемъ. Съ фланга Ладдонъ повелъ убійственную атаку. Нѣтъ болѣе силъ бороться! Непобѣдимый разбитъ на голову. Онъ уже рвется не побѣдить, а умереть! Подъ нимъ убиты двѣ лошади! мундиръ прострѣленъ! Онъ хватается за пузырекъ съ ядомъ, который всегда носитъ въ карманѣ. Потомъ приходитъ въ себя, сознавъ, что не такова должна быть смерть солдата. То онъ бросается въ самую сѣчу съ воплемъ: «Неужели не найдется ни одного ядра на мою долю!» То опять останавливается въ нѣмомъ отчаяніи, воткнувъ передъ собой шпагу въ землю, и, сложивъ руки на груди, ждетъ-не-дождется смертельнаго удара! Онъ даже не замѣчалъ, какъ союзные гусары уже окружали его живымъ кольцомъ и собирались взять въ плѣнъ эту блестящую добычу.—Едва-едва, съ большимъ трудомъ удалось пруссакамъ увлечь изъ сѣчи своего вѣнчаннаго вождя.

Почти всѣ прусскіе генералы были переранены. Войско не отступало, а просто бѣжало въ безпорядкѣ передъ побѣдоноснымъ стягомъ русскихъ храбрецовъ.

— «Не огорчайтесь, Ваше Величество, великому числу падшихъ вашихъ воиновъ», писалъ Салтыковъ Императрицѣ,—король прусскій не продастъ дешево побѣдъ надъ собою». Въ этой славной битвѣ генералъ Ферморъ командовалъ правымъ флангомъ, кн. А. М. Голицынъ—лѣвымъ, центромъ—П. А. Румянцевъ, передовымъ же казацкимъ отрядомъ—подполковникъ Александръ Васильевичъ Суворовъ.

«Ступитъ на горы—горы трещатъ!
Ляжетъ на воды—воды кипятъ!
Граду коснется—градъ упадетъ,
Башни рукою за облакъ кладетъ!»

Вотъ что сказалъ потомъ великій нашъ поэтъ Державинъ о великомъ полководцѣ—князѣ Италійскомъ, графѣ Россійской и римской Имперіи, Суворовѣ—Рымникскомъ, генералиссимусѣ россійскихъ сухопутныхъ и морскихъ войскъ, фельдмаршалѣ австрійскихъ и сардинскихъ войскъ, сардинскаго королевства грандѣ, принцѣ королевскаго дома и кавалерѣ безчисленнаго множества орденовъ. Пока же юный воинъ, послѣ перваго боя, въ которомъ ему пришлось участвовать, энергично доказывалъ полюбившему его Фермору, что надо сейчасъ же прямо идти на Берлинъ! Тогда наши военные подвиги могли бы увѣнчаться неувядаемою славой!

Фридрихъ самъ предвидѣлъ эту возможность.—«Уѣзжайте скорѣе изъ Берлина съ нашимъ семействомъ», писалъ онъ въ отчаяніи королевѣ.—«Пусть перевезутъ архивъ въ Потсдамъ. Берлинъ, можетъ быть, принужденъ будетъ сдаться непріятелю». Министру же своему, Финкенштейну, еще откровеннѣе сознавался.—«Изъ сорока восьми тысячъ воиновъ у меня осталось не болѣе трехъ. Все бѣжитъ! У меня нѣтъ власти остановить войска. Пусть въ Берлинѣ думаютъ о своей безопасности. Послѣдствія битвы будутъ еще ужаснѣе самой битвы. Я не переживу погибели моего отечества!» Только опасность-то оказалась въ дѣйствительности гораздо меньше, чѣмъ онъ предполагалъ! Счастливая звѣзда Фридриха спасла своего любимца отъ совершеннаго посрамленія. Союзные предводители перессорились, и Салтыковъ поѣхалъ въ Петербургъ жаловаться на вѣчную медлительность и неточность австрійцевъ. Ему приказано было остановиться съ своими войсками въ Польшѣ. Но передъ самымъ отступленіемъ легкій

отрядъ русскихъ, съ Чернышевымъ и Тотлебеномъ во главѣ, промчались до самаго, плохо, впрочемъ, защищаемаго, Берлина! Нашихъ подкрѣпилъ Ласси, и, какъ ни спѣшно бросились отовсюду пруссаки на защиту своей столицы, она все же была взята русскими, которые и наложили на жителей огромную контрибуцію и, осторожно отступая, передъ подходившими серьезными силами самого короля, подвергли всю окрестность полному разоренію.

ИСТОЧНИКИ:

1) *Іегеръ.* Всеобщая Исторія, вып. 9 гл. III. Семилѣтняя война.
2) *С. Соловьевъ.* Исторія Россіи.
3) *Костомаровъ.* Исторія Россіи въ жизнеописаніи ея главнѣйшихъ дѣятелей. Т. 2.
4) *Н. А. Полевой.* Исторія Суворова.

Самоуправство великаго европейца.

19-го января и 23-го февраля 1758 г.

БОЛѢЛА Императрица Елизавета Петровна, жаловалась на страшный кашель, томительную одышку. Это уже была не прежняя красавица, отъ которой не хотѣлось отвести глазъ! На придворныхъ балахъ она уже не ходила безъ устали, не присаживаясь, по пышнымъ царскимъ палатамъ, даря ласковымъ словомъ, милой Улыбкой, чаруя взглядомъ или милостивымъ кивкомъ головы разряженныхъ восторженныхъ гостей. Теперь все рѣже собираетъ Государыня свою родовитую знать и иноземныхъ пословъ! Все грустнѣе, озабоченнѣе становится русская Самодержица! Дома, въ семьѣ, великій князь-наслѣдникъ огорчаетъ. По Руси Святой не покойно; то тутъ, то тамъ—неурядицы; кажись, перевела иноземцевъ, всюду русскихъ людей посадила; они же не всюду оказались достойны ея довѣрія.

Для общаго спокойствія приходилось принимать мѣры строгости—карать, а это претило ея доброй душѣ. Внѣшнія же дѣла въ конецъ извели Ея Вели-

чество. Сидитъ она, пригорюнившись, подперевъ свою когда-то веселую, чудную головку потолстѣвшею, постарѣвшей рукой и въ даль глядитъ, на широкую длинную улицу. Тамъ снуетъ ея народъ любимый, о судьбахъ котораго она такъ много кручинится. Двери, за ея спиной, тихо отворились, и на порогѣ показалась все та же довѣренная, любимая Мавра Егоровна, только ужъ не Шепелева, а графиня Шувалова,— супруга генералъ-фельдцейхмейстера, главы всесильной семьи Шуваловыхъ. Ея глаза блестѣли, она казалась очень возбужденной и чѣмъ-то очень довольной. Елизавета Петровна встрепенулась.—«Ну, что новенькаго скажешь, мать моя?» почти весело спросила она. Та же благоговѣйно приложилась къ царственной рукѣ и, совсѣмъ ужъ по домашнему, опустилась въ рядомъ стоявшее кресло.—«А что, никого тутъ нѣтъ? никто насъ не подслушаетъ?» таинственно проговорила она.—«Чужому быть здѣсь не можно», былъ ворчливый отвѣтъ, «а своихъ, по Божьей милости, не боюсь я», сказала крестясь Императрица.—«То-то и есть, что у насъ и свои-то похуже чужихъ», не унималась графиня, заглядывая то за ширмы, то въ зеркало, изъ котораго видна была вереница пустыхъ, нарядныхъ комнатъ съ часовыми у дальнихъ дверей.—«Не паясничай, Мавра,—знаешь, что мнѣ не до дурачествъ!»—«Какія тутъ дурости, дѣло первѣйшей важности и близкое сердцу Вашего Величества!»—«Ну, такъ и знала, жить мнѣ, дохнуть не дадутъ эти важныя дѣла. Въ гробъ сведутъ!» капризно разразилась Императрица.—«Уходи ты съ твоими важными дѣлами къ Андрею Ивановичу *), пусть разбирается,

*) Канцлеръ Бестужевъ-Рюминъ.

какъ ему Господь на душу положитъ!»—«Анъ вотъ, къ нему-то и не пойду! ему-то ужъ ничего не скажу! А тебѣ, Царица моя, повѣдаю пребольшущую тайну!»—«Или молчи, или толкомъ говори скорѣе, гдѣ еще горе приключилось?» прикрикнула Императрица на свою наперсницу.—«Въ Цербстѣ!» тотчасъ послѣдовалъ отвѣтъ. Елизавета Петровна развела руками и удивленно воззрилась.—«А мнѣ-то какое дѣло до этого владѣнія? Даже и великая княгиня, я это вѣрно знаю, не много имъ занимается, и съ матерью только черезъ моихъ министровъ переписывается, а ужъ мнѣ и подавно въ умъ оно никогда не взбредетъ».—«Вотъ въ томъ и секретъ-то: надо поберечь нашу молодуху. Какъ-ни-какъ, а все же мать ей приходится, да и братъ не чужой. Нечего донимать ее всякими тамошними случаями!»—«Да случай-то какой, скажи ты прямо!» уже покойно, только любопытно спросила Императрица.—«И случай-то важный приключился», опять озираясь и понижая голосъ, повторила Шувалова и, усѣвшись покойнѣе въ креслѣ, начала чуть-чуть не шепотомъ.—«Скоропостижный-то нашъ королекъ взялъ штурмомъ Цербстскій замокъ!»—«Что-о?» протянула пораженная Императрица, «быть не можетъ! штурмовать мѣстопребываніе нейтральнаго, самостоятельнаго герцога? нѣтъ, это неправда».—«А вотъ и правда!»—«Кто это тебѣ сказалъ-то? быть же не можетъ!»—«Оно, какъ будто и не можетъ быть, а все же было, и не слыхала я, а прочитала въ письмѣ, что̀ получила сама изъ Гамбурга!»—«Кто пишетъ-то?»—«Это тайна, она при мнѣ и останется. Только пишутъ мнѣ изъ Гамбурга люди вѣрные!»—«Ну?»—«Тамъ очутился проѣздомъ изъ Парижа господинъ дю-Фрэнъ. Не-то чиновникъ, не-то какой-то секретарь. Онъ тамъ видѣлся

и съ нашими господами, и съ австрійскими, и съ французскими послами, потомъ уѣхалъ въ Лейпцигъ по торговымъ дѣламъ съ гамбургскимъ купеческимъ приказчикомъ. Императрица зашевелилась,—ей какое дѣло до Гамбурга и тамошнихъ приказчиковъ?—«А изъ Лейпцига онъ очутился въ Цербстѣ и не по торговымъ дѣламъ, а совсѣмъ-таки по прямымъ политическимъ, какъ агентъ французскаго двора, чтобы уговорить принцессу Іоанну написать дочери и уговорить ее перейти отъ англійской дружбы къ французской». Императрица съ любопытствомъ и большимъ удивленіемъ слушала, ворча про себя: «Ну, нашу не скоро перевернешь,—упряма, да и маменьку свою, интриганку, любитъ, пожалуй, но слушаться, ой, не станетъ!»—«До нихъ и дѣло-то не дошло! Съ перепугу, принцесса бѣжала изъ замка!» Императрица начала ужъ улыбаться:—«Ты опять за свой вздоръ, Мавруша!» —«А то какъ же? пришла разсказывать случай, такъ ужъ слушай меня, Матушка Царица, не перебивай, все выложу: и пушки, и осаду, и арестъ». Елизавета Петровна засмѣялась.—«Еще что? экая вѣдь сплетница!»—«И ни чуть, Государыня, ни синь-пороха не прибавила, все, какъ есть, приключилося! Потсдамскій-то мудрецъ, что занятъ войною съ двумя Императрицами, все же пронюхалъ, что изъ Парижа, черезъ Лейпцигъ и Гамбургъ, въ Цербстъ проѣхалъ не приказчикъ гамбургскаго купца съ своимъ хозяиномъ, а прямо-таки французскій офицеръ. Вотъ онъ и велѣлъ поприглядѣть, какими купеческими дѣлами онъ въ Цербстѣ-то займется. Оказалось, что онъ день-деньской сидитъ у герцога, только на ночь уходитъ къ себѣ на квартиру, да и ту нанимаетъ на улицѣ рядомъ съ замкомъ. Взъѣлся скоропостижный, отдалъ приказъ, чтобы от-

рядили изъ гусарскаго его полка, квартирующаго на границѣ Цербстскаго герцогства, взводъ солдатъ съ офицеромъ и отправили въ замокъ схватить француза.

Прусскіе гусары перескочили границу, пробрались ночью въ городъ, сдѣлали засаду на той улицѣ, по которой французъ проходилъ по вечерамъ изъ замка домой, и стали его ждать, приготовивъ за угломъ и карету, въ которую собирались упрятать своего арестанта и умчать къ королю-самоуправцу. Ждать, пождать,—никто не идетъ. Не былъ ли французъ въ этотъ вечеръ во дворцѣ; остался ли тамъ ночевать,—только онъ не проходилъ по улицѣ, его не видѣли пруссаки. Какъ быть? Что дѣлать? Съ Фридрихомъ и всякій будетъ считаться, а подданный и подавно. Бѣдные гусары поразмыслили и рѣшили.—19-го января, ночью же, небольшой отрядъ направился прямо въ домъ де-Фрэна; отворили ворота, двери, доходятъ до спальни, тукъ,—она заперта. Ну, что-жъ? Куда ни шло!—давай разбивать дверь. Думая, что его идутъ грабить, де-Фрэнъ нагромоздилъ мебель, вооружился пистолетомъ и перваго вошедшаго пруссака—бацъ! всадилъ пулю въ лобъ. Шумъ, крикъ, возня, выстрѣлы! Мирные жители переполошились, повскакивали. Прибѣжалъ самъ герцогъ перепуганный, взбѣшенный.—«Что? кто? батюшки! прусскіе гусары! чего имъ надо въ его владѣніяхъ?—Кажется, онъ держитъ нейтралитетъ? кажется, есть международные законы приличія, вѣжливости, порядочности?—Да и прусскій офицеръ стоялъ, растерявшись: онъ влетѣлъ, исполняя высочайшую волю арестовать французскаго офицера,—а во всемъ домѣ нѣтъ ни слѣда, ни духу военнаго,—ни мундира, ни каски, ни оружія, даже пистолетъ не форменный. Что за оказія? должно быть, онъ ошибся.

Ну, что-жъ? Куда ни шло!—давай разбивать дверь. *(Къ стр. 184).*

Пришлось усерднѣйше извиняться и передъ герцогомъ и передъ его неизвѣстнымъ гостемъ. Нарушителей мира и ночного покоя проводили, конечно, не добрыми словами, не ласковыми взглядами. Де-Фрэна, сейчасъ же, съ почетомъ, перевели на житье въ самый замокъ. Жалобы же полетѣли отъ него къ прусскому двору, съ подробнымъ описаніемъ варварскаго самоуправства съ мирнымъ Цербстомъ, а отъ герцога къ королю—протестъ о нарушеніи его войсками святости международныхъ отношеній.—«Какая же это подлость!» серьезно сказала Императрица. «И не можемъ его унять! а все союзники виноваты!»—«Потомъ, потомъ, Государыня, разберешься, кто̀ виноватъ,—теперь слушай только, вѣдь это присказка,—сказка-то впереди!»—«Какъ? развѣ еще что такое могло случиться? Знаешь, Мавруша, съ меня и этого довольно! Зло, право, беретъ, какъ только подумаю о своемъ сосѣдѣ и его друзьяхъ!» шепотомъ, какъ бы про себя проговорила Императрица.—«Ну, отъ нихъ-то мы тебя сбережемъ, солнышко ты наше красное!» успокоительно затянула Шувалова.—Вдали звякнули ружья,—часовые у дверей брали на караулъ.—«Алексѣй Григорьевичъ, родной! иди скорѣй, слушай, что̀ она мнѣ тутъ плететъ!» крикнула Елизавета Петровна, сердечно радуясь приходу своего стараго, вѣрнаго друга. Шувалова нахмурилась: она ждала не этого гостя. Графъ Разумовскій вошелъ очень довольный, что его повелительница какъ будто повеселѣе стала.—«Слава Богу, что Маврѣ Егоровнѣ удалось утѣшить Ваше Величество», сказалъ онъ, съ почтительной нѣжностью цѣлуя руку Государыни.—«Ты только послушай, что она тутъ разсказываетъ!»—«Что бы ни говорила, лишь бы тебя не огорчала!» сердечно по-

вторилъ графъ. Шувалова хотѣла-было уйти.—«Ну, нѣтъ!» возразила Елизавета Петровна, «обѣщала мнѣ что-то еще позаористѣе, а теперь утекаешь. Нѣтъ, не смѣешь! Ты еще ему должна все сызнова выложить».

Шуваловой очень не хотѣлось говорить при Разумовскомъ,—боялась она, что мужъ задастъ ей за болтовню. Разумовскій былъ друженъ съ Бестужевымъ,—врагомъ Шуваловыхъ. Всѣ знали, что Разумовскій и Бестужевъ отлично расположены къ великой княгинѣ, а Шуваловой было не съ руки доводить прусское самоуправство до свѣдѣнія молодого Двора. Но ужъ нельзя было молчать, приходилось доканчивать, а то, пожалуй, еще худшихъ бѣдъ надѣлаешь,—разсердишь больную, за ней Разумовскаго,—нѣтъ! лучше говорить до конца. Малороссъ совсѣмъ расходился. Его благодушіе было до крайности возмущено нахальнымъ самоуправствомъ прусскаго короля.—«Это напоминаетъ варварскія времена», горячо говорилъ онъ, «когда люди жили въ постоянныхъ дракахъ, не признавая правъ ближняго! Это поступокъ—чисто разбойничій! Пожалуй, нашему Стенькѣ Разину такая штука была бы съ руки, но не королю!» кипятился Разумовскій.—«И впрямь, Стенька!» заговорила Шувалова.—«Ну, ну, говори дальше-то, надо же знать всю исторію до конца, Алексѣй Григорьевичъ!» Оба принялись слушать.—«Какъ донесли Фридриху о неудачномъ походѣ на мирный городокъ, прежде еще чѣмъ протестъ герцога до него дошелъ, онъ свѣта не взвидѣлъ со злости. Бѣднаго офицера за неисполнительность подъ арестъ, подъ судъ, вонъ со службы, брата же своего, принца Генриха, во главѣ цѣлаго эскадрона гусаръ съ артиллеріей отправилъ 23-го фе-

враля осаждать Цербстскій замокъ. Цѣлыя сутки прусскій командиръ переговаривался съ владѣтельнымъ княземъ о выдачѣ ему гостя, француза де-Фрэна. Тотъ не соглашался: нельзя,—неприлично выдавать безоружнаго изъ-подъ своего крова. Герцогъ былъ до крайности возмущенъ и взволнованъ. Къ вечеру на замокъ и городъ—навели жерла пушекъ. Жители завыли: никому даромъ умирать-то не хотѣлось. Тогда французскій дворянинъ оказался великодушнѣе прусскаго короля: господинъ де-Фрэнъ, спасая отъ смерти жителей города и пріютившій его замокъ отъ разграбленія, самъ сдался пруссакамъ. Во слѣдъ ему неслись благословенія, благодаренія и слезы. Понимали въ Цербстѣ, чувствовали, какъ плохо ему придется. Его подъ карауломъ отвезли въ Магдебургскую крѣпость. Но что всего безобразнѣе», добавила шепотомъ русская боярыня, «принцъ Генрихъ наложилъ на бѣдное Ангальтъ-Цербстское княжество контрибуцію въ 100.000 экю, да еще обязалъ жителей поставлять фуражъ на ближайшіе кавалерійскіе прусскіе полки,—на своихъ же грабителей!»—Гробовое молчаніе было отвѣтомъ на этотъ потрясающій разсказъ.—Даже иностранные писатели сообщаютъ, какъ сильно возмущалась русская Императрица поступкомъ прусскаго короля.—«Лишь бы при молодомъ Дворѣ не провѣдали объ этихъ ужасахъ!» заговорилъ Разумовскій. Объ собесѣдницы подняли на него глаза.—«Узнаетъ наша разумница, великая княгиня, будетъ тужить, безпокоиться, за мать и брата обидится. А ее нужно оберегать отъ излишнихъ огорченій. Она драгоцѣнна для Россіи,—думаетъ по-нашему—сердечна, умна и справедлива. Любитъ насъ, по-нашему на свѣтъ Божій смотритъ!»—«Всѣ мы видимъ и знаемъ, что она добрая и умная, православная, русская великая

княгиня. Тебѣ, Государыня, она всегда вмѣсто покорнѣйшей дочери; смотритъ въ глаза своимъ разумнымъ, твердымъ взглядомъ и безъ твоей воли не шелохнется. Нѣтъ ужъ, Матушка, закажи строго на строго, чтобы вся эта безобразная исторія не дошла до ея слуха,— и тебѣ самой покойнѣе будетъ. А покой нуженъ для твоего драгоцѣннаго здоровья!» И онъ строго посмотрѣлъ на Шувалову.—«Да что я, точно эхидна какая, что ли? злò развѣ хотѣла сдѣлать? А матушкѣ нашей какъ же не знать, какъ ей не сказать?»—«Да, мнѣ надо это знать, и нужно помнить, что прусскій король и его народъ—наши враги и по вѣрѣ и по духу. Намъ съ ними не дружить, а въ пору только обороняться отъ него, да смотрѣть въ оба, чтобы не провели насъ да не надули!»—«Это дѣло твоихъ вѣрныхъ слугъ», заговорилъ Разумовскій, «и вѣрь мнѣ,—я, любя, говорю,— что великая княгиня среди нихъ не послѣдняя!» Императрица благодарными глазами смотрѣла на своего вѣрнѣйшаго друга, повторяя: «дай Богъ! дай Богъ!»— Между тѣмъ, графиня, видя, что дальнѣйшія ея рѣчи неумѣстны, попрощалась съ Государыней, которая казалась успокоенною и благодушною подъ вліяніемъ сердечныхъ и умныхъ рѣчей нелицемѣрнаго графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго.

ИСТОЧНИКИ:

1) *В. А. Васильчиковъ.* Семейство Разумовскаго.

2) *Н. Костомарова.* Русская Исторія въ жизнеописаніи ея главнѣйшихъ дѣятелей. Господство Дома Романовыхъ.

Болѣзнь и смерть Императрицы Елизаветы Петровны.

8-го сентября 1758 г. 25-е декабря 1761 г.

УТРОМЪ 8-го сентября 1758-го года праздничный звонъ собиралъ благочестивый людъ въ прекрасную приходскую церковь Знаменія Пресвятой Богородицы. Ее воздвигла рядомъ съ своимъ дворцомъ набожная Елизавета Петровна. И она сама, и царскоселы, и жители всѣхъ окрестныхъ селеній особенно чтили икону Божьей Матери. Всякій привыкъ изливать свою скорбь, нужды передъ Милосердой Ходатайницей за людскія невзгоды, бѣды, страданія! Стекался и въ этотъ день православный людъ на призывный звонъ своего приходскаго колокола. Шелъ и старъ, и младъ, шли женщины и дѣти молиться, просить у Небесной Царицы помощи, исцѣленія, долгихъ дней Матушкѣ родной, любимой, земной своей Царицѣ! Стекались православные, наполняли Божій храмъ и видѣли, какъ шествовала она, кормилица, радѣтельница о русской землѣ, изъ своихъ императорскихъ покоевъ въ свою же приходскую церковь. Медленно шла Государыня,

усталой, тяжелой походкой двигалась, ласково кивая головой всѣмъ встрѣчнымъ, толпившимся у храма. Безъ свиты, одна шла Ея Величество и скромно встала на свое обычное мѣсто. Кончился благовѣстъ, разнесся большой звонъ, обѣдня, видно, началась. Не вмѣщаетъ маленькій храмъ всѣхъ пришедшихъ богомольцевъ. Толпа тѣснится на паперти, на аллеѣ, кругомъ храма.—Вотъ, какъ будто, что-то зашевелилось, попятилось. Государыня тихошенько выходитъ изъ храма, до конца же обѣдни куда еще далеко: служба только-только началась; съ лица она такая блѣдная, ни кровинки нѣтъ на щекахъ; прошла по крыльцу, повернула за уголъ да такъ замертво и повалилась на мать-сырую земельку. Народъ въ ужасѣ остолбенѣлъ, не шелохнулся даже. Крестились, глазъ съ Родной не спускали, и все же не двигались, да и къ ней-то подойти не смѣли. Наконецъ, кто-то опомнился, добѣжалъ до дворца, всполошилъ всѣхъ придворныхъ. Прибѣжали дамы, кавалеры, за ними доктора, хирургъ Фусадьѐ. *) Императрицу накрыли бѣлымъ платкомъ. Падая, она, болѣзная, сильно расшиблась. Тутъ же, при всѣхъ, на глазахъ ея любимаго народа, ей пустили кровь: но кровь не потекла! въ чувство она не приходила. Долго ждали ея доктора, грека Кондоúди,—онъ былъ боленъ и приказалъ нести себя на креслѣ къ мѣсту, гдѣ лежала его августѣйшая паціентка. Наконецъ, догадались послать за ширмами и кушеткой. Подняли Императрицу, уложили, растирали мазями, давали нюхать всевозможные спирты,—она не приходила въ себя. Такъ, въ безчувственномъ состояніи среди онѣмѣвшей отъ ужаса и горя толпы,

*) Выходецъ изъ Франціи.

перенесли ее во дворецъ. Падая, Государыня прикусила себѣ языкъ да такъ крѣпко, что нѣсколько дней не могла совсѣмъ говорить и не сразу стала внятно выражаться. Это прибавило еще горя, отчаянія и страха за будущее, среди плакавшаго народа. Онъ, точно, вымаливалъ ее себѣ у Бога.

Сначала старательно скрывали отъ общества безнадежную болѣзнь Государыни. Теперь, послѣ обморока въ Царскомъ Селѣ, это стало невозможно. Заговорили, что у Ея Величества открылись раны на ногахъ, что она страдаетъ безсонницей, что доктора безпокоятся не на шутку, качаютъ головой, видя сильный упадокъ силъ. Государыня рѣшительно отказывалась отъ малѣйшаго развлеченія, забросила пріемы, балы, маскарады, перестала даже думать о театральныхъ представленіяхъ. Ея добрую душу угнетали мысли о войнѣ, походахъ, сраженіяхъ. Призракъ раненыхъ, убитыхъ на полѣ брани ея любимыхъ подданныхъ мучилъ ея доброе материнское сердце. Съ театра военныхъ дѣйствій шли ничѣмъ необъяснимые, непонятные слухи! Побѣдоносный Апраксинъ отступалъ,—къ чему? зачѣмъ? искали причины, сопоставляли событія, молва объединяла ихъ и дѣлала такіе выводы: великій князь наслѣдникъ друженъ съ прусскимъ королемъ, врагомъ своей августѣйшей тетки-Императрицы. Русскія войска, хоть и разнесли Пруссію и ея короля, а отступаютъ! почему?—потому, что Апраксинъ узналъ о болѣзни Государыни; онъ сообразилъ, что, вставши у власти, Петръ Ѳеодоровичъ перестанетъ враждовать съ своимъ другомъ Фридрихомъ. Все это были толки, разговоры, предположенія, но достовѣрно никто ничего не зналъ. Въ государственныя тайны никто не могъ проникнуть, и все

же эти слухи стояли въ воздухѣ, сливались съ намеками на болѣзнь Государыни, и наводили страхъ и уныніе на бѣдную Русь православную.

Съ осени 1758-го года здоровье Императрицы совсѣмъ не возстановлялось. Зиму 1759 - 60-го года она уже не часто покидала свою опочивальню; въ постели принимала и доклады министровъ. Ее мучили даже неважныя обстоятельства. Она очень боялась пожаровъ, жить же Ея Величеству приходилось въ деревянномъ дворцѣ, такъ какъ новый, каменный не былъ еще достроенъ, именно, не была готова внутренняя отдѣлка. На нее требовалось 380000 руб. Деньги были собраны, ихъ чуть ли даже ужъ не передали архитектору Растрелли, какъ вдругъ въ Петербургѣ случилось большое несчастье: сгорѣли амбары съ пенькой,—по берегу Малой Невы,—отъ нихъ огонь перешелъ на суда, такъ что купечество понесло чуть ли не милліонный убытокъ. Государыня, не смотря на свою боязнь пожаровъ, осталась въ старомъ дворцѣ, а деньги, приготовленныя для отдѣлки безопаснаго помѣщенія, отдала пострадавшимъ бѣднякамъ.

Въ концѣ ноября 1761 г. всѣ ожили при дворѣ! Ея Величеству какъ будто полегчало! Она потребовала къ себѣ дѣла, объявила Сенату неудовольствіе за медленность его рѣшеній, снова стала заниматься. И вдругъ, 12-го декабря, съ ней сдѣлалась жесточайшая рвота съ кровью, при сильномъ кашлѣ. Медики поняли, что это—признаки начала конца.

По примѣру своихъ благочестивыхъ предковъ, которые, предчувствуя близкую кончину, изливали милости на бѣднѣйшихъ, несчастнѣйшихъ изъ своихъ подданныхъ, Императрица благоволила передать Се-

нату именной указъ объ освобожденіи всѣхъ содержавшихся въ тюрьмахъ за маловажныя преступленія, возвратить въ семьи—ссыльныхъ и изыскать средства замѣнить другими источниками соленóй доходъ казны, лежавшій на народѣ очень тяжелымъ бременемъ.

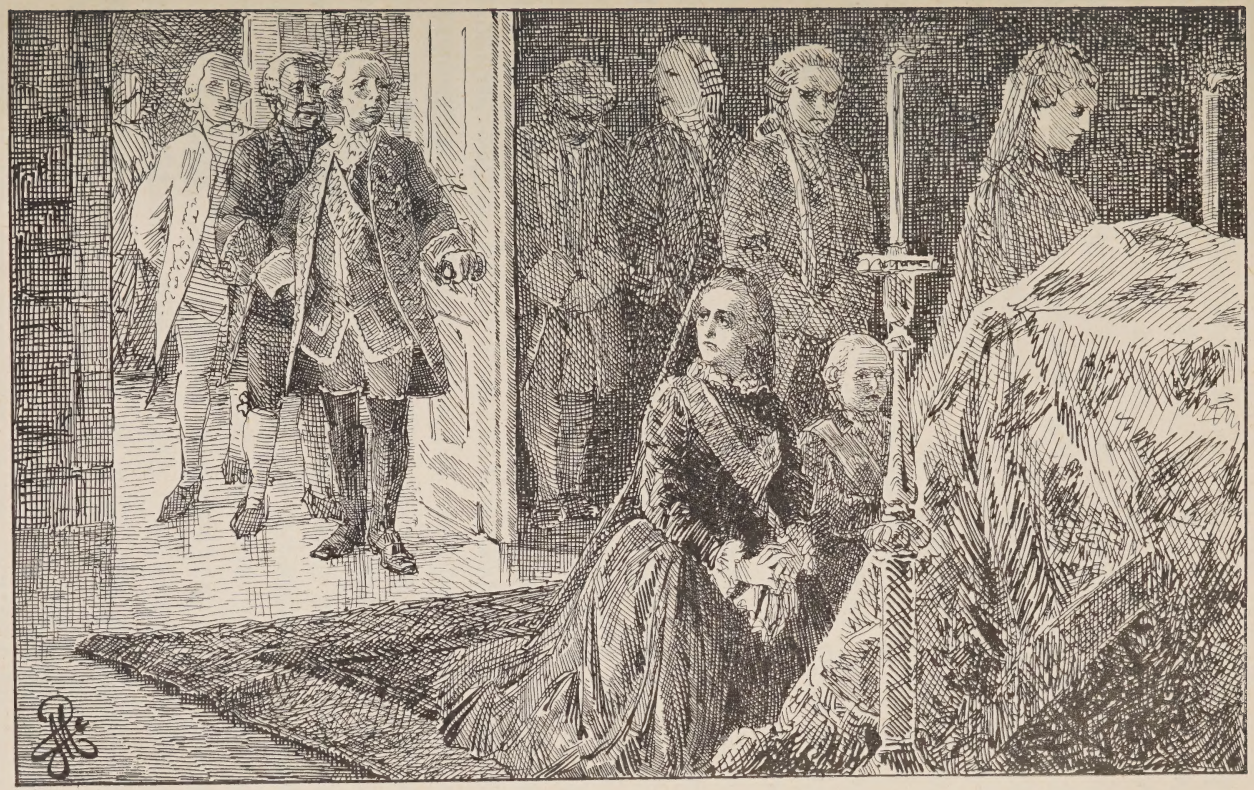
Великая княгиня Екатерина Алексѣевна не отходила отъ августѣйшей больной, окружая ее самымъ нѣжнымъ уходомъ и вниманіемъ. 20-го декабря сама страдалица ея высочество и доктора замѣтили, какъ будто, легкое облегченіе страданій августѣйшей больной. Всѣ передохнули, радость засіяла въ глазахъ, но не на долго! 22-го вечеромъ новый припадокъ отнялъ послѣднюю надежду! Пришлось готовиться къ разлукѣ съ дорогою, беззавѣтно-любимой Самодержицей.

Чувствуя приближеніе смерти, Императрица потребовала своего духовника, исповѣдывалась, пріобщилась Святыхъ Христовыхъ Таинъ. Покорно, смиренно, какъ послушнѣйшая дочь православной Церкви, готовилась августѣйшая больная къ переходу въ вѣчность. Вечеромъ 24-го декабря, наканунѣ Рождества Христова, Елизавета Петровна пожелала, чтобы духовникъ прочиталъ надъ ней отходныя молитвы, и сама, насколько силы ей позволяли, внятно и трогательно повторяла ихъ за священнослужителемъ.

Всю ночь, все утро слѣдующаго дня продолжалась агонія. Даже великій князь оставался около умирающей тетки вмѣстѣ съ своей кроткой супругой. Великая княгиня не покидала комнатъ Императрицы. Ея добрый взглядъ не отрывался отъ Государыни. Какъ только всѣ четыре врача объявили, что смерть уже наступила, открыли двери сосѣднихъ комнатъ. Вошли сенаторы, всѣ высшіе сановники и придворныя дамы. Плачъ и стоны огласили печальный покой. Всѣ ви-

дѣли, какъ надъ тѣломъ почившей стояла вся въ слезахъ, съ мукой и горемъ въ чудныхъ глазахъ, та, которую она избрала въ спутницы своему наслѣднику. Великій князь вышелъ изъ комнаты почившей, а его августѣйшая супруга осталась одна. Тяжело ей, любящей, преданной, оставить, покинуть дорогое тѣло. Ясно, точно, размѣренно, отдавала она приказанія. Слезы душили ее, молитвенный взоръ переходилъ отъ усопшей къ образамъ. Все дѣлалось благоговѣйно по одному ея слову, мановенію руки. Прошло не болѣе двухъ часовъ, и каждый могъ уже войти въ залъ, гдѣ было выставлено тѣло почившей Государыни. О кончинѣ Ея Величества объявилъ старшій сенаторъ, князь Никита Юрьевичъ Трубецкой, обычной въ такихъ случаяхъ фразой: «Императрица Елизавета Петровна скончалась, и государствуетъ въ Россійской Имперіи Его Величество Императоръ Петръ III!»

Не собираются модныя ассамблеи у петербургскихъ вельможъ, не тѣшатся красавицы по старинѣ: не поютъ подблюдныхъ пѣсенъ, не гадаютъ на святкахъ 1761 года. Нѣтъ ни иллюминацій, ни фейерверковъ на хладныхъ невскихъ берегахъ. Мрачны улицы столицы, пріунылъ весь крещеный людъ отъ мала до велика, отъ знатныхъ бояръ и до простолюдина. Гвардейцы замкнулись въ стѣнахъ своихъ казармъ, духовенство стоитъ на молитвѣ; слезы и рыданія заглушаютъ радостные напѣвы рождественскихъ церковныхъ пѣснопѣній. Толпа идетъ, понуря головы, поклониться въ послѣдній разъ своей любимой МатушкѢ-ЦарицѢ. У гроба дорогой Покойницы православные видѣли всѣ шесть недѣль, пока тѣло было выставлено для поклоненія, скорбную, съ ногъ до головы окутанную въ черное траурное одѣяніе, горько пла-



У гроба дорогой Покойницы православные видѣли скорбную молодую Императрицу. (Къ стр. 194—195).

чущую молодую Императрицу и—около нея—ея мальчика-сына. Горемычному люду утѣшительно было знать, что съ нимъ дѣлитъ его сердечную кручину молодая Государыня. Слезы Царицы сливались со слезами подданныхъ, и это общеніе въ скорби, это единеніе въ слезахъ роднило ее съ ними, сплачивало тѣми чувствами обоюдной привязанности, которыя загорѣлись уже давно, еще съ самаго дня пріѣзда ангальтъ-цербстской принцесы въ ея вторую родину.

Въ самый день смерти Елизаветы Петровны, 25-го декабря, отправленъ былъ въ Бреславль къ прусскому королю Фридриху II-му любимецъ молодого Императора, бригадиръ и камергеръ Андрей Гудовичъ.

Уступивъ 16-го декабря русскимъ и шведамъ свою послѣднюю крѣпость, Кóльбергъ, прусскій король удалился въ Бреславль, измученный, разбитый нравственно пытками и всесторонними неудачами. Большая часть Саксоніи и Селезіи была занята австрійцами. Въ Помераніи квартировали русскія войска, а изъ Англіи пришла удручающая вѣсть, что новый министръ, лордъ Бутъ, наотрѣзъ отказался выдавать ту огромную денежную субсидію, которою, послѣдніе пять лѣтъ, пользовался Фридрихъ, какъ единственнымъ источникомъ дохода, позволявшаго ему вести разорительную войну. Все потеряно: нѣтъ войска, нѣтъ денегъ! Враги же не только держатся въ тѣхъ провинціяхъ, которыя онъ такъ недавно завоевывалъ, но все крѣпче, все тѣснѣе стягиваютъ свои силы, облегая желѣзнымъ кольцомъ его послѣднее убѣжище! Никакой человѣческій умъ не могъ бы вывести его изъ этого заколдованнаго круга!

Правда, зналъ король, что русская Императрица Елизавета Петровна старѣетъ и все опаснѣе болѣетъ,

и что ея наслѣдникъ беззавѣтно, всей душой ему преданъ; однако болѣзнь Императрицы могла затянуться надолго, племянникъ же не имѣлъ на тетку вліянія. И вотъ, среди этихъ горькихъ размышленій, вдругъ, нежданно-негаданно, изъ Варшавы, доносится до Фридриха II слухъ: Императрица Елизавета умерла! Ожилъ король! лучъ надежды освѣтилъ темную ночь его отчаянія! Онъ передохнулъ, онъ сталъ надѣяться на перемѣну дѣлъ къ лучшему. Онъ поторопился черезъ Кейта, англійскаго посла при русскомъ дворѣ, принести Императору Петру III и Императрицѣ Екатеринѣ самыя горячія поздравленія. Между тѣмъ его министръ иностранныхъ дѣлъ прислалъ ему уже офиціальное сообщеніе изъ Магдебурга о пріѣздѣ Гудовича, который привезъ письмо отъ русскаго Императора.—«Благодареніе Богу, нашъ тылъ свободенъ!» былъ первый возгласъ Фридриха. Русскій посланецъ былъ принятъ въ Бреславлѣ съ распростертыми объятіями. Вслѣдъ за обмѣномъ напыщенно-любезныхъ писемъ, приступили и къ прекращенію войны. Петръ III-й освободилъ военно-плѣнныхъ пруссаковъ, отдалъ приказъ генералу Чернышеву отдѣлить свои войска отъ союзниковъ-австрійцевъ, князю же Волконскому предписалъ заключить перемиріе съ штетинскимъ губернаторомъ, герцогомъ Бевернскимъ.

ИСТОЧНИКИ:

1) *С. Соловьевъ.* Исторія Россіи.
2) *Брикнеръ.* Исторія Екатерины Великой.
3) *О. Іегеръ.* Всеобщая Исторія.
4) *Бильбасовъ.* Екатерина Вторая.
5) *Костомаровъ.* Русская исторія. Т. 1 и 2.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Первая Русская Императрица 1
Пути Провидѣнія 19
Русская женщина 52
Императрица Анна Іоанновна 65
Польскій король Августъ III, ставленникъ Россіи 81
Императрица Елисавета Петровна 96
Предопредѣленіе 118
Графъ-гетманъ 147
Императрица у гроба покойной Правительницы 160
Побѣда надъ Непобѣдимымъ 167
Самоуправство великаго европейца 180
Болѣзнь и смерть Елисаветы Петровны 189

ЦАРСТВУЮЩІЙ

ДОМЪ РОМАНОВЫХЪ

ВЫПУСКЪ IV

ВѢКЪ ЕКАТЕРИНЫ II

С. Д. АРСЕНЬЕВОЙ

съ портретомъ Государыни Императрицы и съ 34-мя рисунками въ текстѣ

ИЗДАНІЕ УЧИЛИЩНАГО СОВѢТА ПРИ СВЯТѢЙШЕМЪ СѴНОДѢ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СѴНОДАЛЬНАЯ ТИПОГРАФІЯ
1904

Ея Императорское Величество Государыня Императрица

МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА.

Ея Императорскому Величеству

Государынѣ Императрицѣ

Маріи Ѳеодоровнѣ

съ глубочайшимъ благоговѣніемъ

всепреданнѣйше посвящаетъ

авторъ.

Императрица Екатерина II-я спѣшно возвращается изъ Петергофа въ Петербургъ, 28 іюня 1762 г.

(Къ стр. 1).

Воспитаніе.

1762 годъ.

ВЕСЬ ПЕТЕРБУРГЪ въ радостномъ возбужденіи. Громы пушекъ, звонъ колоколовъ, восторженные крики народа стояли въ воздухѣ, наполняя улицы столицы праздничнымъ шумомъ. Прохожіе, встрѣчаясь, поздравляли другъ друга, цѣлуясь отъ радости, точно въ Свѣтлый праздникъ Христова Воскресенія. И дѣйствительно, было что праздновать: воскресла вся страна, по мановенію руки геніальной женщины-Царицы. Безъ боя, безъ кровопролитія явилась она спасти народъ отъ надвигавшейся напасти. Вернувшись спѣшно изъ Петергофа въ столицу, 28 іюня 1762 года, она приняла по дорогѣ присягу въ вѣрности двухъ гвардейскихъ полковъ, и прямо направилась въ Божій храмъ, въ церковь Рождества Пресвятой Богородицы, находившуюся на мѣстѣ нынѣшняго Казанскаго собора. Теплой молитвой передъ чудотворной иконой Божіей Матери начала она свой царственный подвигъ. Съ высоты церковнаго амвона понеслась

впервые молитва за «самодержавную, благовѣрную Императрицу Екатерину Алексѣевну и ея наслѣдника, цесаревича, великаго князя Павла Петровича!»

Въ то время, когда подъ величественными сводами храма духовенство и народъ возносили горячія моленія за свою Самодержицу и ея сына, наслѣдника ея престола, отъ Лѣтняго дворца въ Зимній мчалась, точно вѣтромъ несомая, коляска, запряженная парой взмыленныхъ лошадей. Въ ней сидѣлъ графъ Панинъ, съ своимъ высокимъ воспитанникомъ, цесаревичемъ Павломъ Петровичемъ. Осторожный пѣстунъ спѣшилъ укрыть его отъ возможныхъ случайностей, подъ крыломъ заботливой матери, въ стѣнахъ Зимняго дворца, тогда еще не достроеннаго, заставленнаго лѣсами. Туда же изъ собора прослѣдовала Императрица, сопровождаемая своимъ безотлучнымъ спутникомъ, малороссійскомъ гетманомъ, графомъ Разумовскимъ, пѣхотными и кавалерійскими полками, гвардіей и ликующимъ народомъ. Тамъ, въ придворной церкви, приводили къ присягѣ Синодъ, Сенатъ, генералитетъ, сановниковъ и придворныхъ. Слова клятвы были ясны и понятны каждому. Русскій народъ присягалъ на вѣрность своей спасительницѣ, самодержавной Императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ и ея августѣйшему сыну, наслѣднику-цесаревичу, великому князю Павлу Петровичу. Радостныя толпы окружали царское жилище. Государыня, окруженная свитой, вышла на балконъ *), къ своимъ подданнымъ, держа на рукахъ сына, 7-лѣтняго великаго князя Павла Петровича. Восторгъ народа доходилъ чуть не до безумія, до бѣшенства **). Всѣ

*) Еще теперь существующій фонарикъ надъ правымъ крыльцомъ.
**) Слова очевидцевъ.

Государыня, окруженная свитой, вышла на балконъ къ своимъ подданнымъ, держа на рукахъ сына, 7-ми лѣтняго великаго князя Павла Петровича.

(Къ стр. 2).

тревоги, всѣ страданія, опасенія были забыты. Передъ русскимъ людомъ стояла его освободительница, молодая, умная, заботливая, храбрая Императрица. Она держала на рукахъ того, кому послѣ смерти она могла, по закону, передать свою великую державу.— Съ той минуты, какъ Екатерина Алексѣевна воцарилась, она, какъ любящая, заботливая мать, усердно занялась воспитаніемъ сына. Она отвела цесаревичу помѣщеніе рядомъ со своими покоями и сама слѣдила за его здоровьемъ и воспитаніемъ.—Сохранилось много ея записокъ къ графу Панину, гдѣ она или спрашиваетъ о здоровьи цесаревича или радуется, что онъ здоровъ, веселъ, учится хорошо.—Царственная мать взялась сердечно и умѣло за свои обязанности. На счетъ здоровья цесаревича были спрошены совѣты у тогдашнихъ свѣтилъ науки. Извѣстный Крузе составилъ обстоятельную записку о томъ, какія именно нужно принять мѣры, чтобы устранить постоянныя серьезныя заболѣванія великаго князя. Свой трудъ докторъ кончалъ сердечными словами: «Да благословитъ Богъ сохранить здоровымъ и невредимымъ принца, который составляетъ отраду и наслажденіе августѣйшей Императрицы, Имперіи и всѣхъ насъ!»—Правильный образъ жизни, умѣлый медицинскій уходъ принесли скоро видимую пользу царственному ребенку.

Лѣтомъ 1765 года онъ могъ уже сопровождать свою августѣйшую мать, отправившуюся на маневры, въ Красное село. Порошинъ въ своемъ дневникѣ очень живо описываетъ, какъ ребенокъ еще наканунѣ отъѣзда волновался, приготовляясь къ предстоящему удовольствію. Отъ радости онъ не хотѣлъ ни кушать, ни спать. Его припугнули, что не покажутъ сорокатысячную армію, тогда онъ мигомъ притихъ и чуть

ли не раньше времени собрался лечь въ постель, жмурилъ глаза, заставляя себя заснуть. Онъ былъ такъ здоровъ и крѣпокъ, что могъ занять свое мѣсто, на конѣ, въ кирасѣ, впереди кирасирскаго полка на Дудеровой горѣ, когда Ея Величество тоже верхомъ, въ конногвардейскомъ мундирѣ, проѣзжала по фронту. Подъѣхавъ къ кирасирамъ, Императрица изволила приказать наслѣднику-цесаревичу продолжать объѣздъ вмѣстѣ съ нею. Пока ѣхали мимо кирасиръ, ребенокъ держалъ палашъ въ рукахъ, потомъ вложилъ его въ ножны, снялъ кирасу, и уже въ облегченной формѣ сопутствовалъ своей августѣйшей матери въ объѣздѣ мимо остальныхъ полковъ, стоявшихъ въ двѣ линіи. Очевидецъ подчеркиваетъ, съ какимъ восторгомъ солдаты смотрѣли на свою Императрицу и ея наслѣдника. Его уже начинали любить за очень доброе сердце. Еще въ Москвѣ въ 1762 году, когда онъ, послѣ торжества коронованія Ея Величества, очень заболѣлъ, и потомъ медленно поправлялся, Императрица пожелала доставить своему сыну особенно чувствительное удовольствіе, и царственный ребенокъ, отвѣчая на запросъ матери, чѣмъ его порадовать, попросилъ устроить въ Москвѣ больницу для бѣдныхъ. Екатерина очень обрадовалась этому доброму, сердечному движенію цесаревича. Сейчасъ же сдѣлали всѣ нужныя распоряженія, и въ іюнѣ 1763 года была открыта городская больница, названная Павловскою. Выбита даже была медаль въ память этого благодѣянія, съ силуэтомъ *) великаго князя и надписью вокругъ: «свобождаяся самъ отъ болѣзни, о больныхъ промышляетъ». Вспоминая о времени

*) Боковое очертаніе лица.

своего выздоравливанія въ Москвѣ, цесаревичъ самъ называлъ его «счастливѣйшимъ временемъ его жизни».

Императрица очень серьезно и сердечно заботилась о воспитаніи сына. Августѣйшаго юношу окружили всѣми лучшими преподавателями, которыхъ только можно было найти на родинѣ. Честнымъ, способнымъ, выдающимся воспитателемъ оказался учитель математики, бывшій воспитанникъ кадетскаго корпуса, молодой офицеръ, С. А. Порошинъ *). Лаферьеръ, Левекъ, хотя и иностранцы по происхожденію, но даровитые и образованные, сумѣли передать своему ученику массу важнѣйшихъ научныхъ познаній. Подъ надзоромъ графа Панина, всѣ наставники, общими силами, старались оправдать мечту Императрицы: обогатить умъ великаго князя точными понятіями объ историческихъ преданіяхъ родины, ея политическомъ значеніи, ростѣ и литературномъ развитіи. Ничто, касавшееся Россіи, ея отношеній къ Западной Европѣ, къ сосѣднимъ славянскимъ землямъ, не должно было остаться чуждымъ наслѣднику Екатерины.—Особенно Порошинъ старался вселить ему пламенную любовь, безграничную преданность ко всему родному, русскому. Лучшимъ другомъ, любимѣйшимъ наставникомъ великаго князя былъ его законоучитель, архимандритъ Платонъ Левшинъ, впослѣдствіи митрополитъ московскій,—блестящая звѣзда, гордость родины и православной Церкви.

При освященіи храма въ Сергіевской пустынѣ, подъ Петербургомъ, по петергофской дорогѣ, въ 1763 году, Императрица обратила вниманіе на умное

*) Онъ оставилъ послѣ себя правдивый и интересный дневникъ.

слово, сказанное молодымъ іеромонахомъ на текстъ: «Господи, кто обитаетъ въ жилищѣ Твоемъ?» и приказала Панину разузнать о немъ.—Оказалось, что юный проповѣдникъ прекрасно образованъ, говоритъ по-французски и по-нѣмецки, а греческій и латинскій языки знаетъ, какъ свой родной. Былъ онъ опытнымъ преподавателемъ, такъ какъ еще до принятія монашества преподавалъ поэзію и былъ публичнымъ катихизаторомъ въ духовной академіи, учителемъ риторики въ семинаріи. Ему-то и ввѣрила мудрая мать-Царица духовное образованіе своего сына.

Помимо урочныхъ часовъ, каждое воскресенье, каждый праздникъ, отецъ архимандритъ приходилъ къ своему ученику, обѣдалъ съ нимъ, много читалъ назидательныхъ книгъ, много бесѣдовалъ, благотворно вліяя на умъ и сердце подроставшаго ребенка. Порошинъ въ своихъ запискахъ отмѣчаетъ, что царственный воспитанникъ, основательно изучая законъ Божій, съ большимъ вниманіемъ и благоговѣніемъ присутствовалъ при торжественныхъ службахъ, даже съ помощью о. Платона, пробовалъ пѣть любимѣйшія свои стихиры. Кромѣ того краснорѣчивый проповѣдникъ, по воскреснымъ днямъ, въ придворной церкви говорилъ блестящія проповѣди. Истины, которыя онъ высказывалъ, объясняя слово Божіе, производили на слушавшихъ такое сильное впечатлѣніе, что часто Императрица, великій князь, а за ними и весь дворъ, плакали, слушая его могучее, святое слово. «Отецъ Платонъ дѣлаетъ изъ меня все, что хочетъ», сказала однажды Императрица Порошину, выходя изъ церкви. «Знатенъ и славенъ на Руси Платонъ!» такъ говоритъ о немъ современникъ. «Съ обширными знаніями, короткимъ знакомствомъ съ знаменитыми людьми

своего времени, съ наблюдательнымъ, вѣрнымъ взглядомъ на людей и на вещи, съ счастливой памятью—онъ имѣлъ даръ слова, какъ въ проповѣди, такъ и въ разсказѣ; свободный, простой, живой, увлекательный, любилъ слушать, любилъ и самъ говорить».

12-го сентября 1765 года великій князь окончилъ съ своимъ любимымъ законоучителемъ первую часть богословія. Послѣ обѣда въ предпочивальной комнатѣ было произведено испытаніе Его Высочества въ присутствіи Императрицы, графа Михаила Ларіоновича Воронцова, Алексѣя Борисовича Бутурлина и массы придворной знати. Великій князь отвѣчалъ хорошо, смѣло. Н. И. Панинъ поднесъ отвѣты, писанные рукою Его Высочества на богословскіе вопросы, предложенные о. Платономъ. Въ одномъ изъ этихъ вопросовъ предлагалось доказать примѣромъ, какъ воюютъ наши страсти противъ разума. Великій князь изволилъ написать: «напримѣръ, разумъ говоритъ: не ѣзди гулять, дурная погода, а страсти говорятъ: нѣтъ, ничего, что дурная погода, поѣзжай, утѣшь насъ». Видимо, Его Высочество примѣнялъ къ себѣ уроки благочестія, преподаваемые даровитымъ наставникомъ. Ясно, что все было предусмотрѣно, чтобы питомецъ такой заботливой матери, такихъ талантливыхъ, богобоязненныхъ воспитателей, во всемъ былъ достоинъ трудовъ и стараній, приложенныхъ къ его воспитанію. Строевыя упражненія не отвлекали его отъ умственнаго труда, который всегда былъ на первомъ планѣ. Казалось, все правильно было поставлено, прочувствовано, умѣло ведено.—Спустя много лѣтъ, великій князь, уже второй разъ женатый, путешествуя по Европѣ, со своей супругой, великой княгиней Маріей Ѳеодоровной, былъ въ Парижѣ и познакомился съ однимъ

изъ ученѣйшихъ людей того времени—Гриммомъ, другомъ Императрицы Екатерины. Въ своей перепискѣ этотъ, дѣйствительно, умный человѣкъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ наслѣдника русскаго престола: «Въ Версали великій князь произвелъ впечатлѣніе, что знаетъ нашъ французкій дворъ, какъ свой собственный. Въ мастерскихъ нашихъ художниковъ онъ обнаружилъ такое пониманіе искусства, которое доказывало самое основательное его изученіе, какъ будто бы онъ самъ былъ художникомъ. Въ нашихъ лицеяхъ, академіяхъ, своими вопросами, одобреніями онъ показалъ, что не было ни одной отрасли таланта или труда, который не привлекъ бы его вниманія, и что онъ основательно знакомъ съ произведеніями выдающихся дѣятелей, бывшихъ славою и гордостью своего вѣка и своей родины. Въ его разговорахъ виденъ прекрасно образованный умъ, большія знанія и знакомство съ нашими нравами, обычаями!»

Такимъ блестящимъ юношей явился въ глазахъ образованной Европы наслѣдникъ русскаго императорскаго престола, сынъ великой Монархини, сѣверной Семирамиды.

ИСТОЧНИКИ:

1) *Шильдеръ.* Императоръ Павелъ Петровичъ.
2) *С. Соловьевъ.* Исторія Россіи.
3) Записки *Порошина.*
4) Переписка Императрицы Екатерины II.
5) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества. Т. 10. 1872 г.

Волга.

1767 годъ.

НЕ ПѢСНИ новгородской вольницы разносятся по могучимъ волнамъ кормилицы-Волги, великой русской рѣки. Не побѣдные крики дикихъ татаръ и не стоны ихъ безсчетныхъ жертвъ несутся по волнамъ ея, раздаваясь въ лѣсахъ и поляхъ православной земли. Не удалая пѣсня разбойничка—Стеньки Разина слышится въ плёсахъ матушки Волги широкой. Слышны—праздничный звонъ церковныхъ колоколовъ, торжественная пушечная пальба, гулъ народныхъ восторговъ, бой барабановъ, звуки литавръ. Все смѣшивается въ тепломъ лѣтнемъ воздухѣ надъ царственной рѣкой. По обоимъ ея берегамъ стоитъ, идетъ, бѣжитъ православный людъ, разряженный, веселый, возбужденный. На многочисленныхъ пристаняхъ, разукрашенныхъ тріумфальными арками, собираются духовенство, власти, изъ церквей выносятъ хоругви, кресты. Какъ жаръ, блеститъ дорогая церковная утварь, облаченіе архіереевъ, священниковъ, причта. Земля около хра-

мовъ усыпана пескомъ, разостланы ковры, платки шелковые, красное сукно, бѣлоснѣжныя полотна. Отъ самой Твери внизъ,—за Жигулевы горы,—стоитъ въ воздухѣ праздничный гулъ. То шествуетъ матушка, русская Царица Екатерина Алексѣевна по своей родной, любимой Русской землѣ: ѣдетъ въ каретѣ отъ Москвы до Твери, а тамъ, съ многочисленной свитой до 2000 ч., на 12 галерахъ спускается внизъ по широчайшей изъ европейскихъ рѣкъ, до Казани, бывшей столицы татарскаго царства, и далѣе,—до Болгаръ, Симбирска.

Еще подросткомъ, нѣмецкой принцессой, Екатерина Алексѣевна полюбила необъятную ширь русскаго царства. Ее тогда уже тянуло къ этой совсѣмъ чужой, невѣдомой, самобытной странѣ. Ее и морозъ не запугивалъ, скорѣе, пожалуй, приковывалъ къ чужому краю. Путешествіе же въ древній Кіевъ, къ православнымъ русскимъ святынямъ, съ Императрицей Елизаветой Петровной, въ конецъ очаровало ея восторженную, набожную душу. Сердце чуяло что-то родное среди зеленѣющихъ полей, луговъ, обаятельной Украйны, гдѣ мягкій, привѣтливый вѣтерокъ такъ нѣжно ласкалъ ее своимъ теплымъ дыханіемъ. Послѣ воцаренія своего, Екатерина II-я путешествовала на поклоненіе святынямъ ростовскимъ и ярославскимъ, объѣхала Балтійское побережье и побывала на Ладогѣ. Послѣ этого Императрица рѣшила лично посмотрѣть на востокъ своей обширной Имперіи. «Предпринимаю поѣздку въ Азію, на дачу», пишетъ она тогдашнему мыслителю западной Европы, Вольтеру, и дѣлаетъ распоряженіе, чтобы приготовили галеры для ея плаванія съ многочисленной свитой. Стремясь увидѣть Поволжье вблизи, Ея Вели-

чество имѣла намѣреніе познакомить съ его красотами, богатствомъ и всю Европу. По ея приглашенію, послы Австріи, Испаніи, Пруссіи, Даніи и Саксоніи собрались въ Ярославль, чтобы отсюда сопутствовать Государынѣ въ ея дальнѣйшемъ плаваніи. Они были очевидцами восторженныхъ народныхъ встрѣчъ, краснорѣчивыхъ доказательствъ любви подданныхъ къ своей самодержавной матери-Царицѣ.— Гордясь Россіей, Екатерина Алексѣевна была дѣйствительной носительницей ея славы, державнымъ воплощеніемъ, забытаго послѣ Петра Великаго, русскаго государственнаго самосознанія *).

Выѣздъ Императрицы изъ Москвы былъ очень торжественный. Весь городъ высыпалъ на улицу провожать матушку-Царицу. Окна всѣхъ домовъ были унизаны народомъ. Карета Ея Величества едва могла двигаться: пѣшеходы и экипажи стояли въ нѣсколько рядовъ по улицамъ, гдѣ она проѣзжала. Палили изъ пушекъ, звонили въ церковные колокола. Послѣ напутственнаго молебна въ дворцовой церкви, поѣздъ направился къ часовнѣ Иверской Божіей Матери. У Воскресенскихъ воротъ караулъ склонялъ знамена передъ царственной путешественницей; она же, смиренная, преклонила колѣна передъ чудотворной иконой Царицы Небесной, прося помощи въ предстоящихъ трудахъ на благо народа.—До Твери Государыня ѣхала сухимъ путемъ. На всѣхъ остановкахъ, духовенство съ крестами и хоругвями, власти, дворяне, купечество съ хлѣбомъ-солью и несмѣтныя толпы народа стекались привѣтствовать матушку-Царицу. Знали

*) Слова Н. К. Шильдера въ его очеркѣ: Императоръ Павелъ Петровичъ.

всѣ, чувствовали, что она направила свой путь прямо на Тверь, чтобы лично убѣдиться, какъ исполняются графомъ Ферморомъ ея указанія, какъ воздвигается новый городъ, на испепеленныхъ развалинахъ стараго, уничтоженнаго недавнимъ пожаромъ. Государыня дорожила этимъ многострадальнымъ памятникомъ историческаго прошлаго Россіи. Память о мученической кончинѣ Михаила Тверскаго въ Ордѣ была, понятно, дорога августѣйшей радѣтельницѣ о счастьи русскаго государства. Послѣ народной встрѣчи, при колокольномъ звонѣ, пушечной пальбѣ, звукахъ музыки и восторженныхъ кликахъ народа, Императрица объѣхала замѣчательные храмы и святыя обители города, поклонилась мощамъ св. угодниковъ Божіихъ и мѣстно чтимымъ св. иконамъ. Потомъ, во вновь выстроенномъ дворцѣ, приняла депутаціи отъ духовенства, дворянъ, купечества. Преосвященнѣйшій Гавріилъ, тверской архипастырь, представилъ Государынѣ учениковъ семинаріи, которые говорили ей привѣтственныя рѣчи и по-русски, и по-латыни. На другой день послѣ параднаго обѣда, Государыня подробно осматривала городъ, новыя постройки, благодарила гр. Фермора за хорошее выполненіе возложеннаго на него порученія и посѣтила владыку Гавріила въ его загородномъ домѣ, гдѣ былъ приготовленъ десертъ и кофе для августѣйшей путешественницы и ея свиты. Долго бесѣдовала заботливая Монархиня о нуждахъ края съ духовнымъ архипастыремъ тверской епархіи. 1-го мая, въ день Преполовенія, дорогая гостья участвовала въ крестномъ ходѣ на воду. И старъ, и малъ, и знатный, и простѣйшій изъ ея подданныхъ густой, почти непроницаемой массой окружали Ея Величество. Блестѣли на солнцѣ кресты,

Императрица выходила на берегъ, прикладывалась къ мѣстнымъ святынямъ, осматривала историческіе памятники. *(Къ стр. 13).*

хоругви, облаченіе духовенства; съ кадильнымъ ѳиміамомъ неслись въ голубую высь, къ престолу Царя Царей умилительныя молитвы земной Царицы и ея народа объ общемъ благѣ, мирѣ, счастьи. Едиными устами молили, единымъ сердцемъ умилялись самодержавная Монархиня и ея восторженно-настроенные подданные, передъ святыми иконами, осѣняя себя православнымъ русскимъ крестомъ, повторяя чудныя слова святыхъ молитвъ. Отдохнувъ послѣ крестнаго хода, Императрица пустилась въ дальнѣйшій путь. До галеръ ее провожалъ весь городъ, начиная съ преосвященнаго. При звонѣ колоколовъ и пушечной пальбѣ, флотилія двинулась внизъ по рѣкѣ, провожаемая благословеніемъ, благодареніемъ и добрыми пожеланіями всего преданнаго, неизмѣримо-счастливаго народа.

Государыня ѣхала на передовой галерѣ «Тверь», за нею, на слѣдующихъ 12 галерахъ, размѣщалась свита. Для ночлега, обѣда или остановокъ, когда вѣтеръ былъ противный, флотилія прекращала движеніе по сигналу съ «Твери». Ни одного города, монастыря, большого селенія не проѣзжали безъ остановокъ. Вездѣ Ея Величество встрѣчало духовенство, власти, дворянство, торговый людъ и народъ, ликующій, восторженный, безсчетный. Неслись на встрѣчу Царицы неумолкавшіе крики радостныхъ привѣтовъ, сливавшіеся съ праздничнымъ звономъ церковныхъ колоколовъ. Имъ вторили съ эскадры и пушечные выстрѣлы и звуки военной музыки. Въ храмахъ служились молебны. Императрица выходила на берегъ, прикладывалась къ мѣстнымъ святынямъ, осматривала историческіе памятники, вступала въ разговоръ съ жителями, знакомилась съ ихъ нуждами, вникала въ ихъ отношенія къ мѣстнымъ властямъ;

внимательно разсматривала подаваемыя ей прошенія и, вернувшись въ Москву, съ гордостью сообщила Сенату, что изъ 600 полученныхъ ею челобитныхъ, не нашлось ни одной жалобы на беззаконныя дѣйствія воеводъ или на взятки.—Неутомимая труженица, Императрица не тяготилась никакой работой. «Изволь-ка мнѣ прислать дѣла, я весьма праздно живу», пишетъ она Никитѣ Ивановичу Панину, и съ палубы своей галеры руководитъ жизнью всей Имперіи. «Радуюсь, что сынъ мой въ такомъ же благополучномъ состояніи, какъ я его оставила. Великаго князя письмо очень меня обрадовало, особливо ласка, съ которой оно написано». «Слава Богу, изъ Вашего письма я усматриваю, что сынъ мой здоровъ!» «Благодарю сына моего за его письмо!» «Скажите сыну моему, что скоро подробно буду ему отвѣчать!» «Радуюсь, что ваше гулянье служило къ здоровью, удовольствію и къ веселію великаго князя. А его описанія ожидать буду». Такъ и сыплются среди дѣловыхъ бумагъ, распоряженій, приказаній, нѣжныя, заботливыя слова любящей матери; чувствуется попечительное, теплое сердце въ каждомъ словѣ. Въ то же время, какъ видно изъ писемъ, она не пропускаетъ безъ вниманія ни одной красивой мѣстности. Берега кормилицы-рѣки очаровывали умную правительницу: она чуть ли не предпочитаетъ Волгу Невѣ! Окрестности же Кимры Государыня восторженно сравниваетъ даже съ Петергофомъ! 6-го мая Императрица приблизилась къ одному изъ древнихъ городовъ—Угличу. Въ этотъ день, рано по-утру, многочисленныя толпы народа, пришедшаго сюда изъ отдаленнѣйшихъ селъ и деревень, тѣснились на берегу въ ожиданіи прибытія высокой посѣтительницы. Наконецъ появились галеры,

выплывавшія на плёсо противъ Богоявленской горы. Тотчасъ при всѣхъ городскихъ церквахъ раздался звонъ колоколовъ. По невозможности пристать къ мелководному берегу противъ города, галеры остановились на якоряхъ почти на срединѣ Волги, и Государыня со всею свитою сошла въ шлюпку, которая подвезла ее къ сѣверозападному углу береговой возвышенности, гдѣ еще тогда находились развалины городской крѣпости. На берегу, среди многочисленнаго народа, ожидали высокую путешественницу мѣстное духовенство въ облаченіи, московскій губернаторъ Юшковъ, нарочно прибывшій сюда по этому случаю (Угличъ тогда принадлежалъ къ московской губерніи) и угличскій воевода Жеребцовъ. Взойдя на берегъ и приложившись ко кресту, Императрица изволила идти отсюда по разостланному холсту въ соборный, Спасопреображенскій храмъ и отслушала здѣсь божественную литургію. Послѣ обѣдни, приложившись къ мощамъ благовѣрнаго князя Романа и къ гробницѣ св. царевича Димитрія, Государыня любовалась смѣлою, величественною архитектурою соборнаго храма, который внутри поражаетъ зрителя огромнымъ сводомъ, утвержденнымъ просто на четырехъ стѣнахъ, безъ поддержки столбовъ. Изъ собора Государыня прошла въ церковь царевича Димитрія, что на крови, и, помолившись въ ней, отправилась въ находившійся вблизи Кремля домъ воеводы, гдѣ представлялись Ея Величеству граждане города обоего пола. Женщины были одѣты въ русское, блиставшее золотомъ платье и украшенные жемчугомъ кокошники. Всѣ допущены были къ рукѣ Ея Величества. Послѣ всемилостивѣйше принятаго краткаго угощенія, Государыня въ сопровожденіи свиты, отправилась пѣшкомъ

на берегъ Волги и опять на шлюпкахъ прибыла на галеры къ приготовленному уже столу. Послѣ обѣда высокая посѣтительница отправилась въ дальнѣйшій путь и, проѣзжая мимо Углича, любовалась этимъ древнимъ, красивымъ городомъ съ его двадцатью семью церквами и тремя монастырями, и съ его живописными окрестностями. Особенно обратила она вниманіе на село Золоторучье, находящееся вблизи Углича, на крутомъ берегу Волги, осѣненное прекрасною липовою рощею. Государыня нарочно остановилась здѣсь, чтобы съ этой возвышенности обозрѣть прекрасное мѣстоположеніе Углича *). Путешествуя далѣе внизъ по Волгѣ, Императрица всюду милостиво отвѣчала на приносимыя ей привѣтствія и остановила особое свое вниманіе на поднесенныхъ ей бумажныхъ издѣліяхъ мѣстныхъ фабрикантовъ. Подъ Ярославлемъ, въ Толгскомъ монастырѣ, Ея Величество изволила принимать депутаціи въ присутствіи иностранныхъ пословъ. Для пріема была отведена величественная архіерейская трапеза, выстроенная еще патріархомъ Филаретомъ Никитичемъ Романовымъ,— точная копія съ «Грановитой» палаты. «Все это имѣло очень внушительный видъ», прибавляетъ сама августѣйшая путешественница въ письмѣ къ Н. И. Панину, съ своей галеры изъ подъ Ярославля. Съ гордостью обращала Императрица вниманіе иноземныхъ гостей на благосостояніе своихъ подданныхъ. Наблюдательные европейцы, сопутствуя ей на фабрики и въ храмы, видѣли своими глазами благоустроенный, промышленный край, народъ безпредѣльно привязанный къ своей самодержавной Повелительницѣ; ее

*) Яросл. литер. сборникъ 1850 г. стр. 12—13.

же всегда ласковую, попечительную, заботливую о внутренней жизни подданныхъ.

Изъ своего плаванія Государыня вынесла самыя отрадныя впечатлѣнія. «По всей Волгѣ»,—пишетъ она,—«народъ весьма сытъ, весьма богатъ, и хотя цѣны вездѣ высокія, но всѣ хлѣбъ ѣдятъ, нужды не терпятъ и не жалуются. Хлѣбъ всякаго рода здѣсь такъ хорошъ, какъ еще не видано. По лѣсамъ вездѣ вишни, дикіе розаны. Лѣса же иного нѣтъ, какъ дубъ и липа. Земля такая черная, какъ, въ другихъ мѣстахъ, въ садахъ на грядахъ не видать. Однимъ словомъ, сіи люди Богомъ избалованы. Я отъ роду такихъ рыбъ вкусомъ не ѣдала, какъ здѣсь, и все въ изобиліи, рѣшительно не знаю, въ чемъ бы они имѣли нужду: все есть, все дешево!» На всѣ эти богатства и на всю эту родную красоту Императрица Всероссійская съ особеннымъ удовольствіемъ обращала вниманіе иноземныхъ гостей. Она хвасталась своей Россіей передъ западными послами. Возила ихъ и въ костромской Ипатьевскій монастырь,—эту колыбель славнаго дома Романовыхъ. На берегу, у разукрашенной пристани, эскадру встрѣтилъ съ крестнымъ ходомъ маститый архипастырь, преосвященный Дамаскинъ. Дворянство, купечество и безчисленный народъ окружали свою Императрицу, сопровождая ее до собора. Войска склоняли знамена, военная музыка играла встрѣчный маршъ. Ученики семинаріи въ бѣлыхъ одеждахъ, съ вѣнками на головахъ, бросали цвѣты и дубовыя вѣтки подъ ноги августѣйшей Монархини и пѣли гимны, нарочно для этого торжества сочиненные. Въ Троицкомъ монастырскомъ соборѣ Императрица встала на царское мѣсто, подъ балдахиномъ, устроенное еще по случаю возведенія

на русскій престолъ юнаго Михаила Ѳеодоровича, перваго Царя изъ дома Романовыхъ.—Прослушавъ божественную литургію, Ея Величество изволила шествовать со свитой и послами въ приготовленные для ея пріема архіерейскіе покои. Тамъ, послѣ параднаго пріема, прослушавъ привѣтственныя рѣчи, Императрица милостиво приняла предложенный ей парадный обѣдъ. Мѣстное дворянство прислуживало. За стуломъ Ея Величества стояли молодыя дѣвушки. Предводители и депутаты становились на колѣни, когда провозглашали тосты за здравіе матушки-Царицы. Тостъ сопровождался пушечной пальбой, 51-мъ выстрѣломъ. Екатерина подняла въ свою очередь бокалъ за здоровье дворянъ, и опять палили пушки,—произведенъ былъ 31 выстрѣлъ. Во все время, пока кушали именитые гости, музыка не переставала играть.—Послѣ обѣда Государыня, сопутствуемая послами, свитой, всѣми присутствующими, среди несмѣтной радостной толпы, дошла пѣшкомъ до шлюпки, на которой переправилась на противоположный берегъ. Тамъ, уже въ каретѣ, прослѣдовала въ Кострому. При въѣздѣ въ городъ была сооружена блестящая арка, игралъ оркестръ, кругомъ кареты гарцовали всадники изъ дворянъ, а народъ бѣжалъ, оглашая воздухъ неумолкаемымъ «ура». Преосвященный съ крестнымъ ходомъ вышелъ на встрѣчу и вынесъ чудотворную икону Ѳеодоровской Божіей Матери. Приложившись къ святынѣ, Императрица вошла въ городской соборъ и, послѣ краткой эктеніи, прикладывалась къ святымъ иконамъ. Оттуда прошли въ домъ воеводы, приготовленный для царскаго отдохновенія. На пути, по обѣимъ сторонамъ, стояли дочери мѣстнаго дворянства, посыпая цвѣты подъ

ноги августѣйшей гостьи. Въ домѣ же одна изъ нихъ, дѣвица Нелидова, сказала очень краснорѣчивое привѣтствіе. Игуменья Ѳеодоровскаго монастыря съ сестрами поднесла икону Божіей Матери и хлѣбъ-соль. Иностранные послы были положительно растроганы видѣнными ими сердечными изліяніями народныхъ массъ. Они убѣдились въ несмѣтныхъ богатствахъ сѣверной Имперіи, въ крѣпкой, такъ сказать, неразрывной связи Царицы съ ея народомъ, въ неутомимой дѣятельности августѣйшей матери земли Русской на благо и славу своихъ подданныхъ и въ безграничной привязанности къ ней боготворившаго ее народа. «Я ихъ всѣхъ не однажды видѣла въ слезахъ отъ народной радости. Самъ Чернышевъ весь обѣдъ проплакалъ отъ здѣшняго дворянства, благочиннаго и ласковаго обхожденія», пишетъ Императрица изъ Костромы.—И поѣхали хитроумные сыны запада передавать своимъ дворамъ глубокомысленныя соображенія на счетъ силы, могущества, богатства сѣверной Семирамиды и ея вѣрноподданнаго народа. Красивъ былъ видъ на Волгу, когда въ праздникъ Вознесенія Господня, 17 мая, Государынѣ угодно было отстоять обѣдню въ сельской церкви села Стрѣлка. На высочайшей горѣ стоялъ деревенскій храмъ въ имѣніи дворянъ Бибиковыхъ. Вся округа знала, что матушка-Царица будетъ молиться среди сельчанъ,—порѣчныхъ жителей. Выстроили пристань, разукрасили. Крестный ходъ спустился на встрѣчу. Народъ тѣснился вокругъ, и молитвенное пѣніе, и восторженные клики, и привѣтственные выстрѣлы, и звонъ колоколовъ, все сливалось въ поднебесьи, выражая радость помѣщиковъ и крестьянъ при видѣ молящейся съ ними первой русской помѣщицы.

Узнавъ, что въ Ѳеодоровскомъ монастырѣ должны освящать только что достроенный соборный храмъ, Императрица выразила желаніе присутствовать при этомъ торжествѣ. Эскадра бросила якорь около казеннаго села Городецъ, въ 23 верстахъ отъ обители. Вся рѣка была запружена лодками, а берега унизаны народомъ, безъ устали повторявшимъ свои радостныя привѣтствія при видѣ царственной путешественницы. И тутъ набожная Царица шла пѣшкомъ во храмъ, участвовала въ крестномъ ходѣ кругомъ церкви, отстояла обѣдню среди тѣснившихся вокругъ нея богомольцевъ и, вернувшись на галеры, поплыла дальше, внизъ, сопровождаемая всюду выраженіями самой пламенной любви. Нижній не понравился Государынѣ, несмотря на блестящій пріемъ: «Сей городъ ситуаціей *) прекрасенъ, а строеніемъ мерзокъ», пишетъ она и продолжаетъ: «всѣ почти купцы малые имѣютъ капиталы и по той причинѣ не могутъ расторговаться». И тутъ же властно приходитъ сама на помощь этому бѣдному купечеству, не только повелѣвъ учредить первую въ Россіи «акціонерную нижегородскую кампанію», но даже лично дѣлаетъ отмѣтки и поправки на поляхъ, представленнаго ей на утвержденіе, устава кампаніи.

Относительно пребыванія въ Нижнемъ остался очень знаменательный слѣдъ тонкой наблюдательности мудрѣйшей Монархини. Она говоритъ въ собственноручномъ, секретномъ письмѣ къ высокочтимому ею новгородскому архіепископу, преосвященному Димитрію Сѣченову: «Во всемъ здѣшнемъ духовенствѣ, (т. е. нижегородскомъ), примѣчается духъ гоненія.

*) Мѣстоположеніемъ.

Сія же епархія, кажется, весьма достойна особливаго примѣчанія, ибо число правовѣрныхъ, думаю, меньше числа иновѣрныхъ и раскольниковъ». Глубоко православная, кроткая христіанка, Государыня продолжаетъ: «Здѣсь всего нужнѣе имѣть священство, просвѣщенное ученіемъ, нрава кроткаго, добраго житія, кои бы тихостью, проповѣдью и безпорочностью добронравнаго ученія подкрѣпляли во всякомъ случаѣ евангельское слово». Потомъ идетъ изложеніе тѣхъ недочетовъ, которые усмотрѣла зоркая правительница, поняла набожная христіанка и оцѣнила мудрѣйшая женщина.

«Вотъ я и въ Азіи!» пишетъ русская Императрица тогдашнему западному философу Вольтеру, остановившись въ Казани. «Мнѣ хотѣлось видѣть ее своими глазами. Въ здѣшнемъ городѣ есть до двадцати различныхъ народовъ, которые не похожи другъ на друга, а между тѣмъ имъ надобно сдѣлать платье, которое годилось бы для всѣхъ». Письмо длинное, въ немъ заботливо высказываетъ Екатерина свои мысли о необходимости и вмѣстѣ трудности издать законы для такой обширной монархіи, раскинутой въ такихъ различныхъ климатахъ, съ такой массой разноплеменнаго населенія. И это пишется изъ Казани, гдѣ, по словамъ ея же письма къ Панину, «пріемъ былъ сдѣланъ отмѣнный,—намъ онъ кажется отмѣннымъ, кои четвертую недѣлю видимъ вездѣ равную радость, а здѣсь еще отличнѣе! Есть-ли бы дозволили, они бы себя вмѣсто ковра постлали мнѣ подъ ноги». И дальше: «отселѣ выѣхать нельзя,—столько разныхъ объектовъ, достойныхъ взгляда. А мыслей, возбуждаемыхъ здѣшней мѣстностью, не передумать и въ десять лѣтъ». Изъ Казани же Екатерина пи-

сала И. Н. Бецкому: «Нашихъ кадетъ должно учить по татарски: если кому прійдется здѣсь служить, великое чрезъ это будетъ облегченіе!» Видимо, Государыня обо всемъ безпокоилась, обо всемъ заботилась, всѣмъ интересовалась. «Вчерашній день мы ѣздили на берегъ смотрѣть Тамерланомъ построенный городъ Болгары и нашли, дѣйствительно, остатки большихъ, но не весьма хорошихъ строеній. Два турецкіе минарета весьма высокіе, и все, что тутъ ни осталось, построено изъ плиты очень хорошей. Татары же великое почтеніе имѣютъ къ сему мѣсту и ѣздятъ Богу молиться въ сіи развалины. Есть и указъ Петра I-го (къ несчастію, не выполняемый), чтобы не вредить и не ломать сію древность». Возвращаясь сухимъ путемъ съ Волги въ Москву, Императрица внимательно изучала бытъ и нужды земледѣльцевъ. Изъ Мурома она пишетъ Н. И. Панину о своей неусыпной дѣятельности. «Всѣ спятъ, окромѣ меня, изволь со мной скуку дѣлить: я на досугѣ сдѣлаю вамъ короткое описаніе того, что примѣтила дорогой. Гдѣ черноземъ и лучшія произращенія, какъ-то симбирская провинція и половина алатырской, тамъ люди лѣнивы и верстъ на пятнадцать пусты, не населены, и земли не разработаны. Отъ Алатыря до Арзамаса, и отъ сего мѣста до муромскихъ лѣсовъ, земли часъ отъ часу хуже. Селенія чаще и ни пяди земли нѣтъ, коя бы не была разработана. И хлѣбъ лучше, нежели въ первыхъ сихъ мѣстахъ; нигдѣ голоду нѣтъ; и истинно вездѣ хлѣба прошлогодняго, немолоченнаго мало, есть-ли скажу, вдвое противъ того, что съѣсть могутъ въ одинъ годъ. Не продаютъ же, страшась двухлѣтняго неурожая. По городамъ рубли же по три четверть, а по деревнямъ вездѣ излишество.

Возвращаясь сухимъ путемъ съ Волги въ Москву, Императрица внимательно изучала бытъ и нужды земледѣльцевъ.

(Къ стр. 22).

Мужики же говорятъ: нынѣ на все Богъ далъ цѣну, хлѣбъ дорогъ и лошади дороги, и все дорого, и за то Бога благодарятъ. У пахатныхъ солдатъ, что особливо въ хижинахъ живутъ, скирдъ съ хлѣбомъ безчисленное множество... Великому князю прошу кланяться...».

Не простому смертному держать рѣчь, когда передъ глазами такія возвышенныя, мудрыя мысли высказываются въ каждой строкѣ самой простой задушевной переписки. Какъ родная мать, осмотрѣла великая Екатерина огромное пространство отъ Твери до Симбирска. Заботливая Царица воспользовалась кормилицей-рѣкой, чтобы вникнуть въ жизнь прибрежныхъ своихъ подданныхъ. И великоросъ, и татаринъ, и чувашъ, и православный, и раскольникъ, и магометанинъ, никто не обойденъ ея сердечнымъ вниманіемъ. Сама видѣла, сама ознакомилась съ мѣстными нуждами. Все, что только человѣку возможно, она отмѣтила, записала въ своей дивной памяти, въ своемъ всеобъемлющемъ сердцѣ и при случаѣ знала, какъ лучше, какъ вѣрнѣе помочь и направить теченіе жизни и ростъ государства.

1) Письма Императрицы Екатерины II въ Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества. 1872 годъ.

2) Камеръ-фурьерскій журналъ 1767 года.

3) *В. А. Бильбасовъ.* Историческія монографіи.

Смольный.

1764—1769 гг.

СУЩЕСТВУЕТЪ преданіе, что Императрица Елизавета Петровна, всегда, еще съ молоду, очень набожная, на четвертомъ году своего царствованія задумала покинуть тронъ, передать власть своему племяннику, объявленному уже наслѣднику престола, великому князю Петру Ѳеодоровичу, удалиться въ монастырь, промѣнять Императорскую порфиру на черную рясу и блестящую корону на монашескій клобукъ. По волѣ Божьей, этому не суждено было осуществиться: поглощенная государственными заботами о дорогой Россіи, Императрица не могла выполнить свои предположенія: мечта о монашествѣ и монастырѣ постепенно заглохла,—остались только слѣды этого аскетическаго настроенія Государыни.

На лѣвомъ берегу Невы доселѣ возвышается великолѣпное зданіе Смольнаго монастыря, и въ волнахъ красавицы рѣки отражается чудный садъ, окружающій это дивное произведеніе искусства, созданіе талантливаго итальянца, архитектора Растрелли.

Желая удалиться отъ міра, его заботъ и треволненій, Императрица Елизавета въ то же время не хотѣла разставаться съ столицей,—твореніемъ своего великаго отца. На берегу его любимой Невы желала она жить и молиться. Для того и приказала, не жалѣя средствъ, воздвигнуть обширное зданіе, въ которомъ можно было бы устроить женскую обитель: Воскресенскій Новодѣвичій монастырь, пріютъ смиренныхъ инокинь.

Даровитый итальянецъ вдохновился мыслью Государыни, и въ 1748-мъ году, на мѣстѣ сгорѣвшаго лѣтняго дворца Елизаветы Петровны, изъ пепла и развалинъ его стало выростать прелестное зданіе, чудо искусства, не имѣвшее себѣ ничего подобнаго въ юной столицѣ Петра. Растрелли создавалъ съ усердіемъ и успѣхомъ; нашелъ работу по себѣ его талантъ, и средства были *),—но постройка все замедлялась и затягивалась, потому что явились новые проекты, отвлекавшіе строителей отъ начатой работы. Едва въ 1756 году зданіе было оштукатурено снаружи, внутри же все заглохло, остались лишь одни лѣса, да и тѣ начинали ветшать. Только артистически распланированный садъ все густѣлъ, росъ и высился, давая роскошную тѣнь своимъ живописнымъ, пока пустыннымъ аллеямъ.

Жизни не доставало этому прелестному убѣжищу. Жизни ждали садъ и зданіе,—твореніе великаго зодчаго. Не пропадать же такому роскошному, живописному уголку! И, конечно, не могъ онъ пропасть въ дни правленія заботливой Царицы Екатерины Алексѣевны.

Жизнь явилась лѣтомъ 1764-го года. Не дряхлыхъ

*) Одинъ колоколъ долженъ былъ вѣсить 12000 пудовъ.

только сторожей да старые лѣса стали видѣть любопытныя липы, всматриваясь въ раскрытыя окна своихъ чуть-что не царственныхъ палатъ. Толпы мастеровыхъ сновали торопливо по роскошнымъ заламъ. Кипѣла спѣшная работа, слышались удары молота и топора. Заблестѣло золото, поползло по карнизамъ, оживляя чудные лѣпные узоры. Шла торопка, жизнь кипѣла. Озабоченно съ утра до ночи ходили, слѣдя за работами, вельможи въ шитыхъ, раззолоченныхъ мундирахъ: то спорятъ, то бранятъ рабочихъ, то мирно, въ восторгѣ стоятъ передъ раскрашеннымъ полотномъ—въ раззолоченныхъ рамахъ.

Ворчитъ красивый садъ, перешептываются деревья: а насъ - то что забыли? или такъ и оставаться намъ заросшими бурьяномъ да полынью? Авось же вспомнятъ—пообчистятъ этотъ мусоръ! Ворчатъ верхушки, шевелятся, даже въ окна стали залѣзать, похлестывая по нарядным рамамъ.

— «Седьмого Государыня назначила пріемъ!» заговорилъ одинъ изъ раззолоченныхъ мундировъ, окидывая стѣны внимательнымъ, хозяйскимъ глазомъ, и, повернувшись къ раскрытымъ окнамъ, торопливо высунулъ свой напудренный парикъ, посматривая все кругомъ.— «Какъ хорошо въ тѣни этихъ деревьевъ!» невольно вырвалось у Бецкаго. «Да что-жъ никто о садѣ не подумалъ? Скорѣе, надо торопиться, все вычистить. Дорожки усыпать краснымъ пескомъ, разставить скамейки подъ тѣнью самыхъ развѣсистыхъ липъ. Надо выбрать въ дворцовомъ складѣ самыя покойныя для отдыха сестеръ!» Приказалъ, а самъ пошелъ смотрѣть работы въ другомъ концѣ. Сторожа, какъ муравьи, забѣгали по саду. Скребутъ дорожки, вырываютъ сорную траву, посыпаютъ пескомъ, разста-

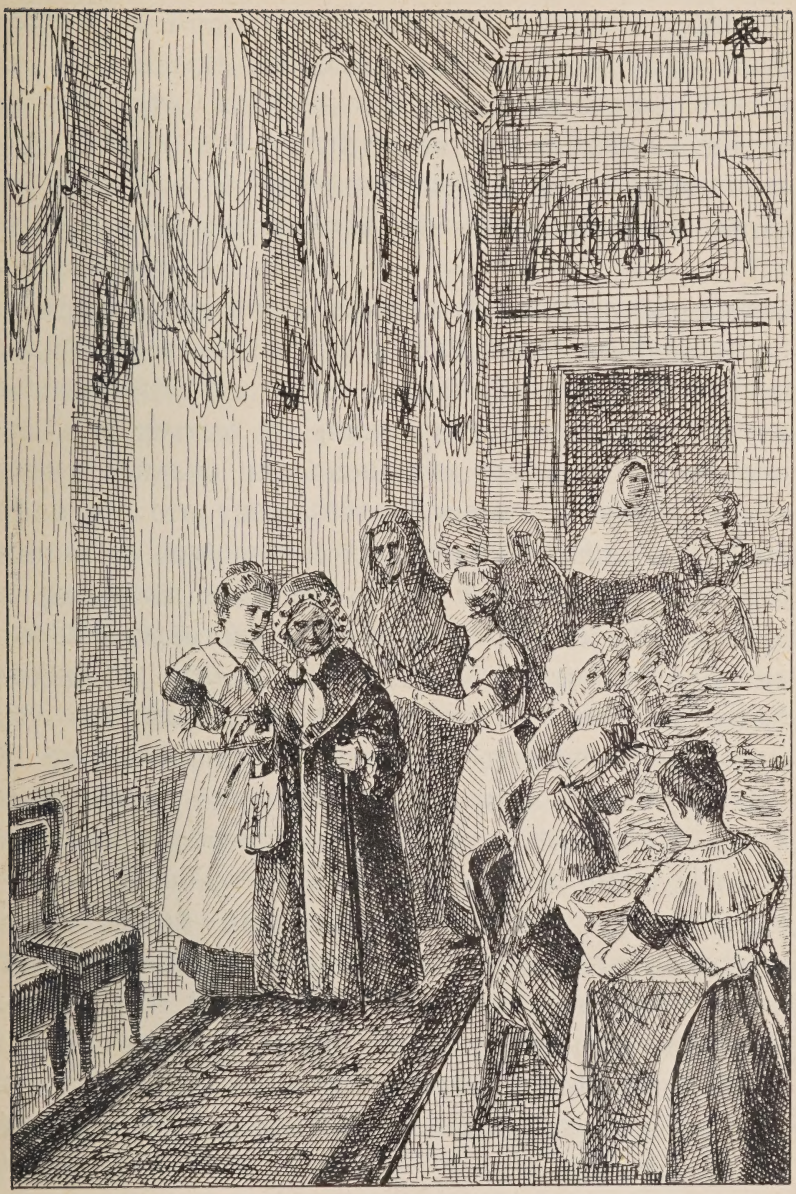
вляютъ скамьи. И они, промежъ себя, ведутъ разговоры о матушкахъ, о сестрахъ. Замеръ въ ожиданіи разряженный, убранный, расчищенный садъ, наканунѣ еще всѣми заброшенный, совсѣмъ одичалый. Какъ жаръ, блестятъ главы двухъ маленькихъ церковокъ, возвышающихся въ видѣ башенъ на углахъ большого четырехугольника. Живописно выглядываетъ величественное зданіе изъ темной зелени тѣнистаго разросшагося сада. Все готово, все затихло подъ сѣнью спустившейся ночи.

На зарѣ, чуть солнышко взошло надъ столицей, отъ Васильевскаго острова вверхъ по Невѣ медленно поднималось нѣсколько лодокъ. Имъ вслѣдъ заунывно гудѣлъ колоколъ женской обители; ему отвѣчали грустные звуки молитвы, разносившіеся по теченію, въ утреннемъ свѣжемъ воздухѣ. То плыли монашки, сестры Воскресенскаго монастыря, переселявшіяся, по волѣ Государыни, съ своего стараго пепелища въ новое зданіе, носившее прежнее, еще петровское имя Смольнаго; только слово «дворецъ» было замѣнено названіемъ «монастырь», какъ только Растрелли началъ постройку святой обители. Послушно идутъ смиренныя инокини выполнять предначертанія Царицы, поручавшей имъ уходъ за маленькими дѣтьми, которыхъ она хотѣла собрать въ красивыхъ старыхъ стѣнахъ, роскошно отдѣланныхъ для новаго назначенія. Пѣть на клиросахъ двухъ церковокъ, устроенныхъ въ двухъ угловыхъ башняхъ; няньчить и учить малютокъ; ухаживать за ними,—если, не дай Богъ, кто изъ нихъ заболѣетъ: вотъ какого рода послушаніе было наложено на черничекъ, точь-въ-точь такое же, какое выполнялось въ Парижѣ, въ Сенъ-Сирской школѣ, которая такъ понравилась Петру Великому въ бытность

его во Франціи. 7-го августа 1764-го года, въ присутствіи всего двора, сановниковъ и иноземныхъ пословъ, въ маленькой церкви Смольнаго монастыря отслужили обѣдню, и августѣйшая мать земли Русской сдѣлала первый пріемъ благородныхъ дѣвицъ, маленькихъ дѣвочекъ чуть-что не съ 5-лѣтняго возраста. За ихъ воспитаніемъ и образованіемъ зорко слѣдила сама Императрица, часто посѣщала новое учрежденіе и входила въ малѣйшія подробности обыденной жизни малютокъ, привлекая дѣтскія сердечки безпредѣльною добротой и чарующей нѣжностью. Ожилъ чудесный садъ! Жизнь закипѣла подъ его живописною тѣнью. Снуютъ монахини-сестры смиренныя, наставницы веселаго дѣтскаго роя. Весело счастливой дѣтворѣ подъ благодатнымъ кровомъ царственной попечительницы! Привольно живется въ огромномъ привѣтномъ саду. Дождались старыя липы своего назначенія, тѣнь и прохладу даютъ ихъ красивыя вѣтви милымъ дѣтишкамъ. Шепча молитвы, творя крестное знаменіе, снуютъ смиренныя сестры, неся свой святой подвигъ. Душу, сердце, умъ и силы кладутъ онѣ въ великое дѣло воспитанія.

Первое время начальницей Смольнаго была княжна Анна Сергѣевна Долгорукая. Потомъ пріѣхала изъ Парижа воспитательница Сенъ-Сира, вдова де-Лафонъ. Она перенесла на русскую почву все, что было хорошаго, честнаго, добраго въ французскомъ воспитательномъ заведеніи. Четырнадцать же нашихъ монахинь, назначенныхъ Императрицей съ ихъ настоятельницей, матерью Елпидифорой *), ходить за дѣтьми, лелѣять ихъ, молиться съ ними, оставались на своемъ

*) Изъ семьи Кропотовыхъ.



Старшія воспитанницы съ любовью и большимъ радушіемъ угощали старушекъ-богадѣленокъ. *(Къ стр. 29).*

посту до самой своей смерти. Имъ на смѣну стали поступать уже бывшія смолянки, возросшія подъ руководствомъ Государыни и всѣхъ честныхъ тружениковъ, собранныхъ ею для выполненія святыхъ завѣтовъ великаго творца новой преобразованной Россіи.

Не прошло и пяти лѣтъ со дня основанія института, какъ его внутреннимъ порядкомъ, воспитательными пріемами восторгался уже заморскій гость, англичанинъ Коксъ.

Императрица очень любила брать съ собою именитыхъ иностранцевъ, когда отправлялась навѣщать своихъ питомицъ. Въ одно изъ такихъ посѣщеній они застали накрытые въ залахъ обѣденные столы, уставленные обильно наполненными блюдами. За столами сидѣли сто старушекъ-богадѣленокъ. Старшія воспитанницы съ любовью и большимъ радушіемъ угощали ихъ, раздавая приготовленныя кушанья, слѣдя, чтобы всѣмъ было всего довольно. Послѣ обѣда хоръ монахинь и дѣтей пропѣлъ благодарственную молитву, затѣмъ младшія смолянки, съ веселой улыбкой, привѣтливымъ словомъ, обступили старушекъ-богадѣленокъ, одаривая ихъ кусками холста на бѣлье и мелкими серебряными деньгами. Всегда холодный, ко всему равнодушный сынъ Альбіона былъ до слезъ тронутъ этимъ наглядным урокомъ, пріучавшимъ дѣтей, съ самаго ранняго дѣтства, къ ласковому обхожденію и тактичной благотворительности. Императрица готовила своей Россіи добрыхъ, честныхъ дочерей, входившихъ въ жизнь съ евангельскимъ взглядомъ на обязанности женщины въ семьѣ и государствѣ.

Въ своихъ очеркахъ—«Забытое прошлое окрестностей Петербурга»—Пыляевъ говоритъ, что въ ста-

рину, между богатыми людьми, существовалъ обычай брать себѣ въ жены бѣдныхъ сиротъ-воспитанницъ Смольнаго института и, по свидѣтельству многихъ, браки эти выходили счастливыми.

Французскій мыслитель XVIII вѣка, Вольтеръ, отвѣчая на письма своей царственной собесѣдницы съ береговъ Невы, вдумывался въ ея заботы о воспитаніи смолянокъ. «Дѣло вашихъ дѣвицъ интересуетъ меня, какъ нельзя болѣе. Не знаю, заставляете-ли вы ихъ разыгрывать трагедіи, знаю только, что декламація вообще, какъ трагическая, такъ и комическая, развиваетъ голосъ, осанку и вкусъ. Невольно запоминаются сотни отрывковъ, которые впослѣдствіи приводятся кстати среди разсужденій, что придаетъ много прелести разговору».

Его трагедіи переводились на русскій языкъ и изъ нихъ воспитанницы Смольнаго разучивали роли и играли въ присутствіи Императрицы и ея гостей, удивляя всѣхъ талантливымъ исполненіемъ подчасъ очень не легкихъ партій. Нашъ родной драматургъ Сумароковъ былъ тоже въ чести у смолянокъ. Его «Земиру» онѣ разыгрывали съ большимъ успѣхомъ на своемъ домашнемъ театрѣ. Государыня особенно внимательно слѣдила за развитіемъ въ дѣтяхъ любви къ Церкви, родинѣ, уваженія къ славному прошлому и тѣмъ труженикамъ, которые посвящали свою жизнь счастью и славѣ Россіи.

Чуткій, неутомимый Бецкій, всей душой работавшій надъ любимымъ дѣломъ—просвѣщенія и воспитанія подростающаго поколѣнія, принималъ съ своей стороны всѣ мѣры, чтобы дѣйствовать по мысли и сердцу Императрицы. Онъ устроилъ праздникъ для институтокъ въ своемъ дворцѣ на берегу Невы, по

случаю Кайнарджійскаго мира. Въ торжествѣ принималъ участіе старшій классъ. На рѣкѣ были устроены плавучіе острова, съ аллегорическими фигурами: Славы, Благодарности, Милосердія. Веселью молодежи не было предѣла. Музыка и пѣніе раздавались далеко за полночь, угощеніямъ не было конца.

Другой разъ воспитанницъ возили гулять въ Лѣтній садъ. Огромныя толпы нарядnаго любопытнаго люда запрудили набережную, улицы, аллеи, чтобы посмотрѣть на появившихся среди публики смолянокъ. Знатный Петербургъ собрался участвовать въ прогулкѣ молоденькихъ любимицъ Императрицы.

Изъ Смольнаго онѣ двинулись по Невѣ въ шлюпкахъ, въ сопровожденіи Бецкаго, начальницы де-Лафонъ и надзирательницъ. Оживленная, нарядная флотилія остановилась у пристани, противъ Эрмитажа. Осмотрѣвъ всѣ сокровища, собранныя тамъ по волѣ Государыни, дѣти пѣшкомъ по набережной прошли въ Лѣтній садъ, гдѣ князь Г. Г. Орловъ приготовилъ имъ пріятный сюрпризъ. У входа, замаскированный деревьями, стоялъ роговой оркестръ, привѣтствовавшій юныхъ посѣтительницъ звуками веселаго марша. Имъ показывали и гротъ Петра Великаго, украшенный статуями, и его дворецъ, гдѣ все напоминало великаго работника на Императорскомъ престолѣ. Подъ вліяніемъ уроковъ, наставленій и разъясненій своихъ воспитательницъ, юныя питомицы Смольнаго умѣли цѣнить дѣла и благоговѣть передъ памятью великаго Преобразователя Русской земли. Онѣ съ любовью всматривались во всѣ предметы, обрисовывающіе подробности быта и трудовой жизни Петра Великаго, и уносили въ глубинѣ своихъ дѣтскихъ сер-

децъ восторженныя воспоминанія о томъ, по чьей мысли собрала ихъ, лелѣяла и воспитывала Великая продолжательница творческой дѣятельности Великаго Петра.

ИСТОЧНИКИ:

1) *Брикнеръ*. Исторія Екатерины II.
2) *М. И. Пыляевъ*. Забытое прошлое окрестностей Петербурга.

Завѣты предшественниковъ.

XV—XVIII столѣтіе.

РАДОСТНАЯ вѣсть о побѣдѣ русскихъ подъ Полтавой 27-го іюня 1709-го года разнеслась, какъ молнія, по всѣмъ сосѣднимъ государствамъ. На берегахъ Вислы сторонники выгнаннаго короля Фридриха-Августа подняли головы и думали: «его защитникъ, московскій Царь, разбилъ на голову ненавистныхъ шведовъ. Самъ Карлъ бѣжалъ, прося пріюта у турецкаго султана; его сподвижники въ плѣну у москалей. Значитъ, шведъ ужъ болѣе не страшенъ. Долой съ нашего престола его друга, Станислава!» И, позабывъ клятву и присягу, вѣтреные ляхи погнали вонъ изъ Варшавы Лещинскаго съ его женой, которыхъ еще такъ недавно и съ такимъ великимъ торжествомъ короновали въ стѣнахъ своей столицы. Изъ Саксоніи спѣшилъ назадъ Фридрихъ-Августъ. Карлъ разбитъ, сила и правда—за Петра, Августова покровителя,—значитъ, можно ему смѣло возвращаться на свой престолъ, откуда его согнали свои же измѣнники, предавши шведамъ и Лещинскому. Съ помощью русскихъ войскъ, опираясь

на дружбу русскаго Царя, онъ сталъ напрягать всѣ старанія, чтобы водворить миръ, порядокъ и тишину. Но буйная шляхта не унималась. Предводители многочисленныхъ партій ссорились изъ-за личныхъ вопросовъ, составляли конфедераціи, доходили до кровавыхъ дракъ-побоищъ. Католическое духовенство, руководимое іезуитами, во исполненіе папскихъ указаній, разжигало народныя страсти, травя фанатичными католиками несчастныхъ иновѣрцевъ, таща православныхъ въ унію, огнемъ и мечомъ вынуждая повиновеніе. Нѣсколько разъ покушались на жизнь православнаго могилевскаго епископа, Сильвестра Четвертинскаго. Іезуиты натравливали учениковъ своихъ школъ на православныхъ. Подученная молодежь вламывалась въ храмы, монастыри, разбивала похоронныя и прочія церковныя процессіи, нечестиво ругалась надъ православною святынею, топтала ногами кресты, рвала облаченія. На слѣдствіяхъ же эти ужасы объяснялись, какъ дѣтская шалость малыхъ школяровъ. Король совершенно потерялъ голову и снова обратился съ мольбою о помощи къ могучему сосѣду. Онъ зналъ свои вины передъ Петромъ: 1) тайныя сношенія съ Франціей и Швеціей противъ Даніи, русской союзницы, 2) неудобства, часто лишенія, которыя терпѣло русское войско въ его владѣніяхъ, когда оно являлось ему же на помощь. Но зналъ король и то, что мудръ, силенъ и честенъ русскій самодержавный Царь; что уже и Западъ признаетъ его возрастающее значеніе въ средѣ своихъ правителей. Ему приходилось поклониться, просить помощи, совѣта, свиданія. Государь назначилъ мѣстомъ съѣзда Данцигъ, куда пріѣхалъ съ своими ближайшими совѣтниками: русскимъ посломъ въ Варшавѣ, княземъ

Г. Ѳ. Долгорукимъ, канцлеромъ, графомъ Головкинымъ, вице-канцлеромъ Шафировымъ и Петромъ Андреевичемъ Толстымъ. Кромѣ короля явились въ Данцигъ послы отъ великаго княжества Литовскаго и Торнгорской федераціи. Всѣ громко жаловались на неурядицы, тяжелые налоги, поборы, а главное, на обременительное хозяйничанье саксонскихъ королевскихъ войскъ. Много, долго толковалъ Государь, разбирая чужую бѣду. Часть своихъ войскъ онъ приказалъ скорѣе увести изъ Польши. Его совѣтники писали меморіи, отвѣчали на подаваемыя петиціи: было рѣшено собрать сеймъ въ Люблинѣ и на немъ строго требовать отъ тяжущихся сторонъ точнаго и скораго исполненія всѣхъ пунктовъ, составленныхъ по указаніямъ русскаго Царя. Цѣлый годъ умный, ловкій Долгорукій изъ силъ выбивался, искренно желая угодить своему Государю и понимая, какъ необходимо для Россіи упорядочить въ Польшѣ взаимныя отношенія всѣхъ сословій, и успокоить, наконецъ, неугомонную сосѣдку. Но, по безхарактерности короля, своенравные паны, конфедераты и буйное шляхетство не унимались; всего хуже было то, что они не только заводили мѣстныя ссоры, еще сносились то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ европейскихъ кабинетовъ, давая имъ самыя несообразныя обѣщанія и выманивая себѣ всякія несбыточныя выгоды. Князь все подробно и добросовѣстно сообщалъ Государю. Изъ Амстердама, гдѣ тогда находился Петръ, пришелъ 8-го января 1717-го года категорическій приказъ, унять и привести въ порядокъ бунтарей, и если кто начнетъ ломаться,—двинуть къ тому въ имѣнія русскія войска. Притихла шляхта, замолчали и маршалки, и гетманъ, и паны. Да такъ еще замолчали, что на

сеймѣ, собранномъ скорешенько въ Варшавѣ, 31 января того же года, никто не рѣшился поднять голосъ, издать хоть одинъ звукъ. Въ присутствіи князя Долгорукаго было рѣшено единогласно, безъ тѣни сопротивленія: 1) вывести изъ королевства саксонскіе отряды; 2) Рѣчи Посполитой *) имѣть свои постоянныя войска, въ числѣ 18 тысячъ поляковъ и 6 тысячъ литовцевъ; 3) нашлись и источники доходовъ для удовлетворенія ихъ жалованьемъ; 4) рѣшено полное разоруженіе всѣхъ партій конфедератовъ, грабившихъ отечество. Для поддержанія же общаго спокойствія, въ королевствѣ былъ оставленъ русскій отрядъ. На страницахъ исторіи этотъ сеймъ извѣстенъ подъ названіемъ «Нѣмого»; онъ далъ Польшѣ миръ и порядокъ подъ давленіемъ русскаго Царя. Къ сожалѣнію, вслѣдствіе оплошности неумнаго Августа II, послѣдствія этого сейма были плачевны для православія въ краѣ. Изъ благодарности къ епископу Фелиціану Шанявскому, за его миролюбивое вліяніе на шляхту, король позволилъ ему «уменьшить права и неприкосновенность иновѣрцевъ». Такимъ образомъ, въ то время, когда въ Европѣ давно уже и позабыли объ ужасахъ кровавыхъ преслѣдованій во имя церкви и вѣры, ихъ подняло въ Польшѣ католическое духовенство, руководясь велѣніями свыше своего духовнаго вождя, римскаго папы. Въ 1718-мъ году 3-го октября былъ созванъ въ Гроднѣ сеймъ. Поднялся виленскій каноникъ Жебровскій, со слезами на глазахъ и въ отчаяніи сталъ взывать къ вѣрнымъ католикамъ, — своимъ согражданамъ, моля заступиться за вѣру отцовъ:

*) Рѣчью Посполитою съ 1569-го года начали называть окончательно соединенныя Польшу, Литву и юго-западную Русь.

«Богъ насъ караетъ за терпимость въ нашей средѣ схизматиковъ московской вѣры. Онъ посылаетъ намъ напасть за наше малодушіе». Поднялись всѣ католики, и тутъ же было рѣшено, немедля, удалить изъ сейма депутатовъ-иновѣрцевъ.

Въ Украйнѣ по правой сторонѣ Днѣпра, пока былъ живъ полковникъ Палей, православнымъ еще жилось покойно, но послѣ его смерти поднялся у нихъ погромъ: поляки стали безнаказанно порабощать казаковъ, насильно присоединяя ихъ въ унію. Горѣли города, села обращались въ пустыни, народъ толпами бѣжалъ за Днѣпръ, въ Запорожье. Торговля перешла въ руки евреевъ, просвѣщеніе—къ іезуитамъ, вѣрнымъ слугамъ папства и латинства. Спасались только тѣ, кто отличался ревностнымъ преслѣдованіемъ несчастныхъ иновѣрцевъ. Паны, шляхта, большинство духовныхъ сановниковъ предавались самому жестокому, необузданному разгулу, кутежу, безобразію, подъ управленіемъ безхарактернаго, мягкосердечнаго короля. Видно, Польша торопливыми шагами близилась къ паденію, погружаясь, подъ вліяніемъ ксендзовъ и папства, въ мракъ средневѣковаго невѣжества, тогда какъ, бокъ о бокъ на ея границахъ, чуть-что не изъ ея развалинъ, выростали могущественныя государства. Бывшій ея вассалъ, курфюрстъ бранденбургскій, увеличивъ на счетъ сосѣдей свои владѣнія, превратился въ прусскаго короля. Ненавистная Московія, подъ водительствомъ своихъ Царей изъ славнаго дома Романовыхъ, снова округлялась, возвращая себѣ сосѣднія области. Она видимо крѣпла, развивалась умственно, и при Петрѣ, отвѣчая его мощному призыву, выступала уже покровительницей своей слабѣющей сосѣдки.

Когда умеръ Августъ II, поляки, по привычкѣ, не могли сговориться, кому вручить свою державу, и бросились за помощью къ Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ. По ея приказу, Ласси, во главѣ русской арміи, возвелъ на престолъ, заручившись и согласіемъ Австріи, сына умершаго короля, подъ именемъ Августа III. Тридцать лѣтъ вполнѣ безличнаго его правленія нисколько не удержали дѣла разрушенія государства. Послѣ его смерти, 5-го августа 1763-го года, магнаты, по обычаю, принялись ссориться межъ собою съ оружіемъ въ рукахъ и пошли искать опоры у европейскихъ дворовъ: одни тянули къ Австріи, другіе надѣялись на Францію или Пруссію, даже засылали пословъ къ турецкому султану. Европейскіе дипломаты пришли въ движеніе. Писались проекты, пересылались и тайно и явно меморіи. Каждый соблюдалъ свои выгоды, поддерживалъ удобнѣйшаго для себя кандидата, навязывая ему въ благодарность условія, выгодныя имъ, и оставляя на второмъ планѣ выгоды самой Польши. Только одна мысль у всѣхъ—общая, только въ одномъ пунктѣ и явно и тайно всѣ дворы единодушно сходились между собой: сдержать ростъ, сколько возможно, помѣшать усиленію сѣверной державы. «Не удивляйтесь», писала Императрица Екатерина II графу Кейзерлингу *), въ Варшаву, «что я со стула вскочила, когда прочитала ваше увѣдомленіе о смерти короля: въ Берлинѣ братъ Фридрихъ, при этой вѣсти, со стола соскочилъ». Такъ казался важенъ данный моментъ европейскимъ кабинетамъ. Но наша Государыня не бросилась въ интриги, ей не нужно было ни обходить, ни обманывать никого.

*) Нашъ посолъ въ Польшѣ.

Не свою славу, не увеличеніе своихъ владѣній имѣла она въ виду. Умѣлой рукой держала она нити европейской политики, напрягая всѣ свои геніальныя способности, чтобы сохранить за собою въ польскихъ дѣлахъ первенствующее вліяніе и не дать дипломатамъ католическихъ державъ, Франціи и Австріи, осилить авторитетъ Россіи. Мудро шла она къ своей цѣли и въ нужную минуту нашла серьезный предлогъ, чтобы поднять голосъ среди сосѣдскихъ раздоровъ. Во имя человѣческихъ правъ угнетенныхъ диссидентовъ заговорилъ посланникъ Россіи передъ польскимъ правительствомъ.

«Молимъ Ваше Императорское Величество, не посрами насъ, надежда наша, въ чаяніи нашемъ! Спаси насъ десницею твоею и мышцею твоею покрой насъ!» взывалъ къ русской Самодержицѣ Георгій Конисскій, епископъ могилевскій и бѣлорусскій, привѣтствуя Ея Величество въ Москвѣ, при ея священномъ короноваціи, отъ имени бѣлорусскаго народа. Онъ перечислилъ все, что она сдѣлала для православія въ своей имперіи, все, что клонилось къ сохраненію святыхъ завѣтовъ россійской Церкви. Епископъ описалъ въ яркихъ выраженіяхъ всѣ мучительства, претерпѣваемыя въ Польшѣ и Литвѣ ея единовѣрцами и, опираясь на могущество Государыни и на ея всѣмъ извѣстную мудрость, слезно молилъ: «помоги намъ, милосердная»! Не могла забыть Екатерина этого вопля своихъ единовѣрцевъ. Еще будучи великой княгиней, она знакомилась и съ прошлой исторіей края и съ вопросами о диссидентахъ. Въ ея памяти возставала вся ужасающая картина насилія надъ высокочтимымъ ею епископомъ Георгіемъ Конисскимъ. Она помнила,

что ученики іезуитской школы напали на его домъ, ограбили, перебили въ немъ все, и переломали, что попадалось подъ руку. Людей и монаховъ избили, изувѣчили, умертвили. Владыка спасся, только спрятавшись въ сырой, холодный подвалъ. Она подлинно знала, что иногда тамъ, иногда тутъ паны пробовали приводить въ унію «схизматическихъ поповъ» *); били ихъ плетьми, морили въ тюрьмахъ, кормили въ насмѣшку однимъ сѣномъ, запрягали въ телегу для возки воды или навоза, травили собаками, рубили имъ пальцы и т. п. Въ другомъ мѣстѣ прикащикъ пана силой врывался въ православную церковь во время богослуженія и выгонялъ изъ нея плетью и богомольцевъ и ихъ пастырей. Духовныя католическія власти смотрѣли на Бѣлоруссію и Украйну, какъ на нехристіанскую землю. Они снаряжали туда цѣлыя миссіи изъ базиліанъ и доминиканцевъ, подъ прикрытіемъ жолнеровъ. Миссіи эти загоняли народъ, какъ скотъ, плетьми въ костелъ или уніатскую церковь и записывали въ число обращенныхъ, а несогласныхъ отдавали подъ судъ. Православные храмы ими обращались въ уніатскіе, гдѣ постепенно стали исчезать иконостасы, вводились орга́ны, ставились скамьи. Подъ видомъ замѣны устарѣлыхъ служебниковъ, новые исправлялись на католическій ладъ и въ Символѣ вѣры появилась прибавка «и отъ Сына». Терпѣнію Императрицы пришелъ конецъ: она рѣшила, что настала пора,—пробилъ часъ правосудія и расплаты; надо покончить съ этимъ безчеловѣчнымъ, варварскимъ хозяйничаньемъ и самоуправствомъ. Ея

*) Такъ зовется среди католиковъ-поляковъ православный священникъ.

послы при европейскихъ кабинетахъ повели дѣло выбора короля польскаго, подъ ея мудрымъ водительствомъ. За нее была правда. За нее были завѣты священные предковъ. Великая шла по стопамъ своего Великаго предшественника. Въ иностранной своей политикѣ Екатерина II подражала Петру I-му. Какъ ни мудрили, какъ ни волновались европейскіе дворы и многочисленныя польскія партіи, какъ ни громили проклятіями православную Русь католическіе ксёндзы съ своихъ каѳедръ, какъ ни грозилъ бѣдою римскій папа, но всѣмъ имъ пришлось уступить волѣ мудрой Императрицы. Ихъ кандидаты не выдержали борьбы съ ея ставленникомъ. На польскій престолъ въ сентябрѣ 1764-го года былъ возведенъ другъ Россіи, Станиславъ-Августъ Понятовскій, подъ именемъ Августа IV. Посолъ Екатерины, князь Репнинъ-Оболенскій, служилъ вѣрною опорой новому королю во всѣхъ его благихъ начинаніяхъ, клонившихся къ умиротворенію страны, ея умственному и матеріальному развитію. Партія деревенской шляхты была за короля, какъ друга Россіи, помогавшей ему и нравственно и матеріально. За то вожди-католики, всѣ обойденные кандидаты, и не подумали дать родинѣ необходимый покой. Съ ожесточеніемъ напрягали они свои слабѣющія силы, поднимали оружіе противъ короля и его покровительницы. Внутри—за раздоры, кровавыя расправы ратовали ксендзы, паны съ ихъ маршалками. Извнѣ – католическія державы энергично поддерживали преслѣдованіе диссидентовъ (иновѣрцевъ). Екатерина властно подняла свой голосъ. Ея союзникъ изъ Берлина шелъ нехотя за ней, но все же и онъ заступался за своихъ преслѣдуемыхъ единовѣрцевъ. Оба вмѣстѣ потребовали въ 1767-мъ году, чтобы всѣ

подданные польской короны, безъ различія вѣроисповѣданій, были уравнены въ своихъ правахъ передъ закономъ: могли свободно исповѣдывать каждый свое вѣроученіе и засѣдать на сеймахъ и въ сенатѣ наравнѣ съ католиками. Крикъ ужаса, негодованія разнесся изъ края въ край по польскимъ землямъ! Дрогнули бунтари. По самому больному мѣсту хлестнула ихъ русская Царица! Вѣрные своимъ обычнымъ патріотическимъ замашкамъ, краковскій епископъ Салтыкъ и кіевскій—Залускій, вмѣстѣ съ краковскимъ воеводою Ржевускимъ, бросились съ жалобою въ Вѣну, гдѣ не только враждебно, но со страхомъ смотрѣли на религіозный вопросъ: ну, какъ встанутъ свои собственные диссиденты? Папскій нунцій энергично помогалъ полякамъ въ ихъ стараніи сзывать въ свое отечество вооруженныхъ монаховъ для борьбы съ мирными требованіями православной Государыни. «И да будетъ проклятъ всякій, кто не присягнетъ бороться до смерти, и допуститъ диссидентовъ до равноправія съ католиками!» взывали ксендзы, увлекая за собой свою паству. Варшава стала волноваться. Король не зналъ, какъ поступить. Репнинъ былъ энергиченъ: онъ говорилъ отдѣльно со всѣми вожаками, и кого угрозой, кого обѣщаніями держалъ въ повиновеніи. 23-го сентября долженъ былъ открыться сеймъ. Передъ тѣмъ у князя Радзивилла, повидимому, сторонника Россіи, собрались послы и депутаты, чтобы вмѣстѣ ѣхать въ первое засѣданіе. Вдругъ пріѣзжаетъ папскій нунцій, блѣдный, суровый, глаза горятъ, какъ молніи. Грозенъ, злобенъ видъ служителя благого Бога. «Вѣра погибаетъ!» воскликнулъ онъ, вызывающе обводя собраніе своимъ свирѣпымъ взглядомъ.—«Вашъ долгъ ее спасти, лечь за нее

Князь Репнинъ-Оболенскій у Радзивилла. (Къ стр. 43).

костьми, пролить всю вашу кровь. Именемъ папы, святого нашего главы, запрещаю вамъ допускать равенство исповѣданій! Не смѣть и назначать уполномоченныхъ отъ республики для переговоровъ съ посломъ русской Царицы! Это погубитъ нашу вѣру!» Взволновалось все собраніе. Самые спокойные рыдали, другіе клялись умереть за вѣру. Король, примасъ, маршалы конфедерацій и благоразумнѣйшіе 50 человѣкъ—пословъ не знали, что дѣлать, какъ унять расходившуюся толпу, какъ предупредить могущее начаться возмущеніе. Въ самый разгаръ переполоха къ подъѣзду дома подкатилъ посолъ Екатерины, князь Репнинъ-Оболенскій. Ему навстрѣчу выбѣжали, кто поблагоразумнѣе, и молили, чтобы онъ не входилъ въ залъ,—они боялись за его жизнь. Но съ нимъ не сговоришь! Онъ прямо вошелъ въ середину волнующихся ляховъ. Его встрѣтили потрясающіе вопли: «мы умремъ за вѣру!»—«Перестаньте кричать», громче ихъ раздался голосъ Репнина,—«а будете продолжать шумѣть, то я также заведу шумъ, и мой шумъ будетъ сильнѣе вашего». Кое-какъ, отъ удивленія ли, или же отъ благоразумія и любопытства, только главари стали стихать, за ними поуспокоилось и большинство; водворилась тишина.—«Я пріѣхалъ только съ визитомъ къ князю Радзивиллу», заговорилъ спокойно Репнинъ,—«съ вами говорить не могу, потому что вы на это не уполномочены отъ республики. Но частнымъ образомъ, по-пріятельски скажу, что очень удивляюсь и сожалѣю, видя васъ въ такомъ возбужденномъ состояніи: вы, кажется, забыли всѣ милости и заботы русской Императрицы о водвореніи у васъ мира и порядка». Его громко перебила толпа: «мы собрались для сохране-

нія католическаго закона!»—«Молчать! перестаньте шумѣть!» грозно крикнулъ въ свою очередь Репнинъ. Всѣ стихли.—«Никто не отнимаетъ у васъ пра́ва имѣть ревность къ своему закону, эта ревность похвальна. Никто не хочетъ нарушать правъ римской церкви! Если вы подлинно вѣрны своему закону, то должны исполнять его справедливыя предписанія, чтобы никому въ вѣрѣ принужденія не было. Хотите жить въ мирѣ съ Россіей, пользоваться ея покровительствомъ, исполняйте договоры. Дѣло диссидентовъ не духовное, а гражданское».—Долго, ловко говорилъ Репнинъ, окрикомъ останавливая шумилъ. Кое-какъ поуспокоились. Сеймъ начался, но нельзя было ручаться, что онъ продержится до конца. Репнинъ попробовалъ сговориться съ послами иностранныхъ державъ. Но они хитрили, подъ рукой мутили, дѣйствуя противъ диссидентовъ. Даже пруссакъ Бенуа *) фальшивилъ, хотя лютеранамъ въ Польшѣ приходилось тоже очень жутко. 1-го октября засѣданіе началось рѣчью кіевскаго католическаго епископа, которая еще болѣе взволновала уже бушевавшую толпу. 2-го октября у краковскаго епископа собралось засѣданіе представителей Малой Польши. Волненіе все увеличивалось, шумъ распространялся,—ни людей благоразумныхъ, ни самого короля, стоявшаго за интересы порядка и мира, никто и слушать не хотѣлъ. Тогда Репнинъ нашелъ, что надо принять рѣшительныя мѣры, чтобы избѣжать кровавой расправы. Полковникъ Игельштромъ его именемъ явился къ маршалу Мнишку, гдѣ пировали главари, и арестовалъ краковскаго епископа Салтыка; потомъ отправился

*) Прусскій посланникъ при Варшавскомъ правительствѣ.

къ Залускому и его схватилъ. Между тѣмъ, полковникъ Штакельбергъ забралъ гетмана графа Ржевускаго и его сына Северина, старосту долинскаго. Всѣхъ четырехъ отправили подъ надежнымъ конвоемъ въ Вильну, къ генералъ-поручику Нумерсу, съ приказомъ держать ихъ подъ строгимъ надзоромъ, но отнюдь не обижать. Къ Репнину полетѣли делегаты молить объ освобожденіи арестованныхъ и просить обѣщанія личной безопасности каждому изъ нихъ.—«Арестованныхъ не выпущу», былъ твердый отвѣтъ представителя Россіи,—«потому что они заслужили свою участь. Отчета я никому не даю въ моихъ поступкахъ, кромѣ одной моей Государыни. Если хотите, можете обратиться прямо къ ней съ своею просьбою. По всемилостивѣйшему обѣщанію Ея Величества, преимущества и безопасность каждаго члена республики будутъ свято соблюдаемы, если вы въ свою очередь будете свято хранить свои обязательства!» Страхъ сдѣлалъ свое дѣло. Было рѣшено, что католическая вѣра остается господствующей, отступленія отъ нея наказываются, какъ уголовныя преступленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, отвергаются всѣ пункты противъ грековъ-оріенталистовъ, неуніатовъ, диссидентовъ. Имъ возвращаются всѣ ихъ вольности, право богослуженія, исправленія требъ, духовныхъ процессій. Позволяется поправлять старыя церкви и воздвигать новыя, когда старыя обветшаютъ; открывать школы, больницы, типографіи. Позволяются браки между разновѣрующими съ тѣмъ, чтобы сыновья были крещены въ вѣру отцовъ, а дочери—матерей. Для суда въ религіозныхъ дѣлахъ учреждается судъ изъ равныхъ сторонъ: 8 членовъ восточнаго и 8 членовъ западнаго вѣроисповѣданія, подъ предсѣдательствомъ бѣлорус-

скаго епископа, который и будетъ управлять своею епархіею на тѣхъ же правахъ, какъ и католическій. Выполненъ завѣтъ отцовъ! Вѣра спасена!

Высоко подняла хоругвь православія русская благочестивая Царица! Сеймъ притихъ и занялся текущими дѣлами,—упорядоченіемъ своихъ жизненныхъ вопросовъ. Король успокоился· ему помогла его вѣрная союзница, опора во всякой бѣдѣ. Но недовольные и не подумали о спокойствіи родины. Ни на минуту не унимаясь, они перекочевали въ городъ Баръ и тамъ образовали вооруженныя шайки конфедератовъ, подъ начальствомъ графа Красинскаго и Пулавскаго. Они громко протестовали, требуя отмѣны только что дарованныхъ правъ диссидентамъ и даже сверженія самого короля. Крестьяне и казаки, въ свою очередь, яростно поднялись противъ ксендзовъ и латинства. Ужасы междоусобицы напоминали своею дикостью самыя варварскія времена средневѣковыхъ религіозныхъ войнъ западной Европы. Вѣрная договору 1768 года, Екатерина пришла на помощь своему союзнику, двинула полки въ Подолію, гдѣ царила самая ожесточенная рѣзня. Предводители гайдамаковъ *), Желѣзнякъ и Гонта, доведенные жестокостями католиковъ до отчаянія, рѣзали, жгли, уничтожали своихъ мучителей. Неимовѣрныхъ усилій стоило русскимъ регулярнымъ войскамъ справиться съ расходившимися страстями. Въ пылу борьбы казаки переправились черезъ рѣчку Калыму и разграбили турецкое мѣстечко Балту, населенное евреями и татарами. Это было причиной, доставившею много заботъ великодушной покровительницѣ Польши. Подъ вліяніемъ запад-

*) Казаковъ.

ныхъ интригъ, особенно Австріи и Франціи, турецкій султанъ нашелъ нужнымъ не только обидѣться за разграбленіе Балты, но даже приказалъ арестовать и заточить нашего посла Обрѣзкова. Этотъ вызовъ повлекъ за собой совсѣмъ для насъ не желательную войну. Крымскіе татары ворвались къ намъ съ юга. Европа злорадствовала, видя возроставшія затрудненія Императрицы. Но Господь не допустилъ пропасть правому дѣлу. Храбрый Румянцевъ одержалъ лѣтомъ 1770-го года блестящія побѣды при Ларгѣ и Кагулѣ. Орловъ, Грейгъ, Спиридовъ сожгли турецкій флотъ при Чесмѣ въ 1771-го году. Долгорукій вторгнулся въ Крымъ; и, конечно, эти успѣхи заставили бы султана заключить выгоднѣйшій для насъ миръ, не будь опять же завистливаго вліянія съ Запада. Французскій кабинетъ подсказалъ ему, что въ Польшѣ далеко еще не покойно, что Австрія громко высказываетъ свое неудовольствіе на успѣхи сосѣдки, и, конечно, христіанская Европа не дастъ въ обиду мусульманскую Порту, поддержитъ нехристей, лишь бы повредить православной Россіи. Султанъ воспользовался такой благостыней,—придержался уступать всѣмъ требованіямъ Императрицы. Ей поневолѣ пришлось считаться съ лукавой Европой и убавить тѣ требованія, на которыя давали право блестящія побѣды храбрыхъ русскихъ войскъ. На сомнительнаго союзника, прусскаго короля—Фридриха II, плоха была надежда! Расточая любезныя рѣчи своей великой сосѣдкѣ, онъ выжидалъ, когда настанетъ удобная минута, чтобы отплатить ей за ея русскую политику. Ему крайне не по́-сердцу былъ всѣмъ извѣстный возгласъ Императрицы Екатерины: «Политика Россіи должна блюсти исключительно русскіе интересы!» Король клялся

всѣмъ, что было у него святого, что даромъ не сойдетъ великой сѣверной Монархинѣ ея народная политика, ея русская мощь и слава. Во вредъ Россіи онъ помирился съ Австріей, и они вмѣстѣ стали тайно замышлять, какъ бы оттянуть себѣ частицы польскихъ земель и тѣмъ помѣшать усиленію русскихъ съ юга. Эта сдѣлка не укрылась отъ зоркихъ глазъ Екатерины. Она рѣшила поступиться временно выгодами своихъ побѣдъ надъ Турціей и не дала распоряжаться безъ себя въ сосѣдней Польшѣ. Опять пришлось Европѣ считаться съ нами. 5-го августа 1772 года въ Петербургѣ, подъ наблюденіемъ самой Екатерины, былъ подписанъ договоръ между тремя заинтересованными державами. Къ Россіи отошла ея древняя собственность, Бѣлоруссія (1.975 квадр. миль съ 1.800.000 жителей); Пруссія получила Померанію и часть Великой Польши, Познань (631 кв. миля съ 600.000 жителей); Австріи досталась несчастная Галиція, исконная русская область, древнее достояніе Равноапостольнаго князя Владиміра, самый лучшій, плодородный край (съ 300.000 жителей, въ 1.280 кв. миль) *). Объ этой потерѣ, конечно, безъ слезъ не можетъ вспомнить ни одинъ истинный, православный, добрый славянинъ. Не хотѣли поляки уступить мирнымъ увѣщаніямъ Россіи, оставить въ покоѣ ея единовѣрцевъ; упрямо, безпрерывно гнали они безоружную, смиренную, православную Церковь, и вотъ, наконецъ, пришлось имъ расплатиться своею землею, своими дѣтьми, за косность и за варварство своихъ вождей, за непониманіе, «кто вѣрный другъ, кто врагъ коварный»,—пришлось согласиться на унизительный раздѣлъ. Изъ чувства самосохраненія,

*) по Іегеру.

THE TVVELFTH CAKE. | LE GÂTEAU DES ROIS.

Аллегорическое изображеніе перваго раздѣла Польши, современное этому событію (1772 г.); оригиналъ изображенія въ Эрмитажѣ.

(Къ стр. 48).

Екатерина пошла на эту сдѣлку съ европейскими кабинетами. Польша теряла треть своихъ владѣній, сосѣди надвигались, тѣснили и обезсиливали ее со всѣхъ сторонъ. Для Екатерины возвращеніе подъ ея скипетръ древней Бѣлоруссіи—было великимъ торжествомъ. Силою воли и умѣнья, силою своего генія, она становилась въ рядъ съ древнѣйшими собирателями русскихъ земель,—великими князьями московскими! Вернувъ Бѣлоруссію, она совершила православное-русское дѣло, совершила то, что, со временъ Іоанна III, московскіе государи всѣми силами старались исполнить. Она закончила дѣло, поднятое по благословенію московскаго патріарха Никона, мудрѣйшимъ и Тишайшимъ Царемъ, Алексѣемъ Михайловичемъ, родителемъ Петра Великаго.

«Хоть не у васъ я свѣтъ увидѣла впервые,—
Вамъ громко за меня твердятъ мои дѣла!»

сказалъ отъ лица Екатерины поэтъ Апухтинъ.

И дѣйствительно, русскій поэтъ правильно вложилъ въ уста Монархини эти слова. Ея жизнь, ея подвиги, ея убѣжденія и вѣрованія, громко твердятъ намъ, что она была великая православно-русская Царица.

ИСТОЧНИКИ:

1) *С. Соловьевъ.* Исторія Россіи.
2) *Знаменскій.* Учебное руководство—Исторія Русской Церкви.
3) *Генрихъ Шмитъ.* Исторія польскаго народа.
4) *Іегеръ.* Всеобщая Исторія (9-й выпускъ).
5) *К. О. де-Скроховскій* (*Непогрѣшимый*). Отъ мрака къ свѣту.
6) *П. Колотовъ.* Дѣянія Екатерины II.

Пугачевщина.

1772—1774 гг.

ТИХО плещутъ волны кормилицы Волги о крутые берега. Темна іюльская жаркая ночь. Звѣзды красиво мерцаютъ въ черной выси и отражаются въ широкомъ водномъ пространствѣ. Божій міръ величественъ и чуденъ. Въ ночной тишинѣ природа таинственно прекрасна. Казалось бы, и желать ничего лучшаго не надо человѣку.—Такъ вотъ нѣтъ же!—На лѣвомъ берегу разложены костры, кругомъ сидитъ, снуетъ, ѣстъ, горланитъ толпа буяновъ въ разнородныхъ уборахъ. Тутъ есть и башкиры, и киргизы, и казаки съ Дона и Яика; русскіе мужики, дворовые люди, главнымъ же образомъ, заводскіе крестьяне, спасавшіеся отъ неистовыхъ, звѣрскихъ притѣсненій своихъ господъ-помѣщиковъ, заводчиковъ.

Въ темныхъ углахъ слышатся плачъ да стоны; имъ отвѣчаютъ дерзкая брань и пьяный хохотъ. Кой-гдѣ раскинуты палатки, точь-въ-точь—цыганскій таборъ нашихъ дней. Въ нихъ грудами сложено на-

грабленное добро. За станомъ—повозки, тоже отнятыя по пути, телѣги, при нихъ стреноженныя лошади. Дикій гулъ стоитъ надъ этимъ безобразнымъ людскимъ гнѣздомъ-станомъ разбойника, бѣглаго казака Емельки Пугачева. Тутъ дѣлятъ добычу, тамъ уже собираются въ новый походъ, чтобы ночью пройти открытое мѣсто, успѣть подойти къ богатой усадьбѣ, обойдя высланные для усмиренія разбойниковъ регулярныя войска.

Съ декабря 1772 г. весь востокъ Россіи былъ охваченъ мятежомъ. Шайки рыскали, ища добычи, истребляя все, что попадало подъ руку: и баръ, и барское добро, и государеву казну. Вонъ на горѣ виднѣется село. Издали бѣлѣетъ Божій храмъ. Господскій домъ великъ, кругомъ строеній и не перечесть,—должно быть, тамъ заводъ, добра найдется много; народъ-союзникъ укажетъ, гдѣ найти сокровища, если бы баре даже и скрыли ихъ.

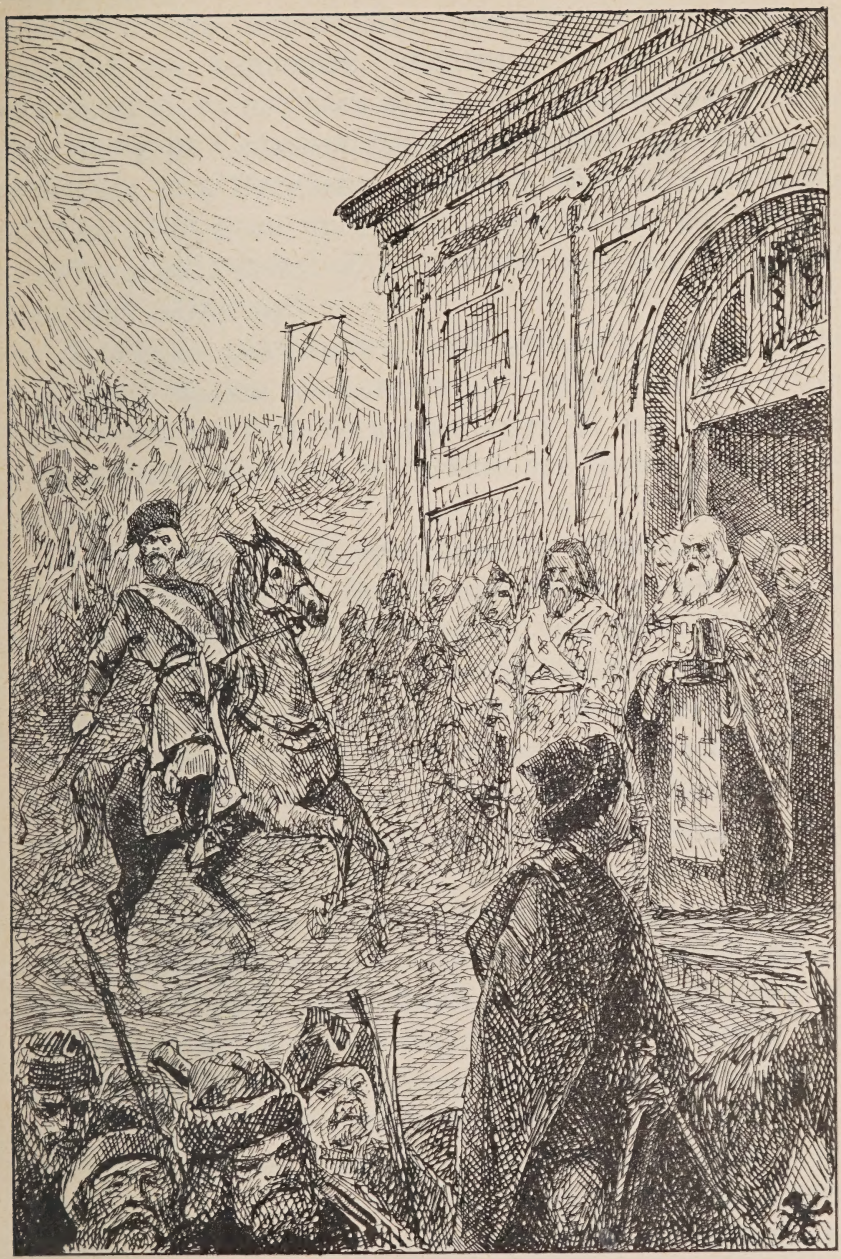
И кровожадный Пугачевъ несется со своими удальцами на беззащитное село. Гулко раздался на зарѣ призывный колоколъ; къ несчастью, слишкомъ уже поздно! На встрѣчу грабителямъ высыпали толпы недовольныхъ заводскихъ людей и земно поклонились желанному гостю,—самозванному Царю Петру Ѳеодоровичу. Этимъ именемъ, какъ ловкой приманкой, пользовался бѣглый казакъ, благо, въ народѣ ходила молва, что живъ еще, не умеръ Императоръ Петръ III.

На бѣломъ конѣ, въ пестромъ казацкомъ нарядѣ и мѣховой шапкѣ, изъ подъ которой виднѣлись сѣдѣющія кудри, въѣхалъ въ околицу разбойникъ-бунтарь.—«Здорово, дѣтушки, какъ вамъ живется-можется, вѣрные слуги царскіе?» ласково спрашивалъ самозванецъ.

Только этого и ждали мужланы. Въ голосъ завопили, прося расправы надъ мучителемъ-бариномъ, старой барыней, барчуками и ихъ пособниками—десятскими да старостами.—«Для того я къ вамъ и пожаловалъ, чтобы заступиться за мой угнетенный, любимый народъ! Ей, вы мои вѣрные стражники, привести обидчиковъ-злодѣевъ передъ наши царскія очи!»

Несчастныхъ господъ напрасно искали въ барскихъ хоромахъ. Въ храмъ Божій, подъ сѣнь святыни думали укрыться бѣдняги. Ошиблись! Церковь не могла спасти ихъ отъ неистовыхъ грабителей. Прикладами, дубинами вытолкали ихъ на паперть и полумертвыхъ притащили къ ногамъ атамана.—«Сейчасъ присягайте на вѣрность законному, прирожденному своему Царю», напыщенно заговорилъ Пугачевъ. Сѣдой старикъ, съ окровавленнымъ лицомъ, весь избитый, въ разорванномъ платьѣ, поднявъ голову, храбро отвѣтилъ: «У насъ Императрица на престолѣ,—Матушка Екатерина Алексѣевна. Ей я и вся семья моя, и дворня, и крестьяне присягали, другой присяги дать мы права не имѣемъ!» Толпы народа кругомъ бѣшено завопили, что они вѣрноподданные Императора, спасителя отъ горькаго рабства, утѣсненій, обидъ».—«Народъ мнѣ вѣренъ, присягай и ты!» закричалъ Пугачевъ.—«Не могу, не долженъ!» твердо отвѣчалъ помѣщикъ.—«Такъ отдаю-же его вамъ, мои вѣрные друзья! Расправляйтесь съ нимъ и со всею его непокорною семьею, какъ знаете, а добро ихъ берите себѣ!» свеликодушничалъ разбойникъ, понимая, что этимъ прикрѣпляетъ къ себѣ сразу многія тысячи душъ.

Крики народнаго восторга заглушили стоны несчастныхъ жертвъ; ихъ повлекли къ висѣлицѣ, моментально устроенной на погостѣ.



«Умножь свои преступленія, злодѣй! убей меня съ Тѣломъ Христовымъ въ рукахъ, отруби мою голову: я только-что молился за нашу Матушку-Царицу».

(Къ стр. 53).

Пугачевъ, повернувъ коня, слѣдовалъ за толпой мимо паперти и опѣшилъ, несмотря на все свое нахальство: изъ церковныхъ дверей, въ предшествіи дьякона съ кадиломъ, величаво выступилъ сѣдой священникъ въ полномъ облаченіи. Торжественно несъ онъ чашу со Святыми Дарами и громко проговорилъ, обращаясь къ Пугачеву: «Умножь свои преступленія, злодѣй! убей меня съ Тѣломъ Христовымъ въ рукахъ, отруби мою голову: я только-что молился за нашу Матушку—Царицу!»

Дрогнулъ разбойникъ: хоть на мигъ, святая правда, точно молнія, сверкнула въ душѣ злодѣя и поразила его совѣсть. Онъ хлестнулъ по лошади и, какъ ужаленный, ускакалъ подальше отъ поразившаго его явленія.

Озвѣрѣлая шайка бросилась съ дубьемъ и дреколіемъ на служителя Божія; киргизы и казаки кололи копьями и терзали мученическое его тѣло. Село пылало со всѣхъ сторонъ, подожженное злодѣями, пламя охватило и церковь. Подъ ея пепломъ окончилъ жизнь, сложилъ свои кости достойный служитель Царя Небеснаго, вѣрноподданный Божьей Помазанницы, Самодержавной Императрицы Всероссійской.

А Пугачевъ съ своими полчищами погнался далѣе, ища новой добычи, проливая новые потоки крови по всему Заволжью до самаго Урала. Безпредѣльныя пространства, рѣдкость населенныхъ пунктовъ, полнѣйшая растерянность и неумѣлость начальствующихъ лицъ на восточной окраинѣ дали возможность разростись народному мятежу, подъ начальствомъ дерзкаго и хитраго Пугачева. Онъ ловко утвердилъ свою власть: безграмотный, бѣглый казакъ изъ жажды на-

живы, почестей, власти, онъ пользовался всѣми случаями, чтобы привлечь къ себѣ, какъ можно, больше безшабашныхъ, полудикихъ удальцовъ. Въ Введенскомъ раскольничьемъ скиту, вкравшись въ довѣріе старца Филарета, онъ просилъ укрыть его, какъ будто бы обиженнаго изгнанника, лишеннаго престола. Обѣщалъ раскольникамъ, когда вернется на свой престолъ, свободу вѣры, дарилъ ихъ крестомъ и бородою, свято чтилъ раскольничьи обряды, прикидываясь набожнымъ. Прибѣгавшихъ къ нему казаковъ онъ освобождалъ отъ всѣхъ повинностей и обязательствъ, которымъ подчиняло ихъ государство. Киргизамъ и башкирцамъ позволилъ безнаказанно кочевать, гдѣ вздумаютъ, на всѣхъ подходящихъ имъ земляхъ.

Отъ свѣтлыхъ береговъ широкой красавицы Невы до мутнаго Яика (такъ звали Уралъ), особенно тогда, лежалъ далекій, трудный путь. Лучи спасительнаго просвѣщенія не могли проникнуть сквозь эту мрачную темную даль. Жителямъ восточной окраины и въ умъ не приходило, до какой степи горячо, искренно, настойчиво желала великая Самодержавная Мать земли русской нравственнаго благоустройства и матеріальнаго обогащенія своимъ любимымъ подданнымъ.— Другъ передовыхъ мыслителей Европы, та, передъ чьимъ свѣтлымъ умомъ преклонялся тогдашній образованный міръ, силой обстоятельствъ была поставлена лицомъ къ лицу съ представителемъ разнузданной стихіи, полудикаго казачества, освирѣпѣвшаго рабочаго люда. И эта борьба поднялась именно въ ту минуту, когда русскія арміи побѣдоносно били турокъ, тѣснили крымскихъ татаръ, сдерживали вѣроломныхъ ляховъ!—Добрая, мягкая Екатерина, защит-

ница слабыхъ и угнетенныхъ, сталкивалась со всѣми ужасами самаго дикаго бунта. Мѣстныя правительственныя лица только портили дѣло своей неспособностью и довели медлительность до того, что для успокоенія государства пришлось прибѣгнуть не только къ военнымъ дѣйствіямъ, но и къ жестокимъ наказаніямъ.

На востокъ тушить пожаръ Государыня послала энергичнаго, честнаго, умнаго генералъ-аншефа Александра Ильича Бибикова. Ему были даны войска изъ Москвы, Петербурга, Польши. Окруживъ себя способными помощниками, Александръ Ильичъ умно взялся за дѣло.

Любя Россію, преклоняясь передъ мудрой Государыней, онъ смѣнилъ неспособныхъ начальниковъ. Его сотрудники работали съ полной вѣрой въ необходимость, въ данную минуту, строгихъ, скорыхъ мѣръ, для тушенія разбушевавшагося пожара. Михельсонъ, Державинъ *), кн. Голицынъ громили бунтовщиковъ своими отрядами. Казанское дворянство собрало и вооружило цѣлый легіонъ изъ преданныхъ крѣпостныхъ людей. Бунтовщики стали-было отступать за Яикъ, теряя орудія, припасы, убитыхъ и раненыхъ. И вдругъ—новое горе!—Бибиковъ умираетъ на походѣ въ Бугульму, 9-го марта. Прошелъ даже слухъ, что его отравили. Императрица, а съ нею и вся Россія, были поражены. Мятежники торжествовали. Пугачевъ съ новой силой двинулся впередъ, снова взялъ Казань, несмотря на энергичную оборону Петра Семеновича Потемкина, перешелъ Волгу, дошелъ до Симбирска, Пензы, грозя самой Москвѣ. Народъ под-

*) Поэтъ.

нимался, ища въ немъ защитника отъ произвола помѣщиковъ и чиновниковъ.

Негодующая Императрица своимъ свѣтлымъ проницательнымъ умомъ ясно понимала причину жестокихъ неурядицъ. «Если за жизнь одного помѣщика въ отвѣтъ и наказаніе будутъ истреблять цѣлыя деревни, воспослѣдуютъ бунты всѣхъ крѣпостныхъ деревень!» писала она, и дальше: «Положеніе помѣщичьихъ крестьянъ—таково критическое, что окромѣ тишиной, человѣколюбивыми учрежденіями ничѣмъ избѣгнуть не можно» *).

Къ святому дѣлу успокоенія отечества призвала она отдыхавшаго въ Москвѣ гр. Петра Ивановича Панина, облекла его почти диктаторскою властью и послала усмирять разроставшійся пожаръ. Польщенный Высочайшимъ довѣріемъ, графъ сразу приступилъ къ энергичному преслѣдованію мятежныхъ полчищъ. Здравомыслящая часть населенія, ободренная его примѣромъ, проснулась, бросила суевѣрный страхъ, который умѣлъ внушить Пугачевъ, и вооружилась на защиту покоя и порядка. Безъ малѣйшей жалости Панинъ отвѣчалъ жестокостями на жестокости, немилосердно казня, вѣшая, изводя преступниковъ. Постепенно роли измѣнялись. Почуя силу въ законной власти, шайки стали понемногу отступать, но по пути разрушали, убивали, уничтожали все, что еще уцѣлѣло отъ прежнихъ звѣрствъ. За ними удачно гнался Михельсонъ, пользуясь неурядицами, проявлявшимися въ лагерѣ самозванца. Вѣра въ его счастье начала колебаться отъ шума Панинскихъ удачъ. Зашевелилось недовольство въ лагерѣ бунтовщика,

*) Русская Старина XVII, 14—15.

Лагерь Пугачева на берегу Волги. Обѣднѣвшій купецъ Долгополовъ и яицкій казакъ сговариваются дѣйствовать противъ Пугачева.

(Къ стр. 57).

стала постепенно зрѣть измѣна. То тутъ, то тамъ отставали, передавались регулярнымъ войскамъ цѣлыя шайки.

Въ ту темную іюльскую ночь, которою начинается нашъ разсказъ, поодаль отъ другихъ, у догоравшаго костра, сидѣли двое людей.—Впотьмахъ не разглядѣть ни лицъ, ни одежды; за шумомъ не разобрать и рѣчи. Вдобавокъ собесѣдники говорили шепотомъ.—«Государь-то въ бородѣ?» слышался одинъ голосъ.—«Тебѣ знать, ты его въ Рамбовѣ, сказываютъ, видалъ».—«Видать—видалъ и не единожды, да что-то теперь сходствія не нахожу».—«А какъ же сразу-то призналъ?»—Минуты двѣ оба молчали.—«Думалось, денегъ способнѣе будетъ получить».—«Ну, здѣсь получки плохи! надо брать, что попадетъ при разгромѣ».—«Теперь и они рѣдки становятся».—«Гдѣ же и быть, когда сами все выжгли, обобрали, да по тѣмъ же мѣстамъ все хороводимся!»—«Былъ бы настоящій Государь, не такъ бы орудовалъ, не убѣгалъ бы Петра Ивановича Панина, своего же допрежняго друга».—«А ты, братъ, не мудри, не колеси, говори напрямки: домой что-ль потянуло?»—«Что домой! туда и показаться страшно. Всѣ знаютъ, что съ нимъ возжался. Да и съ чѣмъ вернуться-то домой? Не спасли своихъ отъ господскаго тиранства! Слыхать, что все останется по старому!»—«Такъ чего-жъ тебѣ? Не опасайся, говори, не обнесу, давай толкомъ говорить».—«Мнѣ думалось бы, въ Питеръ какъ-никакъ пробраться, все тамъ поразсказать и о причинахъ, зачѣмъ присталъ народъ къ разбою; во всемъ повиниться, ну и обѣщать его, сумятника, съ головой имъ выдать.»—«Говорятъ, за голову его денежную награду посулили.»—«Слыхалъ и я».—«Давай-ка,

братъ, размыслимъ мы это дѣло!»—«Чего еще размысливать? Своихъ я знаю. Товарищество вѣритъ мнѣ. Давно намъ надоѣло волочиться съ мѣста да на мѣсто. Видно, никогды не дастъ онъ желаннаго ослобожденія. Насъ убываетъ каждодневно: кого убьютъ, другой потонетъ, иныхъ казнятъ,—всѣхъ изведутъ, обезлюднѣетъ Яикъ».

И наши заговорщики тихошенько, понемножку стали собирать сообщниковъ. Дѣло спорилось, какъ на дрождяхъ. Говорившаго купца, дѣйствительно, торговавшаго когда-то и обанкрутившагося на подрядахъ, въ Рамбовѣ *) кое-гдѣ и кое-кого видавшаго, снарядили везти въ Питеръ челобитную, съ 394 подписями отъ имени яицкихъ казаковъ.

Письмо было писано на имя Григорія Григорьевича Орлова. Въ немъ съ головой выдавали разбойника—предводителя. Себѣ же просили не только денегъ—плату за измѣну, но и прощенія всѣхъ винъ, звѣрствъ и грабежей, право вернуться въ свои дома, къ своимъ семьямъ, безъ всякаго помина о содѣянныхъ прегрѣшеніяхъ.

Лѣниво вставало солнышко изъ-за Невы, озаряя спящій Петербургъ 8-го августа 1774 г. Столица точно вымерла, покоясь крѣпкимъ утреннимъ сномъ. Даже часовой у дома кн. Григорія Григорьевича Орлова не то, что задремалъ, а какъ будто онѣмѣлъ на зарѣ. Чу! около него кто-то смѣлой рукой взялся за скобу входныхъ тяжелыхъ дверей.—«Куда лѣзешь?» испуганно спросилъ солдатикъ, съ изумленіемъ оглядывая сухопараго, рябого незнакомца, средняго роста, въ долгополомъ зипунѣ, купеческаго покроя.—

*) Ораніенбаумъ.

«Развѣ не видишь? Къ пресвѣтлѣйшему князю Григорію Григорьевичу являюсь!»—«Такъ онъ же теперь, навѣрное, еще опочивать изволитъ, ужъ больно рано ты пришелъ».

Незнакомецъ продолжалъ нахально стучаться, приговаривая: «что̀, что спитъ! небось, скорешенько проснется, какъ узнаетъ, что я пришелъ».—Наконецъ, въ домѣ услыхали стукотню. Дверь осторожно пріотворилъ, лѣниво зѣвая и крестясь, заспанный лакей.—«Мнѣ надоть увидать самого Степана Ивановича, княжескаго дворецкаго!» громко, вѣско заговорилъ чужакъ, пробуя пройти въ двери. Его не пускали, онъ еще громче сталъ настаивать.—«Что тамъ за шумъ спозаранку? Кто ломится?» послышался ворчливый спросъ, и на порогъ выкатилась кругленькая фигурка съ добродушнымъ, краснымъ, лоснящимся лицомъ.—«Кто будешь, озорникъ ты этакій?» удивленно спрашивалъ онъ, стараясь придать своему доброму лицу сердитое выраженіе.—«Батюшко, Степанъ Ивановичъ, ваше степенство, аль запамятовали и кума-то своего не признали?»—«И не признаемъ, нечего тутъ колобродить. Проходи, проходи!» заговорили оба лакея.—«Не уйду, а войду, къ самому пройду».—«Что ты, Богъ съ тобой! князь изволитъ еще опочивать».—«А вотъ, куманекъ, ты его побуди да скажи: ваша свѣтлость, извольте-ко принять посланца изъ стана самозваннаго Императора Петра Ѳеодоровича!»—Какъ отскочатъ оба служителя, да начнутъ креститься. Только этого и хотѣлось нахалу! Мигомъ очутился онъ въ сѣняхъ. Тамъ уже стоялъ камердинеръ князя,—онъ, вскочивъ съ просонокъ, принялся унимать спорщиковъ.—«Доложите обо мнѣ князю,—по самому, вѣдь, я важнѣйшему дѣлу къ его свѣтлости. Да прика-

жите скорѣе и карету его закладывать:—кажись, онъ сейчасъ долженъ ѣхать къ всемилостивѣйшей Государынѣ».

Эта смѣлая рѣчь подѣйствовала на прислугу. Ни на минуту не отставая отъ пріѣзжаго, всѣ четверо подошли къ опочивальнѣ Григорія Григорьевича Орлова. Екатерининскій вельможа, конечно, еще покоился самымъ безмятежнымъ сномъ въ этотъ раннійутренній часъ. Осторожно постучался къ нему камердинеръ. «Кто тамъ?» послышался сонный окрикъ.—«Мы, батюшко, Григорій Григорьевичъ, твои слуги».—«Что васъ принесло въ такую рань?»—«Да вотъ спрашиваетъ твою милость пріѣзжій, называетъ себя Долгополовымъ. Не то купецъ, не то казакъ съ Волги».—«Ничего не пойму, да входи же, скажи толкомъ: кто, зачѣмъ?» Видно, магическія слова «казакъ» да «Волга» вышибли сонъ и у Орлова. Онъ уже вскочилъ, когда вошли люди, а за ними юркнулъ и сухопарый незнакомецъ.—«Ты что за человѣкъ будешь?» строго спросилъ укротитель московской черни, да такъ взглянулъ на пугачевскаго товарища, что тотъ и языкъ прикусилъ. Подавая князю сложенную бумагу, онъ уже осторожно, вкрадчиво заговорилъ.—«Прослышали мы въ своихъ дебряхъ, отецъ нашъ премилосердый, свѣтлѣйшій князь Григорій Григорьевичъ, что въ Петербургѣ желательно получить живого иль мертваго проявившагося злодѣя, раззорителя—казака Емельку Пугачева, именующаго себя быти Императоромъ Петромъ Ѳеодоровичемъ!» Люди подошли при этихъ словахъ къ князю, точно хотѣли защищать его. Орловъ стоялъ суровый, строго-вопросительно глядя въ глаза говорившему.—«Вотъ мы и рѣшили», продолжалъ тотъ еще болѣе вкрадчиво: «такъ какъ злодѣй нахо-

дится въ нашей казацкой власти, написать обо всемъ вашей свѣтлости, нашему примилосердому отцу и покровителю». Орловъ ушамъ своимъ не вѣрилъ. Порывисто вскрывъ бумагу, онъ впился въ нее глазами и читалъ безъ передышки. Да и было чему удивляться, надъ чѣмъ остановиться! Сколько горя, заботъ, волненій приносилъ этотъ извергъ и Императрицѣ, и Россіи! Сколько трудовъ было потрачено на его усмиреніе въ продолженіе болѣе двухъ лѣтъ, и вдругъ, теперь, не съ вѣстью о побѣдахъ, а съ предложеніемъ выдать его живого явился этотъ невзрачный посолъ!

Конечно, ни минуты не колебался Григорій Григорьевичъ, прочитавъ поданную ему бумагу.—«Карету! скорѣе въ Царское!» крикнулъ онъ, торопливо надѣвая придворный мундиръ. Ему едва успѣвали помогать.—«Скорѣе поворачивайтесь! за мной!» командовалъ онъ Долгополову, чуть не вталкивая его съ собою въ карету.—«Вскачь, прямо къ подъѣзду Ея Величества!» приказалъ онъ кучеру, и карета помчалась, унося блестящаго вельможу и проныру-торгаша въ Царское Село, куда Императрица переѣхала только наканунѣ.

У дворцоваго подъѣзда караулъ отдалъ честь князю-герою. Выбѣжали придворные лакеи съ переконфуженными лицами, а среди парадныхъ сѣней, съ пыльной метелкой и полотенцемъ въ рукахъ, стоялъ старикъ и громко бранился, отчитывая раззолоченную челядь.—«Лѣнтяи, сони, ротозѣи, дармоѣды! Сбѣгу, такъ и знайте, сбѣгу и не вернусь, чтобы не видѣть этого срама. Сама Мать-Царица пыль вытирать изволитъ,—а вы? на, поди, спите, дрыхнете!» И онъ готовъ былъ подраться своей мягкой пестрой метелкой изъ павлиньихъ перьевъ.—«Гдѣ она, сама Мать-Царица?» весело за-

говорилъ Орловъ, влетая въ сопровожденіи Долгополова.—«Вотъ еще выдумали спрашивать: гдѣ Матушка-Царица. Вздохнуть не дадите ей, болѣзной. Нѣтъ, чтобы оставить въ покоѣ передохнуть. Гдѣ да гдѣ? А вотъ и не знаю, и никто не знаетъ, гдѣ!» отвѣчалъ знаменитый камердинеръ Екатерины, разводя руками. «Благодаря этимъ олухамъ, изволили сегодня сами пыль вытирать въ своихъ апартаментахъ, все въ порядокъ привели: метелку, полотенце на столъ положили, а самой нѣтъ, какъ нѣтъ. Не изволили намъ докладывать, куда пойдутъ!»—«Ну, ну, Захаръ Константиновичъ, не дури, толкомъ скажи. У меня дѣло ѣсть, самое важное!» и шепотомъ прибавилъ: «обрадуется; охъ, какъ обрадуется мать-то Царица наша!» Глаза Захара заискрились.—«Будто?» вопросительно выронилъ онъ, косясь на Долгополова, который на этотъ разъ, забывъ все нахальство, смирнешенько, точно прикованный, стоялъ у косяка входныхъ дверей, зорко бѣгая своими рысьими, пронзительными глазами по невѣдомымъ предметамъ.—«Вонъ этотъ замухрыга и привезъ благую вѣсть», продолжалъ Орловъ.—«Ой-ли?» что-то раздумывая, ворчалъ Захаръ Константиновичъ, подозрительно разглядывая то переконфуженнаго Долгополова, то блестящаго, возбужденнаго Орлова.—«Ну ужъ такъ и быть, пойдемъ, чего здѣсь-то разговаривать. Радуй, если есть чѣмъ вправду порадовать сердешную! Не часто это ей достается!» И старикъ въ припрыжку пустился черезъ внутренніе покои Императрицы, прямо на балконъ.

Въ утреннемъ капотѣ, въ чепцѣ на едва приглаженныхъ волосахъ сидѣла Екатерина Алексѣевна любуясь роскошными цвѣтниками своего царскосель

Орловъ читаетъ Императрицѣ бумагу, поданную ему Долгополовымъ. *(Къ стр. 63).*

скаго сада. Веселый видъ только что вошедшаго Захара очень ее удивилъ. Она уже собиралась, по обычаю, милостиво пошутить съ своимъ неизмѣннымъ любимцемъ, какъ изъ за его спины, отстраняя даже его, показался могучій, красивый Орловъ. Сердце Государыни почуяло радость, глаза блеснули; быстро вставъ, она протянула руки и еще не успѣла выговорить: «что?» какъ Орловъ, склоняя колѣно и радостно цѣлуя ея руки, заговорилъ: «Продаютъ, выдаютъ съ головой! нѣтъ больше Пугачева! нѣтъ крамолы подъ державнымъ скипетромъ Вашего Величества!» Захаръ набожно крестился, радостная слеза скатились изъ глазъ нелицемѣрнаго слуги. Вся сіяющая стояла Екатерина передъ Орловымъ; только очень опытный глазъ близкаго человѣка могъ бы подмѣтить ту легкую тѣнь, которая показалась на ея ясномъ челѣ. Орловъ вынулъ бумагу. Но прежде, чѣмъ ее взять, Императрица выговорила: «Кто? зачѣмъ продаетъ? Развѣ нельзя поймать, обезоружить?» Вѣрно, и въ самую радостную минуту ея чистая душа не поддавалась сдѣлкѣ съ совѣстью. Обманъ, низость, измѣна возмущали ее. Проведя по глазамъ своей бѣлой красивой рукой, она продолжала: «впрочемъ какъ бы тамъ ни было, порядокъ и покой надо возстановить всѣми дающимися въ руки средствами. Разскажи, Григорій Григорьевичъ, какія это у тебя добрыя надежды на потушеніе возстанія?» — «Извольте прочесть эту бумагу, Ваше Величество», вручая письмо Долгополова, отвѣчалъ Орловъ. Но Государыня ее не взяла. Ласково улыбаясь, она попросила князя сѣсть и самому прочитать бумагу. Внятно, отчетливо, но не громко читалъ Орловъ. Прислонившись къ косяку, сложа руки, стоялъ Захаръ. Екатерина сидѣла

задумчивая, величавая. Она была счастлива, что есть надежда на скорое умиротвореніе востока Россіи. Пронесется туча, вздохнетъ родная Русь. Водворится покой, и ей можно будетъ заняться бытомъ рабочаго люда, оградить его отъ прежняго самоуправства землевладѣльцевъ и заводчиковъ. Но при этомъ все-же измѣна была ей противна, и она гадливо смотрѣла на листъ, въ которомъ, среди хитросплетенныхъ выраженій раскаянія, угрызеній совѣсти, вѣрноподданническихъ чувствъ, такъ и мелькали цифры,—цѣна предательства, плата за измѣну другу-пріятелю, товарищу недавнихъ грабежей, неистовствъ, разбоевъ.

Тяжелое чувство мучило великую монархиню.—«Не торгуйся съ ними», заговорила она: «плати, что просятъ, лишь бы спасти государство. Прикажи дать прогоны и на дорогу отпустить все, что просятъ. Торопи тамъ всѣхъ, чтобы опять какъ нибудь чего не промедлили, не пропустили случая, не прозѣвали!» Орловъ хотѣлъ представить Государынѣ Долгополова.—«Увѣрь его въ своемъ прощеніи, всемилостивѣйшая! Обнадежь для вѣрности, чтобы соучастникамъ своимъ было ему что передать.»—«Онъ измѣнникъ. Онъ продаетъ друга, начальника», задумчиво твердила Екатерина: «ну, да Богъ съ нимъ!—чего не сдѣлаешь, чтобы только, наконецъ, дожить до усмиренія, забвенія страданій. Зови его въ кабинетъ!» Орловъ ушелъ. Императрица двинулась за нимъ. Захаръ въ умиленіи нагнулся, чтобы на ходу поцѣловать царственную руку, и проговорилъ:—«Крѣпись, Матушка Самодержавная! для своей Расеи ты все это терпишь!»

При видѣ Государыни, Долгополовъ бухнулся на колѣни, крестясь и бормоча невнятныя рѣчи, но она

приказала ему встать, даже допустила къ рукѣ. Потомъ разспрашивала о подробностяхъ возмущенія, о бытѣ яицкихъ казаковъ, осторожно коснулась злоупотребленій, возбудившихъ движеніе, и не могла не улыбнуться, когда мошенникъ, съ наивной хитрецой, переплеталъ въ своей рѣчи правду съ выдумками.

Ему дали отдохнуть съ дороги, потомъ вернули въ Петербургъ и сдали на руки капитану л. гв. преображенскаго полка Галахову, которому вручили и назначенную сумму для уплаты за доставленіе Пугачева, живого или мертваго, и тѣхъ расходовъ, которые могутъ встрѣтиться на дорогѣ.—Маршрутъ былъ назначенъ черезъ Москву, въ Муромъ, прямо къ гр. Петру Ивановичу Панину. Письменно Орловъ передавалъ всю исторію о предложеніи Долгополова съ товарищами. Отъ имени Императрицы настаивалъ, чтобы все было выполнено точно и скоро.

Но прошло еще довольно времени, пока волненіе начало успокоиваться; много душъ еще успѣлъ загубить Пугачевъ, прежде чѣмъ одолѣли его регулярныя войска, прежде чѣмъ удалось его товарищамъ-измѣнникамъ выполнить планъ Долгополова... На помощь къ Петру Потемкину, Голицыну, Михельсону, въ распоряженіе Панина, явился изъ дѣйствующей арміи герой турецкой войны,—Суворовъ. Всѣ травили Пугачева, какъ хищнаго звѣря, но, конечно, на основаніи историческихъ данныхъ, честь пораженія принадлежитъ отряду Михельсона, который нанесъ послѣдній, рѣшительный ударъ разбойническимъ полчищамъ, 24 августа, за Сарептой, у Сальникова завода. Обѣ силы выстроились въ правильномъ боевомъ порядкѣ, но бунтари не выдержали храбраго натиска регулярныхъ войскъ. Потухла ихъ вѣра въ непобѣдимую

силу Пугачева. Пропала охота дожидаться исполненія всѣхъ его блестящихъ посуловъ. Дрогнули хищники, побросали орудія, награбленныя сокровища, все чужое добро и бросились въ разсыпную, удирая, куда глаза глядятъ.

Чуть не первымъ съ поля битвы умчался самъ Емельянъ Пугачевъ, спасаясь за Волгу съ малымъ отрядомъ человѣкъ въ 400. Но и тѣ, переправясь на луговой берегъ, стали мало-по-малу отставать отъ самозванца. Все сильнѣе разросталось недовѣріе, пробиралъ страхъ за жизнь, сталъ подниматься призракъ наказанія, расплаты за совершенное зло.—«Идемъ, братцы, внизъ по Волгѣ, а тамъ, набравши жито, проберемся къ братьямъ-запорожцамъ!» заговорилъ Пугачевъ. Ему въ отвѣтъ былъ уже рѣзкій отказъ: чувство самосохраненія не допускало новыхъ поисковъ невѣрнаго счастья.—«Мы въ Узени хотимъ пробраться, тамъ вѣрнѣе», твердо стали повторять въ толпѣ; слышалась сила, чувствовалась воля; приходилось уступить: поддался Пугачевъ,—пошелъ туда, куда вели его, куда злой рокъ толкалъ на гибель.

Положеніе маленькаго отряда было ужасно. Бывало,—дни цѣлые проходили, а пищи негдѣ было достать. Надвигалась осень, дороги непроѣздныя, ночи холодныя; росло недовольство, нужда вызывала и страхъ, и раскаяніе.—«Ну, ваша воля», сказалъ онъ покорно и пошелъ за толпою. Она все рѣдѣла. Все настойчивѣе сталъ распространяться слухъ о милосердіи Матушки-Царицы; говорили даже, что она повелѣла прощать всѣхъ, кромѣ главаря.—«Какъ бы съ нимъ-то покончить?» мелькало въ умахъ самыхъ рѣшительныхъ. Кое-кто, кое съ кѣмъ перекинулись смѣлымъ словечкомъ.—«Теперь ужъ видать, что не

Царь-же онъ!» осторожно сообщали другъ другу. «Донскіе-жъ казаки признали намеднясь въ немъ своего,—слыхать, здоровались, называя «Емельяномъ Ивановичемъ Пугачевымъ».—«Ну, а если взаправду онъ бѣглый казакъ, то порѣшить съ нимъ, связать!»—«А какъ онъ не дастся?»—«Кто-жъ сразу сдастся! Надо по-ловкому, умненько!»—«За то-же и денежки хорошія посулили».

Кое-какъ доплелись до Узеней и расположились на ночлегъ,—на послѣдній. Подъ утро, закусивъ чѣмъ попало, Пугачевъ подошелъ къ своей осѣдланной лошади. Кругомъ, точно ненарокомъ, его обступили сговорившіеся между собою единомышленники и все тѣснѣе стали надвигаться.—«Иванъ, теперь пора», сказалъ Федулинъ казаку Бурнову, «что задумали-то, затѣвай!» и взялся самъ за саблю самозванца. Иванъ схватилъ Пугачева за обѣ руки. Онъ струсилъ.—«И что такое? что выдумали? На кого вы руки-то подняли?» говорилъ онъ, заикаясь.—«А вотъ что!» уже расхрабрившись, закричали казаки: «ты отдай намъ свою шашку, ножикъ и пистоли. Мы не хотимъ тебѣ долѣе служить. Не хотимъ злодѣйствовать. Довольно и такъ изъ-за тебя прогнѣвали мы Бога и Матушку милостивую, нашу Государыню! Много крови человѣческой пролили! Лишились сами родителевъ и семей, роду-племени у насъ уже нѣтъ!»—«Не злодѣйствуйте надо мной, ребятушки», заговорилъ примирительно разбойникъ. «Меня погубите и сами не воскреснете. Пойдемъ лучше къ Каспію, тамъ можно орды возмутить!»—«Довольно намъ народъ мутить! Не хотимъ мы болѣе кровь проливать. Повеземъ тебя въ Яикъ. Тамъ разсудятъ. Если Государь ты,—распознаютъ. Тамъ и самъ себя и насъ оправишь. Не-то, хотя всѣмъ намъ

головы снимутъ, только мы теперь тебя не выпустимъ. Полно разорять Расею, кровь проливать безвинную. Сдавайся!»

Его посадили безоружнаго на лошадь, держа ее за поводъ и тѣсно окружили со всѣхъ сторонъ, направляясь въ сторону русскихъ отрядовъ.—Пришлось ночевать на Бударинскомъ форпостѣ, томъ самомъ, съ котораго началась кровавая дѣятельность Пугачева!

Злодѣй пытался нѣсколько разъ обмануть свою стражу, убѣжать на волю, да никакъ не удавалось. Связаннаго его довезли до Кошъ-Яицкаго форпоста и передали на пути сотнику Харчеву. Самозванца сейчасъ забили въ превеликую колодку и подъ конвоемъ, ночью съ 14-го на 15-е сентября, привезли въ Яицкъ-городокъ къ капитану Маврину.—«Что ты за человѣкъ?» спросилъ тотъ.—«Донской казакъ, Емельянъ Ивановичъ, сынъ Пугачевъ. Согрѣшилъ я, окаянный, передъ Богомъ и передъ Ея Величествомъ. Заслужилъ всѣ тѣ муки, какія на меня возложены будутъ,—снесу я ихъ за мое прегрѣшеніе терпѣливо!»

Смышленый казакъ думалъ этой смиренной рѣчью заслужить облегченіе. Его, для большей безопасности, заковали въ ручныя и ножныя кандалы.

16-го сентября Суворовъ и князь Голицынъ пріѣхали лично убѣдиться, что Пугачевъ, дѣйствительно, пойманъ. По распоряженію высшаго начальства, была сдѣлана желѣзная клѣтка, поставленная на телѣгу; въ нее посадили скованнаго злодѣя. Суворовъ принялъ начальство надъ конвоемъ, и поѣздъ двинулся форсированнымъ маршемъ черезъ Симбирскъ въ Москву, гдѣ преступника судили и казнили 10-го января 1775 года.

Ближайшіе сообщники Пугачева были переловлены,

или сами сдались въ руки правительства. Иныхъ казнили, другихъ наказывали, третьихъ ссылали.—Императрица торопилась окончаніемъ всѣхъ этихъ тяжелыхъ формальностей. Весь свой умъ и добрую волю употребила она, чтобы мѣрами кротости скорѣе и рѣшительнѣе залѣчить ужасныя раны. «Для Бога», писала она въ Москву—главнокомандующему, князю Волконскому, «удержитесь отъ всякаго рода пристрастныхъ допросовъ, всегда затемняющихъ истину».—«Они—не преступники», говорила она въ другомъ письмѣ, «а стадо заблудшихъ овецъ».—Мудрая женщина точно опредѣляла причины возстанія. «Не поднять бы никакому Пугачеву такого возстанія, если бы онъ не опирался на отчаяніе массъ, обезумѣвшихъ отъ насилій и злоупотребленій всякаго рода!»

Въ предупрежденіе неминуемаго голода, Государыня заботливо разрѣшила графу Панину брать для необходимыхъ расходовъ по покупкѣ хлѣба наличныя деньги изъ доходовъ казанской, нижегородской, воронежской, бѣлгородской, слободско-украинской и тобольской губерній. «Прошу васъ», писала она въ своемъ рескриптѣ, «особливое имѣть око и попеченіе о нуждахъ терпящихъ во ввѣренныхъ вамъ мѣстахъ, и если нужду и надобность въ томъ находите, то употребите на униманіе стона и плача разоренныхъ и нужду терпящихъ въ провинціяхъ и уѣздахъ, гнѣвомъ Божіимъ посѣщенныхъ, хотя отъ двухъ до трехъ сотъ тысячъ рублей, въ чемъ я васъ черезъ сіе и уполномочиваю!»

Въ отвѣтъ на донесеніе воронежскаго губернатора о наступающемъ голодѣ, заботливая Мать отечества посылала слѣдующій указъ: «Для доставленія нужду терпящимъ средствъ къ прокормленію, и дабы они не

разсѣялись по другимъ уѣздамъ, дозволяемъ вамъ употребить слѣдующій способъ: въ уѣздныхъ городахъ, состоящихъ посреди нужду претерпѣвающихъ мѣстъ, имѣете вы зачать ровъ около тѣхъ городовъ, за умѣренную денежную или хлѣбную изъ казны плату всякому полу и возрасту людей, ибо кто не можетъ рыть землю, тотъ носить оную будетъ мало или много. Симъ способомъ, буде порядокъ установите, люди отъ побѣга, неистовства и праздности удержаны будутъ, и доставится имъ вспоможеніе въ прокормленіи. Всѣ же таковыя работы должны быть добровольны, отнюдь не нарядомъ, и не съ такою огласкою, чтобы изъ обильныхъ мѣстъ къ вамъ работники стекались».

(Въ указѣ отъ 2 декабря 1774-го года. Архивъ Сената, копія Высочайшаго повелѣнія, кн. № 208).

ИСТОЧНИКИ:

1) *Брикнеръ.* Исторія Екатерины Второй.
2) *Н. Дубровинъ.* Пугачевъ и его сообщники.
3) *Н. А. Полевой.* Исторія Суворова.
4) *В. А. Бильбасовъ.* Историческія монографіи. Т. II.

Борьба креста съ полумѣсяцемъ.

1774—1791 гг.

БЛЕСТЯЩЪ и шуменъ Петергофъ въ іюлѣ 1774-го года. Его основатель можетъ гордиться своимъ чуднымъ твореніемъ. Роскошный паркъ живописно раскинулся по морскому берегу: его широкія, длинныя аллеи манятъ гуляющихъ подъ свою отрадную тѣнь. Куртины пестрѣютъ самыми рѣдкими цвѣтами. Ярко блестятъ раззолоченные купола придворной церкви и золотой двуглавый орелъ на угловой башнѣ, точно паритъ въ голубыхъ небесахъ, надъ весело шумящими безчисленными фонтанами. Окна дворца широко раскрыты въ этотъ жаркій іюльскій вечеръ. Изъ нихъ несутся внизъ, въ гуляющую толпу, дивные звуки придворнаго оркестра. На большой балконъ, съ котораго открывается великолѣпный видъ на море, вышло нарядное, веселое общество. Среди разодѣтыхъ придворныхъ дамъ и кавалеровъ, окруженные всеобщимъ вниманіемъ, стоятъ—его высочество наслѣдникъ рус-

скаго престола и его августѣйшая супруга, великая княгиня Наталія Алексѣевна. Полное довольство, непринужденное веселье царятъ въ жилищѣ русской Самодержицы. Видно, здорова Матушка-Царица и не тревожатъ ея заботливое сердце особенно тяжелыя думы.

Вонъ она тамъ,—въ высокой, пространной комнатѣ, залитой отсвѣтомъ вечерняго солнца. Такъ и блеститъ позолота на мебели и рамахъ многочисленныхъ картинъ.

За карточнымъ столомъ изволитъ сидѣть Государыня съ своимъ неизмѣннымъ, многолѣтнимъ другомъ, Львомъ Александровичемъ Нарышкинымъ. Иванъ Ивановичъ Бецкій и молодой генералъ—адъютантъ Потемкинъ на этотъ разъ играютъ съ Ея Величествомъ. Несмотря на всѣ труды, горести и заботы, лицо русской Императрицы оставалось все еще очень моложаво. Чудные голубые глаза блестѣли умомъ и сильной волей. На лбу не было, часто появлявшейся за послѣднее время, зловѣщей морщины. Она внимательно смотрѣла въ карты, когда, несмотря на музыку и общій говоръ, съ улицы донесся необычный стукъ колесъ. Съ балкона послышались восклицанія и до слуха Государыни долетѣли имена гр. Михаила Петровича Румянцева и князя Гагарина.

У парадной лѣстницы остановилась почтовая тройка. Государыня порывисто встала въ ту минуту, когда раздался докладъ дежурнаго пажа, что прибыли курьеры изъ Кучукъ-Кайнарджи, отъ главнокомандующаго русскою арміею, графа Петра Александровича Румянцева.—«Воля Вашего Величества исполнена! Миръ заключенъ къ прославленію Вашего счастливаго царствованія!» сказалъ молодой Румянцевъ, падая на

колѣни и подавая письмо своего отца. Государыня набожно перекрестилась. Ея примѣру единодушно послѣдовали ихъ высочества и все блестящее общество. Екатерина взяла драгоцѣнный рапортъ храбраго исполнителя ея великихъ предначертаній и громко прочитала добрую вѣсть объ окончаніи тяжелой войны и заключеніи блестящаго мира съ Оттоманскою Портою. Россія, наконецъ, укрѣплялась на всемъ сѣверномъ побережьи Чернаго моря отъ Буга до Кубани. Кромѣ того Турція обязалась выплатить намъ 4 съ половиной милліона военныхъ издержекъ, отказывалась отъ своихъ верховныхъ правъ надъ крымскими татарами, и,—что всего важнѣе,—предоставляла Россіи право заступаться за православныхъ угнетенныхъ подданныхъ Порты. Ихъ императорскія высочества бросились поздравлять свою августѣйшую мать. За ними тѣснились, чуть-что не толкая другъ друга, всѣ гости, торопясь, каждый по своему, выразить и свой восторгъ и свою радость.—«Нашъ побѣдоносный флотъ можетъ теперь плавать по Черному морю!» выпалилъ неудержимый Потемкинъ.—«Великая торжественно шествуетъ по славному пути, указанному предками!» вѣско проговорилъ Бецкій.

— «Прежде всего мы должны Бога поблагодарить, что Онъ, Милосердый, помогаетъ намъ въ борьбѣ креста съ исламомъ!» сказала Императрица и приказала служить благодарственный молебенъ въ придворной церкви. Потомъ, милостиво вспомнивъ о вѣстникахъ великой радости, поздравила гр. Румянцева генералъ-маіоромъ, а князя Гагарина камеръ-юнкеромъ къ своему двору. Счастливые посланцы не помнили себя отъ радости и, конечно, забывая и безсонныя ночи, проведенныя въ почтовой телѣжкѣ, и

всю утомительность долгаго пути, присоединились къ блестящему шествію въ церковь Государыни Императрицы, ихъ высочествъ и всего двора.

Тамъ уже было собрано духовенство Петергофа и Ораніенбаума. Торжественно разносились по парку изъ открытыхъ оконъ радостныя слова церковной пѣсни: «Тебе, Бога, хвалимъ!» Имъ вторили побѣдные залпы артиллеріи, выстроенной около дворца, и отвѣчала пальба со всѣхъ судовъ, стоявшихъ на взморьи, противъ Петергофа. Дворцовый караулъ отъ преображенцевъ вышелъ со знаменемъ и, выстроившись въ саду, подъ галлереей, отдалъ честь, склонивъ свое Петровское знамя передъ своимъ верховнымъ вождемъ, Императрицей Россіи.—Въ залахъ былъ уже накрытъ ужинъ. Гости весело размѣстились по своимъ мѣстамъ, съ увлеченіемъ вторя радостному настроенію августѣйшей хозяйки.—Потемкинъ забылъ всѣ обиды, которыя, по его мнѣнію, онъ вытерпѣлъ отъ Румянцева во время своего пребыванія въ дѣйствующей арміи. Умно, красно разсказывалъ онъ эпизоды изъ недавней кампаніи о чудо-богатырѣ Суворовѣ: какъ тотъ, не спросясь главнокомандующаго, атаковалъ Туртукай, взялъ штурмомъ и, вмѣсто рапорта, послалъ ему лаконическое сообщеніе:

Слава Богу, слава вамъ,
Туртукай взятъ и я тамъ!

Разсказывалъ, какъ, послѣ штурма, русскимъ достались несмѣтныя турецкія сокровища, которыя добродушные солдатики, тутъ же, сейчасъ послѣ благодарственнаго молебна, въ завоеванной крѣпости, пожертвовали на украшеніе походной церкви.—«А мои-то запорожцы пріопоздали къ штурму! Я ихъ все жалѣлъ

да берегъ, а какъ пустилъ,—они и не поспѣли»! грустно вздохнувъ, прибавилъ Григорій Александровичъ.

— «Будемъ надѣяться, что это съ вами приключилось въ первый и послѣдній разъ, ваше превосходительство!» съ чарующей улыбкой вымолвила Императрица.—«Матушка! Царица моя милосердая! пошли опять турку бить!—умру, никогда больше самъ не опоздаю!» воскликнулъ Потемкинъ. Себѣ же подъ носъ проворчалъ: «а солдатика все-жъ пожалѣю, пообожду въ огонь водить!»

— «Что ты, Григорій Александровичъ! дай передохнуть, полно горячиться! Измаялся я совсѣмъ отъ этихъ вашихъ храбрыхъ битвъ!» комично взмолился Л. А. Нарышкинъ.—«Что-о?» протянулъ будущій великолѣпный князь Тавриды. «Какъ? А Византія? А балканскіе славяне?»—«Какое мнѣ дѣло до всѣхъ вашихъ стремленій, я покоя всему міру молю», настаивалъ спорщикъ.—«Ну и спи себѣ покойно, никто не будитъ твою премудрость. Намъ-же лучше; спишь, такъ меньше мелешь, меньше намъ мѣшаешь выполнять завѣты великаго московскаго Государя Іоанна III Васильевича!»

Всѣ насторожились.—«Вотъ и видно, что въ семинаріи обучался, покойниковъ припомнилъ», былъ насмѣшливый отвѣтъ, и Нарышкинъ перекрестился. Потемкинъ закусилъ удила. Онъ сталъ доказывать, что, женясь на греческой царевнѣ, Софіи Палеологъ, присоединивъ двуглаваго орла, гербъ византійскихъ императоровъ, къ своему московскому, св. Георгію Побѣдоносцу, Іоаннъ III тѣмъ самымъ принялъ на себя и своихъ наслѣдниковъ отвѣтственность верховнаго вождя, покровителя несчастныхъ православныхъ, угнетаемыхъ невѣрными на Балканскомъ полуостровѣ.

—«Не такъ-ли, Матушка-Государыня?» обратился рьяный патріотъ прямо къ Императрицѣ.

Внимательно, задумчиво слѣдила Екатерина Алексѣевна за горячей рѣчью своего любимца.—«Безусловно такъ», заговорила она серьезно, вдумчиво. «И здѣсь, въ своей семьѣ, гдѣ нѣтъ иностранныхъ дипломатовъ, я искренно подтверждаю мое стремленіе выполнить историческое призваніе моей Имперіи, тѣмъ болѣе, что защитникомъ и покровителемъ христіанъ на востокѣ всегда признавалъ себя и признаетъ нашъ православный, благочестивый народъ. Охъ! если бы не интриговала Франція, не хитрили Австрія, Пруссія, Англія, какъ легко, беря въ примѣръ великаго Петра и опираясь на стихійную силу моихъ подданныхъ, могла бы я справиться съ имперіей полумѣсяца!» закончила великая Самодержица, вставая и раскланиваясь со своими гостями.

— «Ну, съ тобой-то мы и ихъ скрутимъ, и на своемъ поставимъ!» ворчалъ себѣ подъ носъ молодой генералъ-адъютантъ, покидая царскія палаты. Его чисто-русскій умъ давно ужъ мечталъ объ освобожденіи Византіи, колыбели христіанства на Руси, отъ позорнаго ига ислама. Кромѣ Императрицы, развѣ только онъ одинъ считалъ славный Кучукъ-Кайнарджійскій миръ перемиріемъ, отплатой за Прутъ, но вовсе не послѣднимъ словомъ борьбы креста съ полумѣсяцемъ, православной Россіи съ угнетателями единоплеменныхъ балканскихъ славянъ и единовѣрныхъ грековъ.—Но пока, въ глазахъ Европы, Государыня только подчеркивала свою благодарность храбрымъ героямъ, прославившимъ родное оружіе въ борьбѣ креста съ полумѣсяцемъ.

Когда въ Петербургъ были привезены трофеи,

отнятые у турокъ нашими храбрецами, Государыня изволила отправиться со всѣмъ дворомъ въ Петропавловскій соборъ, присутствовала при торжественной панихидѣ и, по ея окончаніи, сама возложила на гробницу Петра Великаго, основателя русскихъ морскихъ силъ, одинъ изъ флаговъ. отбитыхъ у турокъ, произнеся знаменательныя слова: «Твоя отъ твоихъ тебѣ приношу!»

Потомъ, по примѣру славнаго предшественника, Императрица Екатерина II рѣшила праздновать подвиги нашихъ полководцевъ въ стѣнахъ первопрестольной столицы. Лѣтомъ 1775-го года жители матушки-Москвы бѣлокаменной радостно волновались въ ожиданіи своей августѣйшей хозяйки. Готовились празднества, молебствія, фейерверки, иллюминаціи для достойнаго чествованія героевъ.

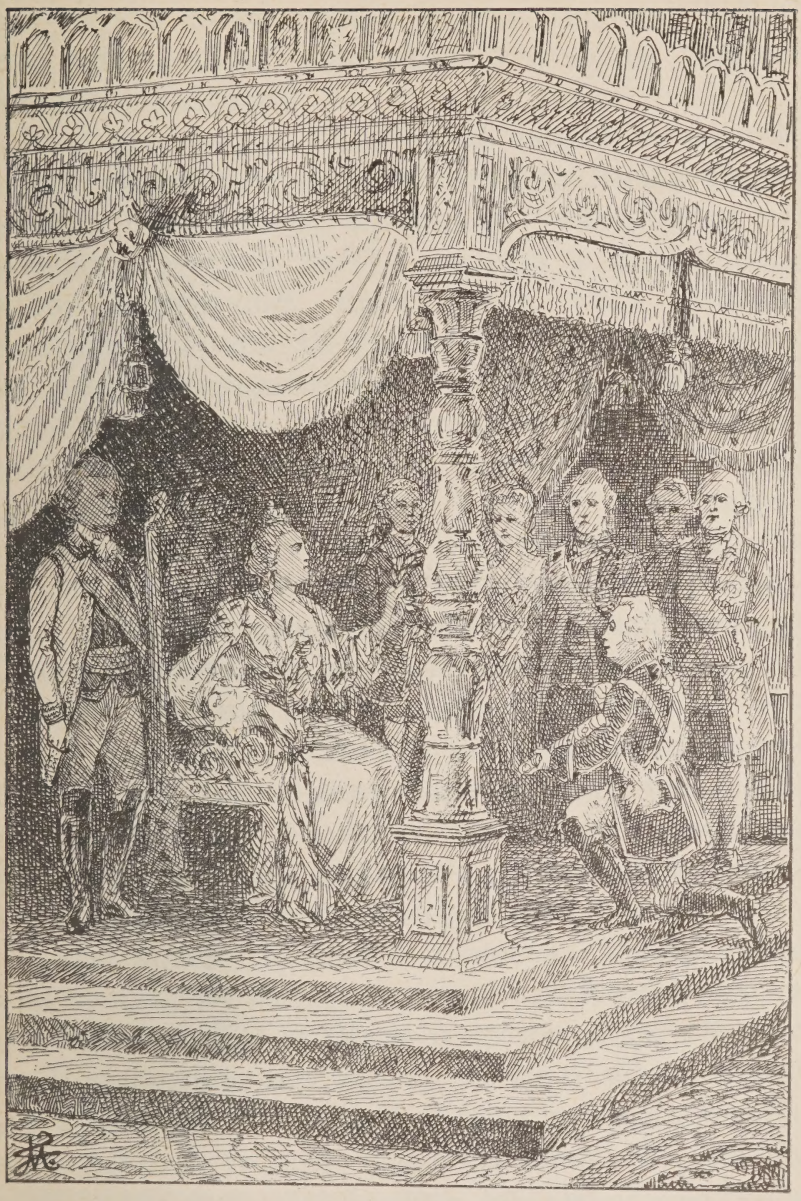
Сколько пережили горя и радостей народныхъ сѣдыя кремлевскія стѣны! Ихъ жгли, разоряли и дикіе татары, и неистовые ляхи. Онѣ же видѣли, какъ, высоко поднявъ двуглаваго орла, Царь Іоаннъ III всенародно—попралъ ногами иго ислама, убивъ татарскихъ пословъ, требовавшихъ обычной русской дани.—При его преемникахъ ширилась, крѣпла родная православная Русь на обломкахъ распадавшихся татарскихъ ордъ. Грозный Царь московскій, Іоаннъ IV, присоединилъ къ своему вѣнцу Казань (1552 г.) и Астрахань (1556 г.). Тогда Москва торжествовала побѣды своего Царя, и современникамъ казалось, что пышнѣе тѣхъ пировъ не могло быть въ поднебесной.

Попытки царевны Софіи исполнить то, къ чему стремились ея предшественники, дѣдъ и отецъ, т. е. пробраться къ южному морю, и тѣмъ избавиться отъ

набѣговъ крымскихъ хановъ, не увѣнчались успѣхомъ. За то ея державный братъ, великій Императоръ, торжественно являлся во главѣ своихъ побѣдоносныхъ полковъ праздновать въ стѣнахъ древняго Кремля взятіе Азова и Полтавскую побѣду. При этомъ онъ приходилъ молиться на могилахъ предковъ, благодаря Царя Царей за помощь и благословеніе свыше своимъ неисчислимымъ трудамъ, предпринятымъ на расширеніе предѣловъ царства къ берегамъ знакомыхъ, необходимыхъ ему, морей.

Въ тотъ же Кремль молиться передъ тѣми же святынями, среди своего набожнаго, православнаго народа, шествовала Матушка-Царица, Екатерина Алексѣевна, окруженная дворомъ, иноземными посланниками и побѣдоносными полководцами. Сюда, въ сердце государства, подобно Петру, пріѣхала Императрица праздновать великія событія своего царствованія. Сгладились въ первопрестольной ужасы опустошительной чумы (1771 г.). Казненъ разбойникъ—Пугачевъ (1775 г.),—виновникъ столькихъ бѣдствій на обширной восточной окраинѣ. Волей-неволей Польша вернула несчастную Бѣлоруссію подъ скипетръ ея прирожденныхъ самодержцевъ (1773). Высоко подняли русскіе побѣдоносные полки православный крестъ надъ бурными волнами Чернаго моря. Ликуетъ первопрестольная столица и радостно несется въ поднебесье торжественный звонъ ея безчисленныхъ колоколовъ, сзывая своими гармоничными звуками благочестивый людъ подъ сѣнь старинныхъ храмовъ, молиться и благодарить Бога за Его неисчислимыя милости.

Сама Государыня шествуетъ во всемъ блескѣ своего величія съ Краснаго крыльца въ Успенскій



Государыня собственноручно вѣнчаетъ лавровымъ вѣнкомъ фельдмаршала Румянцева. *(Къ стр. 79).*

соборъ на благодарственное молебствіе. Вожди-герои идутъ за ней преклониться передъ Царемъ Небеснымъ, увѣнчавшимъ ихъ ревность и труды такими блестящими успѣхами.

Послѣ молебна, въ Грановитой палатѣ, съ высоты престола посыпались щедрыя награды. Имена Задунайскаго, Чесменскаго, Крымскаго увѣковѣчили на страницахъ русской исторіи память о Румянцевѣ, Орловѣ, Долгоруковѣ. Кромѣ того, какъ главнокомандующій, графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ получилъ украшенную драгоцѣнными камнями шпагу, андреевскую ленту и украшенный алмазами фельдмаршальскій жезлъ.—За побѣду при Кагулѣ Государыня собственноручно вѣнчала его лавровымъ вѣнкомъ, а за славный Кучукъ-Кайнарджійскій миръ вручила ему масличную вѣтвь, осыпанную алмазами. Суворовъ, кромѣ орденовъ, получилъ шпагу, осыпанную брилліантами. Всѣмъ были розданы по заслугамъ большія суммы денегъ и богатыя помѣстья. Блестящія иллюминаціи, фейерверки, народныя гулянья, придворные балы и охоты продолжались безпрерывно во время пребыванія двора въ первопрестольной, къ великому удовольствію благодушныхъ, жизнерадостныхъ москвичей.

Среди этихъ торжествъ и веселья, Императрица ни на минуту не забывала государственныхъ задачъ своей любимой Россіи. Миръ сопровождался громкой славой и принесъ всю пользу, которую только можно было купить цѣною русской крови и русскихъ денегъ, уложенныхъ въ первую турецкую войну. Но все же это не могло быть послѣднимъ нашимъ словомъ на югѣ. Правый берегъ Днѣпра, кромѣ Кіева, принадлежалъ еще Польшѣ. Между Прутомъ, Дономъ, Дон-

цомъ и Волгой до самого Каспійскаго моря кочевали нагайцы, буджакскіе и крымскіе татары,—остатки когда-то страшныхъ для Россіи, ненавистныхъ ордъ. —«Матушка, Ваше Величество, татарскій Крымъ-все равно, что бородавка у насъ на носу», ворчливо говаривалъ Григорій Александровичъ Потемкинъ,

«Рѣшитель дѣлъ въ войнѣ и мирѣ,
Могучъ, хотя и не въ порфирѣ».

Онъ былъ геніальнымъ сподвижникомъ великой Монархини! Съ властью почти полноправнаго правителя на югѣ Россіи—отъ самой Астрахани и до польскихъ границъ,—онъ стремился осуществить обширные планы Екатерины. Заселилъ пустынныя степи и тѣмъ прекратилъ татарскія перекочевыванія. Укрѣпилъ границы, построивъ рядъ редутовъ на Дону; отъ Тамани стали одинъ за другимъ воздвигаться города и крѣпости: Ставрополь, Александровскъ, Георгіевскъ, Екатеринодаръ. Суворовъ грозилъ нагайцамъ, П. С. Потемкинъ сторожилъ турокъ на Кубани, а графъ де Бальменъ наблюдалъ за спокойствіемъ крымскаго ханства.

Дальновидные, неутомимые труженики,—Екатерина и Потемкинъ,—понимали, что для достиженія ихъ славныхъ цѣлей имъ нуженъ союзъ съ Австріей. Но какъ много надо положить ума, усилій, ловкости, чтобы его осуществить! Христіанская Европа не допускала и мысли о такомъ сближеніи. Ей удобнѣе видѣть на Черномъ морѣ флотъ мусульманской Турціи, чѣмъ православной Россіи. Дипломаты Франціи, Англіи, Пруссіи, Голландіи напрягали всѣ силы своихъ изворотливыхъ умовъ, чтобы мѣшать сближенію, раздражая и безъ того сильную личную непріязнь двухъ Императрицъ: Маріи Терезіи и Екатерины. На счастье, въ

самомъ сердцѣ вѣнскаго двора, на австрійскомъ же престолѣ царила другая молодая сила. Отзывчивый на все хорошее, сынъ и соправитель Маріи Терезіи, молодой императоръ Іосифъ II не выносилъ владычества турокъ на Балканскомъ полуостровѣ. Онъ горячо сочувствовалъ русской политикѣ, расчитывая, въ случаѣ успѣха, оттянуть, по дружбѣ, лакомый кусокъ и на свою долю. Онъ не хотѣлъ, въ угоду Екатеринѣ, считаться съ нею даже за ея вмѣшательство въ германскія дѣла, когда, несмотря на свою нелюбовь къ Фридриху, Государыня поддержала его законные протесты противъ домогательства Австріи въ баварскомъ наслѣдствѣ.

Іосифа тянуло лично познакомиться съ Россіей и съ Императрицей. Вопреки волѣ своей царственной матери, онъ отвѣтилъ радостнымъ согласіемъ на приглашеніе изъ Петербурга, прибыть для переговоровъ, соглашеній на счетъ общихъ интересовъ на югѣ въ борьбѣ Креста съ полумѣсяцемъ.

Надъ историческимъ Днѣпромъ, на древнемъ славянскомъ пути «изъ варягъ въ греки», въ Могилевѣ, маленькомъ городкѣ бѣлорусскаго намѣстничества, встрѣтились весною 1780-го года одномыслящіе вѣнценосцы.—Носители идеальныхъ стремленій къ мирному счастью чуть-ли не всего міра, они вполнѣ сошлись въ своей нелюбви къ изворотливому королю прусскому и мусульманскому владыкѣ христіанской Византіи. Тутъ, въ отвоеванной Бѣлоруссіи, Екатерина могла свободно говорить съ своимъ царственнымъ гостемъ объ ихъ общихъ заботахъ, обоюдныхъ надеждахъ на совмѣстную борьбу съ исламомъ. Изъ Могилева, императоръ, подъ именемъ графа Фалькенштейна, по просьбѣ Государыни, проѣхалъ черезъ

Смоленскъ въ Москву и въ Царское Село, гдѣ продолжались задушевныя бесѣды царственныхъ друзей и было положено прочное основаніе твердой, обоюдновыгодной дружбѣ, прекратившейся только со смертію Іосифа II-го.

Окрыленный новой силой, новыми надеждами, польщенный вниманіемъ высокаго гостя, сильный довѣріемъ Матушки-Царицы, новороссійскій генералъ-губернаторъ, Григорій Александровичъ Потемкинъ, сталъ прокладывать дорогу къ осуществленію своей завѣтной мечты: безраздѣльнаго присоединенія Крыма къ Россіи, образованія вновь независимой Византійской имперіи и дѣлежа остальной Турціи между Россіей и Австріей. Подъ его творческой рукой оживились плодородныя новороссійскія степи. Массы переселенцевъ изъ Россіи стали направляться въ этотъ благословенный край. Выростали одинъ за другимъ многолюдные города: Екатеринославль, Николаевъ, Херсонъ, гдѣ можно было устроить верфь для постройки черноморскаго флота. Рабочія силы шли къ свѣтлѣйшему изъ Воронежа и Бѣлоруссіи. Лѣсъ привозили изъ Польши, желѣзо доставляла Сибирь съ Демидовскихъ заводовъ, основанныхъ, по волѣ и мысли Великаго Петра, его любимцемъ, тульскимъ крестьяниномъ-оружейникомъ Никитой Демидовымъ.

Работы кипѣли съ сказочной быстротой. Потемкинъ творилъ, какъ настоящій добрый духъ благодатнаго юга. Города поднимались въ степи, морскія суда всѣхъ формъ и наименованій строились на верфи. Силы Россіи крѣпли на пространствахъ, уступленныхъ ей по Кучукъ-Кайнарджійскому миру. Ближайшее будущее доказало, насколько полезна была геніальная дальновидность Григорія Александровича.

Турки не мирились съ своимъ безвластіемъ надъ крымскими татарами. Они сѣяли среди нихъ постоянные раздоры. Приверженцу Россіи, Шагинъ-Гирею приходилось укрываться въ русской Керчи отъ своего соперника, взбунтовавшагося Давлетъ-Гирея, преданнаго султану. Эта междоусобица дала поводъ туркамъ занять Тамань и вторгнуться въ предѣлы Крыма. Но Потемкинъ и его сподвижники не дремали. Суворовъ въ одинъ мигъ справился съ нагайцами, буджакскими татарами. П. С. Потемкинъ отбросилъ турокъ за Кубань, а графъ де-Бальменъ вошелъ въ Крымъ, водворяя тишину и порядокъ. Едва готовая азовская флотилія встала въ Ахтіарской *) гавани, обезпечивая этимъ возведеніе необходимыхъ береговыхъ укрѣпленій... Недоставало только послѣдняго шага— присоединить весь Крымъ къ Россіи, но именно этого и нельзя было сдѣлать, не заручившись содѣйствіемъ Австріи. Потемкинъ съ большими усиліями преодолѣлъ это препятствіе. Императора очень увлекала мысль подѣлить Турцію между Австріей и Россіей. Онъ оставался вѣренъ своей дружбѣ съ сѣверной Монархиней и преодолѣлъ всѣ затрудненія, которыя создавала политика вѣнскаго двора, въ цѣляхъ отвлеченія его отъ симпатичнаго ему союза. Секретный договоръ былъ заключенъ, и обѣ стороны обѣщались честно помогать другъ другу въ борьбѣ съ врагами христіанства. Руки были развязаны и Потемкинъ тотчасъ вступилъ въ переговоры съ миролюбивымъ Шагинъ-Гиреемъ и съ крымскими и кубанскимъ мурзами. Гдѣ увѣщаніями и обѣщаніями, гдѣ угрозой, а гдѣ и подкупомъ дѣйствовалъ свѣтлѣйшій. Вездѣ онъ

*) Теперь Севастополь.

поступалъ умно, тактично, горячо желая славы, счастья, богатства родинѣ святой и ея самодержавной Царицѣ. Безъ кровопролитія, мирно, мудро совершилось славное дѣло. Тѣни православныхъ великихъ князей кіевскихъ и царей московскихъ, съ высоты небесъ, могли радостно благословлять великую Екатерину и ея доблестныхъ сподвижниковъ: Потемкина, Румянцева, Суворова, Орлова, Репнина, Самойлова, совершившихъ то, къ чему вѣками стремилась Россія,—торжеству православія надъ магометанствомъ.

«Хвала тебѣ, достойный князь Тавриды,
Россія оцѣнить тебя должна!»

Такъ начинались стихи, которые вѣнценосная писательница сочинила въ честь своего славнаго подданнаго.

8-го апрѣля 1783-го года Высочайшій манифестъ извѣстилъ изъ конца въ конецъ всю православную Русь, что для ея спокойствія, дорожа миромъ съ Турціей и желая положить конецъ вѣчнымъ волненіямъ татаръ на южной нашей границѣ, Императрица присоединила навсегда къ своей державѣ Крымъ, Тамань и все кубанское пространство.

Ударъ для Отоманской Порты былъ ужасенъ! «Къ оружію!» громогласно взывали правовѣрные, ожесточенные дервиши, съ высоты своихъ минаретовъ. «Къ оружію!» твердили ядовитымъ шепотомъ иностранные совѣтники турецкихъ министровъ. «Вамъ грозитъ бѣда съ востока. Надъ Крымомъ ужъ засіяло знаменіе Креста. Еще шагъ, еще годъ, и вы сами погибнете, васъ самихъ заполонитъ православная сосѣдка!» Но и Потемкинъ не дремалъ. Геніальный ученикъ Екатерины далъ самыя точныя указанія нашему послу въ Константинополѣ. Искусно лавируя между своими

европейскими собратіями—врагами, умный Я. И. Булгаковъ увѣрилъ Европу въ полномъ миролюбіи своей Государыни и постарался искусно предложить очень выгодный торговый договоръ. Послѣдній представлялъ гораздо болѣе осязательныхъ преимуществъ, чѣмъ главенство надъ крымскими бунтарями; къ тому же вѣнскій дворъ далъ почувствовать, довольно вѣско, свой союзъ съ Россіей. Все вмѣстѣ взятое поуспокоило умы. Чутко напрягая и слухъ и зрѣніе, европейскіе дипломаты должны были однако попритихнуть хоть на время и дать передохнуть своимъ союзникамъ, друзьямъ—магометанамъ. Не успокоился только одинъ Потемкинъ да честные его сотрудники въ дѣлѣ возрожденія изъ небытія къ славѣ новопріобрѣтенныхъ богатыхъ областей.

Къ стыду нашихъ же русскихъ вельможъ-временщиковъ, не успокоилась и среди нихъ злая крамола, зависть, наговоры. Съ пѣной у рта враги Потемкина твердили Государынѣ о лѣни. нерадѣніи, чуть ли не бездарности ея ученика. То шуткой, то презрительнымъ молчаніемъ отвѣчалъ свѣтлѣйшій на незаслуженныя нареканія. Ему ли стѣсняться доносами, пока милостиво и довѣрчиво смотритъ на его труды Матушка-Царица?

И вдругъ,—о ужасъ!—однажды на челѣ Монархини, при встрѣчѣ съ Потемкинымъ, появилась зловѣщая складка, въ глазахъ блеснула не то строгость, не то подозрѣніе. Это случилось въ одинъ изъ пріѣздовъ князя въ Петербургъ. Во время его воодушевленнаго доклада о какомъ-то новомъ улучшеніи. на благо ввѣреннаго ему края, Государыня сказала уклончиво: «Это мы рѣшимъ, когда сами осмотримъ!»— Какъ молнія, мелькнуло въ мысляхъ князя, что кле-

вета добилась своего: Великая ему не довѣряетъ!— «Съ какимъ восторгомъ, край, обязанный Вашему Величеству своимъ существованіемъ, узритъ у себя свою обожаемую владычицу!» былъ порывистый, искренній отвѣтъ искреннѣйшаго работника на мирную славу Россіи и Екатерины. Государыня, видимо, обрадовалась задушевности отвѣта и порѣшила, списавшись съ вѣнценоснымъ другомъ, императоромъ австрійскимъ, вмѣстѣ осмотрѣть свое маленькое хозяйство въ Новороссіи *).

Прошли еще два года, и въ январѣ 1787-го года исполнилось желаніе Императрицы. При колокольномъ звонѣ, пушечной пальбѣ и неумолкаемыхъ кликахъ народа, запружавшаго улицы, тронулась въ путь Сѣверная Царица отъ хладныхъ невскихъ льдовъ на югъ, къ пламенной Колхидѣ.—«Счастливый путь, Матушка-Царица!» кричала толпа, крестя дорожный экипажъ.—«Да здравствуетъ Государыня!» слышалось въ другомъ концѣ.—«Матушка-Царица свѣтлая, вернись скорѣе!» раскатисто неслось въ слѣдъ. Вся радостная, ободряемая любовью народною, привѣтливо кланяясь и улыбаясь, ѣхала Екатерина.

Тамъ, гдѣ въ древности, то въ утлыхъ ладьяхъ, то на легкихъ лыжахъ или выносливыхъ лошадкахъ, пробирались съ мечомъ на сторожѣ отважные западные купцы, то воюя, то дружа съ полудикими славянскими племенами, шествовала теперь, при свѣтѣ пылающихъ костровъ и фейерверковъ, въ раззолоченныхъ каретахъ, самодержавная Императрица, окруженная блестящимъ дворомъ, посланниками всѣхъ европейскихъ государей и безчисленнымъ восторжен-

*) Собственное выраженіе Императрицы Екатерины II.

нымъ народомъ.—«Оставимъ астрономамъ доказывать, что земля около солнца обращается, наше солнце вокругъ насъ ходитъ, оно грѣетъ и освѣщаетъ насъ!» воскликнулъ могилевскій архіепископъ Георгій Конисскій, встрѣчая Государыню въ Мстиславлѣ.

Въ Кіевѣ, когда настала оттепель, двинулись внизъ водою.

Покрылся бурный Днѣпръ ладьями,
Въ брегахъ крутыхъ взревѣлъ
И подъ отважными рулями,
Напѣнясь, закипѣлъ.

Но не воинственные крики удалыхъ Олеговыхъ борцовъ, да и не заунывныя пѣсни мирныхъ полянъ несутся надъ волнами сѣдого Днѣпра. Съ раззолоченныхъ, разукрашенныхъ галеръ, на которыхъ плыветъ великолѣпная Царица Сѣвера, несутся стройные звуки прекрасныхъ оркестровъ, исполняющихъ произведенія европейскихъ знаменитостей. Гребцы поютъ веселыя пѣсни запорожскихъ казаковъ, а южная природа блещетъ по живописнымъ берегамъ всѣми яркими красками своей разнородной и богатой растительности. Съ роскошныхъ пастбищъ доносятся звуки пастушеской свирѣли и видны многочисленныя стада овецъ или табуны лошадей. Многолюдныя деревни смѣняются барскими усадьбами, плодородными полями, вѣковыми лѣсами. То опять тянутся безбрежныя долины и по нимъ носятся, споря съ вихремъ, новые кавалерійскіе полки, маневрируя передъ своей Матушкой-Царицей. Между ними видны и калмыки въ ихъ національныхъ костюмахъ, вымолившіе счастье сопровождать свою новую повелительницу.

Въ Каневѣ Императрицу привѣтствовалъ ея вѣнценосный ставленникъ, польскій король Станиславъ

Понятовскій. Близъ Херсона ждалъ пріѣхавшій изъ Вѣны императоръ Іосифъ II, подъ именемъ графа Фалькенштейна. Высочайшіе друзья-союзники продолжали вмѣстѣ путь въ Крымъ, черезъ Херсонъ, гдѣ при нихъ спустили на воду 2-линейный корабль въ 66 пушекъ и фрегатъ, вооруженный 40 пушками. — Такъ торжественно положено было основаніе русской силѣ, русской славѣ и гордости,—черноморскому флоту. Наши красавцы-корабли росли и множились на тѣхъ водахъ, гдѣ въ X вѣкѣ

Сѣдой Олегъ шумящей птицей
Въ Эвксинъ черезъ Лиманъ,

устремлялся на страхъ Императора Леона и перепуганныхъ жителей его столицы.

Показывая царственнымъ путешественникамъ остатки древнихъ строеній Херсона, Потемкинъ умышленно подвелъ августѣйшихъ путешественниковъ къ сохранившимся еще стариннымъ воротамъ, на которыхъ была греческая надпись: «Отсюда надлежитъ ѣхать въ Византію».—«Ваше Императорское Величество, путь открытъ—недостаетъ только Вашего разрѣшенія», проговорилъ свѣтлѣйшій. Вѣнценосные друзья переглянулись съ улыбкой: одно христіанское чувство оживляло ихъ честныя сердца, но осторожность предписывала дипломатическое молчаніе.

Изъ Херсона, черезъ Перекопъ, высокіе путешественники поѣхали въ Крымъ. Для ночлега имъ раскидывали роскошныя палатки, точно настоящіе дома. Донскіе казаки въ своихъ живописныхъ мундирахъ, татары въ національныхъ нарядахъ—скакали и маневрировали вокругъ колясокъ, придавая еще большую прелесть и безъ того чарующей природѣ. Бахчисарай

Потемкинъ показываетъ Русской Матушкѣ-Царицѣ и австрійскому императору старинныя ворота съ надписью: «Путь въ Византію».

(Къ стр. 88).

съ его ханскимъ дворцомъ и азіатской роскошью былъ волшебно хорошъ. Императрица остановила свое вниманіе на арабской надписи вокругъ стѣнъ одного изъ залъ: «Что ни говори клеветники и завистники,—ни въ Испагани, ни въ Дамаскѣ, ни въ Стамбулѣ не найти подобной красоты». Съ этимъ соглашались и всѣ изысканные европейцы изъ свиты Ихъ Величествъ.

Представители современной роскоши, изящнѣйшіе носители западной культуры, избалованные произведеніями всемірнаго искуства, они съ восторгомъ преклонялись передъ чарующей красотой Божьяго творенія. Изъ Бахчисарая ѣздили въ Инкерманъ, гдѣ въ только что отстроенномъ дворцѣ, во время обѣда, вдругъ отдернули занавѣсь, закрывавшую видъ съ балкона, и глазамъ восхищенныхъ гостей представилась освѣщенная яркимъ солнышкомъ Севастопольская гавань, съ десятками большихъ и малыхъ кораблей. Въ ту жъ минуту эскадра салютовала своей Императрицѣ, самодержавной Царицѣ всей Россіи отъ Бѣлаго моря вплоть до Чернаго. Вся сіяющая, съ огненнымъ взглядомъ, встала Великая Екатерина и подняла бокалъ за здоровье «своего лучшаго друга». Молодой австрійскій монархъ на этотъ разъ, пожалуй, подъ впечатлѣніемъ чарующей картины, совершенно искренно отвѣтилъ на привѣтъ Ея Величества. Осматривать Севастополь и флотъ отправились въ золотой шлюпкѣ, скопированной съ султанской, и изготовленной въ Константинополѣ.

Очевидецъ Чертковъ пишетъ: «Богъ одинъ знаетъ, что тамъ за чудеса мы увидѣли. Строенія, войска, людство, нарядная татарва, казаки, корабли. И все это воздвигнуто въ самое короткое время послѣ завоеванія, да еще въ 2000 верстахъ отъ центра управ-

ленія. Ходишь, какъ во снѣ! самъ себѣ не вѣришь! Спрашиваешь: не мечта ли все это? не привидѣніе ли вижу? Надо сказать правду,—ему, ему только одному, чародѣю Потемкину можно такія дѣла дѣлать».

— «Это, дѣйствительно, подвигъ геніальной дѣятельности», сознавалась Императрица, отдавая полную справедливость умнѣйшему администратору, среди своихъ способныхъ сотрудниковъ. Великъ же былъ Потемкинъ и остается вѣчно великимъ на страницахъ родной исторіи потому, что онъ былъ искренно русскій православный человѣкъ. Онъ жилъ, работалъ, создавалъ только для своей любимый родины. Онъ не задавался никакими общечеловѣческими вопросами. Наоборотъ, онъ объединялъ, пріурочивалъ міровые вопросы къ благу Россіи. Магометанская Турція, конечно,—аномалія въ христіанской Европѣ. Австрія всѣхъ болѣе, какъ сосѣдка, заинтересована въ этомъ вопросѣ, и вотъ, во время всего путешествія Императрицы, свѣтлѣйшій напрягалъ всѣ свои усилія, чтобы очаровать, привлечь, закрѣпить дружбу обоихъ Величествъ.

Послѣ смотра и морскихъ маневровъ, Императрица, графъ Фалькенштейнъ и обѣ свиты расположились на ночлегъ въ Инкерманѣ. Ея Величество проснулась, по обычаю, съ солнышкомъ, чтобы на свободѣ полюбоваться своей бухтой, своимъ моремъ, своимъ флотомъ. Картина была, дѣйствительно, великолѣпная: въ одномъ окнѣ виднѣлись—море, бухты, величавые корабли, а въ отдаленіи гористый живописный берегъ. Тихій утренній вѣтерокъ красиво развѣвалъ въ воздухѣ русскіе и австрійскіе флаги.—Въ другомъ, на востокъ, изъ туманной дымки ранняго утра выступалъ маститый Чатырдагъ. «Царь—гора..... Такихъ

Рисунокъ, собственноручно сдѣланный Петромъ Великимъ.

(Къ стр. 91).

съ роду не видывала!» восторженно подумала Императрица. «Истинно—Царь-гора, и она перешла въ мое подданство. Царство Митридата стало русской губерніей. Мой теперь—священный берегъ, къ которому, какъ говорятъ, морскія волны прибили Одиссея. На немъ же плакала и несчастная Ифигенія, дочь Агамемнона, вождя царей! Теперь здѣсь я, преемница перваго русскаго Императора, носительница его священныхъ завѣтовъ!» Она подошла къ письменному столу; тамъ, рядомъ съ табакеркой Петра, лежала старая потемнѣвшая гравюра. «Вотъ рисунокъ, сдѣланный его державной рукой! Не только въ словахъ и письменахъ, но даже въ рисункахъ геніальный Царь запечатлѣлъ свою завѣтную мечту, — побѣду Креста надъ полумѣсяцемъ!» говорила себѣ Екатерина, разглядывая рисунокъ Петра. «Да, свѣтлѣйшій вполнѣ проникнутъ предначертаніями Великаго! Его честная русская душа такъ и рвется къ Византіи! И путь туда онъ подмѣтилъ,—указалъ на надпись. Не интригуй Франція и Голландія, не лукавь Пруссія и Англія, можно было бы этимъ путемъ дойти до Царьграда, справиться съ невѣрными, освободить славянъ и грековъ, вновь утвердить крестъ на теперешней Софійской мечети.—Теперь же приходится выжидать, терпѣть, выносить. Свѣтлѣйшаго же, во всякомъ случаѣ, надо наградить и именно титуломъ Таврическаго! Благодаря ему,—въ мое правленіе возродился черноморскій флотъ,—мечта Великаго Петра. Онъ понялъ его мысль и безъ кровопролитій, безъ грома пушекъ, человѣческихъ жертвъ, силой своего ума и воли, присоединилъ къ Россіи эту чудную жемчужину, великолѣпную Тавриду. Пусть же онъ носитъ славное имя—князя Тавриды!»

Стукъ въ дверь вѣрнаго Захара прервалъ ея мысли. Надо было готовиться къ отъѣзду. Всегда заботливая, внимательная хозяйка, Екатерина, выпивъ свой утренній кофе, занялась необходимыми распоряженіями. На возвратномъ пути, черезъ Бахчисарай, высокіе путешественники проѣхали въ Симферополь, Карасу-Базаръ до Ѳеодосіи. Въ Кизикерманѣ они разстались. Австрійскій императоръ поѣхалъ домой, а наша Государыня—въ Полтаву. Тамъ, на поляхъ, прославленныхъ побѣдою Петра Великаго, свѣтлѣйшій представилъ Ея Величеству двѣ арміи въ боевомъ порядкѣ. Ихъ маневры были повтореніемъ великаго Полтавскаго боя—побѣды русскихъ надъ шведами. Стоя на высокомъ холмѣ, называемомъ Шведскою могилою, слѣдя внимательно за ходомъ боя, Государыня задумчиво и перекрестясь проговорила: «Одно мгновеніе рѣшаетъ судьбы царствъ!»—

Здѣсь Потемкинъ просилъ позволенія отстать отъ Императорскаго поѣзда. Онъ вернулся въ Тавриду, чтобы своими мирными распоряженіями продолжать развитіе жизненныхъ силъ края, вызваннаго имъ къ такой блестящей дѣятельности. Лучшей его наградой было довѣріе великой Государыни, которое онъ могъ читать въ каждой строчкѣ ея писемъ къ нему. «Мы здѣсь чванимся», писала Екатерина изъ села Коломенскаго», и ѣздою, и Тавридою, и тамошними генералъ-губернаторскими распоряженіями, добрыми безъ конца и во всѣхъ частяхъ»! А изъ Царскаго: «Третьяго дня окончили мы свое шеститысячверстное путешествіе и съ того часа упражняемся въ разсказахъ о прелестномъ положеніи мѣстъ вамъ ввѣренныхъ губерній и областей, о трудахъ, успѣхахъ, радѣніи, усердіи, попеченіи и порядкѣ, Вами устроенныхъ по-

всюду. И такъ, другъ мой, разговоры наши почти непрестанные замыкаютъ въ себѣ либо прямо, либо сбоку, твое имя, либо твою работу».

Пока радовалась Русь православная вмѣстѣ съ своей Матушкой-Царицей, злющая Европа не дремала. Страхъ, что балканскіе славяне, ободренные успѣхами русскихъ на Черномъ морѣ, зашевелятся, что ихъ поддержатъ греки, и Турціи тогда, пожалуй, не сдобровать,—волновалъ до изступленія гордыхъ англичанъ, спѣсивыхъ французовъ и завистливыхъ пруссаковъ. Свѣтлыя торжества добра и мира на чарующихъ берегахъ южнаго Крыма расшевелили всю желчь западныхъ дворовъ. Съ пѣной у рта стали они будить злыя чувства сонныхъ турокъ и, наконецъ, добились своего. Порта расходилась вновь. Собрался диванъ *). Паши судили, рядили промежъ себя. Кричали о разрывѣ съ страшною сосѣдкою, о войнѣ, походѣ прямо въ Крымъ. «Пока онъ въ рукахъ гяуровъ, Оттоманская имперія будетъ походить на домъ безъ дверей, въ который каждую минуту могутъ явиться воры». «Мы должны постоянно ожидать,—вотъ-вотъ явится вновь русскій флотъ въ Босфорѣ!» шумѣли съ перепугу храбрые сыны ислама. Болѣе осторожные, боясь войны, не желая напрасной ссоры, стали уговаривать товарищей поуспокоиться; по крайней мѣрѣ, толкомъ поговорить съ посломъ Россіи.—Булгакова пригласили на конференцію, но, не дожидаясь его объясненій, осыпали жесточайшими упреками за то, что, будто бы, мы стремимся овладѣть ихъ имперіей, что наши консулы въ Яссахъ, Бухарестѣ, Александріи волнуютъ населеніе противъ правительства, его

*) Верховный совѣтъ въ Турціи.

величества—султана, потому—долой ихъ, бунтарей! а вмѣсто нихъ во всѣхъ русскихъ портахъ пусть будутъ приняты турецкіе консулы. И Кучукъ-Кайнарджійскій миръ казался имъ нарушеннымъ, и Крымъ они требовали себѣ, и царя грузинскаго Ираклія, предпочитавшаго покровительство православной Россіи, вновь требовали подъ свою власть. Конечно, Булгаковъ не могъ, какъ вѣрноподданный, ничего такого обѣщать. Его отвѣты были ясны, коротки, тверды. Его арестовали и прямо изъ залы совѣта повлекли въ военную тюрьму, въ Семибашенный замокъ.

Тогда и намъ нельзя было молчать. Отъ имени возмущенной, негодующей Россіи, Императрица приняла вызовъ. Австрійскій императоръ примкнулъ къ ней моментально. Начались обоюдныя приготовленія къ войнѣ. Союзники были полны самыхъ радужныхъ надеждъ, они вѣрили въ успѣхъ своего святаго, праваго дѣла. Турки съ огромными силами подошли къ Кинбурну. Мы были гораздо слабѣе. Въ то же время страшная буря почти уничтожила юный черноморскій флотъ, красу и гордость свѣтлѣйшаго. Баловень счастья растерялся при первой неудачѣ. Его поддерживала великая Царица своими совѣтами, указаніями и ободреніями. Выручилъ храбрецъ Суворовъ. Онъ прискакалъ въ Херсонъ, принялъ начальство и сталъ выжидать непріятельскихъ движеній.

Турки, ободренные тѣмъ, что русскіе лишились своихъ морскихъ силъ, стали, подъ руководствомъ французскихъ инженеровъ, очень энергично и искусно приготовляться къ осадѣ Кинбурна. Они страшно палили въ него съ своихъ кораблей, высадили отборнѣйшія войска на узкой косѣ, а съ другого бока двинули къ тому же мѣсту отчаянныхъ бойцевъ,

Ядро оторвало морду у лошади Суворова; онъ упалъ,—турки на него! (Къ стр. 95).

бѣглыхъ запорожцевъ. Видимо, 30-го сентября, они рѣшили взять приступомъ Кинбурнъ. Русскіе все молчали. Суворовъ покойно слушалъ обѣдню въ походной церкви. И вдругъ, со стѣнъ крѣпости, моментально, разразилась страшная канонада, удальцы-казаки ударили непріятелю въ флангъ, а стойкая русская пѣхота, сжатымъ строемъ выступивъ изъ укрѣпленій, ударила въ штыки. Французскіе офицеры энергично толкали турокъ въ огонь. Фанатичные дервиши, какъ бѣсноватые, метались по рядамъ, призывая къ битвѣ свои полки. По приказанію паши, лодки, подвезшія десантъ, немедленно отплыли отъ берега, такъ что туркамъ не было исхода: побѣдить или умереть приходилось поклонникамъ Магомета. Генералъ Рекъ, раненный, былъ вынесенъ за фронтъ. Наши дрогнули. Суворовъ бросился впередъ съ крикомъ: «Ребята, за мной!» Ядро оторвало морду его лошади; онъ упалъ,— турки на него! Солдаты съ воплемъ—«Братцы, спасайте генерала!»—ринулись впередъ. Мушкетеръ Новиковъ штыкомъ проткнулъ турка, занесшаго-было саблю надъ головой любимаго вождя. Всѣ, окружавшіе Суворова, были убиты. Пуля пробила ему лѣвую руку. Истекая кровью, онъ отошелъ къ крѣпости, приказалъ ординарцу и казацкому уряднику наскоро облить рану морскою водою и перевязать; повернувъ рубашку, онъ надѣлъ ее сухимъ рукавомъ на раненую руку и со словами: «Помогло, помилуй Богъ, помогло!» поспѣшно кинулся снова въ сѣчу. Въ эту минуту 10 эскадроновъ нашей свѣжей конницы врубились въ наступающаго врага и смяли, вырѣзали его чуть не до послѣдняго человѣка. Не помогли французскіе уроки! Русская кавалерія, русскій солдатъ, русская беззавѣтная храбрость, любовь къ родинѣ и

долгу, взяли верхъ и надъ многочисленностью, и надъ искусствомъ учителей. Весь слѣдующій день хоронили убитыхъ. Непріятельскіе трупы бросали въ море. 3-го октября наши побѣдоносные полки выстроились на Кинбурнской косѣ, и при громѣ пушекъ понеслись къ небесамъ горячія моленія и благодаренія христолюбиваго православнаго воинства.

Награждая Суворова за его подвигъ андреевскою звѣздой, Императрица собственноручно написала ему: «Вы заслуживаете ее вѣрою и вѣрностью!»

Нашъ союзникъ Іосифъ II ликовалъ и праздновалъ наши побѣды. Онъ выступилъ въ походъ во главѣ 100.000 арміи, чтобы взять Бѣлградъ, занять Молдавію и Валахію и соединиться съ русскими отрядами.

Императрица ободряла Потемкина, все еще отчаянно хандрившаго изъ-за потери флота, что не мѣшало ему дѣятельно работать надъ созданіемъ новыхъ кораблей, новыхъ морскихъ силъ, и готовиться, чуть ли не противъ воли, подъ давленіемъ обстоятельствъ,—штурмовать Очаковъ. Онъ зналъ, что въ Константинополѣ французскіе офицеры выработали превосходный планъ защиты. Дѣйствительно, храбрые турецкіе паши, во главѣ многочисленныхъ отрядовъ, шли противъ австрійцевъ и нашихъ войскъ, предводимыхъ Румянцевымъ. Отчаянный Гассанъ-Кануданъ паша со ста судами разной величины, при полномъ вооруженіи, поплылъ защищать Очаковъ, разбить нашъ флотъ и овладѣть Крымомъ. Его встрѣтилъ энергичный отпоръ принца Нассау-Зигемъ. Пришлось отступать. Когда осторожные турки хотѣли ночью пробраться мимо Кинбурнской косы, Суворовъ подстерегъ ихъ и изъ 24-хъ-пушечной баттареи, тайно имъ устроенной, открылъ такой убійственный огонь,

На одной изъ батарей сидѣлъ генералъ въ простомъ мундирѣ. *(Къ стр. 97).*

что едва остатки гордаго флота могли спастись. Принцъ докончилъ опустошеніе и выгналъ вражьи силы изъ нашихъ водъ. Но, все-же, Очаковъ не былъ взятъ; а это было такъ необходимо. Врагъ кровопролитій, жалѣя людей, чуть ли не считая грѣхомъ вести ихъ подъ пули, свѣтлѣйшій медлилъ, возводилъ укрѣпленія, размѣщалъ полки, а въ бой вступать не рѣшался. Государыня волновалась, ободряла его, писала трогательныя письма, умные давала совѣты. Враги торжествовали, взводили на него небылицы, чуть ли не обвиняли въ трусости. Союзники-иностранцы, гостившіе въ его лагерѣ, разсылали по Европѣ самыя невѣроятныя, дикія новости. Друзья,—и тѣ теряли терпѣніе. Онъ все сидѣлъ сиднемъ, точно богатырь нашихъ былинъ, Илья Муромецъ, не двигаясь съ мѣста. Турки дѣлали вылазки. Наши ихъ удачно отбивали. Суворовъ и русскіе солдаты выказывали чудеса храбрости. Потемкинъ даже сердился, жалѣя солдатъ, мечтая о безкровномъ покореніи твердыни. Крестъ и луна долго стояли другъ противъ друга. Наконецъ, русскіе морозы сдвинули съ мѣста свѣтлѣйшаго. 6-го декабря 1788-го года, въ праздникъ Святого Николая Чудотворца начался приступъ. Турки сопротивлялись упорно, отчаянно. Но что можетъ удержать побѣдоноснаго русскаго солдата? Битва была ужасная, кровь лилась ручьями и застывала отъ мороза. Люди побросали лѣстницы и, опираясь на штыки, подсаживая другъ друга, лѣзли на стѣны подъ смертельнымъ градомъ непріятельскихъ пуль.

На одной изъ батарей, вблизи мѣста сраженія, сидѣлъ генералъ, въ простомъ мундирѣ, съ одной только звѣздой на груди. До боли грустными глазами смотрѣлъ онъ то на небо, то на людскую борьбу.

Тревожное ожиданіе читалось на его прекрасномъ блѣдномъ лицѣ. Ядра, свистя, летали вокругъ; то тутъ, то тамъ лопались гранаты, взрывая землю и осыпая его клубами пыли. Онъ не шелохнулся.— Вдругъ взоръ его сверкнулъ, приковываясь къ одному пункту. Русскіе мундиры показались на городскихъ валахъ. Онъ привсталъ. «Господи! Господи, помоги!» Въ отвѣтъ ему, могучее родное «ура» раскатилось въ поднебесьи, заглушая грохотъ пушекъ, ревъ и стоны битвы. «Тебе, Бога, хвалимъ!» громкимъ голосомъ воскликнулъ генералъ, истово осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ и поднимаясь во весь свой богатырскій ростъ. То былъ самъ свѣтлѣйшій князь Потемкинъ-Таврическій.

Дѣло сдѣлано! Очаковъ палъ и своимъ паденіемъ разрушилъ силу вражью на нашемъ Черномъ морѣ. Съ восторгомъ приняли эту счастливую вѣсть Императрица и Россія.—Дрогнули европейскіе кабинеты, затрепетала отъ обиды разбитая Порта; но и думать не хотѣла о мирѣ. Пруссія поддерживала ея враждебное настроеніе, поднимая неугомонную Польшу. Голландія и Англія обѣщали Турціи деньги. Она и безъ того жаждала войны. Ей улыбалось счастье въ борьбѣ съ австрійцами, которыхъ она когда-то била, и пошла бы осаждать, какъ въ былыя времена, Вѣну, да, на зло, приходилось считаться съ непобѣдимыми русскими войсками.

Потемкинъ послалъ Суворова помогать австрійцамъ. Оба войска, благополучно соединившись, били и преслѣдовали многочисленнѣйшіе турецкіе отряды. У Фокшанъ послѣдовалъ окончательный разгромъ. Османы бѣжали въ безпорядкѣ, бросая укрѣпленія, обозъ, раненыхъ. Союзники торжествовали. Но турокъ какъ ни

бей, они не унимались. На берегу Рымника Суворову снова пришлось помочь своему другу, принцу Кобургскому *). «Спасите насъ,» взывалъ австріецъ. «Иду!» отвѣтилъ непобѣдимый. И, прилетѣвъ ночью со своими чудо-богатырями, любимыми солдатиками, бросился врасплохъ на растерявшихся враговъ, раскаталъ весь отрядъ и пустился преслѣдовать бѣгущихъ. Австрійцы помогали ему усердно, паля изъ пушекъ въ бѣглецовъ.

Побѣда русскихъ была снова полная, добыча громадная. Визирь не пережилъ пораженія: онъ умеръ, спасаясь отъ нашихъ храбрецовъ.

За эту побѣду Императрица пожаловала Суворову титулъ «графа Рымникскаго». Послѣдствіемъ такого подвига храбрости русскихъ войскъ было очищеніе отъ враговъ всѣхъ земель до Дуная; занятіе Кишинева, Кадшановъ, Паланки, Аккермана и Гаджибея, гдѣ теперь красуется Одесса.

Но высился еще на нашемъ горизонтѣ исполинскій Измаилъ. Безъ него кончать борьбу было немыслимо, а она ложилась уже удвоеннымъ бременемъ на нашемъ отечествѣ. Умеръ добрый союзникъ—идеалистъ, Іосифъ II. Австрійскіе дипломаты вернулись къ своимъ преданіямъ: лжи, обману, двуличію. Кроткій молодой императоръ Леопольдъ, подъ давленіемъ своихъ министровъ, смирился даже передъ прусскимъ королемъ. Миръ съ Турціей, подъ давленіемъ изъ Берлина, былъ немедленно заключенъ. Россія осталась одна со своими убѣжденіями, вѣрованіями, цѣлями. Православная Царица, опираясь на Потемкина и Суворова, во главѣ цѣлой группы даровитыхъ офице-

*) Онъ командовалъ австрійцами.

ровъ, испытанной славной арміи, не положила оружія. Ободряя всѣхъ, руководя всѣми, твердо держалась самодержавная Монархиня своей святой цѣли—борьбы христіанства съ магометанствомъ. Въ это время ей было особенно тяжело: шведская война еще не кончилась, а на польской границѣ приходилось уже держать вооруженные отряды. Потемкинъ начиналъ серьезно болѣть, хандра все чаще удручала его, а пристрастіе къ мирнымъ пріобрѣтеніямъ удерживало отъ рѣшительныхъ, стремительныхъ подвиговъ, которыхъ, вѣроятно, совершенно правильно добивался неугомонный, безпощадный, но и непобѣдимый Суворовъ.

Долго Потемкинъ приготовлялся, колебался, сомнѣвался въ успѣхѣ, такъ какъ взять Измаилъ было сказочно-трудно: эта крѣпость занимала въ окружности 10 верстъ и служила сборнымъ пунктомъ турецкихъ силъ. Наконецъ онъ рѣшилъ, что медлить больше нечего, надо овладѣть вражьей твердыней, и поручилъ этотъ геройскій подвигъ, конечно, Суворову. «Боже! дай помощь!» выговорилъ графъ Рымникскій и моментально собралъ военный совѣтъ. При его появленіи, исчезли, какъ дымъ, всѣ сомнѣнія, и единогласно было рѣшено, что крѣпость надо штурмовать, что блокада безполезна, отступать—предосудительно. «Хорошо! Помилуй Богъ, хорошо!» воскликнулъ Суворовъ. «Сегодня молиться, завтра учиться, послѣзавтра — побѣда или смерть!» — Изъ каждаго полка были выбраны лучшіе солдаты. «Чудо-богатыри!» сказалъ имъ герой, «крѣпость должна быть взята, это повелѣваетъ Матушка-Царица, а воля Ея—святой законъ!»

Наступила ночь на 11-е декабря 1790 года. Въ русскомъ лагерѣ до разсвѣта царила мертвая тишина.

Полковой священникъ, высоко поднимая къ небесамъ блестящій крестъ Господень, именемъ Бога-побѣдодавца ободрилъ своихъ солдатъ и бросился съ ними въ битву. *(Къ стр. 101).*

Вдругъ взвилась ракета и разсыпалась сотнями звѣздъ по темному небу. Войско двинулось и подъ адскимъ огнемъ пошло на штурмъ. Пули, ядра, картечи свистали въ воздухѣ. Огненный дождь лился на русскія войска, а они все шли впередъ, лѣзли черезъ рвы, приставляли лѣстницы, взбирались на стѣны. Завязалась страшная рукопашная рѣзня. Въ одномъ мѣстѣ, какъ будто, дрогнули наши: полковой священникъ, высоко поднимая къ небесамъ блестящій крестъ Господень, именемъ Бога-Побѣдодавца ободрилъ своихъ солдатъ и бросился съ ними впередъ.—Стало свѣтать. Турки отчаянно бились на улицахъ, на перекресткахъ, и, только умирая, уступали натиску русскихъ. Наконецъ, Измаилъ палъ. Въ немъ не осталось ни одного живого защитника. Капланъ Гирей сражался, окруженный своими сыновьями; одинъ за другимъ, они падали у его ногъ,—наконецъ, упалъ и онъ, раненый на смерть. Даже женщины сражались на улицахъ, въ дверяхъ своихъ домовъ. И эту-то твердыню взялъ русскій солдатъ, предводимый знаменіемъ Креста въ рукахъ скромнаго полкового священника.

«Гордый Измаилъ у ногъ Вашего Величества!» писалъ побѣдитель-Суворовъ Императрицѣ. Послѣ этой сказочной побѣды, военныя дѣйствія пошли медленно. Потемкинъ все замѣтнѣе слабѣлъ. — Наши войска, уже помимо его распоряженій, взяли Анапу. Репнинъ одержалъ серьезную побѣду при Мачинѣ, а Ушаковъ разнесъ до основанія турецкій флотъ. Порта, какъ будто, начала сдаваться, стала заговаривать съ послами другихъ державъ о возможности начинать переговоры, не предлагая болѣе невозможныхъ своихъ притязаній. Предварительные переговоры начались въ Систовѣ. Императрица, подъ гнетомъ поли-

тическихъ событій, благодаря измѣнѣ Австріи, злостнымъ отношеніямъ Англіи, коварству Пруссіи, настойчиво подзадоривавшей кичливую Польшу, нашла возможнымъ вступить въ переговоры и отправила своего чрезвычайнаго уполномоченнаго, Безбородко, въ Яссы, заключать почетный миръ.

Умеръ Потемкинъ, не выполнивъ своей завѣтной мечты и не дождавшись даже до мира, который, если и не привелъ къ освобожденію древне-православной Византіи, все же былъ настолько выгоденъ Россіи, что оставлялъ ей открытый путь къ вратамъ Царьграда.

Великая мысль освобожденія балканскихъ славянъ и изгнанія турокъ изъ Европы могла рости и крѣпнуть во всѣхъ честныхъ, добрыхъ, отзывчивыхъ сынахъ Россіи.

Черное море, Крымъ и весь берегъ до Днѣстра сдѣлались на вѣки нашей собственностью, и все это благодаря неустрашимой храбрости русскихъ героевъ, чудо-богатырей, генію великой Царицы Екатерины Алексѣевны и ея лучшаго, способнѣйшаго подданнаго, ученика и помощника, Григорія Александровича Потемкина, великолѣпнаго князя Тавриды.

ИСТОЧНИКИ:

1) *Брикнеръ*. Исторія Екатерины II.
2) — Потемкинъ.
3) Сб. И. Р. И. Общества. 1878 г.
4) Дневникъ Храповицкаго.
5) Камеръ-фурьерскій журналъ.

Баварское наслѣдство.

1776—1779 гг.

ЗДѢШНЕМУ, т. е. Петербургскому двору *нравится,* что берлинскій дворъ заступается за права членовъ имперіи *) и оспариваетъ произвольныя правила австрійскаго правительства. Впрочемъ, здѣсь не желаютъ и чрезвычайнаго перевѣса Пруссіи въ дѣлахъ Германіи. Императрица желаетъ пріобрѣсти славу обезпеченіемъ правъ германской имперіи. Россія можетъ теперь въ отношеніи Германіи занять то мѣсто, которое занималъ Людовикъ XIV **) и его преемники. Эта роль весьма важна и лестна!—Такъ думалъ и писалъ 5-го іюля 1776-го года, изъ Петербурга къ своему двору, саксонскій посолъ, баронъ Сакенъ. Этотъ взглядъ европейскаго дипломата установился, менѣе чѣмъ черезъ тридцать лѣтъ послѣ того, какъ въ Европѣ не единодушно и не всѣ дворы предупредительно признали за Императрицей Елиза-

---

*) Германской.

**) Французскій король.

ветой Петровной право носить Императорскій титулъ. Къ этимъ блестящимъ результатамъ привели геройскіе подвиги нашихъ войскъ въ Семилѣтнюю войну и твердая, народная политика Императрицы Екатерины II.

«При этомъ казусѣ германскихъ дѣлъ, можно поставить Россію посредницей въ дѣлѣ, отъ котораго зависитъ спасеніе всего германскаго союза. Дѣйствительно, это блестящая роль для русской Императрицы!» Такъ отзывался о дѣлѣ, близкомъ его сердцу, тѣломъ дряхлый, но еще вполнѣ бодрый умомъ Великій Фридрихъ въ письмѣ къ своему посланнику, графу Солмсъ.

Габсбурги изъ-за стѣнъ своего Гофбурга давно уже съ горькой завистью смотрѣли, какъ незначительное бранденбургское курфиршество выростало въ сильное прусское королевство, какъ ширилось оно и крѣпло его вліяніе среди средне-германскихъ мелкихъ дворовъ. Пришлось, несмотря на кровавыя битвы, уступить Пруссіи Силезію. Въ дѣлежѣ Польши Пруссіи досталась важная доля, и голосъ великаго старца изъ Потсдама не уступалъ уже въ силѣ австрійской императорской рѣчи. На съѣздахъ германскихъ правителей съ этимъ обиднымъ порядкомъ пробовали бороться императрица-королева, гордая Марія Терезія, ея сынъ—императоръ Іосифъ II и ловкій, мудрѣйшій изъ министровъ, графъ Кауницъ. Имъ было необходимо усилить свой авторитетъ, расширить владѣнія; они и воспользовались первымъ представившимся предлогомъ.

Умеръ баварскій курфюрстъ,—Максимиліанъ-Іосифъ XII,—послѣдній потомокъ изъ династіи Виттельсбаховъ, прямыхъ потомковъ германскаго императора Людовика. Ему наслѣдовалъ дальній родственникъ,

Императрица Екатерина II-я.

(Къ стр. 104).

Австрійская императрица Марія Терезія.

(Къ стр. 104).

Австрійскій императоръ Іосифъ II-й.

(Къ стр. 104).

Прусскій король Фридрихъ Великій.

(Къ стр. 105).

бездѣтный Карлъ-Теодоръ.—Дальновидный сынъ и соправитель Маріи Терезіи давно уже дружилъ съ этимъ легкомысленнымъ принцемъ. Давно изъ пыльныхъ архивовъ вѣнскаго двора были вырыты акты 1426—1429 годовъ и, съ большимъ стараніемъ и ловкостью, до очевидности были подтасованы доказательства стародавняго права Габсбурговъ на большую часть баварскихъ земель. За курфюрстомъ же оставлены только личныя владѣнія его предковъ. Благодушно на все соглашался Карлъ-Теодоръ, лишь бы его оставили покойно жить въ его родовомъ углу. Боялся онъ, какъ огня, всякихъ ссоръ и неурядицъ.

Но, вмѣсто него, ничего не боялась задорная, энергичная, вдовствующая пфальцграфиня Анна-Марія. Она громко протестовала, обратившись за помощью и правосудіемъ къ потсдамскому мудрецу, прусскому королю Фридриху Великому. Конечно, Фридрихъ былъ великъ своимъ умомъ, своею опытностью, своими побѣдами; но ставить его, только третьяго по счету короля изъ Гогенцоллерновъ, судьею надъ поступками древняго императорскаго Габсбургскаго дома, носившаго титулъ римскихъ цезарей, для послѣдняго было очень обидно. Конечно, Фридрихъ былъ польщенъ и былъ очень доволенъ. Ему не съ-руки было усиленіе Австріи. Онъ ее убавлялъ съ одной стороны, отнимая Силезію, а—она двигается въ сторону Баваріи. Дѣло о наслѣдствѣ онъ и самъ давно выслѣживалъ. Напрасно молодой австрійскій императоръ старался втереться въ дружбу старика,—два раза устраивалъ съ нимъ свиданія. Его не проведешь! Крѣпко стоитъ уже онъ, за равновѣсіе среди правителей имперскаго союза. Онъ себя уже считаетъ защитникомъ

обиженныхъ, мелкихъ владѣтельныхъ принцевъ. Дѣйствуя осторожно, точно пробуя мирнымъ путемъ уладить дѣло, онъ пишетъ нашей Императрицѣ, прося ея вліянія на Австрію. Курфюрстъ саксонскій тоже заволновался и, съ своей стороны, тоже написалъ Государынѣ краснорѣчивое посланіе. «Вся имперія (германская) вопіетъ противъ несправедливости этого деспотическаго дѣйствія! семейные договоры уничтожены, трактаты нарушены! Имперскія постановленія уничтожены! Словомъ, свобода и конституція германской имперіи ниспровергнуты навсегда. Всѣ акты и документы, относящіеся къ этому дѣлу, будутъ вручены министрамъ Вашего Императорскаго Величества!» Потомъ, обѣщая помощь въ нашихъ дипломатическихъ переговорахъ съ Турціей, Польшей и Швеціей, онъ кончаетъ письмо такою фразой: «Вся Германія и я съ довѣріемъ надѣемся, что Ваше Императорское Величество, толико прославивъ свое новое отечество—Россію, вспомнитъ, что вся германская имперія гордится тѣмъ, что Вы тамъ увидѣли свѣтъ!»

Какъ ни лестно было это обращеніе, но наша мудрая Государыня имъ не удовольствовалась. Она такъ гордилась значеніемъ своей Россіи среди европейскихъ государствъ, что ей хотѣлось еще бо́льшихъ доказательствъ почтенія отъ германскихъ сосѣдей. Нашъ канцлеръ, графъ Никита Ивановичъ Панинъ, отъ ея имени выразилъ желаніе, чтобы не единичные правители, а всѣ имперскіе князья разомъ обратились къ Петербургскому кабинету съ просьбой о покровительствѣ въ ихъ семейномъ дѣлѣ. Фридрихъ такъ и сдѣлалъ. Во главѣ своихъ и саксонскихъ войскъ онъ вступилъ, по прежнему, имъ же

проложенному пути, въ гористый живописный край, гдѣ такъ часто громилъ австрійцевъ. Въ то же время, сговорившись съ другими кабинетами средней Европы, отправилъ сообща прошеніе въ Петербургъ. Самъ же, кромѣ того, еще и отъ себя писалъ Екатеринѣ: «Я употреблю всѣ мои усилія, чтобы заставить германскихъ князей обратиться къ Россіи съ просьбою о помощи!» Кажется, можно было удовольствоваться,— тѣмъ болѣе, что и Австрія съ своей стороны прислала всѣ оправдывавшіе ее, по ея мнѣнію, акты и доказательства, повергая свое дѣло на рѣшеніе мудрѣйшей, справедливѣйшей сосѣдки, русской Императрицы.

Изъ частнаго письма нашей Государыни къ ея другу, Гримму, мы усматриваемъ слѣдующій характерный ея взглядъ: «Кто правъ въ дѣлѣ о баварскомъ наслѣдствѣ? Кто виноватъ? Кто вретъ? стараюсь разобраться. Рѣшите вы эти вопросы!» Видимо, она никому изъ просившихъ ея помощи не довѣряла. Но, все-же, вѣсы ея правосудія склонились въ пользу маститаго прусскаго короля, несмотря на личную дружбу къ австрійскому императору, несмотря на письма нашего посла въ Вѣнѣ, князя Голицына, съ характерной фразой: «Всѣ образованные люди Вѣны указываютъ на русскую Императрицу, какъ на рѣшительницу судебъ Европы и спасительницу австрійской монархіи!» Екатерина медлила, Европа волновалась, особенно—заинтересованныя великія державы: Австрія и Пруссія.

Наконецъ, въ октябрѣ 1778-го года, Фридрихъ получилъ письмо отъ Екатерины: «Несмотря на молчаніе, какое я хранила нѣкоторое время, мое вниманіе не отвратилось и не отвлеклось отъ наблюденія за положеніемъ дѣлъ вашего величества и отъ затрудненій

германскаго союза. Представленіе, которое я велѣла сдѣлать вѣнскому двору, можетъ убѣдить васъ въ томъ. Я приказала моему министерству сдѣлать о томъ сообщеніе министру вашего величества, равно какъ и дворамъ: лондонскому, копенгагенскому (датскому), стокгольмскому (шведскому) и версальскому (французскому), приглашая ихъ содѣйствовать моимъ миролюбивымъ намѣреніямъ. Мой министръ сдѣлаетъ то же сообщеніе и на сеймѣ въ Регенсбургѣ, принцамъ и сословіямъ имперіи. Я рѣшилась употребить это послѣднее усиліе, относительно вѣнскаго двора, прежде всего для того, чтобы показать передъ названнымъ дворомъ, какъ и предъ Европой, справедливость и безпристрастіе своего поведенія.»

Убѣждая, очень уговаривая австрійскую императрицу отказаться отъ своихъ притязаній на баварское наслѣдство, Государыня предупреждала, что ей самой будетъ невозможно равнодушно смотрѣть на несправедливую войну, возгорѣвшуюся въ Германіи, и что она должна будетъ принять мѣры къ обезпеченію интересовъ Россіи и своихъ пріятелей, германскихъ князей, обратившихся къ ней съ просьбой о помощи.—Въ восхищеніи отъ дѣйствій нашей Государыни, прусскій король, благодаря Ея Величество, выразился: «Блеску Вашего царствованія предоставлено было поддерживать, въ одно и то же время, на берегахъ Чернаго моря—независимость татарскихъ ауловъ, а въ Вѣнѣ—права германскаго союза:—онъ всѣмъ будетъ обязанъ помощи Вашего Императорскаго Величества! Россія сдѣлается самою грозною оградою, какую Германія будетъ имѣть возможность противупоставить насилію своихъ цезарей всегда, когда они захотятъ нарушить установленный порядокъ. Нетерпѣливо жду

прибытія князя Репнина!» Онъ же ѣхалъ съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ, если будутъ исчерпаны всѣ миролюбивыя средства, отъ имени своей Императрицы, предупредить Австрію о военномъ вмѣшательствѣ.

Въ рескриптѣ къ нему, отъ 19-го октября 1778-го года, говорилось: «Австрійскій домъ присвоилъ себѣ и захватилъ знатную часть баварскаго наслѣдства; курфюрстъ пфальцскій (Карлъ-Теодоръ), устрашась приставленнаго ему ножа, сдѣлался сонаслѣдникомъ австрійской хищности... Нельзя не отдать королю прусскому справедливости, что онъ, предъ поднятіемъ оружія, истощилъ втуне всѣ средства умѣренности и миролюбія, и что не онъ, а хищность и упрямство вѣнскаго двора причинили войну!... Честолюбіе Кауница есть всему злу виной, но интрига его нашлась недостаточной,—король прусскій не далъ себя уловить!» Въ заключеніе стояло: «Мы будемъ имѣть передъ Германіей честь развязки этого дѣла, а можетъ быть, и соединенія на ней въ одну систему разныхъ принцевъ, изъ чего, въ будущемъ, можетъ для Россіи произрасти давно желаемое преимущество—учинится ей, на будущее время, быть ручательницею германской конституціи, качество, которому Франція обязана своею превосходною въ дѣлахъ инфлюенціею (вліяніемъ)!»

Противъ воли, въ полномъ отчаяніи, но, все-же, Маріи-Терезіи пришлось уступить. Она просила Екатерину принять по своему усмотрѣнію мѣры для достиженія умиротворенія, при чемъ выразила увѣренность, что въ рукахъ Императрицы интересы и достоинство Австріи будутъ обезпечены. На это русская Царица отвѣтила сердечно, что глубоко тронута довѣріемъ своей царственной сестры, императрицы-

королевы. Конечно, Ея Величество чрезвычайно охотно взяла на себя обязанности посредницы въ дѣлѣ умиротворенія европейскихъ правительствъ. Были отправлены спѣшные гонцы въ Берлинъ и Парижъ съ предложеніемъ начать мирные переговоры.

Въ австрійской Силезіи, въ Тешенѣ собрался 10-го марта 1779-го года мирный конгрессъ, а 13-го—его переговоры завершились отреченіемъ Австріи отъ своихъ обширныхъ и странныхъ притязаній, основанныхъ на мнимыхъ наслѣдственныхъ правахъ. Она оставила Баварію въ покоѣ, сдѣлала земельныя уступки Пруссіи и Саксоніи и соглашалась на всѣ измѣненія границъ, желательныхъ другими владѣтельными князьями Германіи. Россія и Франція скрѣпили своею подписью Тешенскій мирный договоръ.

Одинъ изъ нашихъ дипломатовъ писалъ Панину съ конгресса: «Для Германіи можно считать счастьемъ, что поддержка нашего высокаго двора ограждаетъ германскую имперію противъ всякой опасности. Основываясь на своей подписи, Россія, по своему усмотрѣнію, будетъ участвовать въ духовныхъ и свѣтскихъ дѣлахъ германской имперіи!»

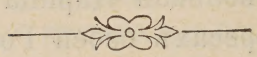
Фридрихъ Великій, благодаря мудрую посредницу, писалъ: «Ваше Императорское Величество сказали: да будетъ миръ! и миръ совершился!—Оружіе Вашего Величества ослабило оттоманское могущество. Вашъ побѣдоносный флотъ распространилъ ужасъ отъ Пропонтиды *) до Дарданеллъ. Ваши законы становятся предметомъ изумленія и подражанія для самыхъ образованныхъ народовъ Европы и, къ довершенію Вашей славы, одно Ваше желаніе—возстановляетъ миръ между

*) Крымъ.

несогласными народами. Всѣ угнетенные находятъ убѣжище въ могущественномъ покровительствѣ Вашего Императорскаго Величества!»—Именно такъ выражался прусскій король, не пропускавшій въ то же время малѣйшаго случая—секретно и осторожно вредить Екатеринѣ и ея Россіи и въ Турціи, и въ Польшѣ, и въ Швеціи. Онъ не могъ помириться съ могуществомъ восточной сосѣдки и, вмѣстѣ съ тѣмъ, невольно преклонялся передъ силой того генія, который создалъ это могущество.

Въ дѣлѣ о баварскомъ наслѣдствѣ, какъ и во всѣхъ своихъ дѣяніяхъ, великая Царица заботилась исключительно объ интересахъ своей Россіи, «изъ чего въ будущемъ можетъ для Россіи произрасти давно желаемое преимущество». Вездѣ, во всемъ—только интересы государства! Ей нѣтъ дѣла до того, что̀ скажутъ, что̀ подумаютъ о ней въ Европѣ, лишь бы политика была выгодна Россіи! Она шла той же дорогой, какъ и Фридрихъ Великій. Онъ готовъ былъ поглотить весь міръ на пользу своей Пруссіи. И Екатерина Алексѣевна не вдавалась ни въ какіе политическіе расчеты, кромѣ интересовъ государства. Отъ того, хотя она и въ мысляхъ не имѣла горделиваго выраженія Людовика XIV: «государство—это я!»—въ вопросѣ о баварскомъ наслѣдствѣ, она заняла то мѣсто, которое до нея принадлежало гордому человѣку, носившему прозвище: «король-солнце». Екатерина и Фридрихъ были родственныя величины по ихъ любви къ родинѣ, ихъ неутомимымъ трудамъ, подъятымъ ради ея величія, славы, богатства. Только у нашей Государыни было то̀ неисчерпаемое преимущество, что она умѣла отличать и цѣнить даровитыхъ, предпочтительно русскихъ тружениковъ, умѣла использовать ихъ блестящія способ-

ности на пользу и гордость Имперіи, умѣла создать вокругъ себя изъ природныхъ русскихъ людей группу сподвижниковъ, увѣковѣченныхъ исторіей и поэзіей, подъ славнымъ именемъ «Екатерининскихъ орловъ».



ИСТОЧНИКИ:

1) *Брикнеръ*. Исторія Екатерины II.
2) *Веберъ*. Всеобщая исторія. Т. 13. С. И. Ист. Общ. XXIII.
4) *Гегеръ*. Всеобщая исторія (9-й выпускъ).

Аньяльскіе заговорщики.

28 іюня 1788 г.

ЗАБОЧЕНА сидитъ Императрица Екатерина Алексѣевна въ своемъ рабочемъ кабинетѣ. На столѣ нѣсколько папокъ съ старыми дѣлами, текущія бумаги, подробная карта Финляндіи,—по которой шведскія владѣнія ярко оттѣнены красными чернилами. Передъ ней стоитъ толстый Храповицкій, нервно комкаетъ фуляровый платокъ и торопливо отираетъ обильный потъ, постоянно выступавшій на его розовомъ, кругломъ, лоснящемся лицѣ.—«Спасибо за доставленныя изъ архива бумаги!» говорила Государыня своимъ густымъ, немного сдавленнымъ голосомъ! Поднялась я, чуть свѣтъ, принялась ихъ перечитывать и никакъ не могу оторваться! Вотъ преинтересная переписка Шетарди съ Левенгауптомъ на счетъ замиренія, сейчасъ послѣ восшествія на престолъ тетушки Елизаветы Петровны. Это—шведскія ноты; тутъ—французскія угрозы. И тогда, въ 43-мъ году, Швеція не могла уже обойтись безъ поддержки европейскихъ

державъ. Франція помыкала ею, точно подначальной провинціей!»—«Если бы его шведскому *) величеству угодно было познакомиться съ этими документами, вспомнить о нихъ!» вздыхая, замѣтилъ Храповицкій. «И не подумаетъ! заполучилъ 100.000 фунтовъ англійскихъ стерлинговъ и теперь рвется, чтобы намъ насолить, точь-въ-точь при покойной Императрицѣ». Секретарь опять принялся утирать потъ.—«Какъ начнешь вникать въ смыслъ всѣхъ этихъ дипломатическихъ переговоровъ, такъ и самой жарко станетъ», сказала Государыня, съ улыбкою слѣдя за своимъ секретаремъ.—«Смотри вотъ тутъ—Або», и она вела пальцемъ по картѣ, «здѣсь рѣка Кюмень границей служитъ. Тогда Господь помогъ нашимъ славнымъ войскамъ не только удержать всѣ пріобрѣтенія великаго дѣда, но и расширить ихъ, укрѣпиться на землѣ древнихъ новгородскихъ данниковъ. А онъ тутъ что̀ выдумалъ? пляшетъ подъ музыку Европы и требуетъ, чтобы я поступилась трофеями моихъ предшественниковъ. Спросили бы сами себя: какое я имѣю право отдавать то, что завѣщано вѣками, куплено цѣною русской крови?» Екатерина сердито отодвинула папки.—«Говорятъ, что и въ Швеціи мало, кто этой войны желаетъ».—«Конечно! А вотъ его величеству хочется освободиться отъ контроля сейма. О самостоятельности мечтаетъ! Весь въ мать **)! Эти Гогенцоллерны замѣчательно самовластны. Густавъ стремится уничтожить конституцію, а самъ не можетъ понять, что служитъ игрушкой въ рукахъ иноземныхъ дипломатовъ!»

---

*) Густавъ III, шведскій король.

**) Мать короля Густава III-го—родная сестра Фридриха Великаго.

Въ это время послышался страшный оглушительный ударъ. Земля дрогнула, окна зазвенѣли,—казалось, не то громовой ударъ, не то пальба изъ пушекъ разразилась надъ столицей.—«Въ самомъ дѣлѣ, Петръ Великій построилъ свою столицу слишкомъ близко къ шведскимъ берегамъ *)!» точно про себя проговорила Екатерина. Храповицкій бросился поспѣшно разузнавать, въ чемъ дѣло. Въ ту же минуту распахнулась внутренняя дверь, и въ кабинетъ вся въ слезахъ, запыхавшись, влетѣла любимая шутиха Императрицы, Матрена Даниловна.—«Ну, матушка!» кричала она, мечась по комнатѣ, «хороша твоя роденька! хорошъ твой братецъ-то **) отпѣтый!»—«Кто такой?» хмуря брови, спросила Государыня.—«Да негодный королишка-то шведскій! настращалъ меня до смерти, не жить мнѣ здѣсь! Не въ моготу приходится! Въ Москву уѣду! уберусь подальше отъ этого изверга! Безстыжій онъ какой, смѣетъ въ тебя, родимая, стрѣлять!»—«Гдѣ? кто стрѣляетъ?» еще недовольнѣе спросила Екатерина: непонятный шумъ—ее, дѣйствительно, безпокоилъ. Крики же шутихи били по нервамъ.

— «Это—взорвало лабораторію на Выборгской сторонѣ. Ваше Величество», поспѣшилъ успокоительно доложить возвратившійся секретарь.—«И все врешь!» напустилась на него карлица. «Это онъ, нехристь, въ насъ палитъ!» и снова горчайшія слезы полились по морщинистымъ щекамъ крохотной плаксуньи. Собачки Государыни, встревоженныя поднятымъ шумомъ, покинули свои мягкіе тюфячки, разбросали вязанныя одѣяльца и стали ласться къ своей любимицѣ: раз-

*) Собственныя слова Императрицы изъ дневника Храповицкаго.

**) Мать Императрицы Екатерины II была родная сестра отца короля Густава III.

умнымъ животнымъ хотѣлось, видимо, ее успокоить.—«Ну, вотъ смотри, даже онѣ стараются тебя утѣшить,» ласково заговорила Екатерина, «не бойся, авось негодникъ твой до насъ не доберется и въ Москву насъ не погонитъ!»—«Не говори, мать моя! Ты съ нимъ не совладаешь. Одно слово—шведъ-нѣмецъ,—онъ противный! У насъ на Руси о нѣмцахъ-то такія мысли были: что когда въ домъ, къ намъ, войдетъ онъ самый, этотъ нѣмецъ, такъ вымывали и вытирали даже крюкъ дверной, за который онъ хватался, растворяя дверь!»—«Вотъ и ты вытри свои слезы, вымой лицо, возьми тамъ на столѣ, у окошка, сладкое печенье, сама полакомись, да и ихъ угости; успокойте, развеселите другъ друга!» говорила Екатерина Алексѣевна, ласково выпроваживая своихъ любимицъ». Потомъ, обращаясь къ Храповицкому, продолжала: «пожалуй, теперь скорехонько, пріѣдетъ Брюсъ *) доложить о взрывѣ. А у меня вотъ тутъ есть спѣшныя дѣла. Возьми всю кипу: сверху лежитъ приказъ о немедленной покупкѣ ста быковъ на прокормленіе нашихъ войскъ, отправляемыхъ въ Финляндію; уплати за нихъ, что̀ спросятъ, изъ моего кабинета **), да не забудь, чтобъ приготовили рублевиковъ для раздачи по одному на каждаго рядового, при выступленіи гвардіи подъ Выборгъ. Внизу лежитъ приказъ—военной коллегіи выдавать Михельсону по 300 руб. столовыхъ въ мѣсяцъ, пока онъ на войнѣ».—«Молодецъ онъ, Ваше Величество, все тѣснитъ шведовъ! теперь вотъ третій разъ ихъ бьетъ на сушѣ! А хоть король и разгласилъ по свѣту о своей побѣдѣ надъ Грейгомъ,

*) Графъ Яковъ Александровичъ, главнокомандующій С.-Петербургскою губерніей.

**) Храповицкій въ дневникѣ показалъ, что уплатилъ 2006 руб.

но, все же, на повѣрку выходитъ, что наша взяла, такъ какъ его величество не смогъ сдержать свое слово: не сдѣлалъ десанта на Красной горкѣ, не выжегъ Кронштадта и не пришелъ въ Петербургъ опрокидывать памятникъ Петра Великаго!» — «Ну, а если бы король даже овладѣлъ Петербургомъ, положимъ, даже дошелъ бы до Москвы, то и тогда я бы показала ему, что̀ можетъ сдѣлать, во главѣ своего храбраго войска, рѣшительная женщина!» взволнованно проговорила Императрица. Съ восторгомъ слушалъ ее беззавѣтно преданный Храповицкій. Часто, по-долгу бесѣдовали они вмѣстѣ, и его умныя рѣчи умиротворяюще дѣйствовали на Государыню.

Одиннадцать лѣтъ состоялъ онъ секретаремъ Ея Величества. Рано утромъ, вечеромъ поздно требовала она его къ себѣ. При немъ она не стѣснялась, высказывала свои самыя завѣтныя думы, самыя скрытыя движенія любящаго, впечатлительнаго сердца. Сдѣлать ли важное распоряженіе, переписать ли именной указъ или подобрать упрямо не поддающуюся ритму къ задуманнымъ стихамъ, перебѣлить ли сочиненіе,—все выполнялъ умный, точный, преданный слуга геніальной Повелительницы. Онъ пользовался полнымъ ея довѣріемъ, былъ нѣмъ, какъ рыба, съ царедворцами-современниками. Только благодаря его правдивому, безпристрастному дневнику, потомство ближе ознакомилось съ внутреннимъ міромъ великой Монархини. Безъ короны и порфиры видимъ мы ее въ кабинетѣ, трудящуюся со своимъ неизмѣннымъ секретаремъ, углубленную въ рѣшеніе міровыхъ задачъ.

Съ солнышкомъ вставала матушка-Царица Екатерина Алексѣевна. Часто, къ величайшему огорченію

своихъ ближайшихъ вѣрныхъ слугъ, сама затапливала каминъ, сама варила себѣ кофе и принималась за свой правительственный трудъ. Чаще всѣхъ, раньше всѣхъ, являлся къ ея рабочему столу Храповицкій, и съ нимъ она вырабатывала тѣ дипломатическія формы, въ которыя выливала свою волю, свои взгляды.

Лѣто 1788-го года было очень тяжелымъ временемъ въ исторической жизни Россіи. Война съ Турціей, вѣчныя неурядицы въ Польшѣ, враждебность Пруссіи, Англіи и, конечно, съ ихъ одобренія, эти безсмысленныя задиранія сварливаго родственника-сосѣда.

Упрямый, недальновидный Густавъ III добивался всѣми силами увеличить власть королевскую, сильно ограниченную въ Швеціи сеймомъ. Желая свергнуть ярмо конституціи, онъ рѣшилъ привлечь къ себѣ симпатіи народа, задирая могучую сосѣдку и обѣщаясь отобрать у нея въ ихъ пользу то, что съ необычайно настойчивыми усиліями русскіе Самодержцы постепенно возвращали подъ свою державу. Онъ вздумалъ добиться уничтоженія Ништадскаго и Абовскаго договоровъ, которые, кромѣ земельныхъ пріобрѣтеній, давали Россіи право вмѣшательства въ внутреннія шведскія дѣла. Онъ мечталъ принудить къ этой уступкѣ Великую Екатерину, которая выбрала себѣ за образецъ побѣдителя шведовъ подъ Полтавой, основателя Петербурга на хладныхъ финскихъ берегахъ.

Энергично руководила Государыня дѣйствіями своихъ генераловъ, всей душой была съ своими любимыми войсками. «Всю ночь», записываетъ Храповицкій въ дневникѣ ея слова, «не выходило у меня изъ

головы, что шведы могутъ атаковать Кронштадтъ. По крайней мѣрѣ, сто разъ съ боку на бокъ перевернулась и теперь чувствую альтерацію *). И въ это трудное время, въ самомъ центрѣ шведской арміи, среди ея офицеровъ, началось такое своеобразное движеніе, что оно породило новыя, еще болѣе тяжелыя и совершенно неожиданныя обстоятельства какъ въ шведскомъ лагерѣ, такъ и на берегахъ Невы...

Тиха, прозрачна сѣверная палевая ночь на берегу Финскаго залива 28-го іюля 1788 г. Вокругъ мѣстечка Ли́ккала ютится лагерь финляндскаго отряда въ 2000 человѣкъ. Высокомѣрный Густавъ предназначилъ именно этимъ частямъ почетный маршрутъ, сухимъ путемъ подойти къ Петербургу. Знать онъ не хочетъ, что не по душѣ мирнымъ финнамъ война съ доброй сосѣдкой, еще такъ недавно спасшей ихъ родину отъ ужасовъ голода своевременною доставкой щедрой помощи. Роптали на походъ солдаты, негодовали и высшіе чины. Изъ нихъ сто офицеровъ уже покинули свои полки и вернулись въ Швецію. Въ палаткѣ престарѣлаго командира, генералъ-маіора Карла-Густава Армфельда, собрались тѣ изъ оставшихся при своихъ частяхъ, которые не только были недовольны войною, но и стремились къ самостоятельности, самобытности.

Шведы, прежніе германцы,—совсѣмъ не родственное племя съ финнами **). Первые, очень воинственные, уже давно жили на своемъ полуостровѣ. Они были отважными мореплавателями, наводили страхъ на весь приморскій сѣверъ Европы. Въ XII-мъ вѣкѣ,

*) Недомоганіе.

**) Шведы, какъ и всѣ германскіе народы, принадлежатъ къ средиземному-кавказскому племени, а финны къ монгольскому.

переплывъ Ботническій заливъ, съ огнемъ и мечемъ вторглись они въ мирную Корелію. «Во имя Бога любви и правды», проливали кровь безобидныхъ емчанъ и кореловъ. По ихъ тѣламъ, опустошая новгородскія пятины, дошли шведы и до коренныхъ русскихъ земель. Конечно, жажда наживы и завоеваній руководила ими. Завоеватель-шведъ захватилъ всѣ природныя богатства страны, поработивъ себѣ туземнаго финна. Покоряясь имъ, финны, все-же, не могли любить своихъ завоевателей. Вѣками воспиталась племенная вражда. Изъ-за финновъ завязались и воинственныя отношенія между русскими и шведами.

Исторически и по своему характеру, мѣстные жители были чужды этой борьбы и этой вражды. Теперь, когда вѣка принесли свои воспитательные плоды въ умахъ передовыхъ, болѣе образованныхъ классовъ, въ Финляндіи стала нарождаться идея освобожденія, желаніе самобытнаго существованія. Мысль воспользоваться настоящимъ моментомъ, провести на дѣлѣ смутныя желанія, зародилась у финновъ-патріотовъ, подъ давленіемъ самодурства короля Густава III и гуманныхъ началъ, царившихъ въ русскихъ правящихъ кругахъ.

Объ этомъ-то теченіи и толкуютъ въ палаткѣ престарѣлаго командира полковники—Севастіанъ фонъ-Оттеръ и І. К. Хотеско, подполковникъ Отто Клингспоръ, командиръ кавалеріи въ отрядѣ фонъ-Котенъ Петръ Энегіельмъ, шефъ батальона пѣхоты и оберъ-адъютантъ маіоръ Карлъ Кликъ. Внимательно прислушивался старый командиръ къ горячимъ патріотическимъ рѣчамъ молодежи. Онъ зналъ, что, обыкновенно, финны не любятъ шведовъ, равнодушны и къ придворнымъ интригамъ и къ тому, кто царствуетъ

«Ну, друзья, потише! Право же, не такъ ужъ все безнадежно! Я попробую еще разъ поговорить съ его величествомъ», сказалъ Армфельдъ.

(Къ стр. 121).

въ Стокгольмѣ. Но теперь ихъ возмутилъ именно король. Онъ забываетъ слабость государства, равнодушенъ къ его нуждамъ! Только въ угоду иностранной политикѣ, ведется имъ эта изнурительная борьба! Сколько разъ генералъ Армфельдъ предупреждалъ его, указывалъ на равнодушіе, скорѣе—враждебность народа къ военнымъ затѣямъ. Внушалъ, просилъ быть осторожнымъ—не начинать войны своею властью, до обсужденія ея необходимости всесословнымъ сеймомъ. «Не должно жертвовать интересами одной партіи капризамъ другой», твердилъ старикъ. Все напрасно! Къ довершенію неудовольствія, Густавъ оказался вовсе неспособнымъ главнокомандующимъ; вслѣдствіе именно его оплошности, наканунѣ, въ битвѣ при Фридрихсгамѣ, русскіе отняли у шведовъ ихъ штандартъ, и весь отрядъ со стыдомъ, при бѣгствѣ, попалъ въ болото.

— «Кончится тѣмъ, что русскіе разобьютъ насъ на всѣхъ пунктахъ,—тогда прощай, наши финскія права и преимущества! Европа не подумаетъ намъ помогать, придется считаться съ самодержавной Императрицей», твердили собесѣдники.—«Ну, ну, друзья, потише! право же, не такъ ужъ все безнадежно! Я попробую еще разъ поговорить съ его величествомъ», урезонивалъ старикъ, «поговорю да вразумлю».—Повѣрьте, генералъ, безцѣльны всѣ ваши старанія! Король упрямъ и неспособенъ. При этомъ же, разставляя слова, вѣско заговорилъ форъ-Котенъ, «его величество заботится не о странѣ, не о благѣ подданныхъ,—онъ даже не стремится къ славѣ нашего оружія. О нѣтъ! У него одно желаніе, одна цѣль и войны и дипломатическихъ союзовъ, одну мечту летѣетъ онъ упрямо, безразсудно: это—захватъ власти безграничной, необузданной, ни-

кѣмъ не сдерживаемой! Воли хочетъ онъ, въ ущербъ и счастью народному и интересамъ государства!»— «Чтобы его остановить, чтобы спасти отечество», воскликнулъ фонъ-Оттеръ, «нужны не слова, не уговоры! нуженъ смѣлый шагъ, рѣшительное дѣйствіе. Надо однимъ взмахомъ порѣшить всѣ недоразумѣнія и стать твердою самостоятельною ногою на историческомъ пути самостоятельнаго развитія финскаго народа!»

Въ отвѣтъ ему Хотеско выхватилъ свой финскій ножъ.—«Вотъ онъ откроетъ путь къ свободѣ!» Но товарищи, наиболѣе разсудительные финны, остановили расходившагося патріота и принялись со всѣхъ сторонъ обсуждать и разбирать интересы бѣдной родины.—«Умертвить нелюбимаго солдатами Густава очень легко! Ну, а дальше что?» говорилъ разсудительный Клингспоръ, «притихшіе теперь, благодаря его самоуправству, дворяне опять поднимутся въ Стокгольмѣ. Изъ-за личныхъ распрей имъ будетъ не до финляндскихъ интересовъ, и, такъ или иначе, мы, все же, попадемъ подъ скипетръ русскихъ Самодержцевъ. Зорко блюдетъ интересы своего государства умная сосѣдка! Это не нашъ Густавъ! Промаха не дастъ! Ласково, ловко подберетъ она нашъ малочисленный народецъ. И не опомнимся, какъ заведетъ у насъ свои мягкіе, но незыблемые законы!»—«Ну нѣтъ, слуга покорный, не хочу я ихъ—этихъ новыхъ порядковъ, не люблю я русскихъ добряковъ!» сорвалось восклицаніе у старика Армфельда.—«Я же, господа, вотъ что надумалъ», заговорилъ Кликъ, «напишемъ мы, отъ имени финскаго народа, въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ меморандумъ, предложеніе или ноту Ея Величеству, нашей великой, мудрой сосѣдкѣ. Составимъ поумнѣе, польстимъ ей; да и вправду, она рѣдкость-мудрая пра-

вительница. Ругнемъ Густава, и это правда!—никуда не годится взбалмошный король! Мы объяснимъ ей, что война ведется имъ безъ нашего согласія, противъ нашей воли; что мы не хотимъ быть орудіемъ европейскихъ кабинетовъ, желаемъ только обоюдныхъ мирныхъ отношеній, лишь бы насъ, финновъ, оставили въ покоѣ, на нашей родной землѣ, съ нашими вѣковыми границами, безъ шведской опеки. Ну, а русскую обойдемъ молчаніемъ!»—«Это, маіоръ Егергорнъ, постарайтесь на словахъ поумнѣе и половчѣе передать», прибавилъ генералъ Армфельдъ.

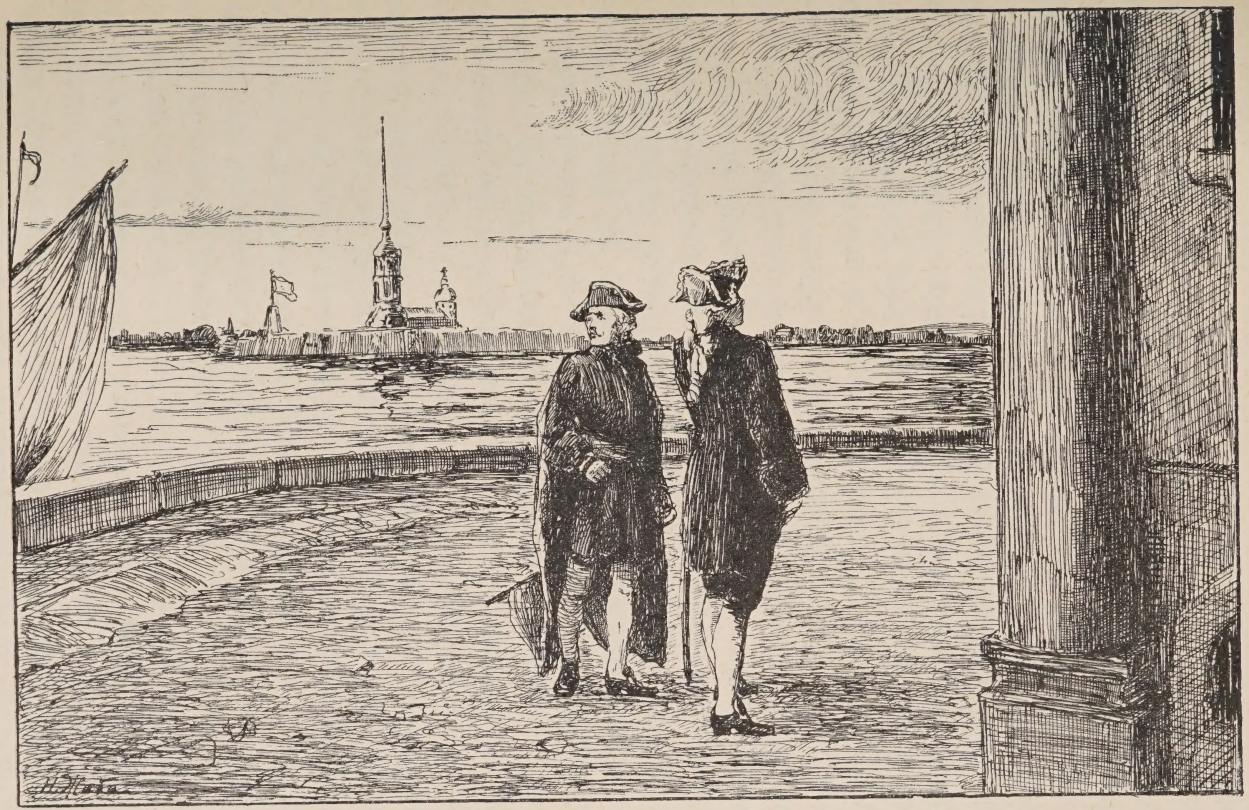
Умные заговорщики отлично понимали всю затруднительность этого пункта. Конечно, желательно добиться отвѣта на бумагѣ. Но какъ? этого не могли придумать неопытные дипломаты. И вотъ въ лагерѣ подъ Ликкола, въ палаткѣ корпуснаго командира шведскихъ войскъ, генералъ-маіора Армфельда, съ его согласія, 7 финляндскихъ патріотовъ, офицеровъ шведской службы, принялись строчить записку правительницѣ чужого, въ данную минуту воюющаго съ ними государства. Выходящее изъ-за финскихъ скалъ, блестящее солнышко съ улыбкой удивленія смотрѣло на эту кучку хмурыхъ, бѣлокурыхъ финновъ, трудившихся надъ своимъ остроумнымъ посланіемъ, выдававшимъ съ головой сильнѣйшему врагу и свою родину и своего короля.

Маіоръ Егергорнъ не подписалъ бумаги, за то принялъ на себя, дѣйствительно, очень замысловатое порученіе. Чтобы скрыть отъ войска его отъѣздъ, генералъ послалъ его, на слѣдующую ночь, осматривать посты вмѣстѣ съ Клингспоромъ. Не думали, не гадали угрюмые чухны, провожая глазами двухъ всадниковъ и отвѣчая паролемъ на ихъ узаконенный вопросъ, что

они пропускаютъ мимо себя измѣнниковъ родины, предателей законнаго, хотя и не любимаго, государя. Возвратившись одинъ, Клингспоръ объяснилъ, что они въ лѣсу подверглись нападенію русскаго отряда, что онъ успѣлъ ускакать, а товарищъ его взятъ въ плѣнъ.

Не плѣнникомъ, а по доброй волѣ, явился тотъ въ русскомъ лагерѣ. Графъ Мусинъ-Пушкинъ диву дался. Онъ никакъ не могъ понять смыслъ поступка финскаго офицера, однако считалъ себя не въ правѣ его задержать, но и пустить одного въ Петербургъ не рѣшался. Поданныя имъ бумаги приказалъ перевести на русскій языкъ и отправить къ генералу Брюсу, а самого Егергорна поручилъ капитанъ-исправнику Клейгельсу,—провезти съ большою осторожностью въ столицу, прямо во дворецъ, и постараться, насколько возможно, скорѣе доложить о немъ Ея Величеству.

Смѣтливый, ловкій русскій исправникъ въ точности исполнилъ порученіе. Въ Петербургъ онъ приплылъ 31-го іюля по Невѣ, чуть-свѣтъ, когда городъ покоился еще непробуднымъ сномъ. Та же прозрачная, палевая ночь, то же ясное, блѣдное небо, то же улыбающееся, блестящее солнышко поднимается на горизонтѣ. Только не нищенскій лагерь полуголоднаго шведскаго отряда озаряетъ оно, а славную столицу могучей русской Имперіи. Весело смотрится блестящее свѣтило въ позолоченныя главы православныхъ церквей, играетъ на зеркальныхъ стеклахъ нарядныхъ, горделивыхъ жилищъ богачей-вельможъ, обывателей столицы; любопытно крадучись, подбирается своими яркими лучами подъ складки и сборки дорогихъ шторъ, заботливо опущенныхъ въ огромныхъ окнахъ каменнаго величественнаго зданія, сурово смотрящагося въ прозрачныя воды царственной Невы. Все спитъ кругомъ; въ воз-



Маіоръ Егергорнъ и капитанъ-исправникъ Клейгельсъ раннимъ утромъ приплыли въ Петербургъ.

(Къ стр. 125).

духѣ не шелохнется ни малѣйшій вѣтерокъ. Даже Императорскій штандартъ, возвышающійся надъ дворцомъ, точно нѣжась, обвивается своими пышными складками вокругъ мощнаго древка. Только издали, откуда-то изъ-за рѣки доносятся развномѣрныя выкрикиванія безсонныхъ часовыхъ.

Очень удивился бы прохожій, если бы такой въ эту минуту очутился на пустынной набережной, увидѣвъ обоихъ пловцовъ. Одинъ, въ русскомъ мундирѣ капитанъ-исправника, былъ рослый, красивый, ловкій, точно отставной военный. Съ большимъ вниманіемъ, серьезно, сосредоточенно окинулъ онъ быстрымъ взглядомъ фасадъ дворца; такъ и чувствовался въ немъ опытный полицейскій чинъ. Другой—худощавый, очень бѣлокурый, немного-точно грустный, съ презлыми бѣлыми глазами, былъ затянутъ въ шведскій маіорскій мундиръ. Выйдя на берегъ, онъ обернулся къ Невѣ, тоскливо посмотрѣлъ въ ея блестящія воды направо, налѣво, на крѣпость съ церковнымъ шпилемъ, упиравшимся въ голубыя небеса. Вездѣ виднѣлась могучая, торжествующая сила, вполнѣ ему чуждая, пожалуй, даже враждебная. Безповоротно вытѣснила она его отцовъ съ царственныхъ водъ Невы широкой. Въ борьбѣ за эти берега пали его братья по оружію, и сколько шведской крови безслѣдно смыто этими волнами! Да! именно шведской! Онъ же—фи́ннъ! онъ здѣсь не у враговъ! Финляндцы ужъ давнымъ - давно не воевали съ Русью. Ихъ выгоняли въ поле то шведы, то нѣмцы-крестоносцы. Ни московскіе Цари, ни Петръ, ни Елисавета не обижали тихаго финна, скорѣе защищали отъ злого произвола властолюбивыхъ шведовъ; всегда въ дни голода кормили бѣднаго сосѣда. Со шве́домъ воевала Русь. На шведа же и теперь рус-

ской Царицѣ несетъ свою жалобу недальновидный финнъ. Понять не можетъ его тяжелый умъ, что разъ онъ признаетъ себя маіоромъ шведской службы, онъ не можетъ идти со своею просьбою къ чужой Императрицѣ. Его томительную думу какъ будто понялъ смѣтливый капитанъ-исправникъ Клейгельсъ. Онъ очень сочувственно слѣдилъ за его взглядомъ и вѣжливо напомнилъ, что имъ пора спѣшить. Пока еще никто не поднимался, надо бы пройти до внутренняго караула. Лучше, ежели ихъ не будутъ видѣть, не будутъ говорить о ихъ пріѣздѣ.

Казалось, непробуднымъ сномъ покоилось громадное зданіе дворца; какъ будто, никто и не примѣтилъ появленія обоихъ путниковъ, осторожно, чуть не на цыпочкахъ, пробиравшихся по заднимъ входамъ, коридорамъ, до комнаты дежурнаго камеръ-лакея. Но тутъ, въ полуоткрытой двери, стоялъ уже старикъ съ пытливымъ строгимъ взглядомъ.

— «Зачѣмъ изволили пожаловать, господинъ фридрихсгамскій капитанъ-исправникъ?» обратился онъ къ вошедшимъ.—«Какъ? уже встали, уважаемый Захаръ Константиновичъ?» вопросомъ на вопросъ отвѣчалъ шепотомъ Клейгельсъ, низко - пренизко склоняясь передъ старикомъ.—«Попробуй тутъ поспать,—какъ-разъ ее мнѣ кто-нибудь и растревожитъ!» былъ ворчливый отвѣтъ. «Ишь, рань какую забрались!»—«Кажется, мы очень осторожно подплыли и никѣмъ не замѣченные пробрались сюда», извинялся гость.—«Еще бы замѣтить, такая рань. На счастье, я одинъ еще поднялся,—хотѣлъ взглянуть, какъ солнышко восходитъ, приподнялъ краюшекъ у шторы, смотрю,—глазамъ не вѣрю: фридрихсгамскій капитанъ-исправникъ!»—«И не одинъ, привезъ маіора шведской службы съ письмомъ къ Ея

Величеству!» — «Видно, замиренія проситъ братецъ нашъ Густавъ!» Улыбаясь, совсѣмъ довольный, старикъ, казалось, хотѣлъ, ужъ протянуть руку за счастливою вѣстью. Клейгельсъ нагнулся къ самому его уху и сталъ шепотомъ объяснять, что посланецъ не отъ короля, а чуть ли не на него привезъ какой-то документъ. Набожный Захаръ отъ удивленія закрестился. Пропала радость! Опять забота защемила преданное сердце: какъ быть? придется безпокоить родимую Царицу. Охъ, ужъ эти шведскія дѣла, одно съ ними горе да тревога!

Усадивъ обоихъ посѣтигелей въ отдаленной удобной комнатѣ, преданный Константиновичъ пошелъ совѣщаться съ Марьей Савишной Перекусихиной, вѣрной, старой прислужницей Императрицы. Она уже не спала и замахала на вошедшаго руками со страху, чтобы какой-нибудь шорохъ не донесся до опочивальни Ея Величества. — «Худо спали? безпокойны? больны?» былъ встревоженный вопросъ.—«Не то, чтобы совсѣмъ, а, все же, не по себѣ, ужъ очень на Брюса гнѣваться изволили, да еще передъ самымъ сномъ».—«Опять что прозѣвалъ?» спросилъ сердито Захаръ.—«Вчера, какъ выѣхалъ съ утра изъ дома, такъ до вечера и не возвращался, а тамъ какія-то важныя шведскія бумаги отъ графа Мусина-Пушкина къ Императрицѣ его прождали. Доймутъ ее, сердечную, эти шведскія дѣла!» И Захаръ, съ досады, сплюнулъ; потомъ, усѣвшись въ покойное кресло, началъ совѣщаться съ Марьей Савишной, какъ бы не взволновать Императрицу новой вѣстью. Но не успѣли они еще ничего придумать и рѣшить, какъ раздался звонокъ изъ спальни, и Марья Савишна, крестясь, исчезла за дверями.

«Я, кажется, проспала сегодня», торопливо вставая,

говорила Императрица.—«Да нѣтъ же, Матушка, еще бы полежали, поотдохнули!»—«Некогда, Маша, не до отдыха, съ этимъ сумасброднымъ королемъ!»—«Что и говорить, родная, сосѣдъ совсѣмъ мудрёный», отвѣчала, растягивая слова, старуха Савишна, отдергивая занавѣси, открывая окна, прибирая медленно ночной безпорядокъ.

Цѣлый снопъ яркихъ веселыхъ солнечныхъ лучей ворвался въ широко раскрытыя окна, озаряя темную опочивальню, скользнулъ по мебели, стѣнамъ, заигралъ на драгоцѣнныхъ окладахъ многочисленныхъ образовъ и освѣтилъ озабоченныя черты вѣрной старухи. Государыня замѣтила тревогу, ея чуткое ухо еще раньше насторожилось, почудилось въ голосѣ не то обычное брюжжаніе, къ которому она привыкла, а что-то другое, точно, тоска какая.—«Что съ тобой? чѣмъ ты встревожена въ такую рань?» былъ ласковый вопросъ.—«Да я не то, что встревожена, такъ, все что-то немножко, какъ будто... Скорѣе бы вставать изволили и свой кофе кушать. Вотъ и Захаръ Константиновичъ несетъ ужъ его».—«Съ добрымъ утромъ, Ваше Величество, каково изволили почивать?»—«Да вотъ ей все шведы спать не даютъ, покою нѣтъ», торопилась подтолкнуть разговоръ Марья Савишна.—«Ну, не виляйте, это вамъ обоимъ не къ лицу, говорите прямо, я по глазамъ вижу, что приключилось что́-то особенное!» серьезно сказала Императрица.—«Только не волнуйся, не серчай, особеннаго пока еще ничего и нѣтъ!» заговорили оба вѣрные слуги. Но Императрица уже волновалась. Пришлось подробно выложить ей всю новость о необычномъ гостѣ.—«Онъ проситъ лично явиться къ тебѣ, Матушка, представиться», сказалъ Захаръ. Екатерина покачала головой.—«Къ чему? еще вчера, по-

лучивъ бумаги черезъ Брюса, послала я нарочнаго въ Олонецъ за Спренгтпортеномъ. Когда пріѣдетъ, тогда, пожалуй, лично переговорю съ этимъ маіоромъ»! Потомъ, подумавъ, прибавила: «не хотѣлось бы ввязываться въ это дѣло. Какъ-ни-какъ, а Густавъ—ихъ король, и они—измѣнники! Ты этого шведскаго гостя отведи-ка, Захаръ, къ графу Александру Матвѣевичу (Дмитріеву-Мамонову),—пусть съ нимъ и Клегельсомъ онъ толкомъ поговоритъ; мнѣ при оказіи перескажетъ, потомъ узнаемъ мнѣніе вице-канцлера и, когда пріѣдетъ Спренгтпортенъ, все вмѣстѣ поразсудимъ и сообразимъ!»

— «Ну, вотъ и сказъ весь», разводя руками объявилъ Захаръ: «Премудрая легохонько все разрѣшила, раскинула своимъ умомъ, теперь по маслу все пойдетъ!» И онъ какъ будто съ укоромъ посмотрѣлъ на Савишну. Та что-то копошилась около ночного столика, но поняла и взглядъ и намекъ.—«Кому-жъ и разобраться въ такомъ дѣлѣ? небось, самому хотѣлось разрѣшить», иронизировала она.—«Куда намъ, слугамъ! Вонъ и сановники за ней не угоняются! Цари всѣ слушаютъ, спрашиваютъ нашу Премудрую, а онъ туда же вообразилъ рѣшать вопросы». Захаръ собирался выпалить уничтожающій отвѣтъ, но Императрица махнула рукой и промолвила: «торопись скорѣе, Захаръ, не зѣвай, пусть и графъ-то торопится, внимательно поговоритъ, разсудитъ!»—«Иду, бѣгу!» и старикъ, мотнувъ головой по направленію къ Савишнѣ, засемѣнилъ старческими ногами по направленію къ покоямъ графа Мамонова. Государыня же вошла въ свой кабинетъ.

Тамъ уже ждалъ ее секретарь. По своему обычаю, онъ преусердно вытиралъ вспотѣвшее лицо. На столѣ

были имъ разложены кучки мѣдныхъ пятаковъ. Они были отлиты въ Стокгольмѣ. Ими въ Финляндіи шведы платили за свои покупки, что́, конечно, приносило большой ущербъ нашимъ финансамъ. — «Монетный дворъ, исполняя Высочайшее повелѣніе, разсмотрѣлъ эти монеты самымъ тщательнымъ образомъ», заговорилъ Храповицкій, отвѣшивая низкій, почтительный поклонъ.—«Сегодня и мнѣ очень жарко», улыбнулась Екатерина, взглянувъ на лоснящійся лобъ и скомканный фуляръ своего секретаря. Потомъ, разсматривая пятаки, прибавила: «Каковъ же выводъ изъ разсмотра?»—«Добро́той они съ нашими равны, на стемпелѣ, съ трудомъ, можно усмотрѣть разность съ русскимъ гербомъ. По всему видно, что очень рачительно и давно ихъ изготовляли!» — «То есть, онъ давно ужъ собирался насъ и побить и обмануть на всѣ лады?» гадливо сказала Императрица.

Она подошла къ открытому окну, полной грудью вдыхая живительный утренній воздухъ, любуясь чудной рѣкой, яркимъ солнечнымъ утромъ и красивымъ шпилемъ на Петропавловской крѣпости. Набожно перекрестясь, Екатерина вдохновенно проговорила: «Хоть сама пойду во главѣ своихъ славныхъ гвардейцевъ, но не выдамъ горе-богатырю Косимовичу *) Великаго Петра творенье!» — «Аминь!» послышался громкій отвѣтъ, и въ дверяхъ показался старикъ Нарышкинъ, неизмѣнный, вѣрный другъ Императрицы, чуть ли не со дня пріѣзда ея въ Россію.

Всегда довольный, беззаботный Левъ Александровичъ на этотъ разъ былъ совсѣмъ серьезенъ. Поцѣловавъ почтительно царственную руку, онъ дѣловымъ

*) Такое прозвище было дано Густаву III.

тономъ, отбросивъ обычную свою шутливость, сталъ сообщать содержаніе письма, полученнаго имъ отъ какого-то пріятеля изъ Варшавы. Въ польской столицѣ ходили по рукамъ письма изъ Берлина и Стокгольма, гдѣ, не стѣсняясь, сообщались свѣдѣнія о намѣреніяхъ Густава, опиравшагося на совѣты и дружбу Пруссіи и Англіи. Король вознамѣрился присоединить къ своей коронѣ не только тѣ земли, которыя были возвращены Россіи Петромъ и Елизаветой въ Финляндіи, но и всю Эстляндію, Лифляндію и Курляндію, взять Петербургъ и продиктовать Россіи условія мира! — «Вотъ хвастунишко!» воскликнула Императрица. «Права Марфуша, что собралась въ Москву бѣжать. Его послушать, такъ, дѣйствительно, укладываться надо!» Потомъ, понизивъ голосъ, продолжала: «а самъ не знаетъ, шалый Густавъ, что его же собственные подданные съ головой выдаютъ мнѣ его. Только эта измѣна мнѣ такъ гадка! Никакъ я не могу повѣрить въ прочность какихъ бы то ни было сдѣлокъ съ измѣнниками.—Нѣтъ, не такіе устои надо класть въ основу международныхъ отношеній!»—«А развѣ не воспользуешься, Матушка, Ваше Величество, разладомъ во вражьемъ станѣ?» удивленно спросилъ Левъ Александровичъ.—«Конечно, нѣтъ! нельзя-жъ марать величіе Россіи!» былъ гордый, властный отвѣтъ.

Пріѣхалъ Спренгтпортенъ. Императрица приняла его въ присутствіи канцлера (Безбородко) и вице-канцлера (Остермана). Долго, внимательно, всесторонне обсуждался вопросъ. Лично Государынѣ очень нравилась мысль освобожденія Финляндіи отъ сварливаго и для Россіи изъ вѣка въ вѣкъ враждебнаго шведскаго государственнаго управленія. Но идти въ сдѣлку съ такими несостоятельными силами было бы, по мень-

шей мѣрѣ, неосторожно и при томъ недостойно ни ея лично, ни Россіи. Екатерина, конечно, не мѣшала финнамъ изощряться въ происках для достиженія самостоятельнаго образа правленія съ герцогомъ Карломъ, братомъ Густава, во главѣ, несмотря на его злой, безобразный характеръ. Русское правительство пользовалось даже подкупностью генерала Гастфера и другихъ, лишь бы, тѣмъ или другимъ способомъ, оттѣснить шведскіе отряды отъ своихъ границъ.

14-го сентября 1788-го года наши суда бросили якорь у Выборга. На сушѣ шведы отступили къ Ловизѣ, очистили Гегфорсъ и Кюменсгордъ. Повидимому, кампанія была закончена, и казалось, что можно было начать и переговоры о мирѣ, тѣмъ болѣе, что въ теченіе зимы заговоръ былъ раскрытъ. Густавъ благополучно справился съ аньяльскими конфедератами. Многіе поплатились жизнью за свои несообразныя затѣи, другіе бѣжали за границу, въ ту же, всегда къ бѣднымъ финнамъ милостивую, сосѣднюю Русь православную.

Но Европѣ не хотѣлось видѣть мира и согласія между сѣверными державами: это придало бы слишкомъ много силы Россіи въ ея борьбѣ съ полумѣсяцемъ. Какъ же можно христіанской Европѣ допустить это усиленіе? Пруссія, Англія, даже слабѣющая тогда Франція не жалѣли ни денегъ, ни интригъ, поддерживая враждебное настроеніе Густава къ его великой родственницѣ. Онъ разбилъ на голову флотъ нашей союзницы Даніи и еще болѣе года упорно оспаривалъ у насъ господство надъ угрюмыми берегами Финскаго залива. Счастье склонялось то въ ту, то въ другую сторону. Мы одержали блестящую побѣду при Свенксзундѣ, которую Екатерина сравнивала со славнымъ

Чесменскимъ боемъ. Самъ Густавъ съ трудомъ спасся отъ плѣна, едва пробившись между нашими кораблями.

Взволновалась вся Европа, кромѣ развѣ дальней Испаніи. Дипломаты всѣхъ державъ принялись интриговать, чтобы помѣшать Россіи совершенно обезсилить своего безпокойнаго сосѣда. Чужія деньги помогли Густаву оправиться. Екатерину же связывала турецкая война, отнимая необходимыя силы для упорнаго натиска на Швецію. Шведы сдѣлали послѣднія, отчаянныя усилія и въ свою очередь 28-го іюня 1790-го года при томъ же Свенскзундѣ разбили наши войска. Но на дальнѣйшую борьбу у нихъ не достало силы, несмотря на помощь Европы. Достоинство Густава было спасено, и онъ могъ, безъ униженія, приступить къ мирнымъ переговорамъ. Императрица ухватилась за нихъ съ радостью. Въ Верельской долинѣ, 3-го августа 1790 года, былъ заключенъ миръ, по которому нисколько не измѣнялись границы, завѣщанныя Россіи Петромъ и Елизаветой. Древнія новгородскія пятины, часть Финляндіи и Корелія остались за нами. Только ослабло наше вліяніе на внутреннія, семейныя дѣла Скандинавскаго полуострова. Почувствовалась даже извѣстная общность, сліяніе политическихъ интересовъ, въ виду тѣхъ колебаній государственныхъ устоевъ, которыя начали обнаруживаться на Западѣ, угрожая спокойствію и порядку всей Европы.

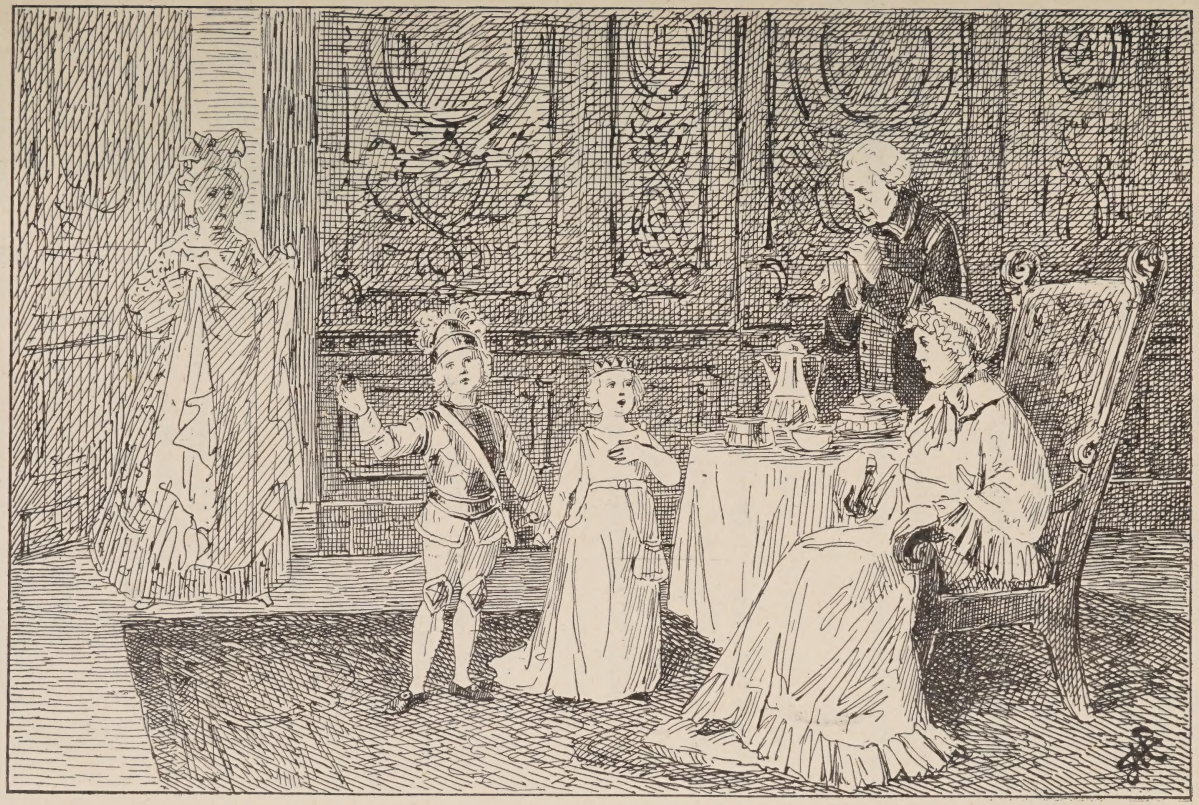
ИСТОЧНИКИ:

1) *Ординъ*. Покореніе Финляндіи.
3) *Бильбасовъ*. Монографіи, т. III.
4) *Брикнеръ*. Исторія Екатерины II.
5) *Іегеръ*. Всеобщая исторія.

Августѣйшая бабушка.

1788 годъ.

ХМУРОЕ ноябрьское небо нависло надъ Петербургомъ въ 1788-мъ году. Солнце спряталось, точно его никогда и не бываетъ. Дождикъ моросилъ холодный, упрямый, такъ и хотѣлъ пронизать васъ до костей, а все же съ ранняго утра, 24-го числа, набожные жители столицы, цѣлыми кучками, спѣшили въ храмы Божіи молиться, служить молебны, ставить свѣчи передъ иконами великомученицы Екатерины, вынимать частицы за здравіе безгранично-любимой августѣйшей именинницы, Матушки-Царицы Екатерины Алексѣевны. Къ подъѣздамъ Зимняго дворца со всѣхъ сторонъ устремлялись экипажи вельможъ, духовныхъ, гражданскихъ, военныхъ сановниковъ. Блестя роскошными нарядами, собирается русская знать, веселая, возбужденная, точно всѣ-то они-именинники, благо, именинница—ихъ великая, любимая Монархиня. Даже ворчливый Захаръ, въ уваженіе такого торжества, былъ на этотъ разъ благодушенъ и, подавая утренній кофе, ухмылялся, почтительно поздравляя съ празд-



Августѣйшіе внуки, великіе князья Александръ и Константинъ Павловичи, поздравляютъ свою Великую бабушку съ днемъ ангела.

(Къ стр. 135).

никомъ и прикладываясь къ царственной рукѣ.— «Спасибо, Захаръ Константиновичъ, спасибо, голубчикъ, твоими молитвами, видно, крѣплюсь, и ночь провела хорошо», говорила милостиво Императрица, «а кажется, есть отъ чего и захворать, и безсонницу нажить»...

Она не договорила,—въ кабинетъ безъ доклада вошли прелестныя куколки, мальчикъ въ рыцарскомъ нарядѣ и миловидная дѣвочка, точно сказочная царевна. *) Маленькій рыцарь, изображая собою богатыря Громкобоя, запѣлъ совершенно правильно хорошенькимъ голоскомъ:

«Геройствомъ надуваясь»....

Императрица не выдержала и тотчасъ же бросилась цѣловать прелестнаго рыцаря. Это былъ ея любимый внукъ, великій князь Александръ Павловичъ.

Тогда выступила маленькая царевна и тоже пропѣла изъ роли Лакметы:

«Куда захочешь, поѣзжай,
Лишь о полъ лба не разбивай,
И токомъ слезъ изъ глазъ своихъ
Ты не мочи ковровъ моихъ!»

Въ Лакметѣ, конечно, Императрица узнала Константина Павловича и также осыпала его поцѣлуями. Въ свою очередь и Громкобой запѣлъ свою арію, обращенную къ своимъ спутникамъ:

«Не надо денегъ брать въ походъ,
Съ чужой земли беремъ доходъ;
Куда, вѣдь, рыцарь ни приходитъ,
Вездѣ готовое находитъ,—
Потребна смѣлость лишь одна!»

*) Царственнымъ внукамъ Ея Величества было—старшему 11, а младшему 9 лѣтъ.

Взявшись за руки, маленькіе актеры пропѣли заключительный дуетъ:

«Пословица сбылась:
Синица поднялась,
Вспорхнула, полетѣла,
Но моря не зажгла,
А шуму надѣлала довольно» *).

Государыня даже заплакала отъ умиленія. Да и Захаръ, стоя у дверей, съ салфеткой подъ мышкой, тоже утиралъ слезы. Императрица, осыпая еще разъ самыми горячими ласками своихъ любимцевъ, встала, чтобы достать изъ шифоньерки, находившіяся тамъ всегда на готовѣ, любимыя дѣтскія лакомства. Въ эту минуту дверь изъ уборной отворилась и на порогѣ показалась Марья Савишна съ пудермантелемъ въ рукахъ.—«Пора, пора, Матушка, Ваше Величество, пусть дѣти бѣгутъ переодѣваться скорѣе, да въ храмъ Божій торопятся—молиться за бабушку свою, милостивую!»—«Да развѣ ужъ такъ поздно?» заговорила Императрица, чуточку виноватымъ голосомъ. «Мы тутъ только немного позабавились, они меня хотѣли потѣшить въ день именинъ!»—«Знаю, вижу», не сдаваясь, продолжала преданная слуга: «а все-жъ извольте одѣваться, пора,—въ уборной ужъ собрались господа придворные, дворецъ полонъ поздравителей, духовенство въ церкви, а Вы, на—поди, еще не причесаны!»—«Прости, милая Марья Савишна, это, право, ненарокомъ случилось!»

Дѣти побѣжали переодѣваться, а ихъ дорогая бабушка вошла въ уборную для официальнаго, торже-

*) Драматическое сочиненіе Императрицы Екатерины II: «Горе-богатырь Косимовичъ», въ которомъ она осмѣивала попытку Густава III, шведскаго короля,—овладѣть Петербургомъ.

ственнаго волосочесанія. Великая Екатерина горячо любила своихъ внучатъ, особенно старшаго, Александра. Материнская, вполнѣ женственная сторона характера Екатерины, мало проявлявшаяся, благодаря вмѣшательству Императрицы Елизаветы Петровны въ воспитаніе сына, пробудилась съ особенною силою при рожденіи и воспитаніи старшаго внука. Она лелѣяла его дѣтство, руководила мельчайшими подробностями физическаго его воспитанія, шагъ за шагомъ слѣдила за его нравственнымъ и умственнымъ развитіемъ, тщательно выбирая и воспитателей, и учителей. Сосредоточивъ на немъ самую горячую нѣжность и заботливость, Императрица не теряла изъ виду династическій интересъ; оттого его рожденіе и было привѣтствовано всей Россіей съ небывалымъ торжествомъ. Въ церквахъ благодарили Бога съ колѣнопреклоненіемъ, съ крѣпостей стрѣляли изъ пушекъ, но довольнѣе и радостнѣе всѣхъ была царственная бабушка. Съ минуты рожденія перваго внука, она взяла его подъ свой личный надзоръ. Изъ писемъ ея къ Гримму видно, какъ часъ за часомъ, день за днемъ, она любовно, заботливо слѣдила за новорожденнымъ сокровищемъ, будущимъ Царемъ ея любимой Россіи. «О Господинѣ Александрѣ» *), пишетъ она Гримму, «и рѣчи нѣтъ, какъ будто, его и не было. Ни малѣйшаго безпокойства съ тѣхъ поръ, какъ онъ явился на свѣтъ. Благословеніе Божіе да будетъ надъ душою его, какъ и надъ тѣломъ. Вы говорите, что ему предстоитъ на выборъ либо подражать соименному ему герою **), либо нашему Святому ***). Но вы, вѣроятно, не знаете,

*) Такъ обыкновенно называетъ Императрица своего внука.
**) Александру Македонскому.
***) Александру Невскому.

что этотъ святой,—русскій князь Александръ Невскій,—былъ человѣкъ съ качествами героическими. Онъ отличался мужествомъ, настойчивостью и ловкостью, что возвышало его надъ современными ему удѣльными, какъ и онъ, князьми. Татары уважали его, новгородская республика подчинялась ему, цѣня его доблести. Онъ отлично колотилъ шведовъ и слава его была такъ велика, что его почтили саномъ великаго князя. И такъ, по моему, Господину Александру не предстоитъ свободы выбора!»

Въ каждомъ словѣ, каждой мысли великой бабушки чувствуется ея безграничная любовь къ Россіи. Въ дружескомъ письмѣ къ мыслителю западной Европы, такъ и звучитъ нота гордости при оцѣнкѣ великаго русскаго святого князя. Она учитъ европейскаго мыслителя правильно судить, понимать, цѣнить ея Россію,—татары уважали, новгородская республика гнула свою гордую выю передъ мудрымъ Александромъ Невскимъ. И о Европѣ слегка вспомнила русская Самодержица: «онъ отлично колотилъ шведовъ».—Она мечтала дать Россіи втораго правителя, какъ Александръ Ярославичъ, въ лицѣ своего внука и трудилась надъ осуществленіемъ своей мечты. Комнаты, одежда, пища дѣтей-внучатъ, все, до мельчайшихъ подробностей, занимало августѣйшую бабку. Она придумывала удобный покрой для ихъ платья.—«На всемъ этомъ нѣтъ ни единаго шва и ребенокъ не знаетъ почти, что его одѣваютъ: ему всунутъ ручки и ножки одновременно, безъ малѣйшаго затрудненія и платьице одѣто; только сзади застегивается на четыре-пять крючечковъ. Кругомъ об-

шито бахромой и выходитъ очень красиво. Такъ какъ это мое личное изобрѣтеніе, то я и не могу не сообщить его вамъ» *). Разсказы Императрицы о Господинѣ Александрѣ—это курсъ педагогики, полный ума, знанія, наблюдательности и горячей материнской любви и заботливости, свидѣтельствующій о чуткости воспитательнаго такта Императрицы.

«*14-го іюля въ Петергофѣ*», опять она пишетъ къ Гримму: «теперь отгадайте, чѣмъ я здѣсь забавляюсь. Вы вѣрно не подозрѣваете: показываю азбуку Господину Александру, который еще не умѣетъ говорить и которому всего только полтора года. Онъ такъ хорошо знаетъ «А», которое замѣтилъ на собачкѣ, что отличаетъ его вездѣ, гдѣ онъ увидитъ, а теперь мы заняты другими гласными, послѣ чего перейдемъ къ слогамъ».

Псковъ, 14-го мая **), вѣроятно, во время путешествія въ Могилевъ. «Вотъ уже два мѣсяца, какъ я, продолжая законодательствовать, начала составлять, для моего развлеченія, предназначенную для Господина Александра, маленькую азбуку изреченій, которыя постоятъ за себя. Моя азбука начинена картинками; все это—наглядно, и ведетъ къ цѣли».

Но ей мало, для развлеченія отъ государственныхъ дѣлъ, заниматься съ виду маленькимъ, но въ сущности, головоломнымъ дѣломъ приспособленія къ дѣтскому мышленію изреченій, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ и къ изученію азбуки. Великая женщина взялась за трудъ для любимаго внука, котораго готовитъ въ правители ея любимой Россіи, и

*) Изъ письма къ Гримму объ одеждѣ великаго князя.
**) Письмо къ Гримму.

вотъ нѣжныя, заботливыя мысли отъ любимаго ребенка переходятъ и на всѣхъ русскихъ дѣтей. Съ задушевной теплотой думаетъ она на высотѣ трона о русскихъ малышахъ, трудясь для нихъ, какъ и для своего внука. «Изъ Александровой азбуки мы извлекли то, что пригодно ко всеобщему употребленію, и теперь это—русская азбука, напечатанная подъ заглавіемъ «Россійская азбука»,—разошлась въ двѣ недѣли, въ одномъ Петербургѣ, въ количествѣ 20.000 экземпляровъ. По Высочайшему повелѣнію, ее напечатали для общественныхъ школъ. Вторая часть той-же книги вышла подъ названіемъ: «Гражданское начальное ученіе». Она состоитъ изъ собранія 117 краткихъ изреченій-наставленій».

И не только одну азбуку составила Екатерина: она взяла перо въ руки и создала цѣлую полезную дѣтскую библіотеку. По поводу этой библіотеки «двухъ мальчугановъ августѣйшаго происхожденія», Гриммъ, отвѣчая Императрицѣ, говоритъ: «Въ этомъ есть основная сила и этимъ надо питать дѣтскія души». Отвѣчая своему другу, Императрица говоритъ: «Намедни Господинъ Александръ началъ съ ковра моей комнаты и довелъ мысль свою, по прямой линіи, до фигуры земли, такъ что я была принуждена послать въ Эрмитажную библіотеку за глобусомъ. Когда онъ его получилъ, то принялся усердно путешествовать по земному шару и черезъ полчаса, если не ошибаюсь, онъ зналъ почти столько-же, сколько покойный Вагнеръ *) пережевывалъ со мною впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ».

Черезъ нѣсколько времени тому же Гримму сообща-

*) Учитель географіи принцессы Цербстской.

лось: «Нѣтъ имени города или страны, котораго, при чтеніи, Александръ не находилъ бы на своемъ глобусѣ».—И еще: «Я опоздала съ своимъ письмомъ, потому что, сказать по совѣсти, сочиняла и должна была спѣшить окончить для маленькаго Александра сказку, въ которой является красавецъ-принцъ, большой краснобай и разумникъ».— «Я удручена и работой, и болѣзнію тѣхъ, кого люблю. Даже Господа Александръ и Константинъ больны. Вчера застала перваго у дверей своей комнаты, завернутаго въ плащъ. Спрашиваю, что это за церемонія?—Онъ отвѣчаетъ: «Это часовой, умирающій отъ холода».—«Какъ такъ?»—А у него лихорадка и онъ, чтобы посмѣшить меня, во время озноба надѣлъ свой плащъ и всталъ на часы».

Самодержавная распорядительница судебъ колоссальнѣйшаго государства заботливо бросаетъ свои правительственныя работы и, по привычкѣ, идетъ въ дѣтскую посмотрѣть на своихъ любимыхъ внучатъ, безпокоясь о ихъ здоровьи. Въ письмахъ она постоянно касается дѣтей: «Чтобы написать Вамъ, я должна была оторваться по неволѣ отъ второй эпохи Россійской Имперіи, составляемой мною для Господина Александра и Сударя Константина. А надо сказать, что это, въ своемъ родѣ, лучезарное твореніе. Мы уже набросали жизнь и подвиги Владиміра Святаго, который, наперекоръ вамъ и другимъ невѣрующимъ, былъ человѣкъ недюжинный».—Опять та-же черта. Императрица своей сильной душой, своимъ умомъ признавала недюжинность и святость Владиміра, тогда какъ много русскихъ, считающихъ себя патріотами, не признаютъ этого, съ высоты своей посредственности, и, по ограниченности своего

ума, не въ состояніи понять соединенія этихъ свойствъ въ одномъ лицѣ.

Переѣхавъ въ Царское Село на лѣто, августѣйшая воспитательница даетъ и подходящее направленіе занятіямъ своихъ сокровищъ,—дорогихъ внуковъ. Глобусъ спрятанъ вмѣстѣ съ большинствомъ книгъ; игры на коврѣ въ бабушкиномъ кабинетѣ оставлены до зимы. Лѣто, воздухъ, физическій трудъ, вотъ что дается августѣйшимъ дѣтямъ болѣе, чѣмъ сто лѣтъ тому назадъ. Она знакомитъ будущаго правителя обширнаго Русскаго государства и со всѣми особенностями его природы и со всѣми, вызванными именно этою обширностью, разнообразными видами бытовой жизни разнохарактернаго населенія Россіи. Она сама передаетъ Гримму эти подробности: «Если бы вы видѣли, какъ Господинъ Александръ копаетъ землю, сѣетъ горохъ, сажаетъ капусту, пашетъ сохой, боронитъ! Потомъ, весь въ поту, идетъ мыться въ ручьѣ, послѣ чего беретъ свою сѣть и, съ помощью Сударя Константина, принимается за ловлю рыбы. Они отдѣляютъ щукъ отъ окуней, потому что щука, говоритъ Александръ, поѣдаетъ другихъ рыбъ, стало быть, ее надо держать особо. Въ видѣ отдыха, онъ розыскиваетъ своего учителя письма или рисованія,—онъ учится у обоихъ по методѣ нормальной школы. Все это дѣлается нами по собственному почину, съ одинаковымъ рвеніемъ, не замѣчая даже, что мы это дѣлаемъ. Насъ ни къ чему не принуждаютъ. За то мы веселы и живы, какъ рыбки. Нѣтъ ни выговоровъ, ни дурного расположенія, ни упрямства, ни слезъ, ни крика. Мы беремъ книгу, чтобы читать съ тою же охотой, съ какою вскакиваемъ въ лодку, чтобы грести. Право, стоитъ посмотрѣть на насъ,

когда мы находимся въ лодкѣ! Александръ обладаетъ удивительной силой и ловкостью». Далѣе бабушка съ увлеченіемъ сообщаетъ: «Высокорожденные Господа Александръ и Константинъ занимаются изученіемъ столярнаго мастерства подъ руководствомъ столяра Майера: большую часть дня пилятъ, стругаютъ. Не правда ли, забавно, что будущіе государи учатся столярному ремеслу? Но такъ какъ игрушки уже не забавляютъ, столярное искусство замѣнило игрушки, наполняетъ наше время и не позволяетъ намъ быть безъ дѣла». Въ послѣдующихъ письмахъ читаемъ слѣдующія строки: «Правда, что наши способности—это широкая рѣка, которую трудно остановить въ своемъ теченіи. Я боюсь послать Вамъ образцы его рисованія, письма, счета, потому что вы бы не повѣрили, чтобы ребенокъ могъ въ шесть лѣтъ такъ рисовать, писать, считать. Я не говорю о его скачкахъ и прыжкахъ, все это въ тѣхъ же размѣрахъ, и обѣщаетъ мощнаго человѣка. Я вамъ сообщу характерную черту: у его брата былъ насморкъ и ему запретили подходить къ окну, выходящему на балконъ, отъ котораго очень дуетъ. Малютка, по вѣтренности, безпрестанно подходилъ къ нему. Ему намѣтили на паркетѣ черту и не позволили переходить. Но малютка все таки переступилъ ее, тогда старшій говоритъ ему: «Братъ, когда мнѣ говорятъ не ходить далѣе, какъ до сихъ поръ, то я, чтобы не забыть этого, въ умѣ провожу себѣ черту позади той, которая мнѣ назначена, и коль скоро, по забывчивости, я переступлю за ту, которую самъ себѣ назначилъ, тогда я вспомню, что не надо переходить слѣдующей».

Въ сентябрѣ 1783-го года скончалась г-жа Бен-

кендорфъ, воспитательница великихъ князей. Императрица нашла, что приспѣло время удалить отъ нихъ женскій надзоръ. Главное руководство было поручено генералъ-адъютанту Николаю Ивановичу Салтыкову. Но Императрица продолжала, по-прежнему, лично входить во всѣ подробности воспитанія и сохранила за собою постоянный, ежедневный надзоръ за ученіемъ и поведеніемъ своихъ августѣйшихъ внуковъ. При этомъ великіе князья оставались жить въ покояхъ бабушки. Она дала, кромѣ того, Салтыкову подробную инструкцію, ею составленную, по которой онъ долженъ былъ дѣйствовать, исполняя свои святыя и трудныя обязанности. Многія изъ этихъ наставленій имѣютъ опять-же прямое отношеніе къ дорогой родинѣ. Внуки и Россія занимали сердце, умъ, всю душу Царицы. «Русское письмо и языкъ», говоритъ она, «надлежитъ стараться, чтобы знали, какъ возможно, лучше». Прочіе языки предполагали изучать не иначе, какъ въ разговорахъ, «но чтобы при томъ не позабыли своегорусскаго, для того было предложено читать и говорить съ дѣтьми по-русски и стараться, чтобы они хорошо говорили». Надо было также изучать законы русскіе, «ибо, не знавъ оныхъ,—и порядка, коимъ правится Россія, знать не могутъ». Предписывалось «употреблять по нѣсколько часовъ въ день для спознаванія Россіи во всѣхъ ея частяхъ. Сіе знаніе столь важно для Ихъ Высочествъ и для самой Имперіи, что спознаніе оной главнѣйшую часть знанія дѣтей занимать должно. Прочія знанія, лишь примѣняясь къ оной, представлять надлежитъ, и для того приказать по временамъ составлять таблицы частей, водя Ихъ Высочества отъ части до части. Карты всея Россіи и особо

каждой губерніи съ описаніями, каковыя присланы отъ генералъ-губернаторовъ, къ тому служить могутъ, чтобы знать слой земли, произрастанія, животныхъ, торги, промыслы и рукодѣлія. Также рисунки и виды знаменитыхъ мѣстъ, теченіе рѣкъ судоходныхъ съ назначеніемъ береговъ, гдѣ высоки, гдѣ поемны, большія и проселочныя дороги, города и крѣпости знаменитые; описаніе народовъ, въ каждой губерніи живущихъ, одежды и нравы ихъ, обычаи, веселія, вѣра, законы и языки. Исторію Россійскую имъ знать нужно и для нихъ сочиняется». Сама Екатерина занялась, въ часы досуга сочиненіемъ русской исторіи, подъ заглавіемъ «Записки касательно Россійской Исторіи», потому что никакихъ популярныхъ и учебныхъ книгъ по этой части, въ то время, не существовало. И вотъ рѣшительница судебъ всей восточной Европы, та, которую западные правители выбираютъ судьею въ своихъ недоразумѣніяхъ, къ которой православные отовсюду обращаются за помощью и покровительствомъ, неустанная работница и печальница о нуждахъ государства, приступила сама къ изученію лѣтописей; она составляла изъ нихъ сводъ, отыскивая въ событіяхъ русской исторіи тотъ нравственный смыслъ, который иностранные историки упорно въ нихъ отрицаютъ. Своимъ трудомъ она желала внушить юнымъ читателямъ ту любовь къ родинѣ, которою была полна ея великая душа. По счастливому выраженію Добролюбова, Екатерина умѣла набросить на всѣ темныя явленія русской жизни и исторіи какой-то свѣтлый, даже отрадный колоритъ, «единственно-вѣрный», прибавимъ, «и необходимый пріемъ при передачѣ историческихъ фактовъ дѣтямъ и народу».—Императрица имѣла пол-

ное основаніе считать свои историческія записки одною изъ своихъ безчисленныхъ заслугъ передъ русскимъ народомъ тѣмъ болѣе, что, при составленіи этого замѣчательнаго труда, она, кромѣ великихъ князей, имѣла также въ виду и потребности создаваемыхъ ею нормальныхъ народныхъ школъ.

ИСТОЧНИКИ:

1) *Н. К. Шильдеръ.* Императоръ Александръ I. Его жизнь и царствованіе.
2) Письма Императрицы къ Гримму.
3) Сборн. Р. И. О. 1878 годъ, 3-я часть.

«FINIS POLONIAE!»

Конецъ Польши.

1793, 1794, 1795 гг.

ЗАСТУПАЯСЬ за своихъ угнетенныхъ подданныхъ, прусскій король Фридрихъ Великій, въ союзѣ съ православною русской Царицей, держалъ въ извѣстномъ порядкѣ вѣчно-шумливую, безпокойную Польшу.—Наслѣдникъ же его и племянникъ, Фридрихъ Вильгельмъ II, не хотѣлъ считаться съ завѣтами славнаго прошлаго. Онъ всѣми силами поддерживалъ разрушающееся государственное тѣло, настраивая и безъ того непокойныхъ пановъ противъ сильнѣйшей сосѣдки. Его политики держался и австрійскій императоръ Леопольдъ II, братъ и наслѣдникъ Іосифа II, друга нашей Екатерины.

Подъ этимъ, въ сущности для себя вреднымъ, вліяніемъ, Польша расхрабрилась до того, что, вопреки договорамъ, самостоятельно, безъ соглашенія съ нашимъ правительствомъ, объявила престолъ свой

наслѣдственнымъ, а не выборнымъ, отмѣнила конституцію, признанную опять же тремя сосѣдними державами, и, къ величайшей радости Габсбурговъ и Гогенцоллерновъ, старалась освободиться отъ русскаго вліянія. Они же злорадно всему поддакивали въ Польшѣ, а сами отправляли свои арміи на стражу, къ французской границѣ,—слѣдить за кровавымъ пожаромъ революціи.

Императрицѣ пока было не до мелкихъ интересовъ внутренней жизни маленькой сосѣдки. Она сосредоточенно кончала счеты на обѣихъ противоположныхъ окраинахъ, извлекая возможно большую выгоду своему государству и на финляндской и на турецкой границахъ. Войска же русскія, по мѣрѣ удаленія съ обоихъ театровъ военныхъ дѣйствій, постепенно стягивались въ Литвѣ, по сосѣдству съ Польшей.

Подписанъ Ясскій миръ въ 1791 г. Государыня и Россія были равнодушны къ европейскимъ дѣламъ, благо, они не затрагивали родныхъ интересовъ. За то, Польша, теперь ужъ берегись!... Посолъ ненавистной ей Московіи грозно поднялъ голосъ, по приказанію своей Императрицы, и напомнилъ, что не слѣдъ своевольничать: надо подчиняться трактатамъ, нечего панамъ и ихъ партіямъ обижать опять народъ.—Не послушались строгой правды,—на нихъ двинули полки. Бѣдный король (Станиславъ Понятовскій) взмолился о пощадѣ его же обижавшихъ бунтарей, да было уже поздно! Пощады нельзя и ждать обидчикамъ Россіи, тѣмъ болѣе, что теперь и Пруссія отказала въ заступничествѣ. Надвигалась грозная туча, чуялась бѣда. Приходилось полякамъ сплачиваться, мириться. Все позабыто: ссоры, вражды, препирательства исчезли. Сомкнулись всѣ партіи, сгорая одной пылкой жаждой

мщенія, и, стянувъ подъ знамена 45000 войска, рѣшились бороться на жизнь и смерть. Но все напрасно: никакая храбрость не могла устоять противъ привычныхъ къ побѣдамъ русскихъ полковъ! Разбивая поляковъ, они двигались къ Варшавѣ. Король очутился русскимъ плѣнникомъ въ своей столицѣ. Сиверсъ, посолъ Императрицы, распоряжался судьбами его государства. Австріи было не до Польши: она со страхомъ и напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за французскою революціей. Въ Парижѣ, на берегахъ Сены, умиралъ въ мученіяхъ слишкомъ добрый, слабый, уступчивый и довѣрчивый король Людовикъ XVI.

Русская Императрица давно предвидѣла эту горькую участь Людовика, горячо жалѣла многострадальную королевскую семью, но заботилась и занималась только своими дѣлами. По ея предложенію, былъ рѣшенъ второй раздѣлъ Польши. На него съ радостію согласилась Пруссія, не стыдясь получить, за измѣну дружеской державѣ,—Познань, Торнъ, Данцигъ и западную Польшу.

Государыня присоединила къ Россіи все пространство, лежащее на востокъ отъ границъ Курляндіи, до самой австрійской Галиціи. «Поздравьте меня», писала она Гримму: «съ возвратомъ русской колыбели, т. е. прекрасныхъ, многолюдныхъ областей: Волынской, Подольской, Минской».

За Польшей осталось только 4000 квадратныхъ миль земли съ 3 милліонами жителей и правомъ содержать 15000 войска. Въ утѣшеніе поляковъ, этому бренному остатку кичливой Рѣчи Посполитой было обѣщано со стороны Россіи мощное, даже вооруженное покровительство. 22-го октября 1793-года въ Гроднѣ былъ собранъ сеймъ; и на немъ, въ полномъ

изнеможеніи, испробовавъ всѣ уловки, промолчавъ чуть не сутки, и въ дѣйствительномъ, нѣмомъ отчаяніи, польскіе паны подписались подъ начертаннымъ Екатериной раздѣломъ родины. Игельстромъ занялъ Варшаву нашими войсками. «Польша въ рукахъ Россіи, какъ мягкій воскъ!» писалъ Сиверсъ. «Держать подъ арестомъ короля и цѣлый сеймъ—задача, тяжелая сердцу!» сознавалась сама Императрица, и, какъ всегда премудрая, чутко приглядывалась къ этому, тѣмъ болѣе ненормальному положенію, что простой народъ, земледѣлецъ,—православный и даже католикъ,—безусловно былъ преданъ Россіи, своей защитницѣ отъ звѣрствъ и неистовствъ пановъ, шляхты, католическаго духовенства. Отъ природы безпокойные, высшіе классы сами видѣли, куда тянуло ненавистное быдло. Ихъ страсти разгорались подъ угнетающимъ сознаніемъ русскаго превосходства, подавляющаго присутствія нашихъ войскъ.

Конечно, волненіе поляковъ возникало не безъ вліянія революціонной, окровавленной Франціи. Это подтверждаетъ сама Императрица въ письмѣ къ Гримму: «Костюшко и Мадалинскій развернули якобинское знамя бунта. «Революціонная Франція сулитъ имъ 30 милліоновъ лавровъ, и они собираются, съ оружіемъ въ рукахъ, принудить Пруссію вернуть отнятыя провинціи!»—Пруссаки оплошали, ихъ войска были разбиты шайками мятежниковъ, вооруженными косами. Крамола росла не по днямъ, а по часамъ! Ужъ и литовская Вильна зашевелилась подъ вліяніемъ стихійнаго волненія страстей. Знамя возстанія, дѣйствительно, твердо держалъ Тадеушъ Костюшко, незнатный шляхтичъ, другъ и товарищъ Вашингтона въ его борьбѣ за освобожденіе Америки изъ-подъ ига

Англіи. Искусный и очень храбрый предводитель, онъ вдохновенно призывалъ поляковъ подъ хоругвь освобожденія отечества. На его голосъ поднималась шляхта; богатые паны вели за деньги либо изъ-подъ палки своихъ рабовъ (быдло безземельные работники). Королевской власти, конечно, не было и тѣни. Станиславомъ помыкали всѣ партіи, заставляя говорить и дѣлать, что имъ вздумается. Ему запретили даже ѣздить на прогулку въ предмѣстья, вернувъ назадъ съ угрозой, когда онъ вздумалъ прокатиться въ Прагу. Въ церкви, съ каѳедры, во время проповѣди, при огромномъ стеченіи народа, ксендзъ - проповѣдникъ дѣлалъ ему выговоры. «Вы были обмануты, государь! Кто знаетъ, какіе совѣты посмѣютъ вамъ давать еще? Но теперь наступила послѣдняя эпоха вашего царствованія! Теперь вы не можете, вы не должны отдаляться отъ націи, вы должны или погибнуть, или спастись вмѣстѣ съ нею! Соблаговолите, государь, испытать вашу душу и приготовить ее къ этимъ двумъ крайностямъ. Вы не захотите приблизиться къ вашему трону по могиламъ гражданъ!» Долго, складно гремѣла дерзкая рѣчь подъ сводами Божьяго храма; растерянно слушалъ ее бѣдный Станиславъ,—наконецъ,—разревѣлся и далъ клятвенный обѣтъ жить и умереть съ народомъ. Игельстромъ, командовавшій русскимъ многочисленнымъ отрядомъ въ стѣнахъ Варшавы, конечно, видѣлъ броженіе, зналъ, что страна встаетъ, зналъ даже, что въ арсеналѣ что-то готовятъ,—и нашихъ военныхъ туда и близко не пускаютъ; и все-таки, на бѣду нашу, никакъ не могъ понять, сколь близка опасность и чѣмъ она грозитъ его солдатамъ.

Днемъ возстанія былъ назначенъ четвергъ Страст-

ной недѣли, 6-го апрѣля. Казалось, Варшава, замерла передъ погромомъ. Только набольшій бунтарь, башмачникъ Килинскій, другъ ксендзовъ и польскихъ дамъ, не смыкалъ глазъ цѣлую ночь. Хлопотливо бродилъ онъ по бѣднымъ кварталамъ, шептался съ ремесленниками, голытьбой, извозчиками, лакеями, набирая добровольцевъ, охочихъ, за деньги, шумѣть и буянить.—«Чуръ, не зѣвать! Москаль идетъ нашъ арсеналъ отбирать! Берегите, братья, родное добро, стерегите нашъ арсеналъ, наше оружіе, нашу силу боевую!—Идите, зорко глядите, а то кацапъ отниметъ ваше-же оружіе!» шопотомъ, на ухо, сыпалъ ловкій бунтарь вмѣстѣ съ пригоршнями злотыхъ *). По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, въ эту ночь было роздано 6000 злотыхъ **). Мирный людъ, встрѣчая нечаянно самого Килинскаго или его подкупленныя шайки, осторожно хоронился отъ нихъ въ домахъ, накрѣпко запирая и двери и окна.

Въ 4 часа утра стало замѣчаться необычное движеніе. То тутъ, то тамъ слышались выстрѣлы изъ за угловъ, начали показываться вооруженные отряды. Помчались уланы, конная гвардія, загрохотали пушки. Стали хватать, рѣзать рускихъ. Король волновался въ своемъ дворцѣ, сзывалъ къ себѣ свои полки. Его никто не слушалъ, никто не замѣчалъ. Онъ то спускался на улицу, то возвращался во дворецъ. Его даже чуть не смяла мчавшаяся кавалерія.

Цѣлыя сутки бился съ нападавшими у своего дома Игельстромъ во главѣ малочисленнаго отряда храбрецовъ. Сначала отбивался, все чего-то ожидая,

---

*) Злотый—польская монета, на наши деньги—15 к.

**) Неизданныя показанія Дебомъ.

все боясь кого-то обидѣть, что-то нарушить. Наконецъ, разстрѣлявъ всѣ свои патроны, съ большимъ трудомъ, теряя массу чудныхъ, храбрыхъ воиновъ, кое-какъ покинулъ онъ Варшаву и соединился съ пруссаками. Князь Гагаринъ и генералъ Милашевичъ погибли героями въ неравномъ бою, на улицѣ, стараясь удержать натискъ цѣлаго полка.

Военная православная церковь была полна молящимися за ранней обѣдней: къ этому именно Страстному четвергу, 6-му апрѣля, говѣлъ очередный отрядъ солдатъ, не успѣвшій исполнить христіанскій свой долгъ исповѣди и Св. причастія въ теченіе Великаго поста. Смиренно молились православные солдатики, усердно клали земные поклоны, шепча горячія молитвы о прощеніи прегрѣшеній, о милости, мирѣ, спасеніи душъ. Умильно пѣли ихъ собратья-пѣвчіе, сосредоточенно стояли командиры, истово возвышалъ свой голосъ молитвенникъ за паству,—благочестивый іерей. И въ это-то святилище молитвы, какъ стая дикихъ, лютыхъ варваровъ, вломились польскія войска. Ихъ не остановило величіе таинства, они не опѣшили передъ Святыми Дарами. Преграды не было ихъ злобному духу. И отъ руки христіанъ, славянъ же, у подножія алтаря Господня, сложили свою жизнь храбные русскіе воины, смиренные православные мученики. Ихъ безгрѣшныя души, очищенныя покаяніемъ и страданіемъ, съ высоты небесъ, никогда не перестанутъ благославлять свою братію,—христолюбивое, храброе на войнѣ, великодушное въ мирѣ, православное русское воинство!

Страшныя вѣсти долетѣли до Петербурга. Великая Государыня ушамъ своимъ не вѣритъ: союзники отброшены отъ воротъ польской столицы! Въ тылу

ихъ отрядовъ развѣвается знамя возстанія! Они чуть не бѣгутъ, оставили обозъ, больныхъ и раненыхъ покинули! Восторженные крики самонадѣянныхъ бунтарей, коварныхъ побѣдителей, чуть ли не доносятся до ея столицы. Въ Пруссіи также поднялись поляки. Костюшко собираетъ тысячныя толпы, устраиваетъ сильную конницу, собираетъ многочисленную артиллерію, изобрѣтаетъ для пѣхоты какое-то новое вооруженіе!—Кто поручится за дальнѣйшія послѣдствія такого движенія, при тогдашнемъ всеобщемъ броженіи умовъ въ Европѣ? Французскіе вожаки энергично откликались на вопли повстанцевъ. Ляхи понимали, что идутъ на послѣднюю борьбу. Не одолѣютъ,—на вѣки умрутъ! Дольше медлить было невозможно! Вызвали изъ Немирова непобѣдимаго Суворова; онъ тамъ давно стоялъ, училъ солдатъ, готовя къ бою.—«Слава Богу! Пойдемъ, покажемъ, какъ надо бить поляковъ!» воскликнулъ онъ и черезъ болота, лѣса, подъ дождемъ, чуть-что не перескочивъ съ восьмитысячнымъ отрядомъ 329 верстъ, явился въ Ковелѣ. Онъ присоединилъ къ своему отряду еще 12000 войска и явился, на разсвѣтѣ, подъ Костинымъ. Тамъ стоялъ Сѣраковскій съ многочисленнымъ войскомъ и встрѣтилъ русскихъ убійственнымъ огнемъ. Но что за дѣло нашимъ солдатамъ до вражьихъ пуль, когда ими командуетъ непобѣдимый? Ихъ штыки смяли поляковъ. Во время подоспѣвшая конница довершила пораженіе. Сѣраковскій бѣжалъ черезъ лѣсъ. Суворовъ не унимался. Онъ далъ передохнуть отряду и въ полночь двинулся въ погоню, думая настичь врага подъ Брестомъ. Но тотъ отступалъ къ Варшавѣ.—Еще ночной переходъ—и непріятели столкнулись снова. Бились отчаянно съ обѣихъ сторонъ. Въ ря-

дахъ Сѣраковскаго были крестьяне, вооруженные косами, придѣланными къ длиннымъ древкамъ. Онъ ободрялъ своихъ, увѣрялъ, что передъ ними не настоящій, непобѣдимый Суворовъ, а кто-то другой изъ генераловъ, для ихъ устрашенія, нарочно только назвавшійся Суворовымъ. Ничто не помогло! Поляки падали, какъ мухи, отъ нашихъ пуль и штыковъ. Однимъ натискомъ Суворовъ стеръ возстаніе въ Литвѣ. Тирасполь и Брестъ были взяты. «Корпусъ Сѣраковскаго конченъ!» писалъ онъ Румянцеву. Императрица въ восторгѣ осыпала побѣдителя своими милостями и ждала новыхъ успѣховъ.

Ждать пришлось не долго. Узнавъ о появленіи Суворова, самъ Костюшко понялъ неминуемую гибель. Среди его товарищей, поднялись пререканія, недовольство имъ и другъ другомъ. Онъ попробовалъ дѣйствовать противъ отряда Ферзена, на сторонѣ котораго было численное превосходство, всѣми силами удерживая наше движеніе къ Варшавѣ. Недалеко отъ польской границы, не довѣряя уже своимъ силамъ, онъ все же рѣшился на отчаянную схватку съ Ферзеномъ. Онъ перешелъ Вислу выше Пулавъ и принялъ бой. Счастье окончательно покинуло поляковъ, оно перекочевало къ намъ. Курьеры Костюшки, разосланные, чтобы стянуть къ нему на помощь другіе отряды, были перехвачены, такъ что онъ оставался безъ подмоги. Бой становился вполнѣ неравнымъ. Войско Ферзена со всѣхъ сторонъ обложило врага. Долго, отчаянно отстаивали поляки свою жизнь. Наконецъ, теряя послѣднюю искру надежды, Костюшко, какъ безумный, бросился самъ въ сѣчу, ища смерти.— Побѣда ему не давалась, смерть же его забыла. «Finis Poloniae!» воскликнулъ несчастный, видя гибель

своихъ и, вскочивъ на коня, пробовалъ бѣжать,—опять неудача! Онъ попалъ въ болото, на него налетѣли наши гусары съ казаками, рубя и коля всѣхъ безъ пощады.—Костюшко, пораженный пикою, лишился чувствъ. Ужъ сабли засверкали надъ его головой, когда одинъ изъ бывшихъ при немъ, умирая, собралъ послѣднія силы и простоналъ: «Это Костюшко!» Имя, хорошо всѣмъ извѣстное, остановило занесенные удары: сабли и пики опустились. Предводитель возставшей Рѣчи Посполитой очнулся въ плѣну у русскихъ. Изъ 10000 поляковъ болѣе 6000 легло на полѣ битвы, болѣе 1500 ранено и взято въ плѣнъ. «Слава Богу! Польша наша!» сказалъ герой Рымника и Измаила, и сталъ готовиться къ взятію Варшавы. Онъ зналъ, что плѣнъ Костюшки убавитъ пылъ и силы защитниковъ столицы, возбудитъ безпорядки. Все вышло по его. Враждовали повстанскіе вожди, распадались отряды. Варшаву, дѣйствительно, трудно было защищать,—укрѣпленія хотя были сильны, но страшно растянуты. Рѣшились послать провѣдать о намѣреніяхъ Суворова. Онъ и не принялъ посланцевъ. «Съ бунтовщиками мнѣ нечего и говорить!» былъ короткій отвѣтъ. «Если же хотятъ пощады, то пусть положатъ оружіе, покорятся своему королю и ждутъ приговора разгнѣванной Императрицы Всероссійской».

Этотъ отвѣтъ подстрекнулъ варшавянъ. «Смерть легче безчестья!» кричали въ совѣтѣ правительства. Рѣшено было вывести войско въ Прагу. Молодые, старые, даже женщины,—всѣ вооружились, бросали столицу и переправлялись за Вислу—въ предмѣстье ея—Прагу, подъ начальство Зайончека.—Прагу окружили ретрашементомъ, глубокимъ рвомъ и волчьими ямами. 30000 войска со ста пушками засѣли въ

Костюшко, пораженный пикою, лишился чувствъ. *(Къ стр. 156)*

Прагѣ, готовые биться не на жизнь, а на смерть Король просилъ Суворова отпустить раненаго адъютанта,—Бишевскаго. Просьба была исполнена, но ни о какихъ переговорахъ не упоминалось. Тогда главнокомандующій Зайончекъ прислалъ къ Суворову маіора Миллера съ письмомъ, прося дозволенія—прислать раненому Костюшкѣ карету, доктора,—и упоминая о переговорахъ.—Суворовъ отвѣтилъ: «Скажите пославшимъ васъ, что я не вхожу въ сношенія съ возмутителями, кромѣ одного случая, если они безусловно попросятъ пощады. Осмотрите мой лагерь и передайте, что я готовъ идти на Варшаву и никого щадить не буду!»

На письмѣ Зайончека онъ велѣлъ написать: «Свирѣпые возмутители хотятъ мѣряться съ Россіей. Бунтовщикъ противъ своего короля, Зайончекъ считаетъ себя генераломъ и осмѣливается писать къ Суворову. Письмо якобинца отсылается безъ отвѣта. Здѣсь нѣтъ уравненій; нѣтъ и пощады изступленію своевольныхъ. Только покорностью купятъ они забвеніе прошлаго!»

Прошло три дня въ ужасномъ, томительномъ ожиданіи. Наши войска не двигались. Суворовъ готовилъ распоряженія въ тиши своей калмыцкой палатки. По ночамъ его отрядъ неутомимо работалъ, сооружалъ батареи и разставлялъ орудія противъ Праги. 24-го октября, подъ прикрытіемъ темной осенней ночи, выступили наши къ назначеннымъ пунктамъ. Взвилась сигнальная ракета, загрохотали пушки, и люди бросились на непріятельскіе ретрашементы. Мостъ черезъ Вислу запылалъ, за нимъ и дома Праги. Съ безумнымъ отчаяніемъ бились поляки. Но отъ Божьей воли никуда не уйдешь! Со всѣхъ сторонъ лѣзли русскіе черезъ валы и укрѣпленія, ломая

все, убивая всѣхъ, ни на минуту не останавливаясь. Все смѣшалось въ дымѣ, стонѣ, набатѣ, громѣ барабановъ. Непріятельскія пушки сбиты, заклѣплены, молчатъ! Русскія бомбы добиваютъ бѣгущихъ, думавшихъ спастись въ волнахъ Вислы. Суворовъ въѣхалъ въ разрушенную Прагу, когда стихли ужасы приступа, назначилъ комендантомъ Бугсгевдена, разставилъ караулы по берегу рѣки. Армія стояла кругомъ лагеремъ. На другое утро явились депутаты съ письмомъ отъ короля. «Правленіе Варшавы проситъ моего посредничества!» писалъ тотъ, «жители хотятъ защищаться, если не будутъ обнадежены въ безопасности жизни и имѣнія!» Депутаты просили перемирія на недѣлю. «Договоры не нужны!» послалъ имъ сказать Суворовъ черезъ дежурнаго генерала. «Войско и жители отдаютъ все свое оружіе русскимъ. Король утверждается въ своемъ достоинствѣ. Русское войско вступаетъ въ Варшаву».

Поляки не унялись,—на другой день явились съ тою же докукой. Въ Варшавѣ было полное безначаліе. Доходило до кровопролитныхъ схватокъ, хотѣли плѣнить короля, перерѣзать плѣнныхъ русскихъ. Народъ собирался толпами, рвался въ бой.

27-го октября утромъ графъ Потоцкій и Мостовскій снова явились къ Суворову, заявляя, что нужна недѣля для выступленія польскихъ войскъ изъ Варшавы. «Войскъ? о какихъ это войскахъ вы говорите? Толпа бунтарей—не войско, я посланъ ихъ усмирить, а не вести съ ними переговоры. Я не дипломатъ! При томъ же Россія не воюетъ ни съ Польшей, ни съ ея королемъ, а усмиряетъ мятежъ!» И тутъ же велѣлъ Ферзену переправляться черезъ Вислу и входить въ Варшаву, считая это движеніе необходимымъ для

Принявъ ключи Варшавы, Суворовъ перекрестился, поцѣловалъ ихъ и сказалъ: «Благодарю Бога, что они не такъ дорого куплены, какъ...» Онъ указалъ на Прагу.

(Къ стр. 159).

порядка, чтобы оградить мирныхъ жителей.—Въ 4 часа привезли отвѣтъ. Ваврженкій уводилъ вооруженные отряды, а городъ отдавалъ свой арсеналъ и покорялся безусловно.

29-го октября начался торжественный входъ русскихъ въ Варшаву, при звукахъ музыки, громѣ барабановъ. Суворовъ ѣхалъ верхомъ, окруженный свитой. У моста его встрѣтили городскіе правители съ хлѣбомъ-солью и серебряными позолоченными ключами города *). Принявъ ключи Варшавы, Суворовъ перекрестился, поцѣловалъ ихъ и сказалъ: «Благодарю Бога, что они не такъ дорого куплены, какъ»... Онъ указалъ на Прагу.

Массы народа толпились на улицахъ, наполняя воздухъ кликами: «Да здравствуетъ Суворовъ! да здравствуетъ Екатерина!»

«Пошелъ, и гдѣ тристаты злобы?
Чему коснулся—все сразилъ.
Поля и грады стали гробы,
Шагнулъ и—царства покорилъ!...
. . . . . .
Ступитъ на горы,—горы трещатъ,
Ляжетъ на воды,—воды кипятъ,
Граду коснется,—градъ упадетъ,
Башни рукою за облакъ кладетъ.

Державинъ

Борьба на бранномъ полѣ была окончена,—русскія побѣдоносныя войска исправно выполнили свое святое дѣло, какъ и прежде и послѣ, всегда его дѣлали успѣшно.

Къ несчастью, не такъ успѣшно дѣйствовала послѣ

*) Хранятся въ соборѣ Петропавловской крѣпости.

того наша дипломатія. Не смотря на всѣ личныя усилія Великой Екатерины, только въ октябрѣ 1795 года ей удалось осуществить третій раздѣлъ Польши,—такъ трудно было справиться съ завистливой, ехидной Европой! Къ намъ отошла остальная часть Литвы, все пространство между Нѣманомъ и Бугомъ и вся Курляндія!

Историкъ Брикнеръ дѣлаетъ очень поучительное замѣчаніе, что Императрица Екатерина усердно, спеціально занималась изученіемъ исторіи родины, и въ подробной запискѣ доказала, что присоединенныя къ Россіи за время ея царствованія части Польши входили и прежде въ ея составъ; по этому, не взявъ ни пяди чужой земли, она не имѣла повода къ принятію титула польской королевы, о которомъ заговаривали всегда кичливые, но и всегда низкопоклонные поляки.

ИСТОЧНИКИ:

1) *С. Соловьевъ.* Исторія паденія Польши.
2) *Брикнеръ.* Исторія Екатерины II.
3) *Н. А. Полевой.* Исторія Суворова.
4) Сборн. Р. И. О. 1878 г., кн. 23.

Присоединеніе Грузіи.

1783—1801 гг.

ДАВНО дружила Русь православная съ единовѣрной ей Грузіей. Одинъ изъ отважныхъ птенцовъ Рюрикова дома, сынъ князя Андрея Боголюбскаго, княжичъ Юрій, былъ женатъ на грузинской царицѣ, великой Тамарѣ, и не мало придалъ славы ея царствованію своими лихими битвами съ недругами-сосѣдями. Тѣснѣе сдружились Русь и Грузія въ дни общей скорби, когда, съ поникшимъ челомъ, носили онѣ вмѣстѣ ясакъ *) въ Золотую Орду. Дружба, зародившаяся при общемъ несчастіи, глубока и несокрушима, какъ братство.— Проходили вѣка, унося съ собою ужасы ига, а съ ними и нужду, скорби, разореніе. Возрождалась чудная Грузія. Расцвѣтали заросшія быльемъ поля и сады. Города поднимались изъ пепла, и крѣпло благодатное царство, пока снова не подпало подъ новое иго Тамерлана. Опять несутся въ поднебесье

*) Подать.

стоны жителей, разореніе покрываетъ плодородныя земли и исчезаютъ памятники человѣческаго труда, просвѣщенія, богатства!

Въ 1442 году заботливые цари—Александръ I и его сынъ, Вахтангъ IV,—много потрудились надъ возрожденіемъ земного рая, какъ выражались современники объ этой прелестной странѣ. Снова оживилась Грузія, расцвѣла, разбогатѣла, возвысился изъ пепла великолѣпный Мцхетскій соборъ.—Тогда пошли внутреннія, семейныя распри царственныхъ родичей. Для страны онѣ гораздо пагубнѣе всякаго иноземнаго нашествія.—Въ борьбѣ съ внѣшними врагами крѣпнетъ самосознаніе, любовь къ родинѣ, уваженіе къ законамъ, обычаямъ. Во внутреннихъ же неурядицахъ гибнетъ народное достоинство, гордость, понятіе о чести отечества, воспитывается духъ раздора, мелкаго соперничества, междоусобицы. Цвѣтущее, разбогатѣвшее обширное грузинское царство дѣлится и распадается на мелкія части между царственными родичами, вѣчно враждовавшими между собою. Въ 1511-мъ году Кахетинскій царь Александръ I просилъ защиты московскаго Царя Іоанна III, называя его «надеждой христіанства и подпорою бѣдныхъ».

Александръ III обращался съ одинаковой просьбой къ нашему Царю Борису. Тогда его одолѣвалъ знаменитый персидскій шахъ Аббасъ. Но намъ тогда было не до чужихъ напастей. На насъ самихъ шла туча съ запада.

Несчастная Грузія, вслѣдствіе княжескихъ раздоровъ, не сплотилась для отпора и сдѣлалась жертвой хищнаго разоренія чудовищнаго побѣдителя. Самое же худшее зло состояло въ томъ, что малодушные грузины, мингрельцы, кахетинцы и нѣкоторые изъ ихъ

царей, отъ страха, изъ желанія своимъ же навредить, отрекались отъ истиннаго Бога и принимали исламъ.

Одинъ изъ отщепенцевъ, царевичъ Давидъ, во главѣ персидскихъ войскъ, завладѣлъ родною Кахетіею, убилъ отца и брата и, воцарившись, подписалъ свою зависимость отъ шаха и полнѣйшій разрывъ съ единовѣрной Россіей. Въ то же время умеръ отъ отравленія карталинскій царь Георгій X, отказавшійся послѣдовать этому нечестивому примѣру. Православное духовенство энергично возставало на защиту попираемаго Креста Христова, служа единственной поддержкой народа въ вѣрѣ отцовъ и преданности святой Церкви. Шахъ Аббасъ, узнавъ, что на почвѣ вѣры начинается броженіе умовъ въ Кахетіи, отправился туда въ 1617 г. съ многочисленнымъ войскомъ и затопилъ все кровью, обращая, по своему обычаю, въ пепелъ города и села, грабя монастыри, уничтожая святыя иконы и кресты, увозя драгоцѣнности. Христіане, въ страхѣ, даже не защищались, а толпами бѣжали молиться, укрываться подъ сѣнь святыхъ храмовъ, готовясь къ неминуемой смерти. Персы настигали ихъ, избивали всѣхъ безпощадно или сжигали вмѣстѣ съ церквами.

Преданіе сохранило разсказъ о кровавой расправѣ въ одномъ изъ монастырей Гареджійской пустыни, каменистой, безводной, прорытой ущельями. Подъ развалинами монастырскаго храма, внутри алтаря, по-нынѣ стоитъ престолъ, а на немъ—вмѣсто священной утвари—человѣческія кости, связанныя крестообразно. Эти-то кости и дали названіе лаврѣ: Мацамети—лавра мучениковъ. Здѣсь, по повелѣнію шаха Аббаса, были избиты въ святую Пасхальную ночь 6 тысячъ иноковъ.

Существовалъ христіанскій обычай, по которому иноки-братья всѣхъ 12 обителей Гареджійской пустыни—собирались въ Пасхальную заутреню въ эту лавру, такъ какъ церковь этой лавры, по размѣрамъ, была больше всѣхъ другихъ церквей. Къ тому же великій день былъ и храмовымъ праздникомъ обители. Въ Пасхальную полночь 6 тысячъ иноковъ, съ возженными свѣчами въ рукахъ, обходили храмъ, красовавшійся на самой вершинѣ горы, радостно воспѣвая торжественное «Христосъ воскресе», не подозрѣвая, какъ сами они были уже близки къ переходу въ вѣчность. Далеко за Курой, въ Карайской степи шахъ Аббасъ увидѣлъ ночью это шествіе: на самой вершинѣ пустынной горы, точно блуждающіе огни, двигались, мерцая, многочисленные свѣтящіяся точки все въ одномъ направленіи. Шаху сдѣлалось какъ-то жутко отъ этихъ звѣздочекъ, шевелившихся въ темномъ пространствѣ. Струхнулъ предводитель варварскихъ ратей:—«кто тамъ мерещится?» крикнулъ онъ.—«Это гареджійскіе пустынники празднуютъ свою Пасху», отвѣчали приближенные.—«Сейчасъ истребить!» былъ неумолимый приговоръ. Ужаснулись даже зачерствѣлыя души соратниковъ шаха. Пробовали доказать, что отшельники зла никому не дѣлаютъ: и оружія-то они не носятъ, и жизнь-то проводятъ въ постѣ и молитвѣ, и что самъ пророкъ велѣлъ щадить такихъ богомольцевъ. Аббасъ былъ непреклоненъ; на разсвѣтѣ лихіе наѣздники его прискакали въ лавру. Служили обѣдню; всѣ иноки пріобщались Святыхъ Христовыхъ Таинъ, когда вломились персы,—и черезъ нѣсколько мгновеній 6000 труповъ полегло на церковныхъ плитахъ, облитыхъ потоками дымившейся крови.

Въ Пасхальную полночь, шесть тысячъ иноковъ, съ возженными свѣчами въ рукахъ, обходили храмъ, красовавшійся на самой вершинѣ горы. *(Къ стр. 164).*

Съ тѣхъ поръ запустѣли ущелья. Православная Церковь причла мучениковъ къ лику святыхъ, благочестивый же царь Арчалъ, собравъ святыя кости, воздвигъ надъ ихъ могилой небольшую церковь.

Шахъ Аббасъ упрочилъ персидскій гнетъ надъ бѣдной Грузіей, и только крѣпкой связи народа съ духовенствомъ православная страна обязана, что пережила тяжкое испытаніе, свято сохранивъ вѣру отцовъ. Глава грузинскаго духовенства являлся не разъ руководителемъ освободительныхъ движеній. Царей же или вовсе не было, или они принимали исламъ, чтобы удержаться на своихъ престолахъ. Царь Теймуратъ изъ своего изгнанія искалъ помощи у Турціи и Россіи: «И вамъ, великому Государю», писалъ онъ нашему юному Царю Михаилу Ѳеодоровичу, «свои слезы и бѣдность объявляемъ, что свѣтлость наша обратилась въ тьму и солнце уже насъ не грѣетъ, мѣсяцъ насъ не освѣщаетъ, и день нашъ свѣтлый учинился ночью, и я теперь въ такомъ положеніи, что лучше бы не родиться, нежели видѣть, какъ православная христіанская вѣра и земля Иверская при моихъ очахъ разорилася; въ церквахъ имя Божіе не славится и стоятъ онѣ пустыя». Далѣе онъ просилъ, чтобы Царь московскій исходатайствовалъ у персидскаго шаха освобожденіе изъ плѣна его матери и сыновей. Государь горячо ходатайствовалъ за страдальцевъ. Шахъ на словахъ отвѣчалъ очень дружески и даже прислалъ въ даръ московскому Царю величайшую православную святыню,—Хитонъ Господень, похищенный имъ при ограбленіи Мцхета; но съ плѣнниками поступилъ все же по своему. Подъ игомъ персовъ, Грузія продолжала такъ страдать, что завоевательныя движенія турокъ противъ пер-

совъ показались чуть ли не спасительными многострадальнымъ грузинамъ. Цари и князья перестали считать обязанностью исповѣдывать исламъ. Персы и турки, воюя между собою, точно забыли Грузію и она начала постепенно оправляться. Прошло нѣсколько десятковъ лѣтъ, Грузія ожила, постепенно пробуждалось народное самосознаніе, и новая жизнь такъ окрѣпла, что, когда персы въ 1744-мъ году справились съ турками, имъ пришлось уже сознаться, что прошли безповоротно времена насилія и произвола. Шахъ Надиръ пошелъ на уступки: утвердилъ христіанскихъ царей Теймурата II—въ Карталиніи и его сына Ираклія II—въ Кахетіи.

Умеръ шахъ Надиръ, пошли раздоры, междоусобицы и помогли Грузіи покойно крѣпнуть, развиваться, набираться силъ, самостоятельности. Въ 1769-мъ году Теймуратъ уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и скончался. Вполнѣ самостоятельный Ираклій счастливо отбивался отъ набѣговъ лезгинъ, удвоивъ свои силы, сливъ во-едино Кахетію и Карталинію. То было время сильнаго подъема народнаго духа, религіознаго и нравственнаго возрожденія, воскресшихъ надеждъ и вѣрованій Грузіи. Окончательный устой дала этому движенію Сѣверная православная сосѣдка. Императрица Екатерина II отправила на Кавказъ генерала Тотлебена поддержать единовѣрцевъ въ борьбѣ съ ненавистнымъ ей исламомъ.

Кучукъ-Кайнарджійскій миръ повліялъ и на участь Кавказа: однимъ изъ его условій было признаніе независимости Кахетіи и Карталиніи. Прозорливый Потемкинъ внимательно слѣдилъ за участью нашей православной сосѣдки. Онъ понималъ, что для блага Россіи Грузію надо укрѣпить, поддержать.

За это время въ Персіи умеръ шахъ Керимъ-Ханъ, другъ царя Ираклія, охранитель мира и покоя. Грузинскій царь понялъ, что возникшія послѣ этой утраты недоразумѣнія поведутъ снова къ кровавымъ, безконечнымъ бѣдствіямъ. Онъ рѣшилъ, для спасенія любимой родины, отдать свое царство подъ вѣрную защиту и покровительство сильной православной Россіи. Его поступокъ вполнѣ отвѣчалъ видамъ русскаго правительства. Какъ въ польскихъ и турецкихъ дѣлахъ, религіозный вопросъ становился и тутъ на первомъ планѣ: Россія выступала покровительницею единовѣрныхъ ей народностей. Расширяя свои владѣнія на востокъ, возвращая прежнія земли на западѣ, правительство Екатерины соединяло единовѣрные народы и укрѣпляло православную вѣру на безпредѣльныхъ пространствахъ. Значитъ, и относительно Грузіи, нельзя было колебаться: Государыня и приняла предложеніе грузинскаго царя.—Командовавшій нашими кавказскими войсками, графъ Петръ Сергѣевичъ Потемкинъ отправилъ въ Грузію два батальона кавказскихъ егерей. Въ городѣ Гори, древней столицѣ Карталинскаго царства, былъ подписанъ 24-го іюля 1783-го года договоръ, по которому Грузія на вѣчныя времена становилась подъ защиту и покровительство Россіи. Въ ноябрѣ наши войска торжественно вступили въ Тифлисъ и были восторженно встрѣчены грузинами, чувствовавшими, что съ русскими входитъ миръ, благосостояніе, счастье, подъ сѣнью православнаго Креста.

Заволновался весь азіатскій міръ. Сыны ислама тревожно смотрѣли, какъ ѣхало въ Грузію русское тержественное посольство, и радостная пальба съ тифлисской крѣпости отдавалась боевымъ набатомъ въ сердцахъ взбѣшеныхъ сыновъ Ирана.

23-го января 1784-го года полномочный министръ русской Императрицы, полковникъ Тамара, привезъ во дворецъ всѣ царскія регаліи, присланныя Ея Величествомъ и украшенныя соединенными гербами Россіи и Грузіи. Сѣдой старикъ, славный воитель, любимецъ поданныхъ, царь Ираклій встрѣтилъ ихъ, стоя у ступеней свого трона, окруженный царевичами, придворными чинами и знатнымъ духовенствомъ. Царь выслушалъ привѣтственное слово посла русской Монархини и собственноручно принялъ отъ него знаки царской власти. Вручивъ государственное знамя и мечъ двумъ представителямъ старѣйшихъ княжескихъ родовъ, которые съ древнѣйшихъ временъ сохраняли право—за царями носить ихъ, Ираклій возложилъ корону, скипетръ и царскую мантію на особо приготовленныя подушки, послѣ чего Тамара передалъ царю императорскую грамоту. Поднесеніе ея было привѣтствовано сто однимъ пушечнымъ выстрѣломъ, мощнымъ эхомъ раскатившимся по всему Кавказскому хребту. Загрохотали ущелья! дрогнули горы! Смиренные иноки, спасавшіеся въ постѣ и молитвѣ въ расщелинахъ горъ, закрестились, призывая помощь свыше православнымъ защитникамъ своимъ. На вышки дальнихъ минаретовъ взбирались изступленные магометане, устремляя, въ трепетномъ страхѣ, глаза на пушечный дымъ, братски сливавшійся съ туманами и облаками грузинскаго неба.—Три залпа привѣтствовали солнечный восходъ 24-го января. Народъ несмѣтными толпами покрылъ тифлисскія улицы. Въ 10 часовъ утра царь Ираклій, впереди котораго были несены регаліи, торжественно вступилъ въ Сіонскій соборъ, взошелъ на приготовленный тронъ и возложилъ на себя царскую мантію. По бокамъ размѣсти-

лись придворные чины, держа въ рукахъ остальныя регаліи, а на ступеняхъ трона и у подножія стали сыновья и внуки прирожденнаго грузинскаго государя. Впереди поставили два столика, художественно отдѣланные слоновой костью. На одномъ, покрытомъ золотымъ глазетомъ, лежала грамота Императрицы, а на другомъ, покрытомъ бархатомъ,—ратификація Ираклія. Католикосъ всей Грузіи служилъ молебенъ. При возглашеніи многолѣтія Благочестивѣйшей Государынѣ Императрицѣ всея Россіи, загудѣли всѣ колокола тифлисскихъ церквей и съ батарей Мцхетскаго замка грянулъ привѣтственный залпъ. По волѣ Великой Екатерины, безъ боя, среди мирнаго радостнаго торжества, Грузинское царство слилось съ ея Имперіей.

По окончаніи молебствія, совершился обмѣнъ ратификацій, а затѣмъ царь Грузіи Ираклій, осѣненный государственными знаменами, въ присутствіи представителей Россіи, полковниковъ Тамары и Бурнашева, передъ крестомъ и св. Евангеліемъ, произнесъ присягу на вѣрность своей покровительницѣ, Императрицѣ Всероссійской.

Парадный обѣдъ, народныя увеселенія, фейерверки на сосѣднихъ вершинахъ, при праздничномъ звонѣ церковныхъ колоколовъ, ознаменовали великое историческое событіе.

Не могли безмолвно и безучастно глядѣть на торжество Креста Христова мусульмане Турціи и Персіи. Не смѣя открыто выражать свою ярость, они прибѣгли ко всѣмъ ухищреніямъ трусливой, скрытой злобы. Воинственные горные народцы, съ драчливыми лезгинами во главѣ, сдѣлались удобнымъ орудіемъ ловкихъ мусульманъ. Они стали дѣлать набѣги, тре-

вожа успокоившихся было грузинъ: жгли малыя селенія, угоняли скотъ, уводили въ плѣнъ женщинъ, убивали мущинъ. Въ октябрѣ уже русскому отряду пришлось укрощать дикіе набѣги. Не сразу, послѣ многихъ, не всегда удачныхъ, стычекъ, удавалось имъ справляться съ горцами. На рѣчкѣ Алазанѣ, близъ селенія Мугайлы, лезгины засѣли въ дремучемъ лѣсу, взобрались на деревья и оттуда палили изо всѣхъ силъ въ нашихъ храбрецовъ. Пять часовъ бились русскіе, пока, наконецъ, очистили лѣсъ, перебили и перетопили въ быстромъ горномъ потокѣ бѣжавшаго врага и этимъ блестящимъ боемъ подорвали на Кавказѣ вѣру въ непобѣдимость дикихъ племенъ.

Въ Тифлисѣ нашъ отрядъ встрѣтили съ большимъ почетомъ; командиръ Самойловъ былъ героемъ дня. Думали, что теперь можно будетъ отдохнуть; но лезгины не унимались. Въ апрѣлѣ и маѣ слѣдующаго года пришлось опять ихъ унимать. Рвались они въ бой, какъ изступленные. Наши съ трудомъ побѣдили. «Опытъ храбрости нашихъ войскъ», писалъ графъ Петръ Семеновичъ Потемкинъ Бурнашеву, «долженъ доказать царю Ираклію и его грузинимъ, какъ велико ихъ благополучіе быть подъ защитою русскаго воинства».

Но эта защита была далеко недостаточна. Увеличить нашъ кавказскій корпусъ было рѣшительно невозможно: всѣ войска направлялись въ Турцію и Польшу. Потемкинъ былъ вынужденъ стянуть свой отрядъ на линію и предоставить Ираклія болѣе или менѣе его собственнымъ силамъ. Поднялась Чечня, глухо заволновалась и наша Кабарда, вооружился аварскій ханъ и самый страшный исконный врагъ прекрасной Грузіи,—неумолимая, воинственная Пер-

сія. Еще разъ несчастная страна легла въ конецъ разоренная, подъ огнемъ и мечомъ Ага-Магомета. Этотъ кровожадный фанатикъ намѣтилъ себѣ въ добычу разбогатѣвшую уже за послѣдніе годы Грузію. Пользуясь отказомъ русскихъ войскъ и семейными раздорами царя, онъ подошелъ къ стѣнамъ Тифлиса. Престарѣлый Ираклій не могъ уже съ прежней энергіей сзывать подъ свои знамена отважныхъ бойцовъ. Но все-же отчаяніе придало силы ему, храбрость—жителямъ. Наскоро сдѣлалъ онъ прекрасныя распоряженія: Тифлисъ могъ еще держаться. Пушекъ было много, народъ храбро окружалъ своего маститаго вождя, рѣшивъ скорѣе умереть, чѣмъ выдать его и свое достояніе. Скрѣпивъ геройское рѣшеніе обоюдною клятвой, разставили часовыхъ у всѣхъ городскихъ воротъ, чтобы никого не выпускать изъ города. Малодушная царица Дарья, вмѣсто того, чтобы дѣлить съ мужемъ посылаемое испытаніе, своимъ примѣромъ подкрѣплять, своимъ участіемъ утѣшать подданныхъ, стала молить объ одной милости,—уйти изъ города. Обидна была старику, борцу безъ страха и упрека, трусость царицы. Онъ не сразу согласился, наконецъ,—уступилъ горячимъ слезамъ. Съ царицей оставили городъ десять почетнѣйшихъ семействъ, со всѣми своими сокровищами. Это послужило сигналомъ общаго бѣгства.—«Значитъ, нѣтъ надежды на спасеніе», заговорила струсившая толпа.—«Вонъ царица бѣжитъ съ друзьями и добромъ, чего же намъ то ждать?» И бросились толпами изъ города по всѣмъ дорогамъ безхарактерные грузины, подальше отъ театра военныхъ дѣйствій, оставляя городъ, церкви Божіи, дома отцовъ и то добро, которое не въ силахъ были унести съ собою. Ираклій остался одинъ съ

малой горстью храбрецовъ, поклявшись сложить головы на дорогомъ пепелищѣ. Отчаянно бились съ обѣихъ сторонъ. Къ Ираклію на помощь явился царевичъ Вахтангъ. Три раза персы нападали на городъ, три раза ихъ отбрасывали.—«Я не помню, чтобы когда нибудь мои враги сражались съ такимъ мужествомъ!» воскликнулъ предводитель персовъ. А кому, какъ не ему, приходилось видѣть отчаянныя битвы?—Наконецъ произошла послѣдняя вылазка,—и бѣднымъ грузинамъ пришлось уступить. Царь Ираклій не хотѣлъ самъ покинуть поля битвы.—«Кто-жъ не знаетъ, что ты храбрый изъ храбрыхъ», говорили ему его близкіе: «уходи, не увеличивай своей гибелью торжество враговъ!» Онъ никого не слушалъ и кидался въ сѣчу съ такимъ остервененіемъ, что непремѣнно погибъ бы, ежели бы внукъ, царевичъ Іоаннъ, не кинулся съ остатками грузинской конницы въ толпу персіанъ и силою не выхватилъ у нихъ славнаго дѣда. Онъ увелъ его въ горы, куда постепенно отступали его храбрые соратники, уступая шагъ за шагомъ, улицу за улицей многочисленному врагу.

Преданіе говоритъ, что при этомъ разгромѣ Тифлиса, погибъ знаменитый пѣвецъ Саятъ-Нова. Онъ былъ славенъ и въ царскихъ палатахъ и въ убогой хижинѣ простолюдина. Смолоду—разгульный пѣвецъ, подъ старость—отшельникъ, онъ умеръ страдальцемъ за вѣру и родину. Старикъ молился въ церкви, когда брали городъ; услыша приближающагося врага, онъ вышелъ съ крестомъ въ рукѣ и пропѣлъ по татарски звучный стихъ:

«Не отступлю отъ Іисуса,
Не выйду я изъ церкви!»

Его тутъ же и убили. А персы возвратились домой, чтобы съ новыми силами приняться за новые набѣги. Слухи о пораженіи Ираклія, стоны грузинъ, неистовства персовъ донеслись наконецъ до Петербурга, до русской Царицы.—«Это возмутительно! Надо положить конецъ такимъ звѣрствамъ!» говорила великая Монархиня. Собравъ военную коллегію, подъ своимъ предсѣдательствомъ, она сдѣлала всѣ нужныя распоряженія для отправленія войска въ Персію, подъ командой графа Валеріана Александровича Зубова, чтобы обуздать изверга Хана.

Ревностный, энергичный графъ, несмотря на свою молодость, дѣйствовалъ блистательно. Онъ взялъ Дербентъ, Шемаху, Баку, Сальяны и Ганжу, навелъ паническій страхъ на самого Ага-Магомета и, конечно, наказалъ бы его за всѣ совершенныя имъ преступленія, если бы смерть великой русской Монархини не остановила нашего побѣдоноснаго шествія.

Весь поглощенный интересами Европы и переобмундированіемъ войска, Императоръ Павелъ Петровичъ круто измѣнилъ направленіе русской политики. Наши отряды спѣшно вернулись въ Россію, а звѣрскій Ага-Магометъ-Ханъ собрался отплатить новыми жестокостями несчастной Грузіи за весь страхъ, испытанный имъ отъ приближенія русскихъ войскъ. Тутъ ужъ точно самъ Господь заступился за многострадальный народъ и за его бѣднаго старца-царя.

Персы отдыхали послѣ разгрома карабахской столицы, крѣпости Шуши. Они расположились лагеремъ на площади, а Ханъ помѣстился въ шахскомъ великолѣпномъ дворцѣ. Стража кругомъ оберегала покой своего страшнаго властелина, но не могла охранить отъ мести приближенныхъ. Ханъ помѣстился въ одной

маленькой комнатѣ, недоступной для посторонняго глаза. Угрюмо глядѣли ея голыя стѣны, не видно было никакого убранства, лишь на полу разостланъ былъ богатый коверъ для защиты ногъ властелина отъ прикосновенія къ мраморному полу, да у стѣны стояла его знаменитая походная кровать. На ней лежало, спускаясь до самаго пола, покрывало, густо вышитое жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями, только самая середина изъ дорогого пурпуроваго бархата не была зашита, потому что именно на этомъ мѣстѣ возсѣдалъ шахъ при торжественномъ пріемѣ, поджавши ноги, въ богатой шубѣ, крытой красной шалью. Спитъ все кругомъ дворца и въ самомъ зданіи. Самъ Ханъ, успокоившись, крѣпко заснулъ. Не спятъ только два, на смерть имъ обиженные, нукера *). Вооруженные кинжалами, тихо крадутся они, обутые въ шерстяные чулки, по темному корридору къ отдаленной комнатѣ и остановились, не смѣя дохнуть передъ шелковымъ занавѣсомъ, скрывавшимъ входъ. Кругомъ мертвая тишина, только слышно мѣрное дыханіе спящаго злодѣя-повелителя. Одинъ изъ заговорщиковъ протянулъ руки къ занавѣси. Шелкъ зашелестилъ. Окостенѣла рука, духъ захватило, а сердце билось, стучало, будто хотѣло разбудить спящую жертву. Убійцы переглянулись, точно поддерживая обоюдную рѣшимость. Рука снова протянулась и, на этотъ разъ, судорожно отдернула занавѣсъ. Быстро окинули они взоромъ своимъ комнату. Огонекъ изъ серебряной лампады проливалъ слабое мерцаніе на Хана. Онъ спалъ, не шелохнулся. Двѣ грозныя тѣни подкрались безъ шума къ смертному ложу. Поднялась мстительная рука, сверкнулъ кинжалъ при свѣтѣ

*) Слуги.

лампады и глубоко вонзился въ грудь грознаго Хана. Онъ приподнялся, открылъ изумленный, ужъ гаснувшій взглядъ, и призналъ убійцу: «Несчастный, ты убилъ Иранъ!» прохрипѣлъ онъ черезъ силу и бездыханный скатился на постель. Погибъ жестокій врагъ христіанства, почти непобѣдимый борецъ за славу и величіе Персіи. Съ нимъ, дѣйствительно, умираетъ слава, счастье Ирана. Вздохнули сосѣди, ожили надежды православныхъ народцевъ Кавказа. Только горемычный царь Ираклій не могъ болѣе воспользоваться счастливой перемѣной въ судьбахъ его любимой Грузіи.

11-го января 1798-го года его не стало. Угасъ герой, любимецъ народный, честный христіанинъ, мудрый, но несчастный царь грузинскій. Скончался онъ въ Телавѣ, любимомъ городкѣ Кахетіи, гдѣ онъ началъ свой царственный подвигъ еще въ правленіе отца. Сюда же удалился онъ лить горькія слезы послѣ недавняго разгрома несчастнаго Тифлиса.

Въ виноградной долинѣ Алазани стоитъ на возвышеніи живописный Телавъ, утопая въ зелени липовыхъ садовъ, отъ которыхъ онъ и получилъ свое названіе. Бѣлыя церкви, бѣлыя башни городской стѣны придаютъ ему живописный, веселый видъ. На площади, среди крѣпости, до сихъ поръ уцѣлѣли каменныя стѣны древняго зданія-дворца Кахетинскихъ царей. Въ этомъ то дворцѣ, въ средней, круглой залѣ, къ которой прилегали малые покои и легкія галлереи въ восточномъ вкусѣ, лежало на смертномъ одрѣ бездыханное тѣло героя-страдальца. Передъ постелью, на возвышеніи, въ родѣ трона, разложена была царская порфира, справа отъ нея всѣ регаліи, а по лѣвую украшенія овдовѣвшей царицы, вмѣстѣ съ одеждой и оружіемъ покойнаго супруга. На низкихъ тахтахъ,

кругомъ стѣнъ, сидѣли, укутанныя съ ногъ до головы въ бѣлыя чадры, жены сановниковъ, отчаянно выли, рыдая и колотя себя въ грудь. Съ правой стороны у трона, въ безмолвномъ, тупомъ отчаяніи, молча, размѣстились министры, сановники; за ними—церемоніймейстеры съ переломленными мечами.

Изъ открытаго окна виднѣлся любимый конь покойнаго, вѣрный товарищъ его въ военныхъ походахъ. Понуря голову, стоялъ онъ у воротъ, осѣдланный наизнанку, а у ногъ, на землѣ, сидѣлъ чиновникъ съ непокрытой головой.

Отдернулась занавѣсь, и въ печальный покой вошла, окруженная дѣтьми, родными, близкими вдовствующая царица Дарья. Съ воплемъ отчаянія, терзая грудь и волосы, бросилась она на холодный трупъ, причитывая, перебирая всѣ доблести покойнаго, его заслуги передъ родиной, бранные подвиги. «Подданные потеряли въ немъ истиннаго отца!» повторяла она, рыдая. И ей вторила вся свита. Изъ залы она вышла къ воротамъ, приласкала коня и, обратившись съ тѣми же воплями къ безмолвному чиновнику, удалилась въ свои покои. Тамъ, сидя на полу, устланномъ богатыми коврами, окруженная вторящими ей женщинами, горемычная вдова принимала родственниковъ, сановниковъ, министровъ. Они бросались передъ ней на колѣни, выражая соболѣзнованія. «Кого мы лишились въ немъ?» спрашивалъ каждый вошедшій, обращаясь ко всѣмъ плакальщицамъ. «Не онъ ли былъ среди грозныхъ дней нашимъ утѣшеніемъ, помощникомъ, спасителемъ въ дни голода и горя?»—«Вай, вай», отвѣчали женщины. «Не его ли добрая жена была подругою и матерью намъ? А теперь мы видимъ мать свою осиротѣлую въ слезахъ».—«Вай,

вай!» пуще прежняго завывали въ отвѣтъ. И такъ продолжалось, пока всѣ желающіе не перебывали, пока, по обычаю, не оплакали каждой вещи, принадлежавшей усопшему.

Изъ-за моровой язвы, 6 недѣль нельзя было перевезти тѣло покойнаго въ Мцхетъ, въ усыпальницу грузинскихъ царей. Его поставили на время въ древнѣйшемъ Спасскомъ храмѣ Телава. Народъ шелъ съ любовью плакать и прощаться съ любимымъ царемъ, 52 года стремившимся дать счастье, миръ, благосостояніе своему любимому народу. Нѣкогда грозный всему Закавказью, Ираклій II умеръ среди стона народа, плакавшаго на развалинахъ своихъ домовъ, надъ трупами дѣтей, женъ, мужей, отцовъ.

Послѣ торжественныхъ похоронъ, вдовствующая царица и ея приверженцы употребляли всевозможныя ухищренія, чтобы престолъ перешелъ именно къ ея сыновьямъ. Но грузины присягнули Георгію XII, старшему сыну покойнаго царя. Коварная, злая женщина обращалась даже за помощью къ Персіи, исконному врагу, утѣснителю, обидчику бѣдной Грузіи. Но достойный сынъ своего отца, Георгій, оставаясь почтительнымъ къ мачихѣ, ласковымъ съ младшими братьями, твердо держался преданій отца. Хорошо понимая всю трудность дальнѣйшаго самостоятельнаго царствованія, онъ обратился къ преемнику Великой сѣверной Самодержицы, Императору Павлу Петровичу, прося принять Грузію въ вѣчное русское подданство и прислать военную силу для защиты бѣдной страны отъ враговъ, внутреннихъ и внѣшнихъ. Государь приказалъ командующему кавказской линіей, генералъ-лейтенанту Кнорингу отправить въ Тифлисъ 17-й егерскій (теперь лейбъ-эриванскій)

полкъ, подъ командой Г. М. Лазарева. А въ качествѣ постояннаго полномочнаго нашего министра поѣхалъ туда же с. с. Ковалевскій. Онъ привезъ царю Георгію въ даръ отъ нашего Государя корону и остальные знаки царскаго достоинства, такъ какъ всѣ драгоцѣнности грузинскихъ царей были расхищены во время послѣдняго погрома Ага-Магометъ-Хана.

Съ большою пышностью отпраздновали въ Грузіи коронацію, затѣмъ наслѣдникомъ престола былъ объявленъ царевичъ Давидъ, старшій сынъ царя Георгія XII-го. Но чѣмъ радостнѣе откликался грузинскій народъ на сліяніе Грузіи съ Россіей и чѣмъ тверже казались устои этого соединенія, тѣмъ усерднѣе хлопотала вдовствующая царица и вся ея семья. тѣмъ охотнѣе отвѣчала Персія на ея слезныя моленія о вооруженномъ вмѣшательствѣ въ дѣла несчастной родины. Скоро въ Тифлисѣ явилось персидское посольство. Георгій, вѣрный добровольно принятымъ имъ обязательствамъ передъ Россіей, принялъ ихъ въ домѣ русскаго уполномоченнаго, стоя подъ большимъ портретомъ Императора Павла Петровича, у подножія котораго поставленъ былъ грузинскій тронъ съ сложенными на немъ короною, скипетромъ и державою; порфиру же держали грузинскіе чиновники. Посолъ выразилъ желаніе говорить съ царемъ наединѣ, и когда царь отказался, то посолъ уже прямо заявилъ требованіе своего повелителя, давая почувствовать грузинскому царю права властителя Персіи надъ Грузіей. Въ пререканіе вступился представитель Россіи. Персъ пригрозилъ наказаніемъ за ослушаніе подданнаго, и на этомъ покончилось свиданіе.

Русскіе прислали въ Тифлисъ свои подкрѣпленія. Предпріимчивый, храбрый до дерзости, Омаръ пошелъ

Царь Георгій XII встрѣчаетъ генерала Лазарева и проситъ его принять въ даръ лучшаго своего коня.

(Къ стр. 179).

на Грузію. Къ счастью, первая отчаянная битва, въ которой обѣ стороны выказали самую беззавѣтную храбрость, окончилась полнымъ пораженіемъ персовъ. Русскій Императоръ наградилъ по-царски и грузинскихъ царевичей, и своихъ генераловъ. Задушевно, сердечно встрѣтили благодарные грузины своихъ избавителей. Царь Георгій, совершенно уже больной, стоялъ во главѣ своего ликующаго народа. Сошедши съ богато разукрашеннаго коня и передавая его смущенному этимъ генералу Лазареву, царь убѣдительно просилъ принять этотъ усердный даръ и сѣсть на коня, при торжественномъ шествіи по городу.

Для самого Георгія это былъ послѣдній выѣздъ изъ дворца. Болѣзнь не позволила ему болѣе вставать съ постели. Умный, дальновидный, честно любящій родину, послѣдній царь грузинскій уже холодѣющей рукой написалъ нашему Государю: «Грузія такъ или иначе должна покончить свое самобытное, политическое существованіе. Грузинскій же народъ желаетъ вступить единожды навсегда въ подданство Россійской Имперіи, съ признаніемъ Всероссійскаго Императора за своего природнаго Государя и Самодержца!»

Государь согласился. Царь Георгій скончался 28-го декабря 1800 года. 16-го февраля 1801-го года всѣ жители Тифлиса, собранные въ Сіонскомъ соборѣ, присягнули на вѣрность новому своему Государю Императору Павлу Петровичу.

ИСТОЧНИКИ:

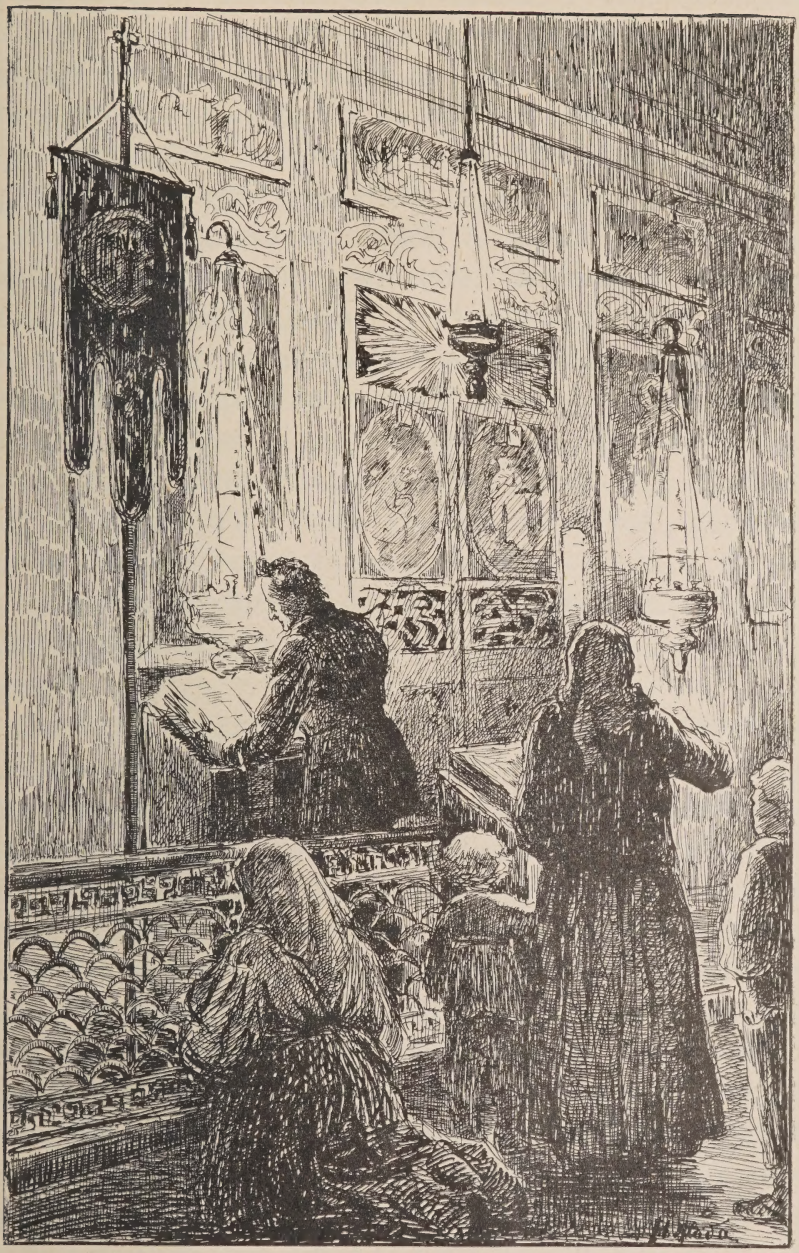
1) *Потто.* Кавказская война. Т. I.
2) *Дубровинъ.* Георгій XII, послѣдній царь Грузіи.

«Орлы русскіе облетѣли орловъ римскихъ».

1799-й годъ.

«Высоко ты гнѣздо поставилъ,
Славянъ полуночныхъ орелъ,
Широко крылья ты расправилъ,
Глубоко въ небо ты ушелъ»!

РАНО УТРОМЪ въ воскресенье небольшой колоколъ на низенькой деревянной звонницѣ, близъ сельской церкви, собиралъ своимъ благовѣстомъ небогатыхъ крестьянъ въ ихъ приходскій храмъ за службу Божію. Идетъ, бредетъ смиренный, православный людъ изъ-за темнаго лѣса, широкихъ озеръ, топкихъ болотъ новгородской губерніи, боровичскаго уѣзда. Корелы, по природѣ—финны, жители этихъ мѣстностей, были бы очень удивлены, если бы какой-нибудь мудрецъ сталъ имъ научно доказывать, что они не русскаго происхожденія.—«И церковь одна, и родина едина», твердили бы сосѣди села Кончанскаго, и, конечно, продолжали бы ходить по искони знакомымъ, протоптаннымъ тропинкамъ въ приходскій свой храмъ.



Отчетливо текутъ слова святой молитвы; понятно для всякаго читаетъ старый баринъ. *(К стр. 181).*

Въ началѣ 1797-го года приливъ богомольцевъ въ этотъ храмъ замѣтно усилился. Малыши въ припрыжку бѣжали за стариками: ужъ очень полюбился имъ родной приходъ. Точно громче сталъ тамъ звонить церковный колоколъ, истовѣе, благоговѣйнѣе справлялась служба съ тѣхъ поръ, какъ поселился въ старомъ дѣдовскомъ домѣ, на самой вышкѣ горы, старенькій, сѣденькій помѣщикъ. Забавникъ, весельчакъ, такой ужъ чудной, что и сказать нельзя! Это онъ такъ гулко звонитъ къ церковнымъ службамъ! Соберется народъ, наполнитъ храмъ, и старенькій звонарь прибѣжитъ на клиросъ. Его разбитый, но гулкій басъ ясно раздается по маленькой церкви. Отчетливо текутъ слова святой молитвы, понятно для всякаго читаетъ старый баринъ.—Онъ и кадило подаетъ батюшкѣ, и свѣчу выноситъ передъ Евангеліемъ, онъ и Апостолъ читаетъ, и за дьячка поетъ.

Когда же отойдетъ служба Божія, батюшка, разоблачившись, почтительно подходитъ къ добровольному прислужнику, и они дружески обнимаются; священникъ, вѣжливо уступая дорогу помѣщику, проситъ дорогого гостя къ себѣ, на праздничный пирогъ. А тамъ, какъ только выйдетъ баринъ на улицу, его обступаютъ дѣти: просятъ поиграть съ ними въ бабки, побѣгать въ горѣлки, поводить хороводы. Иногда же самъ онъ ходитъ къ старикамъ, прислушивается къ ихъ говору, миритъ ссоры, разбираетъ обиды; словомъ и дѣломъ старается помочь имъ. И любитъ же его благодушный темный людъ! беззавѣтно довѣряется своему батюшкѣ-барину, прирожденному помѣщику села Кончанскаго, Александру Васильевичу Суворову, графу Рымникскому, товарищу Румянцева и свѣтлѣйшаго Потем-

кина, крупнѣйшему изъ стаи славныхъ—Екатерининскихъ орловъ.

Ея ужъ нѣтъ, вершительницы судебъ Европы, заботливой любящей матери земли русской, мудрѣйшей среди государей Европы восемнадцатаго вѣка. 6-го ноября 1796-го года смежила свои ясныя очи Матушка-Царица Екатерина Алексѣевна, а 27-го января 1797-го года на площади въ Тульчинѣ былъ собранъ фанагорійскій полкъ Суворова. Онъ вышелъ къ любимымъ солдатамъ въ парадномъ фельдмаршальскомъ мундирѣ, со всѣми орденами, обратился къ нимъ съ горячей рѣчью, увѣщевая быть вѣрными Государю Императору Павлу Петровичу, послушными своимъ начальникамъ! Потомъ сталъ онъ снимать одинъ за другимъ свои доспѣхи, складывая ихъ на барабанѣ передъ строемъ и воскликнулъ: «Прощайте, ребята, товарищи, чудо-богатыри! Оставляю здѣсь все, что съ вами заслужилъ! Молитесь Богу! Не пропадетъ молитва за Богомъ и служба за Царемъ! Мы еще увидимся,—мы еще будемъ драться вмѣстѣ! Суворовъ явится среди васъ!» Солдаты горько плакали. Александръ Васильевичъ подозвалъ одного изъ нихъ, обнялъ, самъ зарыдалъ и побѣжалъ домой. Почтовая тройка уже ждала у воротъ. Онъ ускакалъ въ Москву, потомъ, по распоряженію свыше, удалился въ свою новгородскую родовую деревню, гдѣ въ одиночествѣ, бодро и благодушно сталъ коротать свой славный, блестящій вѣкъ.

Но въ глуши боровичскихъ лѣсовъ русскій богатырь не былъ одинокъ. Онъ обложился любимыми книгами, и такимъ образомъ бесѣдовалъ съ великими людьми всѣхъ вѣковъ, вспоминалъ прошедшее, всматривался въ будущее. Прилежно слѣдилъ за со-

временными событіями, мысленно уносился изъ-за своихъ родныхъ болотъ къ цвѣтущимъ полямъ благодатной Италіи, на берега Рейна, гдѣ тогда ключемъ кипѣли людскія страсти. Республиканская Франція зажигала человѣческія страсти, омрачала разсудокъ. Народы бросались въ вихрь битвъ, забывая семью, церковь, порядокъ. Правительства Австріи, Германіи и Италіи безуспѣшно напрягали послѣднія силы въ борьбѣ съ революціоннымъ направленіемъ умовъ, наполнявшимъ европейскую жизнь. Съ береговъ Сены поднимался боевой великанъ, подчинившій себѣ легковѣрныхъ, вѣтреныхъ французовъ. Обуздалъ онъ революцію въ свою пользу и, деспотично командуя правительствомъ и войскомъ, пошелъ, во имя свободы, равенства и братства, отнимать у прирожденныхъ правителей ихъ наслѣдственныя земли, повергая и страны и народы къ ногамъ республики, восторженно признававшей его своимъ неограниченнымъ главою. «Пора, пора унять мальчишку! далеко шагаетъ!» ворчалъ себѣ подъ носъ престарѣлый фельдмаршалъ побѣдоносныхъ войскъ Имперіи Россійской.

Выстроивъ въ саду домикъ въ одну комнату, онъ удалялся туда по вечерамъ, чтобы читать и заниматься безъ докуки даже любимаго Прошки-камердинера. На простомъ, широкомъ, бѣломъ столѣ были разложены карты Европы, планы прежнихъ и будущихъ битвъ. Кругомъ на стульяхъ, на полу лежали книги, записки. Въ ночной темнотѣ, среди вѣковыхъ деревьевъ, долго виднѣлся огонекъ въ окнахъ отшельническаго жилья. Герой Кинбурна, Очакова, Измаила чертилъ, писалъ, расчитывалъ, соображалъ и предрѣшалъ своей опытной, геніальной головой, какія нужно принять мѣры, предпринять походы,

дѣлать распоряженія, чтобы обуздать европейскую крамолу, унять расходившуюся армію республиканской Франціи.

Вдругъ въ лѣсной тиши раздался веселый звукъ валдайскаго колокольчика! ближе, все ближе! и къ покосившемуся крылечку барскаго дома подъѣхала почтовая тройка. Курьеръ вручилъ Суворову собственноручное письмо Императора Павла.

«Графъ Александръ Васильевичъ!

Теперь намъ не время расчитываться. Виноватаго Богъ проститъ! Римскій императоръ требуетъ васъ начальникомъ своей арміи и вручаетъ вамъ судьбу Австріи и Италіи.

Мое дѣло—на сіе согласиться, а ваше—спасти ихъ. Поспѣшите пріѣздомъ сюда и не отнимайте у славы вашего времени, а у меня удовольствія васъ видѣть!»

Слезы радости потекли изъ глазъ Суворова. Онъ поцѣловалъ царское письмо, побѣжалъ въ церковь, велѣлъ служить молебенъ; стоя на колѣняхъ, пѣлъ, молился, плакалъ. Между тѣмъ запрягали лошадей въ повозку и открытыя сани, а камердинеръ Прошка распоряжался по слѣдующему письменному приказу: «Часъ собираться, другой отправляться! Ѣду съ четырьмя товарищами! Приготовить 18 лошадей! Денегъ взять на дорогу 250 руб. Егоркѣ бѣжать къ старостѣ Ѳомкѣ и сказать, чтобы такую сумму повѣрилъ! Ѣду не на шутку: я здѣсь служилъ дьячкомъ, пѣлъ басомъ, теперь же ѣду пѣть Марсомъ» *).

Въ первыхъ числахъ февраля 1799-го года по Петербургу мчалась почтовая кибитка, а въ ней си-

*) Языческій богъ войны.

Государь надѣваетъ на Суворова орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго.
(Къ стр. 185).

дѣлъ сѣдой старикъ. Она остановилась у Зимняго дворца; проворно отбросивъ полость, бодро выскочилъ пріѣзжій и побѣжалъ по дворцовой лѣстницѣ. Черезъ часъ весь Петербургъ радостно и шумно заговорилъ: «Суворовъ здѣсь! Суворовъ вызванъ! Суворовъ пріѣхалъ!» Такъ поздравляли другъ друга повеселѣвшіе русскіе люди: имъ уже чуялась въ воздухѣ слава вѣрной побѣды, при одномъ имени непобѣдимаго героя. Государь былъ милостиво ласковъ, привѣтливъ; видимо желая сгладить свою прежнюю рѣзкость, онъ осыпалъ стараго воина своимъ вниманіемъ: самъ надѣлъ на него цѣпь ордена святаго Іоанна Іерусалимскаго, большого креста. Растроганный старикъ набожно воскликнулъ: «Боже! спаси Царя!» — «Тебѣ спасать царей!» сказалъ Павелъ Петровичъ.— «Съ Тобою, Государь, можно!» отвѣчалъ Суворовъ. Онъ спѣшилъ покончить всѣ свои казенныя дѣла и, откланявшись Государю, уѣхалъ въ Вѣну, гдѣ его уже ждали старые боевые товарищи, русскіе храбрые солдаты, прежніе чудо-богатыри.

Государь исполнилъ просьбу перепуганнаго сосѣда, австрійскаго императора, послалъ ему на помощь свои непобѣдимые полки.

Вѣчно злобствующая, завидующая, коварная Европа, въ минуту тяжелой невзгоды, просила о помощи ненавистную ей матушку-Русь православную. Спасать напыщенныхъ Габсбурговъ пошли наши полки, исполняя волю своего Царя. Въ Сенъ-Пельтенѣ нагналъ ихъ Суворовъ, выскочилъ изъ экипажа и закричалъ: «Здорово, ребята, чудо-богатыри! Вотъ видите-ли, я опять съ вами!» Неистовое «ура!» и слезы радости бранныхъ товарищей были отвѣтомъ на привѣтъ героя. Утромъ зашумѣла Вѣна. Жители высыпали на

улицу поглядѣть на русскаго генерала. Окна домовъ кишѣли любопытными. Карета нашего посла, въ которой Суворовъ ѣхалъ во дворецъ, могла двигаться только шагомъ. Къ дворцовому подъѣзду трудно было подъѣхать, радостные привѣтственные крики сопровождали его тріумфальное шествіе. Русскій фельдмаршалъ остановился, вышелъ изъ кареты и, обращаясь къ толпѣ, сказалъ по нѣмецки: «Австрійцы храбры, русскіе—непобѣдимы! Мы будемъ вмѣстѣ бить французовъ! Ура! да здравствуетъ императоръ Францъ!» И бѣгомъ поднялся по лѣстницѣ. Ему въ отвѣтъ неслись восторженные крики. При дворѣ пріемъ былъ самый почетный. Императоръ, изысканно внимательный, со всей августѣйшей семьей и дворомъ сопутствовалъ нашему фельдмаршалу, когда онъ отправился въ Шенбурнъ встрѣчать русскія войска. Они должны были вмѣстѣ съ австрійскими, подъ его начальствомъ, биться для охраненія чуждой намъ, всегда коварной и вѣроломной Австріи на итальянской ея границѣ. Въ Вѣнѣ знали, что въ Парижѣ была уже намѣчена цѣль кампаніи: предполагалось пройти Италію, среднюю Германію, поднять всѣ народности противъ ихъ прирожденныхъ государей и явиться къ стѣнамъ Вѣны. Но противъ такой разрушительной кампаніи возстала Россія. Нашъ Государь Павелъ Петровичъ считалъ себя оплотомъ порядка и на чуждомъ ему Западѣ! Онъ стремился поддержать подламывавшіеся престолы западныхъ царственныхъ родовъ. И его побѣдоносныя войска, предводимыя непобѣдимымъ Суворовымъ, съ сказочной быстротой дошли до Вероны. Австрійскіе генералы, ничего не понимая въ тактикѣ русскаго главнокомандующаго, клеймили его варваромъ, способнымъ драться

только съ турками. Высшее начальство, изъ Вѣны, своими безтолковыми распоряженіями только тормозило наши движенія и поджигало неудовольствіе обѣихъ армій. Но, все-же, ничто не могло помѣшать великому полководцу занять въ два мѣсяца Ломбардію и Пьемонтъ. Отъ своего имени Суворовъ обращался съ воззваніями къ жителямъ освобождаемыхъ имъ земель, увѣщевалъ ихъ быть вѣрными своимъ исконнымъ государямъ и тому образу правленія, который былъ завѣщанъ ихъ отцами, а не прислушиваться къ возмутительнымъ рѣчамъ республиканской Франціи, которая, подъ видомъ свободы и братской любви, вносила въ жизнь кровавыя битвы, разрушеніе, нищету и горе.

Австрійцевъ за это время преисправно били и Морò и Магдона́льдъ, лучшіе среди самыхъ дѣльныхъ и храбрыхъ французскихъ вождей. Но противъ русскихъ силъ имъ приходилось напрягать все свое военное искусство. Враги были достойны другъ друга; они присматривались, маневрировали, какъ бы лучше сразиться. Наконецъ, помимо всѣхъ хитроумныхъ плановъ изъ Вѣны, Суворовъ вынудилъ Магдональда, не дожидаясь Морò, вступить въ бой на берегахъ Требіи. Русскому штыку пришлось мѣряться съ врагомъ въ той самой долинѣ, гдѣ, въ глубокой древности, Аннибалъ, герой Карѳагена, счастливо бился съ римскими легіонами.—Силы сражавшихся были почти равны. Слава побѣдоносныхъ войскъ французской республики гремѣла во всемъ мірѣ. Но и русскихъ велъ ихъ Суворовъ.—Кто-же устоитъ?—Первый натискъ французовъ мы не выдержали,—Отто сталъ отступать. Тогда генералъ Багратіонъ повелъ своихъ въ штыки; съ нимъ вмѣстѣ, во главѣ своего

полка, ринулся в. к. Константинъ Павловичъ, второй сынъ Государя, внукъ Великой Екатерины. Непріятель отшатнулся и отступилъ къ Требіи. Когда Суворовъ отдалъ приказъ атаковать французовъ, австрійскій генералъ Меласъ спросилъ: «а куда, въ случаѣ надобности, надлежитъ отступать?»—«Отступать—куда?» повторилъ Суворовъ: «да впередъ, за Требію, въ Піаченцу!» И самъ пошелъ съ своими чудо-богатырями на вражью рать.—Подъ-рядъ три дня, съ перемѣннымъ счастьемъ, бились союзники противъ французскихъ силъ. Магдональдъ былъ достойнымъ соперникомъ Суворова; у него, кромѣ своей, была и прекрасная польская кавалерія подъ командою генерала Домбровскаго. Но, несмотря на всѣ усилія и храбрость французскихъ солдатъ и искусство диспозиціи и ихъ вождей,—побѣда осталась за нами.

Радостная вѣсть, что отброшена, наконецъ, счастливая республиканская армія, вмигъ облетѣла всю Европу. Возрадовались Вѣна и Лондонъ, возгордился Петербургъ! При благодарственномъ молебствіи, въ русской столицѣ, по Высочайшему повелѣнію, было провозглашено многолѣтіе: «высокоповелительному фельдмаршалу, графу Суворову-Рымникскому!»—«Начало благое!» писалъ Государь Суворову: «дай Богъ успѣховъ и побѣдъ,—они старые ваши знакомые!»—И шелъ нашъ богатырь съ своими солдатиками. Ему уступали французы одинъ городъ за другимъ. Жители восторженно шли на встрѣчу. Его геній и русская беззавѣтная стойкость возстановляли престолы, водворяли миръ и законность на югѣ Европы. Благоразумная часть населенія Италіи, ободренная нашими побѣдами, стала собираться съ силами. Ей на по-

мощь подошли союзные флоты: нашъ, англійскій, турецкій. Мѣстные революціонеры, подъ покровительствомъ французовъ, отчаянно поддерживали знамя безпорядка. На улицахъ Неаполя бились русскіе, австрійцы, англичане, турки, возстановляя, выгнанную республиканскими войсками, королевскую династію, прежній образъ правленія. Римскую республику уничтожили, дерево вольности срубили, французовъ вытѣснили изъ папскихъ владѣній. Въ концѣ іюля 1799-го года во всей Италіи французы сохранили за собою лишь Анкону и Геную. Парижская директорія заволновалась. Послѣдовали перемѣны генераловъ. Въ Италію отправили Жубера, одного изъ храбрыхъ соратниковъ Бонапарте, во время его послѣдней итальянской кампаніи. Задача не легкая: приходилось употребить все свое искусство, чтобы сразиться съ Суворовымъ, который, кромѣ храбрости и геніальной тактики, на этотъ разъ располагалъ и многочисленнымъ войскомъ. Противъ него былъ одинъ только противникъ, — недоброжелательство нашихъ исконныхъ враговъ-австрійцевъ, но и оно, на счастье, въ этотъ разъ, осталось безуспѣшно. Противники сошлись 3-го августа, подъ Нови. Битва была жестокая. Какъ пишутъ историки, съ обѣихъ сторонъ солдаты дрались до бѣшенства, выказывая чудеса храбрости, а командиры, кромѣ того, и сказочную распорядительность.—Побѣда союзниковъ оставила славную память на страницахъ исторіи. Французы потеряли нѣсколько лучшихъ своихъ генераловъ, начиная съ несчастнаго Жубера, павшаго жертвой своей беззавѣтной храбрости. У насъ было много раненыхъ, но ни одного убитаго генерала. Богъ хранилъ и нашу народную гордость, нашего родного героя, несмотря

на то, что онъ бросался всюду, гдѣ была опасность, ободрялъ, поддерживалъ, одушевлялъ солдатъ.

Государь наградилъ его титуломъ свѣтлѣйшаго князя Италійскаго. Сардинскій король возвелъ его въ санъ главнокомандующаго фельдмаршала сардинскихъ войскъ, съ титуломъ и степенью кузена королевскаго и гранда Сардиніи. «Радуюсь, что вы мнѣ дѣлаетесь роднею!» писалъ Суворову послѣ сего Государь: «ибо всѣ владѣтельныя особы между собою роднею почитаются!»—«Славѣ легко породниться съ царями!» восклицали современные поэты, слыша о полученной Суворовымъ наградѣ. Неаполитанскій король, католикъ, писалъ русскому православному воину: «Вы открыли мнѣ дорогу въ мое царство,—вы утвердили меня на моемъ престолѣ!» Коллегія кардиналовъ послала депутатовъ просить у русскаго главнокомандующаго покровительства Риму,—столицѣ папъ, тѣхъ папъ, которые изъ вѣка въ вѣкъ возмущали народы и царей Европы противъ Россіи. Несмотря на всѣ эти подвиги русскихъ, на самоотверженную готовность ихъ спасать Европу, въ дни ея гибели и распаденія,—ея правители, и послѣ того, всегда коварно и враждебно относились къ благодушной своей восточной сосѣдкѣ.

Нашъ геніальный полководецъ просто задыхался отъ одолѣвшей его лживости и неправды союзниковъ. Явно они не смѣли противорѣчить непобѣдимому; за то изощрялись не понимать, извращать, преднамѣренно портить его предначертанія. Горько жаловался свѣтлѣйшій на всѣ оскорбительные, вредные приказы австрійскаго министерства, скрытыя козни Тугута. «Если бы я это зналъ, то уѣхалъ бы изъ Вѣны домой!» говаривалъ онъ, порываясь впе-

редъ, черезъ Италію въ Парижъ, и оттуда обѣщаясь предписать мирные законы разъяреннымъ республиканскимъ толпамъ. «Ради Бога отнимите у нихъ перья, бумагу и козни. Зачѣмъ тянуть меня въ Швейцарію, когда надо черезъ Рейнъ идти въ Парижъ? Я не наемщикъ, не изъ-за хлѣба служу. Орденовъ и титуловъ мнѣ не нужно!» Его не слушали, а душили льстивыми словами. «Ваши побѣды произвели уже счастливый оборотъ въ дѣлахъ Италіи,—опасность удалена. Отъ швейцарской экспедиціи зависитъ участь всей войны!» Чтобъ уломать Суворова, Тугутъ сталъ дѣйствовать черезъ Императора Павла Петровича. «Иду!» отвѣтилъ вѣрноподданный. «Иду, но горе тѣмъ, кто меня посылаетъ. Я билъ, но не добилъ французовъ. Злоумышленники раскаются, но поздно!»

Походъ въ Швейцарію разрушалъ всѣ завѣтныя мечты Суворова. При томъ же австрійское интендантство лишало любимыхъ его солдатъ самаго необходимаго: чувствовался возмутительный недостатокъ и въ пищѣ, и въ одеждѣ, и въ вооруженіи. Походъ же надо было сдѣлать осенью, въ холодъ, дождь, черезъ горы и ущелья, занятыя непріятелемъ. Еще разъ Суворовъ попробовалъ изложить обоимъ Императорамъ всю пагубу такого распоряженія, умоляя не спѣшить, доказывая всю ненужность этихъ мученій для войска. Австрійскій императоръ подтвердилъ только распоряженія, относящіяся къ его войскамъ, а Императоръ Павелъ, прислушиваясь къ словамъ сосѣда, повторилъ свой приказъ.

Французы, обрадованные нашимъ движеніемъ, бросились занять Тортону. Суворовъ узналъ, вернулся и заставилъ враговъ отступить. Моро ушелъ въ горы,

а Тортона сдалась. 15-го сентября мы пришли въ Беллинцону,—передъ нами высились снѣжныя вершины Альпъ.

Въ пять мѣсяцевъ итальянской кампаніи Суворовъ взялъ у непріятеля 25 крѣпостей, 3000 орудій, 200.000 ружей, 80.000 плѣнныхъ. Оставшіяся въ Италіи австрійскія войска, выполняя, по возможности, планы Суворова, продолжали справляться съ врагами. Нашимъ же войскамъ, до сихъ поръ побѣждавшимъ враговъ подъ командою Суворова, приходилось теперь вступить въ борьбу съ природою, безъ всякой къ тому подготовки. Готовясь къ переходу черезъ Сенъ-Готардъ, главнокомандующій въ приказѣ по войскамъ говорилъ: «Никакого препятствія не надо считать великимъ и никакого сопротивленія невозможнымъ! Ничто не должно насъ устрашать! Все совершите рѣшительностью и натискомъ!» И пошелъ за нимъ безотвѣтный русскій солдатъ. При подошвѣ С.-Готарда начались стычки. 600 французовъ, засѣвъ въ ущельяхъ, вздумали насъ не пускать. Мы ихъ атаковали и стали выбивать изъ позицій. Командиры нашего передового отряда—Лутовиновъ, гр. Шуваловъ, Цуката,—падали одинъ за другимъ. Багратіонъ ринулся впередъ;—французовъ одолѣлъ русскій штыкъ. Они попробовали было засѣсть въ капуцинскомъ монастырѣ,—вытѣснили и оттуда, отбросивъ въ долину Унзернъ. Милорадовичъ гналъ ихъ, сбивая съ утесовъ. Дошли до Чортова моста, перекинутаго черезъ бурный горный потокъ Рейсъ; его надо было взять и перейти, а враги его разрушили. Кн. Мещерскій бросился на полуразрушенные остатки подъ убійственнымъ огнемъ вражьихъ пуль, приказалъ связывать доски, скрѣплять остатки моста. Ране-

ный на смерть, онъ слетѣлъ въ пропасть, крикнувъ: «Друзья! не забудьте меня въ реляціи!»

Милорадовичъ спѣшилъ къ другому мосту, въ долинѣ Шахенъ,—его зажгли! Кое-какъ, съ трудомъ потушили пожаръ и прошли чуть-что не по головнямъ, опрокинули 8000-ый отрядъ у мѣстечка Альтдорфъ и заставили непріятеля убраться въ Унтервальденъ, за Люцернское озеро... Путь былъ очищенъ! Суворовъ, не останавливаясь, шелъ впередъ, перешелъ черезъ Кольмскую гору въ Мутенскую долину, чтобы соединиться съ остальными силами. Но тутъ онъ узналъ страшную вѣсть: и австрійскій генералъ Готцъ и русскій—Корсаковъ—на голову разбиты французами: потери были неимовѣрны! Положеніе Суворова было ужасно... Идти впередъ было не съ чѣмъ,—приходилось спасать остатки героевъ Требіи и Нови. Но и это требовало особеннаго искусства. Нашъ Розенбергъ напослѣдяхъ разбилъ Мортье и Массену. Русскій штыкъ не измѣнялъ. Французы дрогнули, остановились. Это помогло остаткамъ русскихъ силъ, подъ прикрытіемъ ночи, уйти черезъ Матъ, Эльмъ, Битнеръ, по непроходимымъ оврагамъ, ущельямъ, снѣгамъ. Подъ Шванденомъ врагу еще разъ немного досталось отъ Корсакова. Австрійцы хотѣли, чтобы мы охраняли Граубинденъ, пока не получатся новыя повелѣнія изъ столицъ. «Воиновъ, увѣнчанныхъ лаврами побѣдъ и завоеваній, дерзаютъ назначать сторожами австрійскихъ границъ!» съ негодованіемъ воскликнулъ Суворовъ и ушелъ въ Фельдкирхенъ. Оттуда онъ писалъ въ Петербургъ Государю: «Подвиги русскихъ на сушѣ и на морѣ надлежало увѣнчать подвигами на громадахъ недоступныхъ горъ. Оставя за собою славу избавителей и сожалѣнія осво-

божденныхъ нами народовъ, мы перешли цѣпи Швейцарскихъ горныхъ стремнинъ. Въ семъ царствѣ ужаса, на каждомъ шагу зіяли окрестъ насъ пропасти, какъ отверстыя могилы. Мрачныя ночи, безпрерывные громы, дожди, туманы, при шумѣ водопадовъ, свергающихъ съ вершины горъ огромныя льдины и камни, С.-Готардъ-колоссъ, ниже вершины коего носятся тучи,—все было нами преодолѣно, и въ недоступныхъ мѣстахъ не устоялъ передъ нами непріятель... Русскіе перешли снѣжную вершину Битнера, утопая въ грязи, подъ брызгами водопадовъ, уносившихъ людей и лошадей въ бездны!.. Словъ недостаетъ на изображеніе ужасовъ, видѣнныхъ нами, среди коихъ хранила насъ десница Провидѣнія».—«Зачѣмъ я не живописецъ?» воскликнулъ великій вождь, смотря на переходъ войскъ черезъ Битнеръ, «дайте мнѣ Вернета, и пусть онъ увѣковѣчитъ это мгновеніе нашей жизни».—«Знаешь ли ты трехъ сестеръ, которыя перевели насъ черезъ горы?» спрашивалъ Суворовъ у своего адъютанта Милорадовича. «Онѣ называются Вѣра, Надежда и Любовь,—съ нами Богъ! Выбери себѣ героя, догоняй его, обгони его! Мой герой-Цезарь. Альпы за нами и Богъ передъ нами. Орлы русскіе облетѣли орловъ римскихъ!»—Императоръ Павелъ, возведя Суворова въ санъ генералиссимуса русскихъ войскъ, писалъ: «Всюду и всегда побѣждали вы враговъ, вамъ недоставало одной славы—побѣдить природу. Ставя васъ на высшую степень почестей, увѣренъ, что возвожу на нее перваго полководца нашего и всѣхъ вѣковъ!» И приказалъ воздвигнуть памятникъ Суворову въ Петербургѣ. Народы Европы, враги-соперники на ратномъ полѣ, дивились, преклоняясь передъ геніальнымъ полковод-

цемъ и чудо-богатыремъ, русскимъ солдатомъ! Кабинеты же въ тѣни своихъ тайныхъ совѣщаній измышляли явныя козни, подкопы, ехидныя распоряженія, умозаключенія, которыя вели прямо въ могилу нашего великаго Суворова и, наконецъ, разозлили Государя. Онъ отказался отъ намѣренія спасать царей и престолы, помимо ихъ собственнаго желанія. Австрійцы отнимали Италію у республиканской Франціи, чтобы самимъ ею овладѣть. Контрибуціи, налоги съ освобожденныхъ русскими солдатами государствъ шли въ австрійскую казну, а наша армія голодала. Суворовъ не молчалъ. Съ достоинствомъ, даже дерзко отвѣчалъ полководецъ на подлыя австрійскія бумаги. Наконецъ Государь заговорилъ: «Если меня признаютъ только помощникомъ, а не равнымъ союзникомъ, я буду дѣйствовать одинъ, по моему плану!» И онъ рѣшилъ порвать свой несчастный союзъ съ вѣчно вѣроломной Австріей. 22-го октября послѣдовало его объявленіе. «Войска мои, принесенныя въ жертву, политика, противная моимъ намѣреніямъ и благосостоянію Европы, поведеніе австрійскаго министерства, заставляютъ меня общее дѣло прекратить, дабы не утвердить торжества въ дѣлѣ вредномъ». Суворову же послано строгое повелѣніе идти въ Россію. «Пока Тугутъ министромъ, я ничему не вѣрю и ничего дѣлать не стану. Идите, пусть узнаютъ, каково быть оставляему на побіеніе! Храните войско мое! Вижу, что безъ васъ ему не побѣждать!»

Всполошилась Австрія. Взялись за того же бѣднаго Суворова, котораго такъ оскорбляли. Императоръ Францъ самъ написалъ ему: «Сколь рѣшеніе разрушить союзъ вредно въ глазахъ друга и недруга, не нужно объяснять такому мужу, какъ фельдмаршалъ, князь Италійскій!» И Императоръ Павелъ и

Суворовъ поставили условія: чтобъ Суворовъ одинъ, безъ какихъ либо вмѣшательствъ, командовалъ арміями обѣихъ имперій съ увѣренностью, что цѣлью военныхъ дѣйствій будетъ возвращеніе каждому законно ему принадлежащаго, возстановленіе Бурбоновъ на французскомъ престолѣ, немедленная передача итальянскихъ владѣній законнымъ ихъ государямъ, сильная денежная помощь со стороны Англіи и окончаніе войны въ Парижѣ. Гордость тактиковъ и лукавство дипломатовъ оскорбились такими прямыми и рѣшительными условіями. Слѣдствіемъ былъ не только полный разрывъ нашъ съ Австріей, но и холодность въ отношеніяхъ съ Англіей. Суворовъ повелъ свои войска домой. Это было положительно тріумфальное шествіе. Всюду его встрѣчалъ народъ съ восторженными привѣтствіями. Войска, жители съ цвѣтами, съ зажженными факелами, наполняли улицы. Давались въ честь его балы, обѣды. Онъ шелъ черезъ Баварію, Богемію, австрійскую Польшу, нашу Литву. Между тѣмъ силы старика слабѣли,—онъ началъ болѣть. Еще на дорогѣ, къ дню празднованія Новаго года, Государь писалъ ему: «Благодарю побѣдителя при Требіи, Нови, Мутенталѣ, и жалѣю, что мирнѣе начинаю новый годъ, нежели прошедшій началъ. Спѣшите ко мнѣ. Не мнѣ тебя награждать, герой! но мнѣ чувствовать и цѣнить твои дѣла, отдавая тебѣ должное!»

Только спѣшить-то онъ ужъ не могъ. Вмѣсто Петербурга ему пришлось остановиться въ Высочайше пожалованномъ ему имѣніи Кобринѣ. Тамъ у Суворова открылась какая-то жестокая болѣзнь—фликтена *) съ сильнымъ кашлемъ. Живя больной въ Кобринѣ, Суворовъ, всегда глубоко-религіозный, уси-

*) Тогдашнее научное опредѣленіе болѣзни.

лилъ свои молитвы еще болѣе, чѣмъ прежде, ходилъ въ церковь, читалъ и пѣлъ на клиросѣ; дома онъ предавался чисто-религіознымъ размышленіямъ и занимался даже письменнымъ толкованіемъ 10-ти заповѣдей: «Будь христіаниномъ», (писалъ онъ); «Богъ самъ дастъ и знаетъ, что когда дать». Это было въ февралѣ, мартѣ и апрѣлѣ 1800 года, когда Суворову шелъ 71-й годъ. Къ больному Суворову Государь прислалъ своего доктора Вейкарта. Но Суворовъ не хотѣлъ принимать его совѣтовъ и измѣнять свой образъ жизни,—по христіанскому долгу постился, не носилъ теплой одежды, и продолжалъ заниматься и своими и служебными дѣлами: все пересматривалъ наградные списки, боясь пропустить кого нибудь, достойнаго награды. Въ забытьи чаще всего бредилъ войною, новыми побѣдами, славой и, потомъ, страстнымъ желаніемъ видѣть Государя! Павелъ Петровичъ самъ этого хотѣлъ. Вейкартъ рѣшился везти больного въ Петербургъ шагомъ въ каретѣ, обложеннаго пуховиками. Тронулись. Но это уже было скорѣе похоронное шествіе. Больной самъ чувствовалъ, что ему не долго жить. «Охъ, что то устарѣлъ!» кряхтѣлъ онъ. Въ Стрѣльнѣ его встрѣтили родные, друзья и ужаснулись, увидѣвъ одну тѣнь Суворова. Народъ, молча, выходилъ на встрѣчу поѣзду. Доѣхали наконецъ до Петербургской квартиры. Великій русскій человѣкъ былъ уложенъ въ постель, были приняты всѣ извѣстныя тогда средства, чтобы облегчить его послѣднія минуты. Онъ часто терялъ сознаніе, бредилъ своими славными подвигами. Когда ему подали ордена св. Лазаря и св. Богородицы Кармелитской, присланные королемъ Людовикомъ XVIII, онъ, все-же, спросилъ: «Откуда присланы?» и на от-

вѣтъ: «Изъ Митавы!» улыбнулся и сказалъ: «Какъ, изъ Митавы? Французскій король долженъ быть въ Парижѣ!» Ему прочитали письмо: «Примите, герой великій, знаки почестей отъ несчастнаго монарха, который не былъ бы несчастнымъ, если бы слѣдовалъ за вашими знаменами!» Суворовъ заплакалъ, перекрестился, поцѣловалъ кресты орденовъ и не сказалъ ни слова.

Чувствуя, что его дни сочтены, нашъ великій военный геній пригласилъ къ себѣ священника, кротко, умилительно исповѣдался, пріобщился Святыхъ Таинъ, простился со всѣми окружающими и сказалъ: «Долго гонялся я за славою—все мечта; покой души у престола Всемогущаго». Въ ночь на 6-е мая начался предсмертный бредъ; окружавшіе умирающаго героя могли изрѣдка понимать слова изъ его предсмертнаго бреда: «Генуя! Сраженіе! впередъ!» Къ 12-ти часамъ того же дня Суворова не стало. Душа его правдивая, чистая, преданная православной Церкви, отлетѣла въ горнія селенія къ престолу Царя Небеснаго, чтобы успокоиться отъ всѣхъ трудовъ, заботъ и скорбей, которыми человѣчество отравляло его отважную, честную и кипучую дѣятельность, его трудовую, подвижническую жизнь.

Бренные останки великаго человѣка покоятся въ Благовѣщенской церкви Александро-Невской лавры за лѣвымъ клиросомъ, подъ надгробною плитою, на которой, соотвѣтственно завѣщанію почившаго, начертанная слѣдующая скромная, краткая, но глубокознаменательная надпись:

«Здѣсь лежитъ Суворовъ».

ИСТОЧНИКИ:

1) *Полевой.* Исторія Суворова.
2) *Георгъ Веберъ.* Всеобщая Исторія.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Императоръ Петръ I, сынъ своего народа, своей среды, великій труженикъ на русскомъ престолѣ, силой своего генія постигъ нужды родины и двинулъ ее по дорогѣ, намѣченной московскими царями, его предшественниками.—«Не у васъ я свѣтъ увидѣла впервые», вѣрно говоритъ Екатерина, тѣмъ не менѣе вѣрно и то, что такъ же, какъ и Петръ Великій, она проникнута была сознаніемъ необходимости безмѣрно, безъ устали трудиться на престолѣ, чтобы вести Россію по пути просвѣщенія, славы, могущества.

Она поняла, что, для достиженія этой трудной цѣли, ей необходимо изучать Россію, отличительныя свойства русскаго народа. Надо было очень много ума и энергіи, чтобы покорить себѣ сердца подданныхъ. Съ ранней молодости, она какъ бы прикована была къ наукѣ, къ книгѣ. Въ тиши своихъ покоевъ, Екатерина Алексѣевна изучила европейскихъ мыслителей, училась у нихъ способамъ, пріемамъ, какъ бы точнѣе вникнуть въ особенности народнаго характера, его нужды, историческія задачи, завѣты прошлаго. Записывала на память все, на что особенно надо обратить вниманіе; дѣлала свои выводы изъ прочитаннаго. «Богъ мнѣ свидѣтель, что желаю и хочу только блага странѣ, въ которую привелъ меня Господь. Ея слава есть и моя.

Таковъ мой принципъ. Хочу общей цѣли—сдѣлать всѣхъ счастливыми!» «Соединить Каспійское море съ Чернымъ, оба съ Балтійскимъ и Сѣвернымъ, и направить сюда транзитомъ торговлю Китая и Восточной Индіи значило бы возвысить Россію на степень могущества, высшую, чѣмъ прочія государства Европы и Азіи!»

Такого же взгляда держался впослѣдствіи и незабвенный русскій Царь Александръ III, обогащая восточныя наши окраины сѣтью желѣзныхъ дорогъ.

Вслѣдствіе чтенія, трудовъ и занятій, національная политика Бестужева-Рюмина была понятна Екатеринѣ, когда она была еще великой княгиней. Она протягиваетъ ему дружескую руку, несмотря на его суровость, ворчливость, враждебность къ ея матери, Елизаветѣ, принцессѣ цербстской.

При восшествіи на престолъ, Екатерина объявила: «Мы можемъ, не похвалившись, передъ Богомъ цѣлому свѣту сказать, что отъ руки Божіей пріяли всероссійскій престолъ, не на свое собственное удовольствіе, но на расширеніе славы его и на учрежденіе добраго порядка и утвержденіе правосудія въ любезномъ нашемъ отечествѣ!»

Въ одномъ изъ первыхъ своихъ указовъ, Государыня, продолжая какъ бы сообщать свои мысли подданнымъ, выражается такъ: «не снисканіе высокаго имени обладательницы Россійской, не пріобрѣтенія сокровищъ, которыми паче всѣхъ земныхъ намъ можно обогатиться; не властолюбіе и не иная какая корысть, но истинная любовь къ отечеству понудила насъ принять бремя правительства. Почему мы не токмо все, что имѣемъ или имѣть можемъ, но и самую жизнь на отечество любезное опредѣлили, не полагая ничего себѣ въ собственное, ниже служа себѣ самимъ,

Графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ.

(*Къ стр. 200*).

Генералъ-аншефъ Александръ Ильичъ Бибиковъ.

(*Къ стр. 201*).

но всѣ труды и попеченія подъемлемъ для славы и обогащенія народа нашего!» Такъ говорила Екатерина. Путешествуя по своей Имперіи, знакомясь лично съ бытомъ и нуждами народа, Государыня обдумывала тѣ пріемы, которые предписывали ея наставники, мыслители западной Европы. Чтобы успѣшно примѣнить ихъ совѣты на дѣйствительную пользу Россіи, Екатерина принялась сама за трудъ составленія цѣлаго ряда узаконеній, преобразованій, улучшеній. Беря Петра Великаго за образецъ своихъ великихъ трудовъ, она работала надъ внутреннимъ переустройствомъ государства по плану, имъ намѣченному. «Они пахали одну борозду», по мѣткому выраженію нашего почтеннаго историка Бильбасова. Думая принести больше пользы государству, она нашла нужнымъ черезъ пять лѣтъ по вступленіи своемъ на престолъ, въ 1767-мъ году, собрать выборныхъ отъ всѣхъ сословій русскаго народа, поручивъ имъ обсудить, какія принять мѣры для улучшенія состоянія обширнаго, богатаго, но еще вполнѣ не просвѣщеннаго государства. Этимъ выборнымъ людямъ вручила Государыня для руководства составленный ею «Наказъ», въ которомъ предпосылала свои личные взгляды относительно необходимыхъ мѣръ для общаго блага.

На страницахъ нашей исторіи останется неизгладимымъ фактомъ, что руководившая занятіями выборныхъ людей комиссія, съ Бибиковымъ во главѣ, оказалась безсильной выполнить возложенное на нее дѣло. Чего бы ни коснулась царственная законодательница, во всемъ встрѣчалась она съ неумѣлостью комиссіи развить, обсудить, облечь въ исполнимую форму предпосылаемыя предложенія.

Человѣколюбивая мысль облегчить, упорядочить бытъ крѣпостныхъ помѣщичьихъ и заводскихъ крестьянъ напугала, а не вразумила нашихъ рабовладѣльцевъ. Они рѣшительно отказывались смягчить свои нравы, поступиться своими выгодами. Грозно отвѣтилъ близорукимъ бунтъ Пугачева, доказавъ всю правоту мудрой Самодержицы.

Кіевляне не хотѣли поступиться своимъ магдебургскимъ правомъ, осколкомъ шляхетской вольности. Прибалтійскій край возсталъ противъ своего слiянія съ центромъ государства. Всѣ вмѣстѣ протестовали горячо противъ отмѣны смертной казни и пытокъ, между тѣмъ какъ человѣколюбивая Императрица стояла за ихъ отмѣну. Члены комиссіи умѣли требовать отъ правительства только денегъ. Ихъ косные умы, за очень малыми исключеніями, рѣшительно отказывались понять, какъ унизительно требовать денегъ отъ правительства, вмѣсто того, чтобы самимъ стараться, доискиваться способовъ къ развитію производительныхъ средствъ страны.

Поняла Екатерина, что въ дѣлѣ преобразованій ей придется дѣйствовать самостоятельно. Такъ она и поступила. При началѣ турецкой войны комиссія была распущена, а Императрица подъяла трудъ преобразованія государства на свои могучія плечи.

Работала она, несмотря на войну, на бунтъ Пугачева, на моровую язву въ Москвѣ, на волненія въ Польшѣ. Въ 1775-мъ году по всей Россіи, отъ Балтійскаго моря вплоть до Уральскаго хребта, были учреждены новыя 52 губерніи, которыя дѣлились на уѣзды. Въ каждой губерніи отдѣльныя отрасли управленія имѣли свои особыя учрежденія, вѣдавшія относившіяся къ нимъ дѣла—финансовыя, судебныя,

административныя—губернское правленіе, казенная палата, казначейство, палаты гражданскаго, уголовнаго суда, уѣздные суды, городовые магистраты, дворянскія опеки, сиротскіе суды, приказы общественнаго призрѣнія. Все учреждала Императрица, обо всемъ думала, ко всему примѣняла свое всестороннее образованіе, свои вѣрныя, мѣткія мысли. Та Русь, которую принялъ первый Императоръ, и та Россія, которую оставила по себѣ послѣдняя Императрица, двѣ величины, совершенно разныя.

Въ географическомъ отношеніи Московія въ концѣ XVII вѣка имѣла относительно жалкій видъ. По Ладожскому озеру и по Невѣ плавали шведскія галеры. Западная граница тянулась по восточнымъ окраинамъ Балтійскихъ провинцій, принадлежавшихъ Швеціи. Псковская и смоленская губерніи граничили съ владѣніями Польши. Далѣе, побережная линія направлялась по Деснѣ къ югу, близъ Кіева, по Днѣпру, и отъ Переволочны шла къ сѣверу «украинская» линія до Донца, а къ югу была уже турецкая граница, по которой кочевали ногайскіе татары. На востокѣ, рядъ засѣкъ и сторожевыхъ постовъ не вполнѣ защищалъ отъ набѣговъ киргизовъ, и рѣдкому каравану удавалось пройти въ уфимскія укрѣпленія безъ стычекъ съ башкирами. Открытый выходъ къ морю былъ только на сѣверѣ, у Архангельскаго порта, свободнаго отъ льда не болѣе трехъ мѣсяцевъ въ году. Прошло сто лѣтъ, подходилъ къ концу XVIII вѣкъ, грозный для западной Европы, когда ея древніе монархическіе устои зашатались, стали разлагаться и рушились. У насъ же, благодаря неусыпнымъ труженикамъ—Петру и Екатеринѣ, поднималась, крѣпла, расцвѣтала юная самодержавная власть государей. Ге-

ографическій видъ Россіи при Екатеринѣ былъ близокъ къ тому, что онъ представляетъ собою и въ настоящее время. Доступы къ Балтійскому и Черному морямъ отвоеваны! Нѣтъ и помину о шведахъ на Ладогѣ, о татарахъ, данникахъ Порты, на Черномъ морѣ. Нѣтъ вовсе ни литовскаго княжества, ни польскаго королевства. Западная граница примыкаетъ къ Пруссіи и Австріи.

Неутомимыми трудами Петра и Екатерины измѣнилась, создалась новая Россія. Они совершили то, о чемъ молились святые и равноапостольные Ольга и Владиміръ, къ чему стремились московскіе Іоанны, о чемъ плакала Русь подъ игомъ татаръ, въ смутные дни нашествія ляховъ и шведовъ.

Какъ и Петръ, Екатерина, во время своихъ путешествій, убѣждалась въ косности народной массы, полномъ отсутствіи народныхъ школъ и даже пониманія ихъ необходимости. Собранные депутаты просили на нихъ только денегъ отъ казны. Ни помѣщикамъ, ни заводчикамъ и въ умъ не приходило, что это ихъ святая обязанность предъ Богомъ и родиной. Правительство на все подавай деньги! Изъ переписки Императрицы можно видѣть, какъ много, неустанно думала она о народныхъ школахъ. Нормальныя школы, тогда только что вводившіяся въ Австріи, ее очень занимали. Въ Россію, для основанія ихъ, былъ вызванъ изъ-за границы Янковичъ-де-Миріево.

Даровитый, прекрасно образованный И. И. Бецкій былъ призванъ выполнить завѣтныя мечты Государыни; дать пріютъ, научить, воспитать обездоленныхъ сиротъ и безродныхъ дѣтей. Для этой цѣли, въ 1763-мъ году основанъ первый Воспитательный домъ въ Москвѣ. Черезъ 10 лѣтъ такой же открытъ въ

Иванъ Ивановичъ Бецкій.

(Къ стр. 204).

Свѣтлѣйшій князь Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврическій.

(*Къ стр. 205*).

Петербургѣ. Въ 1764-мъ году осуществилась мечта Петра Великаго: по образцу французской Сенъ-Сирской школы, былъ основанъ на берегахъ Невы Смольный институтъ. Затѣмъ открыты артиллерійское, инженерное, коммерческое, горное училища.

Проникнутая мыслью, что окраины должны вполнѣ и какъ можно скорѣе слиться съ внутренними частями государства, Императрица, не колеблясь, отказалась сдѣлать малороссійское гетманство наслѣдственнымъ въ родѣ своего стараго, лучшаго друга графа Кирилла Разумовскаго. Она приняла его отставку и вовсе уничтожила гетманство въ 1764-мъ году, а свѣтлѣйшему князю Потемкину, самому вѣрному исполнителю и часто внушителю ея мудрыхъ распоряженій, приказала уничтожить прежнюю сторожевую охрану нашей южной окраины, теперь не нужное, всегда буйное Запорожье, въ 1775 г.

Черезъ десять лѣтъ, въ 1785-мъ году, было обнародовано городовое положоніе: горожане раздѣлялись на 3 группы—купцы, мѣщане, цехи рабочихъ, и всѣмъ этимъ податнымъ сословіямъ дается право собственности, а выборные каждаго сословія управляли и судили свое сословіе. Дана жалованная грамота дворянству, подтверждавшая свободу дворянъ отъ государственной обязательной службы, податей и тѣлеснаго наказанія.

34-хъ лѣтнее царствованіе Екатерины II свидѣтельствуетъ, что она съ лихвою сдержала свое царское слово, какъ относительно расширенія отечественной славы, такъ и еще болѣе, «по учрежденію добраго порядка и утвержденію правосудія» въ Россіи.

Бецкій, въ 1781-мъ году, подвелъ итоги дѣятельности Государыни только за 19-лѣтнее царствованіе,

и то мы видимъ, что было образовано по новому положенію:

Губерній	29
Городовъ обстроено и учреждено .	144
Договоровъ и конвенцій заключено.	30
Побѣдъ одержано	78
Законовъ и учрежденій издано . .	123
Распоряженій по облегченію народа.	123
	527

Изъ этой общей цифры внутреннимъ вопросамъ посвящено 419, внѣшнимъ только 108.

Высоко ставя знамя самодержавія, признавая его единственно возможнымъ способомъ управлять такимъ огромнымъ государствомъ, какова Россія, населенная массою разныхъ народовъ, часто не понимавшихъ другъ друга, Екатерина возлагала на носителей этого славнаго знамени и высокую обязанность неустанно заботиться о благосостояніи страны, довольствѣ ея обитателей, сама показывая этому примѣръ. Изъ всѣхъ преемниковъ Петра, она одна не только царствовала, но и управляла Россіей, вслѣдствіе чего она постоянно и много работала. Среди многихъ преданныхъ и даровитыхъ сотрудниковъ, которыми Екатерина II-я, подобно Петру I-му, сумѣла окружить себя, особеннымъ довѣріемъ ея пользовался умный и образованный графъ Никита Панинъ. Государыня руководилась его совѣтами, при сношеніяхъ съ иностранными государями и при рѣшеніи важнѣйшихъ внутреннихъ вопросовъ. При всемъ томъ, Екатерина II-я никогда не полагалась на чужія мнѣнія, но во все вникала сама.

Не по недовѣрію къ людямъ, ею же избраннымъ,

Графъ Никита Ивановичъ Панинъ.

(Къ стр. 206).

а по любви къ Россіи, она никогда не полагалась на представляемые ей доклады, а всегда, по всѣмъ частямъ управленія, сама разсматривала всѣ вопросы, разбирала всѣ дѣла. Только въ рѣдкихъ случаяхъ ограничивалась она обыденною резолюціею: «быть по сему!» По большей части, доклады исправлялись ею; назначавшіеся же для обнародованія манифесты и указы, Матушка-Царица составляла сама, заставляла у себя переписывать, а потомъ и посылала готовый текстъ государственнаго акта или документа въ Сенатъ. Это видно изъ ея бумагъ.

Европейскія дѣла и, въ частности, поднимавшаяся тогда французская революція ее не безпокоили и интересовали только съ той стороны, какъ бы изъ европейской сумятицы побольше пользы извлечь для дорогой Россіи. У нея свои дѣла, до Франціи-ли ей? По ея собственному признанію, она воспользовалась революціей, чтобы втянуть Европу во французскія дѣла и свободнѣе обдѣлывать свои. Войны съ Турціей, Швеціей, Польшей, раздѣлы, присоединеніе, вотъ что заботило, что стояло на первомъ планѣ, поглощало умъ и дѣятельность великой Правительницы.

Всегда, во всемъ, въ дѣлахъ внутреннихъ и внѣшнихъ, одну мы видимъ у нея цѣль, одно чувствуемъ стремленіе: дѣло строенія земли Русской, реальные интересы Россіи. Имъ посвятила Екатерина всю свою жизнь! благодаря ея 34-хъ лѣтней службѣ государству, Россія окрѣпла, возмужала, просвѣтилась. Европа, сначала напыщенная и гордая, теперь заискивала въ насъ, наши молодые устои были крѣпче ихъ, старѣющихъ. И всѣмъ этимъ мы обязаны Матушкѣ-Царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, Самодержавной Императрицѣ православной Россіи.

Нѣмка по рожденію, она проводила въ политикѣ внутренней и внѣшней чисто русскіе интересы. Лютеранка по первоначальной вѣрѣ отцовъ, она является защитницей православія. Мелкая нѣмецкая принцесса, она широко раздвинула предѣлы Россійской Имперіи и продолжала политику Петра I-го въ смыслѣ распространенія европейской образованности среди отставшаго русскаго общества. Она пишетъ законы, создаетъ промыслы, развиваетъ торговлю, организуетъ войско, просвѣщаетъ народъ и, минуя родную ей Германію, дружитъ съ французскими философами. У нея всегда и во всемъ одна задача, одна цѣль,—благо русскаго народа, его польза, дѣйствительная, практическая.

Ея трудъ былъ до того искрененъ и любвеобиленъ, что нашъ смышленый и сердечный народъ своимъ здравымъ смысломъ и всей душой понялъ его значеніе, его важность. Горячо полюбилъ нашъ народъ Матушку Екатерину и обезсмертилъ ее въ своей задушевной эпической поэзіи:

Подымитесь, вѣтры буйные,
Разнесите всѣ желты пески,
Распахнися, шелкова парча,
Разломися, гробова доска,
Подымися, наша матушка,
Милосердная Государыня,
Екатерина Алексѣевна,
Безъ тебя намъ жить похужѣло,
Всему царству потяжелѣло.

Сборникъ былинъ Кирѣевскаго. Пѣсня II, 264.

ИСТОЧНИКИ:

1) *Брикнеръ*. Исторія Екатерины II.
2) *В. А. Бильбасовъ*. Историческія монографіи.
3) *Платоновъ*. Статьи по русской исторіи. 1883—1902 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Воспитаніе 1
Волга 9
Смольный 24
Завѣты предшественниковъ 33
Пугачевщина 50
Борьба Креста съ полумѣсяцемъ 71
Баварское наслѣдство 102
Аньяльскіе заговорщики 113
Августѣйшая бабушка 134
Конецъ Польши 147
Присоединеніе Грузіи 161
Орлы русскіе облетѣли орловъ римскихъ 180
Заключеніе 199

4-15